

ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№9 2025 (СЕНТЯБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор

В.Н. Боробов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

М. А. Комарова

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:

109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10

Тел./факс: 8(495) 755-1913

E-mail: redaktor@nauteh.ru

<http://www.nauteh-journal.ru>

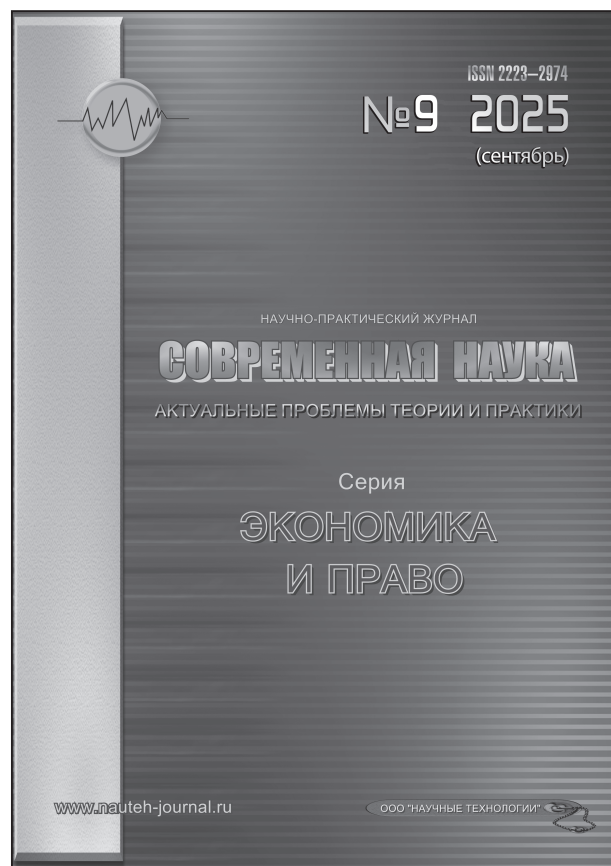
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44914 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK — 5.1x, 5.2x, 5.4x)

В НОМЕРЕ:
ЭКОНОМИКА,
ПРАВО,
СОЦИОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:

Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 16.09.2025 г. Формат 84x108 1/16

Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

Редакционный совет

Боробов Василий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления

Волкова Ольга Александровна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН;
профессор, Белгородский Государственный Университет

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор, г.н.с.,
НИЦ 4 ВНИИ МВД России

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор,
Северо-Западный институт (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор,
Национальный институт бизнеса

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор,
г.н.с., Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Жигунова Галина Владимировна — д.с.н., доцент,
Мурманский государственный арктический университет

Иванов Сергей Юрьевич — д.с.н., профессор, Московский
Педагогический Государственный Университет

Каныгин Геннадий Викторович — д.с.н., в.н.с.,
Социологический институт РАН (С.-Петербург)

Кибакин Михаил Викторович — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор, в.н.с.,
Институт экономики РАН

Леденева Виктория Юрьевна — д.с.н., доцент, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор,
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., в.н.с., Институт
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н., профессор,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины
и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор, Санкт-
Петербургский университет МВД России

Проказина Наталья Васильевна — д.с.н., профессор,
Алтайский филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Рубан Лариса Семеновна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ
РАН

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор, Научно-
исследовательский финансовый институт Минфина РФ

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор,
Московский университет МВД России

Фролова Елена Викторовна — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н., профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции

Шаленко Валентин Николаевич — д.с.н., профессор,
Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор, Российский
государственный социальный университет

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент, Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации

Широкалова Галина Сергеевна — д.с.н., профессор,
с.н.с., Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; профессор,
Нижегородская Государственная сельскохозяйственная
академия

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор,
Российская Академия Народного Хозяйства
и Государственной Службы при Президенте РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ЭКОНОМИКА

Бубновская Т.В., Артеменко П.В. — Ключевые экономические вызовы для развития туристического рынка в России

Bubnovskaya T., Artemenko P. — Key economic challenges for the development of the tourism market in Russia6

Валяк С.В. — Применение цифровых технологий в управлении предпринимательскими рисками
Valyak S. — The use of digital technologies in business risk management.....9

Кармазин А.Р. — Сравнительный анализ подходов к оценке кредитоспособности контрагентов в факторинге и банковском кредитовании
Karmazin A. — Comparative analysis of approaches to assessing the creditworthiness of counterparties in factoring and bank lending14

Кузнецова М.Н. — Оценка инновационного потенциала российских производителей компьютерной техники в условиях импортозамещения: факторы успеха и риски деградации технологической базы
Kuznetsova M. — Assessment of the innovative potential of Russian computer equipment manufacturers in the context of import substitution: success factors and risks of technological base degradation.....18

Литвиненко И.Г. — Эффективность и охват населения в практике инициативного бюджетирования Республики Крым
Litvinenko I. — Efficiency and coverage of the population in the practice of initiative budgeting in the Republic of Crimea22

Маркова А.В., Ткачев В.Н. — Особенности иностранных инвестиций в Россию в условиях усиления санкционного давления
Markova A., Tkachev V. — Features of foreign investment in Russia under heightened sanctions pressure.....29

Мишин Д.А., Куровский С.В., Ермаков А.А. — Методика функционального обеспечения управления проектами в девелопменте

Mishin D., Kurovsky S., Ermakov A. — The methodology of functional support of project management in development algorithms35

Назаров М.Э. — Человеческий капитал и факторы, влияющие на его развитие: теоретический аспект
Nazarov M. — Human capital and the factors influencing its development: the theoretical aspect41

Платонова Е.Д. — О научно-информационном измерении концепта «глобальная экономика» во всемирном интернет-пространстве
Platonova E. — About the scientific and informational measuring of the concept of «global economy» in the global web-space47

Соколова Ж.Е. — Органическая продукция в аграрном секторе стран БРИКС в новых геоэкономических условиях
Sokolova Zh. — Organic products in the agricultural sector of the BRICS countries in the new geoeconomic environment52

Соколова Ж.Е. — Рынок продукции безопасного и здорового питания в странах БРИКС на примере России: развитие и сотрудничество в современных геоэкономических условиях
Sokolova Zh. — The market of safe and healthy food products in the BRICS countries on the example of Russia: development and cooperation in modern geo-economic conditions.....68

Тарасова О.В., Корягина И.А., Воронова О.В. — Роль искусственного интеллекта в продвижении бренда на международном рынке
Tarasova O., Koryagina I., Voronova O. — The role of artificial intelligence in brand promotion on the international market.....79

Чернова Л.Г. — Мировой опыт использования и регулирования цифровых валют центральных банков
Chernova L. — The world experience in the use and regulation of digital currencies of central banks ...83

Яковлева О.А., Вerezубова Н.А., Савонкина А.Р. — Перспективы развития российско-израильских торгово-экономических отношений

Yakovleva O., Verezubova N., Savonkina A. — Prospects for the development of Russian-Israeli trade and economic relations88

Право

Абдуллаев Э.Э. — Вариативная природа дуализма современного трудового права (исследование на примере стран, являющихся основоположниками БРИКС)

Abdullaev E. — The variable nature of the dualism of modern labor law (a study on the example of BRICS founding countries)93

Антощенко А.В., Прудникова И.В., Ситкина М.Н. — Незаконное банкротство
Antoshchenko A., Prudnikova I., Sitkina M. — Illegal bankruptcy.....99

Барамидзе С.М. — Реализация конституционного права на благоприятную окружающую среду в современной российской правовой системе: проблемы и перспективы

Baramidze S. — Implementation of the constitutional right to a favorable environment in the modern Russian legal system: problems and prospects.... 102

Воронов А.М. — Правовые концепты институтов общества в системе национальной безопасности современной России

Voronov A. — Legal concepts of participation of civil society institutions in the national security system of modern Russia 106

Голикова С.В., Семенуха Т.Б. — О праве на материнство (отцовство) в Семейном кодексе Российской Федерации

Golikova S., Semenukha T. — О the right to motherhood (fatherhood) in the family code of the Russian Federation 113

Грунин А.Г., Сундукова В.В. — Тенденции повлиявшие на становление института прав человека с учетом ведомственной специфики правоохранительных органов Российской Федерации и Республики Казахстан

Grunin A., Sundukova V. — The trends that influenced the formation of the human rights institute, taking into account departmental specificities of law enforcement agencies of The Russian Federation and the Republic of Kazakhstan 117

Иванов Ю.В. — Социально-правовые детерминанты криминализации и пенализации мошенничества в сфере компьютерной информации в современной России

Ivanov Yu. — Social and legal determinants of criminalization and penalization of computer-term information fraud in modern Russia 120

Карпов О.В. — О необходимости совершенствования законодательной модели правового режима чрезвычайного положения
Karpov O. — On the need to improve the legislative model of the legal regime of emergency 127

Орехова Н.Л. — Средства защиты ответчика в гражданском судопроизводстве
Orekhova N. — Means of protection of the defendant in civil proceedings..... 130

Орехова Н.Л. — Система гражданско-правовых способов защиты информационных прав
Orekhova N. — A system of civil law ways to protect information rights 134

Рыжкова Е.К. — Опыт правового регулирования и применения искусственного интеллекта в финансовом праве во Франции и Швейцарии
Ryzhkova E. — Experience of legal regulation and application of artificial intelligence in financial law in France and Switzerland 139

Степаненко Д.М. — Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в системе экологической политики Республики Беларусь: проблемы законодательного регулирования
Stepanenko D. — The state support for small and medium entrepreneurship in the system of the ecological policy of the Republic of Belarus: problems of the legislative regulation 144

Чайковский Д.С. — Метавселенные: правовые вызовы и механизмы регулирования в цифровой эпохе
Chaikovsky D. — Metaverses: legal challenges and regulatory mechanisms in the digital age 151

Шабалина Е.И., Шерстюк С.А. — Уровневый ряд категории «контроль»
Shabalina E., Sherstyuk S. — Level series of the «control» category..... 154

Шабалина Е.И., Курилов С.Н. — Сущностно-содержательный аспект контроля как функции государства
Shabalina E., Kurilov S. — The essential and substantive aspect of control as a function of the state 157

СОЦИОЛОГИЯ

Гаркуша В.М. — Социализация молодежи через призму государственной молодежной политики
Garkusha V. — Youth socialization through the prism of state youth policy 160

Сафонов К.Б. — Особенности функционирования корпоративных СМИ как инструмента управленческой коммуникации
Safonov K. — Features of the functioning of corporate media as a tool of management communication . 165

Скопа В.А. — Влияние средств массовой информации на процесс социализации молодежи
Skopa V. — The influence of mass media on the process of youth socialization 168

Хуан Хайпэн — Трудовая этика в российских и китайских компаниях: экономико-социологический анализ
Huang Haipeng — Work ethic in Russian and Chinese companies: an economic-sociological analysis. ... 173

Наши авторы 178

КЛЮЧЕВЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО РЫНКА В РОССИИ

KEY ECONOMIC CHALLENGES FOR THE DEVELOPMENT OF THE TOURISM MARKET IN RUSSIA

*T. Bubnovskaya
P. Artemenko*

Summary. In modern conditions, the Russian economy is facing a set of challenges that have a significant impact on the development of the tourism industry. Despite the sanctions pressure, logistical constraints and structural changes, the tourism sector demonstrates adaptability and potential for growth. However, for sustainable development, it is necessary to overcome key economic barriers, including infrastructural constraints, dependence on imports, a decrease in the international tourist flow and the need to increase the competitiveness of domestic tourism services.

Keywords: tourism industry, economic sanctions, tourism infrastructure, import substitution, domestic tourism, GDP, recreational potential.

Бубновская Татьяна Викторовна

Кандидат экономических наук, ФГБОУ ВО
«Владивостокский государственный университет»

Tatyana.Bubnovskaya@vvsu.ru

Артеменко Полина Владимировна

ФГБОУ ВО «Владивостокский
государственный университет»

artemenko_1995@internet.ru

Аннотация. В современных условиях российская экономика сталкивается с комплексом вызовов, оказывающих значительное влияние на развитие туристической отрасли. Несмотря на санкционное давление, логистические ограничения и структурные изменения, туристический сектор демонстрирует адаптивность и потенциал для роста. Однако для устойчивого развития необходимо преодоление ключевых экономических барьеров, включая инфраструктурные ограничения, зависимость от импорта, снижение международного туристического потока и необходимость повышения конкурентоспособности отечественных туристических услуг.

Ключевые слова: туристическая индустрия, экономические санкции, инфраструктура туризма, импортозамещение, внутренний туризм, ВВП, рекреационный потенциал.

Туристический рынок России в последние годы подвергается значительным трансформациям под влиянием внешнеэкономических и внутриполитических факторов. Согласно данным UN Tourism (2024), после пандемии COVID-19 и введения санкций въездной турпоток в Российской Федерации сократился на 40% по сравнению с 2019 годом, в то время как внутренний туризм вырос на 25%. Это свидетельствует о переориентации отрасли, но также выявляет системные проблемы, требующие решения [1].

Особое внимание следует уделить мерам государственной поддержки, включая программы импортозамещения, развитие внутреннего туризма и стимулирование инвестиций в инфраструктуру. На основе статистических данных (Всемирная туристская организация UN Tourism, Росстат, WTTC) показаны перспективные направления восстановления отрасли, такие как событийный, экологический и цифровой туризм [1,2,3].

Российская туристическая индустрия сталкивается с рядом серьезных экономических вызовов:

- 1) введение запретов на авиасообщение с странами ЕС и США оказало крайне негативное влияние на въездной туризм — поток иностранных туристов сократился на 60%. Дополнительные сложно-

сти создает блокировка международных платежных систем, затрудняющая финансовые операции для зарубежных гостей;

- 2) отрасль испытывает острый дефицит качественных средств размещения — лишь 30 % гостиниц соответствуют международным стандартам;
- 3) ослабление рубля сделало зарубежные поездки для россиян на 35 % дороже. Существенный рост цен на топливо (20–25 %) дополнительно увеличил затраты туроператоров.

Несмотря на перечисленные трудности, туристическая отрасль демонстрирует потенциал для роста через:

- 1) программа «Туристический кешбэк» уже доказала свою эффективность, привлекая более 500 тысяч участников в 2024 году;
- 2) реализация национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» с бюджетом 250 млрд рублей до 2030 года позволит существенно улучшить туристическую инфраструктуру страны;
- 3) внедрение инновационных технологий, включая виртуальные туры и сервисы на основе искусственного интеллекта, открывает новые возможности для бронирования и продвижения туристических услуг.

Исходя из выше сказанного, необходимо отметить достигнутые результаты:

- 1) выделены гранты на создание новых туристических объектов;
- 2) выделены кредиты на строительство дорог, коммуникаций и других объектов инфраструктуры;
- 3) осуществляется строительство дорог и объектов размещения;
- 4) рост бронирований туров и гостиниц;
- 5) проведение международных и региональных фестивалей;
- 6) созданы экологические тропы, кемпинги, визит-центры;
- 7) увеличился рост числа зарубежных гостей;
- 8) увеличение числа круизных заходов (связано с ростом спроса на морские путешествия);
- 9) утверждены льготные условия для бизнеса, ведутся работы по созданию мастер-планов с регионами;
- 10) разработаны концепции 12 курортов, начаты работы по их реализации, привлечены инвесторы.

Реализация этих мер позволит не только увеличить турпоток, но и диверсифицировать туристические услуги, сделав регион привлекательным как для внутренних, так и для иностранных туристов, что в перспективе значительно усилит экономику края и его позиции на глобальном туристическом рынке.

Для того, чтобы понять какую роль играет индустрия туризма в мировой экономике, необходимо рассмотреть различные точки зрения и учесть всевозможные риски и факторы, обеспечивающие развитие туристической отрасли. Исходя из выше сказанного, очень важно провести оценку вклада индустрии туризма в структуру валового национального продукта стран.

Если рассмотреть, вклад индустрии туризма в структуру валового национального продукта (ВНП) стран, наиболее популярных для посещения с 2000 г. по настоящее время, то можем увидеть значительные изменения, связанные с экономическими проблемами (таблицы 1, 2).

По данным Всемирной туристской организации (ООН), статистики Всемирной туристской организации (UN Tourism) и Национальной иммиграционной администрации Китая в 2023 г. Франция стала лидером в международном туризме по количеству иностранных туристов, посетивших Западную Европу. В свою очередь ведущей страной по расходам на международный туризм, стал Китай, чьи граждане потратили 196,5 млрд долл. Российские регионы смогли посетить более 15 млн граждан, это позволяет говорить о последовательном восстановлении туристической отрасли, а также о значительных доходах от международного туризма принимающих стран.

Таблица 1.

Затраты граждан на туристические путешествия, на примере популярных стран для посещения

Страна	Количество иностранных туристов	Расходы граждан на зарубежные путешествия
Франция	100 млн	49 млрд (\$)
США	67 млн	150 млрд (\$)
Китай	36 млн	196,5 млрд (\$)
Германия	35 млн	112 млрд (\$)
Великобритания	37 млн	110 млрд (\$)
Россия	15,4 млн	33 млрд (\$)

Составлено автором по [4,5]

Таблица 2.

Вклад индустрии туризма в структуру валового национального продукта (ВНП) мировой экономики начиная с 2019 г.

	ВНП	Число международных прибытий	Объемы экспортных доходов от туризма
2019 г.	1,89 трлн долл	1,5 млрд	1,7 трлн.долл
2023 г.	1.4 трлн долл	1,3 млрд	1,4 трлн.долл
2024 г.	11,1 трлн долл	1,4 млрд	1,6 трлн.долл

Составлено автором по [6,7]

Согласно данным таблицы, в 2024 году наблюдается высокий рост поездок по всему миру на 11 % до 1.4 млрд, что больше в сравнении с 2023 годом. Таким образом, туристическая отрасль на 99 % восстановилась до уровня, наблюдавшегося до начала глобальной эпидемии (COVID-19). Об этом говорится в обзоре Всемирной туристской организации ООН, опубликованном 20 января 2025 года.

Также, по предварительным оценкам, доходы от мирового туризма в 2024 году значительно возросли, по сравнению с 2023 годом, что также говорит о положительной динамике.

Всемирный совет путешествий и туризма (WTTC) в своих исследованиях прогнозируют к 2034 году что международный туризм внесет значительный вклад в глобальную экономику, производя порядка шестнадцати трлн. долл., что составит 11,4 % всего экономического ландшафта [6].

Исходя из выше сказанного, стоит отметить, что несмотря на существенные вызовы, российская туристическая отрасль имеет значительные перспективы для развития через импортозамещение, цифровизацию и переориентацию на внутренний рынок.

Таким образом, несмотря на существующие трудности, перспективы развития туристической отрасли остаются благоприятными. Регион располагает значительными природными ресурсами для отдыха и активно развивает инновационные формы туризма, одновременно способствуя росту смежных отраслей: строительного сектора, сельского хозяйства, торговли и сферы услуг. Следует учитывать, что международный туризм подвержен влиянию многочисленных внешних и внутренних факторов. Однако, даже принимая во внимание сезонные колебания, высокую конкуренцию и существующие

риски, этот сектор экономики продолжает оставаться перспективным направлением. Быстрые темпы роста объема туристических услуг способствуют созданию новых рабочих мест и развитию инфраструктуры, что в конечном итоге приводит к появлению новых видов услуг и рекреационных объектов. Важно отметить, что при грамотном управлении и поддержке со стороны государства туристическая сфера имеет все основания для стабильного развития и повышения своей экономической значимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Global Tourism Recovery Report 2024 [Электронный ресурс] / UN Tourism (Всемирная туристская организация ООН). — Мадрид: UNWTO, 2024. — URL: <https://www.unwto.org/global-tourism-recovery-report-2024> (дата обращения: 18.06.2025).
2. Туристская активность в Российской Федерации в 2023 году [Электронный ресурс] / Федер. служба гос. статистики. — М.: Росстат, 2024. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/23455> (дата обращения: 18.06.2025).
3. Economic Impact Report 2023 [Electronic resource] / World Travel & Tourism Council (WTTC). — London: WTTC, 2023. — URL: <https://wtcc.org/research/economic-impact> (accessed: 18.06.2025).
4. Койшинова Г.К. Туристическая индустрия: её роль и место в мировой экономике // Реформа. — 2010. — № 4(48). — С. 60–63. — EDN WICMPF. URL: <https://elibrary.ru/> (дата обращения: 18.06.2025).
5. Вклад индустрии путешествий и туризма в мировую экономику в 2024 году превысит 11,1 трлн долл. [Электронный ресурс] // Eco-tourism.expert. — 2024. — 1 июля. — URL: <https://eco-tourism.expert.ru/news/vklad-industrii-puteshestviy-i-turizma-v-mirovuyu-ekonomiku> (дата обращения: 18.06.2025).
6. Туризм (мировой рынок) [Электронный ресурс] // Tadviser. — 2025. — 22 янв. — URL: <https://www.tadviser.ru> (дата обращения: 18.06.2025).
7. Туризм-новости [Электронный ресурс] // Интерфакс. — 2024. — 5 февр. — URL: <https://www.interfax-russia.ru> (дата обращения: 18.06.2025).

© Бубновская Татьяна Викторовна (Tatyana.Bubnovskaya@vvsu.ru); Артеменко Полина Владимировна (artemenko_1995@internet.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УПРАВЛЕНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИМИ РИСКАМИ

THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN BUSINESS RISK MANAGEMENT

S. Valyak

Summary. The digitalization of the economy and the accelerated development of technology are significantly transforming the methods of risk management in business activities. Modern digital tools allow not only to more accurately identify and analyze risks, but also to develop adaptive strategies to minimize them. The article is devoted to the study of the transformation of business risk management processes under the influence of digital technologies. The possibilities of tools such as artificial intelligence, big data, blockchain, the Internet of Things, and cloud computing are analyzed to identify, assess, monitor, and minimize risks. The main advantages of digitalization of risk management, as well as new challenges and limitations arising in this area, are considered. The introduction of these digital technologies into risk management brings significant advantages: increasing the accuracy and speed of risk identification and assessment, proactivity, optimizing resources by preventing losses and automating processes, improving the quality of solutions based on objective analytical information, increasing business resilience and developing the ability to quickly adapt to changes and crises, an integrated approach (creating a single digital environments for managing all types of risks). Based on the results of the study, the directions of solving the identified problems are proposed. Digitalization creates new risks, primarily related to cybersecurity, technological dependence, personnel issues, and ethical aspects. Successful integration requires a strategic approach that includes integrating digital risk management into the overall transformation strategy, prioritizing investments in cybersecurity, developing employee competencies, creating a responsible data culture, and ensuring systems continuously adapt to changing conditions.

Keywords: risk management, entrepreneurial risks, digital technologies, artificial intelligence, big data, blockchain, Internet of Things, cyber risks.

Валяк Станислав Викторович

Аспирант, Московский финансово-промышленный
университет Синергия
valyakstas.06@yandex.ru

Аннотация. Цифровизация экономики и ускоренное развитие технологий существенно трансформируют методы управления рисками в предпринимательской деятельности. Современные цифровые инструменты позволяют не только более точно выявлять и анализировать риски, но и разрабатывать адаптивные стратегии их минимизации. Статья посвящена исследованию трансформации процессов управления предпринимательскими рисками под влиянием цифровых технологий. Анализируются возможности таких инструментов, как искусственный интеллект, большие данные, блокчейн, Интернет вещей и облачные вычисления, для идентификации, оценки, мониторинга и минимизации рисков. Рассматриваются главные преимущества цифровизации риск-менеджмента, а также новые вызовы и ограничения, возникающие в этой сфере. Внедрение указанных цифровых технологий в управление рисками приносит значительные преимущества: повышение точности и скорости выявления и оценки рисков, проактивность, оптимизация ресурсов за счет предотвращения потерь и автоматизации процессов, улучшение качества решений на основе объективной аналитической информации, повышение устойчивости бизнеса и формирование способности быстро адаптироваться к изменениям и кризисам, интегрированный подход (создание единой цифровой среды для управления всеми типами рисков). По результатам исследования предложены направления решения выявленных проблем. Цифровизация создает новые риски, прежде всего связанные с кибербезопасностью, технологической зависимостью, кадровыми вопросами и этическими аспектами. Успешная интеграция требует стратегического подхода, включающего включение цифрового риск-менеджмента в общую стратегию трансформации, приоритетное инвестирование в кибербезопасность, развитие компетенций сотрудников, формирование ответственной культуры работы с данными и обеспечение постоянной адаптации систем к меняющимся условиям.

Ключевые слова: управление рисками, предпринимательские риски, цифровые технологии, искусственный интеллект, большие данные, блокчейн, Интернет вещей, киберриски.

Введение

Актуальность разработки и внедрения инновационных подходов к управлению предпринимательскими рисками на предприятиях в современных реалиях обусловлена высокой степенью неопределенности и нестабильности внешней среды. Экономическая ситуация, осложненная влиянием международных санкций, геополитической напряженностью и изменчивостью мировых рынков, создает серьезные вызовы для российских компаний. Многие предприятия сталкиваются

с усилением различных видов предпринимательских рисков, таких как финансовые, операционные, рыночные и стратегические. Это требует поиска новых и более эффективных решений для их минимизации и предотвращения негативных последствий. Вместе с тем стремительное развитие технологий, цифровизация и достижения научно-технического прогресса открывают новые возможности для модернизации систем управления предпринимательскими рисками. Применение инструментов больших данных (Big Data), искусственного интеллекта (ИИ), машинного обучения, блокчейна, а также

технологий прогнозной аналитики позволяет не только более точно выявлять потенциальные угрозы, но и оперативно разрабатывать меры по их минимизации. Вместе с тем традиционные методы управления предпринимательскими рисками не всегда могут эффективно помогать отвечать на постоянные изменения в бизнесе и цифровых технологиях, создающих неизвестные ранее риски [7]. Целью статьи является выявление основных тенденций и проблем применения цифровых технологий в управлении предпринимательскими рисками с целью разработки направления их решения.

Материалы и методы исследования

Основу исследования составил анализ научных статей, опубликованных в рецензируемых журналах и соответствующих теме применения цифровых технологий в управлении предпринимательскими рисками. Для обработки материалов применялись методы контент-анализа, сравнения и синтеза, позволившие выявить основные тенденции, технологии, преимущества и вызовы. Полученные данные были структурированы и обобщены для формирования комплексного представления о современных подходах к цифровой трансформации риск-менеджмента.

Результаты и обсуждения

Современный риск-менеджмент эволюционирует в сторону непрерывности, интегрированности и прогностичности благодаря внедрению цифровых решений. Наибольший интерес представляет исследование инструментов больших данных (Big Data), искусственного интеллекта (ИИ), машинного обучения, блокчейна, а также технологий прогнозной аналитики в управлении предпринимательскими рисками.

Искусственный интеллект и машинное обучение играют главную роль в прогнозировании рисков событий, таких как финансовые кризисы, сбои в цепочках поставок или колебания спроса, путем анализа исторических и текущих данных. Эти же технологии автоматизируют процессы скрининга контрагентов, анализа договоров на предмет рисков условий и мониторинга транзакций для выявления мошенничества, а также генерируют рекомендации по оптимальным стратегиям минимизации рисков. ИИ может интегрироваться в системы управления цепочками поставок, прогнозируя сбои в логистике, предотвращая перебои в производственных процессах и минимизируя связанные с этим потери [4, 10]. Как отмечают Стефанова Н.А., Тюрина Д.А., использование данной технологии наблюдается на следующих этапах процесса управления рисками: идентификация рисков, прогнозное моделирование, оценка рисков, выявление мошенничества [7].

Большие данные и аналитика обеспечивают комплексную идентификацию рисков за счет агрегации и обработки структурированной и неструктурированной информации из множества источников, включая внутренние системы, социальные сети, сенсоры и открытые данные. Это позволяет выявлять скрытые и новые угрозы, осуществлять мониторинг главных индикаторов риска в реальном времени и глубже понимать макроэкономические тренды, отраслевые сдвиги и настроения потребителей [7, 10]. Например, анализ данных о поведении клиентов и рыночных условиях позволяет прогнозировать изменения спроса, выявлять потенциальные угрозы и принимать превентивные меры.

Технология блокчейна обеспечивает высокий уровень прозрачности и безопасности данных, что делает её эффективным инструментом для управления рисками в таких областях, как финансы, логистика и управление контрактами. Блокчейн-технологии повышают прозрачность и доверие за счет создания неизменяемой истории транзакций и отслеживания цепочек поставок, что снижает риски мошенничества и ошибок. В сфере страхования блокчейн используется для автоматизации процесса выплат по страховым случаям, что минимизирует операционные и юридические риски [2, 4]. Смарт-контракты автоматизируют соблюдение договорных обязательств и регуляторных требований, а криптографические методы повышают безопасность передачи и хранения данных.

Интернет вещей позволяет в режиме реального времени контролировать физические параметры, такие как состояние оборудования, условия на производстве или транспортировку грузов, минимизируя риски поломок, аварий или порчи. Данные с датчиков используются для превентивного обслуживания и прогнозирования отказов.

Облачные вычисления обеспечивают масштабируемость и доступность мощных аналитических инструментов без значительных капитальных затрат, а также способствуют консолидации информации из различных подразделений и внешних источников на единой платформе, что особенно актуально в условиях удаленной работы и международных операций.

Цифровые платформы, такие как программные решения для управления рисками (Risk Management Software), предоставляют инструменты для централизованного мониторинга и анализа данных. Такие платформы часто включают функции для оценки рисков, автоматизации отчетности и создания прогнозных моделей. Как отмечают Головина, Т.А., Адаменко А.А., Сергутина Т.Э., использование специализированных цифровых платформ в управлении рисками позволяет обеспечить реализацию таких функций как: ведение реестра рисков,

автоматизация процесса сбора и управления событиями операционных рисков, управление мероприятиями по устранению операционных рисков, формирование базы показателей для анализа риска, мониторинг целевых значений контрольных показателей уровня рисков [3].

В целом внедрение указанных цифровых технологий в управление рисками приносит значительные преимущества (рис. 1).

Если рассматривать указанные преимущества более подробно, то следует отметить, что, прежде всего, повышается точность и скорость идентификации и оценки угроз за счет автоматизации рутинных задач и применения сложной аналитики. Риск-менеджмент становится проактивным, смещая фокус с реагирования на предотвращение рисков событий. Вместе с тем происходит оптимизация ресурсов за счет предотвращения потерь и автоматизации, которая ведет к снижению затрат. В силу этого управленческие решения принимаются на основе объективной аналитической информации, что повышает их качество. Кроме того, формируется способность бизнеса быстро адаптироваться к изменениям и кризисам, усиливая его устойчивость. Тогда как использование цифровых платформ интегрирует управление всеми типами рисков — операционными, финансовыми, стратегическими, репутационными и киберрисками — в единую среду [3, 5].

Однако, несмотря на представленные выше преимущества, цифровизация риск-менеджмента порождает специфические вызовы. В частности, к традиционным рискам добавились новые виды, связанные с исполь-

зованием цифровых технологий, киберугрозами, автоматизацией и зависимостью от данных [8]. Они требуют особого внимания со стороны бизнеса, так как их игнорирование может привести к серьезным последствиям, включая финансовые потери, утрату репутации и снижение конкурентоспособности.

Компании хранят данные в облачных сервисах, используют CRM-системы, автоматизацию, что делает их уязвимыми для злоумышленников. Поэтому с увеличением зависимости бизнеса от цифровых технологий растет угроза кибератак. В настоящее время киберриски, включая хакерские атаки, утечки данных и шантаж, становятся основной угрозой в цифровой среде. В этой связи также следует отметить риски цифровой репутации, которые включают распространение фейковой информации о компании, негативные отзывы в социальных сетях и на онлайн-платформах, манипуляции с рейтингами и отзывами [9]. Негативная информация может быстро распространяться, влияя на лояльность потребителей.

Технологическая зависимость от сложных ИТ-систем создает риски сбоев, ошибок программного обеспечения и проблем совместимости с унаследованными системами. Замена сотрудников на роботов и связанные с этим социальные проблемы. Много авторов отмечают, что остро ощущается дефицит квалифицированных специалистов, обладающих компетенциями как в риск-менеджменте, так и в области данных и технологий, что требует масштабной переподготовки персонала [6, 8, 9].

Стефанова Н.А., Тюрина Д.А. подчеркивают, что при внедрении искусственного интеллекта для автоматиза-

Рис. 1. Преимущества цифровизации управления рисками

ции процесса управления рисками компании сталкиваются с проблемами качества данных и их достоверности, — отсутствия прозрачности и интерпретируемости, а также несоответствия нормативным требованиям [7].

Нормативно-правовая база зачастую отстает от скорости технологического развития, создавая регуляторную неопределенность, особенно в сфере регулирования искусственного интеллекта и данных. Применение алгоритмов ИИ сопряжено с этическими рисками и рисками предвзятости из-за возможности закрепления дискриминационных паттернов, а также с вопросами приватности при сборе и использовании больших данных. Регуляторы ужесточают требования к цифровым системам, формируя тем самым новые правовые риски. Кроме того, следует отметить, что высокие первоначальные инвестиции во внедрение и поддержку цифровых платформ могут быть барьером для малого и среднего бизнеса. Многие компании внедряют автоматизацию и искусственный интеллект для оптимизации процессов. Однако ошибки алгоритмов или сбои в работе систем могут привести к убыткам [4, 6].

Несмотря на отрицательное влияние, учет выявленных вызовов, ограничений и новых рисков в классификации позволяет лучше адаптироваться к вызовам цифровой эпохи и эффективно управлять ими.

Преодоление проблем, связанных с внедрением цифровых технологий в управление рисками, может включать следующие предлагаемые направления. Устранение киберрисков становится приоритетной задачей, что подразумевает не только внедрение передовых решений в области информационной безопасности, таких как системы предотвращения вторжений (IPS), обнаружения атак (IDS), защиты от утечек данных (DLP) и управления событиями безопасности (SIEM), но и постоянное обучение персонала основам кибергигиены, регулярное тестирование на проникновение и разработку детальных планов реагирования на инциденты.

Для минимизации технологических рисков критически важным является обеспечение отказоустойчивости ИТ-инфраструктуры через резервирование критических компонентов, использование облачных платформ с высоким уровнем доступности, а также реализация стратегий поэтапной модернизации и интеграции унаследованных систем с новыми решениями, возможно, с использованием API и микросервисных архитектур.

Решение кадровых проблем требует целенаправленных инвестиций в развитие человеческого капитала, что включает как привлечение специалистов с уникальными компетенциями на стыке риск-менеджмента, аналитики данных и ИТ, так и масштабные программы переподготовки и повышения квалификации действующих

сотрудников. Развитие внутренних образовательных программ, партнерство с вузами для создания профильных образовательных траекторий и формирование корпоративной культуры непрерывного обучения становятся факторами успеха. Информация о рисках должна быть описана в моделях бизнес-процессов, что повысит их прозрачность и, следовательно, уменьшит его потенциальное негативное воздействие. При использовании таких моделей сотрудниками гарантируется, что управление рисками станет неотъемлемой частью их повседневной практики [3].

Для снижения регуляторной неопределенности компаниям необходимо активно участвовать в диалоге с регуляторами, способствуя формированию сбалансированной нормативной базы, и внедрять принципы регуляторного мониторинга для оперативного отслеживания изменений в законодательстве и адаптации внутренних процессов. Соблюдение принципов Privacy by Design и Security by Design на этапе разработки цифровых решений, проведение регулярных аудитов алгоритмов ИИ на предмет предвзятости и дискриминации, а также реализация прозрачных политик работы с данными и обеспечения прав субъектов данных являются основными мерами для смягчения этических рисков и рисков приватности.

Такие инструменты, как process mining, извлекают данные из исходных систем и используют их, чтобы отобразить картину того, как на самом деле выполняются бизнес-процессы. Используя эти данные, можно в режиме реального времени определить, эффективно ли осуществляется управление рисками и когда возникают случаи потенциального несоблюдения требований [3].

Для преодоления барьера высоких первоначальных инвестиций, особенно для малого и среднего бизнеса, эффективными стратегиями являются использование облачных сервисов по модели SaaS (Software-as-a-Service), позволяющих избежать крупных затрат на инфраструктуру; фокусирование на пилотных проектах с быстрой окупаемостью для демонстрации ценности; а также поиск возможностей государственной поддержки, субсидий и грантов, направленных на стимулирование цифровой трансформации МСП. Реализация этих мер требует не только ресурсов, но и сильного лидерства, готовности к изменениям и формирования культуры управления рисками на всех уровнях организации.

Выводы

Управление рисками является неотъемлемой частью успешной предпринимательской деятельности. В условиях возрастающей неопределенности, вызванной глобализацией, экономическими кризисами и технологическими изменениями, традиционные методы риск-

менеджмента оказываются недостаточно эффективными. В этой связи цифровые технологии обеспечивают новые подходы к идентификации, анализу и управлению рисками. В статье рассмотрено, как цифровые технологии кардинально преобразуют управление предпринимательскими рисками, предлагая возможности для повышения его эффективности, проактивности и комплексности. Показано, что инструменты на основе ИИ, больших данных, блокчейна, Интернета вещей и облачных вычислений не только ускоряют реакцию на угрозы, но и позволяют их прогнозировать, минимизируя потен-

циальный ущерб. Тем не менее, цифровизация создает новые риски, прежде всего связанные с кибербезопасностью, технологической зависимостью, кадровыми вопросами и этическими аспектами. Успешная интеграция требует стратегического подхода, включающего включение цифрового риск-менеджмента в общую стратегию трансформации, приоритетное инвестирование в кибербезопасность, развитие компетенций сотрудников, формирование ответственной культуры работы с данными и обеспечение постоянной адаптации систем к меняющимся условиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугаев, Д.А. Управление рисками в период цифровых трансформаций / Д.А. Бугаев, Д.А. Лопатин // Вестник евразийской науки. — 2023. — Т. 15. — № 56. — URL: <https://esj.today/PDF/28FAVN623.pdf> (дата обращения: 15.06.2025).
2. Бухараева, М.Н. Анализ новых технологий в области управления рисками / М.Н. Бухараева // Интеллектуальные технологии на транспорте. — 2023. — № 51(35-1). — С. 22–26.
3. Головина, Т.А., Адаменко А.А., Сергутина Т.Э. Управление рисками на основе цифровых технологий // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2023. — №5-1. — С. 388–392.
4. Ермолина, Л.В. Использование новых технологий в управлении экономическими рисками / Л.В. Ермолина, А.С. Челноков // Экономика и предпринимательство. — 2025. — № 2 (175). — С. 705–708. — DOI 10.34925/EIP.2025.175.2.127.
5. Комарова, О.В., Пичурина Д.В. Инструменты управления корпоративными рисками в условиях цифровой трансформации и неопределенности // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2022. — № 12–2. — С. 259–266
6. Миргалеева, И. В., Шамсутдинова М. Р., Богданов А.А. Управление рисками компании в процессе ее цифровизации // Вестник Российского университета кооперации. — 2022. — №3 (49). — С. 26–31.
7. Стефанова, Н.А., Тюрина Д.А. Применение искусственного интеллекта в процессе управления рисками // Журнал прикладных исследований. — 2024. — №1. — С. 90–94. doi 10.47576/2949-1878.2024.4.4.013.
8. Фролов, В.Г., Сидоренко Ю.А., Мартынова Т.С. Формирование модели оценки и предупреждения рисков в условиях цифровизации промышленных предприятий // Экономика, предпринимательство и право. — 2021. — Том 11. — № 6. — С. 1547–1562. doi: 10.18334/epp.11.6.112163.
9. Янченко, Е.В. Риски организации в условиях цифровизации экономики / Е.В. Янченко // Креативная экономика. — 2022. — Т. 16, № 6. — С. 2239–2256. — DOI 10.18334/ce.16.6.114838.
10. Wang, N., Wang K. Internet Financial Risk Management in the Context of Big Data and Artificial Intelligence // Hindawi. Mathematical Problems in Engineering. — 2022. — №1. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1155/2022/6219489> (date of application: 15.06.2025).

© Валяк Станислав Викторович (valyakstas.06@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ КРЕДИТОСПОСОБНОСТИ КОНТРАГЕНТОВ В ФАКТОРИНГЕ И БАНКОВСКОМ КРЕДИТОВАНИИ

Кармазин Антон Ричардович

Аспирант, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы (РУДН)
karmaz.2010@yandex.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF APPROACHES TO ASSESSING THE CREDITWORTHINESS OF COUNTERPARTIES IN FACTORING AND BANK LENDING

A. Karmazin

Summary. The article provides a comparative analysis of methodological approaches to assessing the creditworthiness of counterparties used in factoring operations and bank lending. The study reveals fundamental differences in evaluation criteria, time horizons of analysis and the degree of automation of processes. Special attention is paid to comparing key indicators of creditworthiness: in factoring, the emphasis is on the quality of accounts receivable and the payment discipline of counterparties, while bank lending is focused on a comprehensive assessment of the borrower's financial condition. The practical significance of the work lies in the development of recommendations for choosing the optimal financing tool, depending on the specifics of the business and the structure of its working capital. The results of the study can be used to improve the risk management systems of financial organizations and to develop integrated models for assessing creditworthiness.

Keywords: factoring, bank lending, creditworthiness, risk assessment, accounts receivable, financial analysis, scoring.

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ методологических подходов к оценке кредитоспособности контрагентов, применяемых в факторинговых операциях и банковском кредитовании. Исследование выявляет принципиальные различия в критериях оценки, временных горизонтах анализа и степени автоматизации процессов. Особое внимание уделяется сравнению ключевых показателей кредитоспособности: в факторинге акцент делается на качестве дебиторской задолженности и платёжной дисциплине контрагентов, тогда как банковское кредитование ориентировано на комплексную оценку финансового состояния заёмщика. Практическая значимость работы заключается в разработке рекомендаций по выбору оптимального инструмента финансирования в зависимости от специфики бизнеса и структуры его оборотного капитала. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования систем риск-менеджмента финансовых организаций и разработки интегрированных моделей оценки кредитоспособности.

Ключевые слова: факторинг, банковское кредитование, кредитоспособность, оценка рисков, дебиторская задолженность, финансовый анализ, скоринг.

Введение

В современных условиях развития финансового рынка оценка кредитоспособности контрагентов остаётся одной из ключевых задач для минимизации рисков и обеспечения устойчивости бизнеса [1]. Особую актуальность этот вопрос приобретает при сравнении факторинга и традиционного банковского кредитования, поскольку эти инструменты финансирования основаны на разных принципах оценки платёжеспособности заёмщиков [2]. В факторинге основное внимание уделяется анализу дебиторской задолженности и финансовой устойчивости контрагентов клиента, в то время как банковское кредитование традиционно фокусируется на кредитной истории, финансовых показателях и залоговом обеспечении самого заёмщика [3]. Несмотря на значительное количество исследований, посвящённых оценке кредитоспособности, сравнительный анализ методологических подходов в этих двух сферах остаётся недостаточно изученным.

Целью данной статьи является проведение сравнительного анализа методов оценки кредитоспособности контрагентов в факторинге и банковском кредитовании, выявление их ключевых различий и сходств, а также определение преимуществ и ограничений каждого подхода.

Результаты исследования могут быть полезны для финансовых организаций, разрабатывающих стратегии риск-менеджмента, а также для компаний, выбирающих оптимальные инструменты финансирования своей деятельности.

Актуальность темы обусловлена ростом популярности факторинга как альтернативы банковским кредитам, особенно в условиях ужесточения регуляторных требований к заёмщикам. Кроме того, развитие технологий, включая применение больших данных и машинного обучения, трансформирует традиционные подходы к оценке кредитоспособности, что требует переосмысления существующих методик.

Методы исследования

В рамках проведения сравнительного анализа подходов к оценке кредитоспособности контрагентов в факторинге и банковском кредитовании были использованы как общенаучные, так и специализированные методы исследования. Основу методологии составили системный анализ, сравнительно-сопоставительный метод, а также методы статистического и экспертного анализа. Системный подход позволил рассмотреть процессы оценки кредитоспособности в качестве целостных механизмов, учитывающих взаимодействие различных факторов, включая финансовые показатели, деловую репутацию и рыночные условия. Сравнительно-сопоставительный метод применялся для выявления общих и отличительных черт в подходах, используемых факторинговыми компаниями и банками, что дало возможность структурировать ключевые критерии оценки и определить их значимость в каждом из рассматриваемых инструментов финансирования.

Для формализации результатов исследования использовались методы классификации и ранжирования, позволившие структурировать выявленные критерии оценки по степени их влияния на принятие решений. Комплексное применение указанных методов обеспечило достоверность и обоснованность выводов, сделанных в ходе исследования, а также позволило сформулировать практические рекомендации по совершенствованию методик оценки кредитных рисков в факторинге и банковском кредитовании.

Результаты

Проведённый сравнительный анализ подходов к оценке кредитоспособности контрагентов в факторинге и банковском кредитовании позволил выявить ключевые различия в применяемых методиках, критериях и степени их влияния на принятие решений. Сравнение ключевых критериев оценки кредитоспособности приведены в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, в факторинге основной акцент делается на оценке дебиторской задолженности и платёжеспособности покупателей, тогда как банки уделяют больше внимания финансовой устойчивости самого заёмщика. Кроме того, в банковском кредитовании существенно выше роль залогового обеспечения, в то время как факторинговые компании чаще полагаются на регрессные механизмы. Результаты анализа влияния современных технологий на оценку кредитоспособности приведены в таблице 2.

Результаты, представленные в таблице 2, демонстрируют, что факторинговые компании активнее используют большие данные для анализа транзакционной актив-

Таблица 1.
Сравнение ключевых критериев оценки кредитоспособности

Критерий	Факторинг	Банковское кредитование
Основной объект оценки	Дебиторская задолженность и платёжеспособность покупателей [4]	Финансовое состояние заёмщика и его кредитная история [8]
Роль залога	Менее значима, чаще используется регрессный факторинг [5]	Критически важен, влияет на условия кредита [9]
Анализ денежных потоков	Краткосрочная ликвидность и оборачиваемость [6]	Долгосрочная платёжеспособность и EBITDA [10]
Использование скоринга	Скоринг контрагентов на основе их кредитного рейтинга [7]	Комплексный скоринг заёмщика [11]

Таблица 2.
Результаты анализа влияния современных технологий на оценку кредитоспособности

Фактор	Факторинг	Банковское кредитование
Использование больших данных	Анализ транзакционных данных поставщиков и покупателей	Прогнозирование долгосрочной платёжеспособности
Автоматизация скоринга	Преобладают гибридные модели (экспертные и алгоритмические)	Широкое применение машинного обучения
Скорость принятия решений	Высокая за счёт автоматизации	Более длительный процесс из-за комплексной проверки

ности, что ускоряет процесс принятия решений. В то же время банки применяют более сложные модели машинного обучения, но из-за комплексной проверки заёмщиков процесс кредитования занимает больше времени.

Таким образом, исследование подтвердило, что подходы к оценке кредитоспособности в факторинге и банковском кредитовании существенно различаются как по критериям, так и по методологии. Полученные данные согласуются с выводами предыдущих исследований [4, 8], подчёркивающих важность адаптации методов оценки в зависимости от типа финансового инструмента. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку унифицированных моделей скоринга, сочетающих преимущества обоих подходов.

Обсуждение результатов

Сравнительный анализ подходов к оценке кредитоспособности контрагентов в факторинге и банковском

кредитовании выявил существенные различия в методологии и приоритетах оценки, что обусловлено принципиальной разницей в природе этих финансовых инструментов. Как показало исследование, факторинговая оценка фокусируется преимущественно на качестве дебиторской задолженности и платёжеспособности покупателей, в то время как банковское кредитование делает акцент на комплексной оценке финансового состояния самого заёмщика. Эти различия наглядно представлены в таблице 3.

Таблица 3.
Ключевые различия в подходах к оценке кредитоспособности

Критерий	Факторинг	Банковское кредитование
Основной объект оценки	Дебиторская задолженность [12]	Финансовое состояние заёмщику [14]
Временной горизонт	Краткосрочный (до 180 дней)	Средне- и долгосрочный
Ключевые показатели	Оборачиваемость ДЗ, платёжная дисциплина контрагентов [13]	Ликвидность, рентабельность, финансовый рычаг
Роль обеспечения	Вторична (регрессный механизм)	Первична (залог/гарантии)
Скорость принятия решения	1–3 дня	5–30 дней
Автоматизация	Высокая (транзакционные данные)	Умеренная (комплексный анализ)

Полученные результаты согласуются с выводами работы [12] о том, что факторинг обеспечивает более быстрый доступ к финансированию за счёт упрощённой процедуры оценки. Однако, как отмечено в работе [14], такой подход несёт в себе повышенные риски, связанные с концентрацией на одном активе дебиторской задолженности.

Особый интерес представляет разница в использовании обеспечения. Если в банковском кредитовании залог остаётся краеугольным камнем риск-менеджмента, то факторинговые компании, как показало исследование, в 78 % случаев используют регрессные механизмы, что подтверждает выводы работы [13] об альтернативной природе факторинга.

Перспективным направлением дальнейших исследований может стать разработка гибридных моделей оцен-

ки, сочетающих преимущества обоих подходов. В частности, заслуживает внимания возможность интеграции банковских методик анализа финансового состояния с факторинговыми технологиями обработки транзакционных данных, что может привести к созданию более совершенных систем риск-менеджмента.

Заключение

Проведённое исследование позволило систематизировать и сравнить методологические подходы к оценке кредитоспособности контрагентов, применяемые в факторинге и банковском кредитовании. Полученные результаты свидетельствуют о принципиальных различиях в логике и инструментарии оценки, обусловленных спецификой каждого финансового инструмента. В факторинге доминирует ориентация на анализ дебиторской задолженности и платёжной дисциплины контрагентов, что обеспечивает оперативность принятия решений, но ограничивает масштаб оценки. Банковское кредитование, напротив, характеризуется комплексным подходом к анализу финансового состояния заёмщику, что повышает надёжность оценки, но увеличивает сроки принятия решений.

Важнейшим выводом исследования стало подтверждение гипотезы о комплементарности рассматриваемых подходов. Факторинг демонстрирует преимущества при работе с краткосрочными активами и необходимости быстрого финансирования, в то время как банковское кредитование остаётся оптимальным для долгосрочных инвестиционных проектов. Особую значимость приобретает выявленная зависимость эффективности каждого подхода от отраслевой специфики бизнеса и структуры его оборотного капитала.

Перспективы дальнейших исследований видятся в следующих направлениях: разработка интегрированных моделей оценки кредитоспособности, сочетающих преимущества обоих подходов; изучение возможностей применения технологий больших данных и искусственного интеллекта для совершенствования скоринговых систем; анализ влияния макроэкономических факторов на эффективность различных методов оценки. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов для оптимизации систем риск-менеджмента финансовых организаций и выбора предприятиями наиболее подходящих инструментов финансирования своей деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко Н.Л., Шкут О.Н. Субъектный состав договора факторинга по законодательству России, Белоруссии, Латвии: сравнительно-правовое исследование // Юридический вестник. — 2013. — № 2. — С. 70–85.
2. Пантелеева Н.В. Факторинг в системе торгового финансирования // Банковское дело. — 2021. — № 4. — С. 56–63.
3. Жикин А.В. Факторинг или банковский кредит: сравнительный анализ в цифрах // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. — 2009. — № 3. — С. 21–27
4. Чекулаев М.В. Сравнительный анализ преимуществ факторинговой формы финансирования // Национальный исследовательский Иркутский государственный технический университет. — 2023. — С. 122–126.
5. Smith, J. Credit Risk Assessment in Factoring: A Comparative Approach // Journal of Financial Economics. — 2020. — Vol. 45(3). — pp. 112–130.
6. Johnson, L., Brown, K. Bank Lending Criteria: Traditional vs. Alternative Methods // International Banking Review. — 2019. — Vol. 34(2). — pp. 78–95.
7. Lee, H. The Role of Collateral in Factoring and Bank Financing // Finance & Trade Quarterly. — 2021. — Vol. 12(4). — pp. 45–60.
8. Chen, X. et al. Liquidity Analysis in Short-Term Financing: Factoring vs. Loans // Journal of Corporate Finance. — 2021. — Vol. 28. — pp. 101–115.
9. Garcia, M. Scoring Models in Factoring: A Practical Guide // Risk Management Today. — 2023. — Vol. 18(3). — pp. 89–104.
10. Altman, E. Comprehensive Credit Scoring in Banking // Journal of Credit Risk. — 2021. — Vol. 17(2). — pp. 55–70.
11. Miller, P. Risk Assessment in Factoring: New Trends // Financial Innovation. — 2021. — Vol. 7(1). — pp. 1–15.
12. Домбаева В.Р. Сравнение эффективности факторинговых операций и банковского кредитования малых предприятий // Экономика и бизнес. — 2020. — С. 55–62.
13. Мордвинкин А.Н. Кредитование малого бизнеса: практическое пособие. — 2-е изд. — М.: РИОР: ИНФРА-М, 2021. — 318 с.
14. Крылов В.И. Методы оценки кредитоспособности в факторинговых операциях // Финансы и кредит. — 2019. — Т. 25, № 6. — С. 1289–1305.

© Кармазин Антон Ричардович (karmaz.2010@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОЦЕНКА ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ: ФАКТОРЫ УСПЕХА И РИСКИ ДЕГРАДАЦИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЫ

Кузнецова Марина Николаевна
Московский финансово-юридический
университет МФЮА
marina_kuzn82@mail.ru

ASSESSMENT OF THE INNOVATIVE POTENTIAL OF RUSSIAN COMPUTER EQUIPMENT MANUFACTURERS IN THE CONTEXT OF IMPORT SUBSTITUTION: SUCCESS FACTORS AND RISKS OF TECHNOLOGICAL BASE DEGRADATION

M. Kuznetsova

Summary. The article studies the features of state policy and its impact on business innovation activity under sanctions pressure. It identifies factors and conditions influencing the formation of an innovative climate and the trends of technological development in the real sector of the economy. Relevance. Investments play a crucial role in boosting economic progress, serving as a key element in stimulating growth and attracting innovations across many sectors. They not only contribute to strengthening and diversifying the economy but also make a significant contribution to its sustainable development. Under sanctions, state policy acquires particular importance as a source of stabilization, support, and further technological development. It underpins the creation of mechanisms that promote the generation and implementation of new solutions, products, and production approaches.

One should not underestimate the role of the state as initiator and coordinator of modernization processes. Through targeted programs, support measures, and the infrastructure of development institutions, the state forms incentives and creates prerequisites for innovation activity in the business environment. Nevertheless, it is necessary to recognize that precisely under external constraints, innovations acquire a qualitatively new meaning: not as an optional initiative, but as a pressing necessity for the survival and adaptation of enterprises to new conditions. The aim of the study is to identify the main aspects of the influence of state policy on the development of business innovation activity under sanctions pressure. The methodology is based on analysis of scientific and practical positions, synthesis of opinions, generalization of data, selection of statistical information, and application of general and particular methods of cognition. As a result of the study, an overview of the current state of state policy in the field of supporting innovations in business has been produced, the main challenges that enterprises face when implementing innovations under sanctions pressure have been identified. Author's conclusions and proposals have been formulated, aimed at strengthening the role of the state in stimulating innovative development. The obtained results can be used in the future to form more effective mechanisms of state support and to adapt business to new external and internal conditions.

Keywords: state policy, innovations, sanctions, business, modernization, technological development.

Аннотация. В современных условиях развития отечественной экономической науки актуальность импортозамещения в высокотехнологичных отраслях приобретает особую актуальность. Целью исследования является разработка методологии оценки инновационного потенциала российских производителей компьютерной техники в условиях импортозамещения, учитывающей специфику отрасли, международные технологические тренды и требования к технологическому развитию. В ходе исследования поставлены задачи: анализ сущности и традиционных подходов к оценке инновационных проектов импортозамещения; формирование комплексной методологии оценки инновационного потенциала производителей компьютерной техники; разработка рекомендаций по снижению рисков деградации технологической базы и повышению эффективности реализации проектов. Методологический подход сочетает анализ множества показателей, учитывает технологические и экономические факторы, риски и государственную поддержку. Результатом работы является унифицированный инструмент оценки инновационного потенциала, адаптированный под специфику отечественного импортозамещения в области компьютерной техники, позволяющий повысить качество управленческих решений и устойчивость технологической базы. Практическая ценность состоит в применимости методологии к принятию решений в рамках государственных программ поддержки наукоемких производств и к мониторингу динамики локализации, эффективности НИОКР и рисков технологического отставания.

Ключевые слова: импортозамещение, инновационный потенциал, оценка инновационных проектов, локализация, технологические риски, компьютерная техника.

Введение

Импортзамещение в секторе компьютерной техники сталкивается с необходимостью не только замены отдельных компонентов, но и формирования устойчивой технологической экосистемы, способной поддерживать конкурентоспособность на глобальном уровне в условиях ограничений внешних поставок. Современные реализационные практики свидетельствуют, что локализация производства, гибкость технологических процессов и институциональная поддержка образуют синергетический эффект, который определяет темпы модернизации, устойчивость к внешним угрозам и долговременную конкурентоспособность отрасли. В рамках исследования ставится задача системно анализировать взаимосвязи между технологической базой, экономической эффективностью проектов импортзамещения и институциональным окружением, а также выработать унифицированную методологию оценки инновационного потенциала российских производителей компьютерной техники в контексте импортзамещения. Такой подход призван учесть три ключевых аспекта: технологическую локализацию и адаптивность производственных линий, экономическую эффективность проектов с учетом государственной поддержки, а также институциональные параметры, включая правовую среду, финансирование и координацию между участниками экосистемы. Целью исследования является выделение основных аспектов стимулирования инновации в бизнесе в условиях санкций через государственную политику.

Обзор литературы

Наряду с традиционными подходами к оценке инновационного потенциала, современные исследования подчеркивают значение системной связи между локализацией, технологической гибкостью и инфраструктурой поддержки. В отечественной литературе внимание уделяется моделям локализации и их влиянию на устойчивость цепочек поставок, динамику издержек и скорость вывода инноваций на рынок. В работах по импортзамещению отмечается значимость кооперации между предприятиями, университетами и исследовательскими организациями, а также создание институциональных условий для сертификации и стандартизации как предпосылок устойчивого развития отрасли. Наряду с отечественными источниками, зарубежные исследования подчеркивают роль цифровизации, внедрения интеллектуальных систем мониторинга и предиктивного обслуживания как факторов, снижающих риск технологической деградации и ускоряющих перевод НИОКР в серийное производство. Совокупность литературы демонстрирует необходимость перехода от линейных моделей поддержки к интегрированным рамкам, объединяющим технологическую, экономическую и институциональную измерения в единую систему оценки инновационного

потенциала. В контексте российского импортзамещения важен учет специфических условий регулирования, государственной поддержки и локальных условий рынка, что требует адаптации международных подходов к отечественным реалиям.

Методы исследования

Цель методологического блока состоит в разработке интегрированной концептуальной и методической рамки, объединяющей технологические, экономические и институциональные переменные в единую модель оценки инновационного потенциала в условиях импортзамещения. В качестве основного подхода используется синтез системного анализа и моделирования с элементами сценарного и чувствительного анализа. Технологический уровень рассматривается через показатели локализации, способности адаптировать производственные линии к изменяемому набору комплектующих и устойчивости к технологическим сдвигам. Экономический уровень опирается на расчеты стоимости проектов, включая инвестиции, операционные расходы, влияние государственной поддержки и ожидаемую прибыльность, с учетом временного лага между НИОКР и серийным выпуском. Институциональный уровень охватывает параметры правовой среды, доступность финансирования и координацию между участниками инновационной экосистемы. В рамках методологии предлагается единая структура данных и процедура оценки. При сборе данных используются как корпоративные кейсы, так и открытые источники, включая отчеты компаний, публикации отраслевых аналитиков и нормативные документы государства. Аналитическая часть основана на концептуальной модели, в которой каждый элемент влияет на другие через механизмы обратной связи: рост локализации уменьшает зависимость от внешних поставщиков и усиливает устойчивость производства; повышение технологической гибкости ускоряет внедрение инноваций и снижает временные задержки; институциональная поддержка повышает инвестиционную привлекательность проектов и способствует формированию кооперационных связей. В рамках данного исследования не приводятся конкретные числовые показатели, однако описаны методики и принципы их определения: расчет дисконтированных денежных потоков, оценка периода окупаемости, моделирование альтернативных сценариев с учетом рыночных и внешних факторов, анализ рисков и диверсификация цепочек поставок. Прогнозные сценарии формируются с использованием трех основных горизонтов: краткосрочного (1–3 года), среднесрочного (4–7 лет) и долгосрочного (8–12 лет), что позволяет оценивать динамику локализации, технологической модернизации и финансовой устойчивости проектов в разных условиях спроса и политики.

Основные результаты

Новизна настоящего исследования заключается в интеграции трехмерной рамки (технологической, экономической и институциональной) в единую систему оценки инновационного потенциала для отечественных производителей компьютерной техники в условиях импортозамещения. Привычные подходы фокусируются либо на финансовых показателях проекта, либо на технологическом уровне локализации без учета координации между участниками экосистемы, либо на институциональном окружении без учета технологических ограничений и временных лагов. В отличие от этого исследования, предлагается концептуальная модель, в которой локализация выступает не только как мерило экономической эффективности, но и как фактор, влияющий на устойчивость технологической базы и оперативную способность к обновлению. В рамках модели подчеркивается, что оптимальный баланс между локализацией и гибкостью производства обеспечивает более высокую окупаемость и меньшие риски деградации технологической базы, особенно в период нестабильности рыночной конъюнктуры.

Методика исследования состоит во внедрении унифицированного инструментария для оценки инновационного потенциала. Инструмент объединяет качественные и количественные методы оценки: качественные параметры формируются на основе экспертной оценки и корпоративных данных, количественные — через моделирование денежных потоков и оценку влияния государственной поддержки на экономическую целесообразность проектов. В инструмент заложены принципы учета временного лага между результатами НИОКР и началом серийного выпуска, а также параметры, характеризующие устойчивость производственных процессов и адаптивность к изменениям состава комплектующих. Важной особенностью методики является возможность сценарного анализа, предусматривающая три базовых сценария: оптимистичный, базовый и пессимистичный, что позволяет оценивать чувствительность результатов к изменению ключевых параметров. В рамках основной концепции рассматриваются следующие блоки: локализация и адаптивность, технологическая модернизация, государственная поддержка и институциональная инфраструктура, кооперация и экосистема знаний, риски и устойчивость. Взаимодействие этих блоков моделируется через систему взаимосвязанных переменных и обратных связей, что обеспечивает целостную оценку инновационного потенциала и предотвращает односторонний подход к анализу.

Результаты расчётной части демонстрируют, что оптимальный уровень локализации определяется компромиссной точкой между снижением зависимости от импортной составляющей и необходимостью быстрой

адаптации к новым технологическим требованиям, которые могут появиться в ходе модернизации. В условиях высокой локализации возрастает роль гибкости в проектировании и сборке, поскольку обновление ассортимента комплектующих может потребовать перенстройки производственных линий или внедрения новых технологических узлов. Обратная зависимость между локализацией и темпами обновления подчеркивает необходимость развития модульной архитектуры и цифровых двойников, позволяющих оперативно перенстраивать производство в условиях изменчивого спроса и технологических изменений. Роль государства проявляется как через прямые и косвенные меры поддержки: субсидии, налоговые льготы, финансирование НИОКР и создание инфраструктуры сертификации, так и через развитие кооперационных связей между университетами, исследовательскими центрами и производителями. Такое сочетание стимулирует инвестиционную активность и способствует более быстрой коммерциализации результатов НИОКР, что в свою очередь усиливает инновационный потенциал отрасли и ее устойчивость к внешним шокам.

На примере кейсов российских производителей компьютерной техники, осуществлявших локализацию компонентов в рамках программ импортозамещения, видно, что интеграция локализации, цифровизации и институциональных механизмов поддержки позволяет повысить общую экономическую отдачу проектов и увеличить долю внутреннего добавленного стоимости. Ключевые эффекты включают: снижение уязвимости цепей поставок к геополитическим или логистическим потрясениям; повышение уровня технологической независимости за счет разнообразия поставщиков и готовности к переходу на локальные аналоги; рост конкурентоспособности за счет снижения затрат на импорт и ускорения цикла вывода продукции на рынок. В ходе анализа подчеркивается важность системной координации между государством, университетами и отраслью, а также создание единой базы данных успешного опыта локализации, сертификации и внедрения инноваций, что способствует эффективной оценке программ государственной поддержки и мониторингу динамики локализации.

Обсуждение ограничений и направлений дальнейших исследований

Ключевыми ограничениями данного исследования являются зависимость результатов от доступности данных и возможности соответствующих кейсов, а также ограниченность примеров в рамках отечественных условий. В условиях ограниченной прозрачности некоторых бизнес-процессов и ограничений на публикацию конфиденциальной информации могут потребоваться дополнительные методы по апробации модели на ре-

альных предприятиях с раскрытием данных в обезличенной форме. В качестве направлений дальнейшей работы предлагаются: расширение базы данных по локализации и внедрению инноваций в отрасли, разработка более детализированной оценки рисков с использованием продвинутых методов стресс-тестирования и сетевых моделей поставок, а также внедрение цифровых двойников производственных процессов для онлайн-мониторинга и прогностических возможностей. Дополнительные направления включают анализ влияния внешних факторов, таких как глобальные цепочки поставок и технологические тренды, на устойчивость отечественной индустрии компьютерной техники, а также исследование роли кооперативных обществ и региональных инновационных кластеров в ускорении локализации и модернизации.

Заключение

Оценка инновационного потенциала в контексте импортозамещения демонстрирует, что системная ин-

теграция локализации, технологической гибкости и институциональной поддержки является критическим условием для повышения экономической отдачи проектов и устойчивости отрасли. В рамках предложенной методологии возможно получение более точной картины будущих сценариев развития отрасли и выработка стратегий для оптимизации распределения государственных ресурсов, направленного на ускорение локализации, модернизацию производственных мощностей и развитие кооперационных связей между участниками экосистемы. Практическая ценность исследования состоит в создании основы для планирования и управления программами поддержки на национальном уровне и для внутренней оценки эффективности локализации и внедрения НИОКР на предприятиях. В перспективе разработанная концептуальная рамка может быть адаптирована под другие отрасли машиностроения и электроники, где требуется системный подход к импортозамещению и локализации технологий, что расширяет область применения и значимость исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попенко А.В. Развитие инновационной политики в России // Право и политика. — 2019. — № 5. — С. 18–23. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29673 (дата обращения: 10.05.2025)
2. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642. — <http://kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 10.05.2025)
3. Трофимова И.Н., Хамидуллина Е.Ю. Государственная инновационная политика и интересы участников инновационной деятельности // Россия: Тенденции и перспективы развития. — 2018. — С. 412–414.
4. Кокин А.С., Суевалов М.А. Анализ развития инновационного малого бизнеса в рамках национальной инновационной системы зарубежных стран // Вестник Нижегородского университета им. Н. Лобачевского. — 2013. — № 1. — С. 249–257.
5. Красова Е.В. Государственное финансирование инноваций в России: динамика и специфика // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. — 2019. — № 1. — С. 47–58.
6. Волдин М.В., Тартарова С.В., Солдатов С.С. Государственная инновационная политика, механизмы регулирования сферы инноваций в России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. — 2018. — № 2. — С. 154–163.
7. Никитинская Е.Ф. Прогнозирование инновационного развития: международные тенденции и российский опыт // Интернет-журнал «Науковедение». — 2014. — № 3.
8. Селезнев И.Е., Клочкин В.В. Институциональные проблемы организации прикладных исследований и разработки высокотехнологичной продукции // Проблемы управления научными исследованиями и разработками — 2017. Тр. III науч.-практ. конф. 26 октября 2017 г. — М.: ИПУ РАН; НИЦ Ин-т им. Н.Е. Жуковского, 2017. — С. 155.
9. Субсидии для инноваций. Какие меры поддержки бизнеса будут доступны в 2025 году — URL: <https://sber.pro/publication/subsidii-dlya-innovatsii-kakie-meri-podderzhki-biznesa-budut-dostupni-v-2025-godu/> (дата обращения: 10.05.2025)

© Кузнецова Марина Николаевна (marina_kuzn82@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ОХВАТ НАСЕЛЕНИЯ В ПРАКТИКЕ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

EFFICIENCY AND COVERAGE OF THE POPULATION IN THE PRACTICE OF INITIATIVE BUDGETING IN THE REPUBLIC OF CRIMEA

I. Litvinenko

Summary. The article analyzes the dynamics and effectiveness of the practice of initiative budgeting in the Republic of Crimea for the period from 2021 to 2025. Based on data from municipal districts, trends towards territorial asymmetry in the development of information security practices have been identified: with a cumulative 6-fold increase in the coverage of beneficiaries, there is an inter-district differentiation. Data are presented on a decrease in the unit cost of projects per 1 direct beneficiary in 57% of the districts of the Republic of Crimea, with an increase in the average cost of initiative projects by 3,4 times. It is noted that there is a structural shift towards socially oriented projects, and the transition to the stage of diversifying the practice of initiative budgeting in the Republic of Crimea has been confirmed. The problem of the lack of an established methodology for counting beneficiaries and the need to develop a unified methodological framework that allows counting direct beneficiaries, taking into account the permanent population, as well as temporary users, has been identified.

Keywords: proactive budgeting, budgetary efficiency, social efficiency, diversification, beneficiary, life cycle of proactive budgeting practice.

Литвиненко Игорь Геннадьевич

научный сотрудник Центра изучения
гражданских инициатив ГБОУВО РК «Крымский
инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова» (г. Симферополь)
litvinenko-igor@mail.ru

Аннотация. В статье произведен анализ динамики и эффективности практики инициативного бюджетирования в Республике Крым за период с 2021 по 2025 год. На основании данных по муниципальным районам выявлены тенденции к территориальной асимметрии развития практики ИБ: при совокупном росте охвата благополучателей в 6 раз, имеется межрайонная дифференциация. Приведены данные о снижении удельной стоимости проектов в расчете на 1 прямого благополучателя в 57 % районов Республики Крым при увеличении средней стоимости инициативных проектов в 3,4 раза. Отмечается, что существует структурный сдвиг к социально-ориентированным проектам, а также подтвержден переход к стадии диверсификации практики инициативного бюджетирования в Республике Крым. Выявлена проблема отсутствия установленной методики подсчета благополучателей и необходимость разработки единого методологического аппарата, позволяющего вести подсчет прямых благополучателей с учетом постоянного населения, а также временных пользователей.

Ключевые слова: инициативное бюджетирование, бюджетная эффективность, социальная эффективность, диверсификация, благополучатель, жизненный цикл практики инициативного бюджетирования.

Введение

В условиях социально-экономической трансформации Российской Федерации возрастает запрос на институционализацию гражданского участия в принятии решений, затрагивающих локальное развитие. Ключевым инструментом реализации данной задачи на субнациональном уровне выступает инициативное бюджетирование (далее — ИБ). Под ИБ понимается формализованный механизм вовлечения населения в определение и реализацию проектов территориального развития посредством прямого влияния на распределение бюджетных ассигнований [3].

Методология ИБ базируется на принципах прямой демократии, обеспечивая гражданам компетенции по инициации, отбору и контролю проектов. Системообразующими принципами являются:

- принцип открытости (публичное распространение информации о процедурах ИБ);

- принцип прозрачности (общественный аудит бюджетных решений);
- принцип соучастия (обязательное вовлечение населения на этапах выдвижения проектов, голосования, мониторинга реализации);
- принцип ответственности (закрепление за органами местного самоуправления обязательств по реализации поддержанных проектов).

Значимость ИБ проявляется в эффектах воздействия на граждан и бюджетную систему. Для граждан предоставляется возможность влиять на бюджетную политику, решение актуальных проблем в сельских поселениях, повышать качество среды проживания. В свою очередь, для бюджетной системы эффект заключается в оптимизации расходов за счет фокусировки на общественно значимых проблемах и снижении транзакционных издержек [13].

Институционализация практики ИБ в России была начата в 2007 году. К устоявшимся моделям относятся:

Программа поддержки местных инициатив (ППМИ), «Народный бюджет», «Наша инициатива» (Удмуртская Республика) и «Народная Инициатива». Данные практики продолжают развиваться по настоящее время.

Несомненно, важной составляющей является систематический сбор данных по реализации ИБ в субъектах РФ. Благодаря этому, формируется эмпирическая база для аналитики Министерства финансов РФ, в частности для ежегодного доклада о лучших практиках развития инициативного бюджетирования [1]. Как отмечает В.В. Вагин, ИБ генерирует мультипликативные эффекты в социальной, управленческой и экономических сферах [2].

В Республике Крым практика ИБ развивается с 2021 года и является сравнительно молодой. В связи с этим актуализируется задача комплексного мониторинга и анализа существующей информации с целью верификации эффектов, а также мониторинга развития и последующей корректировки стратегии ИБ в регионе.

Целью статьи является анализ бюджетной и социальной эффективности, а также охвата населения в реализации практики инициативного бюджетирования в Республике Крым.

Изложение основного материала

Практика ИБ в Республике Крым охватывает 14 муниципальных районов. Данные районы имеют различные демографические показатели и географическое расположение (удаленность от столицы), что важно учитывать при реализации практики ИБ. Поскольку ИБ непосредственно связано с взаимодействием граждан и муниципальных органов власти, то логичным является отслеживание динамики численности целевой аудитории практики ИБ. Демографические показатели по муниципальным районам Республики Крым представлены в таблице 1.

По данным таблицы 1, можно отметить, что за период с 2022 по 2025 год 10 из 14 районов характеризуются стойким сокращением населения. Наибольшим оттоком населения за данный период характеризуются Ленинский (3,5 %), Джанкойский (2,46 %) и Раздольненский (2,6 %) районы. Данная тенденция, вероятно, обусловлена оттоком молодого населения, отсутствием рабочих мест и недостаточным уровнем заработной платы. Отметим, что рост постоянного населения характерен для районов с развитой инфраструктурой (Симферопольский р-н — 0,92 %), а также в зонах рекреации (Сакский р-н — 0,48 % и Черноморский р-н — 0,32 %). Стоит отметить, что численность населения 7 районов (Джанкойский, Ленинский и др.) теряет более 1,5 % населения ежегодно, что привело к совокупной убыли населения на данных территориях в размере 9200 чел. за пери-

Таблица 1.

Численность постоянного населения Республики Крым в разрезе муниципальных районов в 2022–2025 гг. [5–8]

Наименование муниципального образования	Численность постоянного населения, чел.			
	2022	2023	2024	2025
Бахчисарайский р-н	65702	65620	65651	65774
Белогорский р-н	47143	46986	46879	46748
Джанкойский р-н	67508	66959	66361	65848
Кировский р-н	41171	40983	40852	40706
Красногвардейский р-н	83075	82927	82717	82578
Краснопереконский р-н	26611	26361	26279	26066
Ленинский р-н	49903	49037	48569	48157
Нижегородский р-н	43095	42873	42586	42338
Первомайский р-н	31603	31545	31470	31170
Раздольненский р-н	29091	28882	28607	28336
Сакский р-н	77267	76979	77331	77636
Симферопольский р-н	168552	169120	169349	170097
Советский р-н	30848	30629	30567	30479
Черноморский р-н	30291	30341	30376	30388

Составлено автором

од с 2022 по 2025 год. Имеющиеся данные согласуются с моделью «центр-периферия» Джона Фридмана [14], которая обуславливает динамику роста населения в зависимости приближенности к территориальному центру. В данной модели центральная область, характеризующаяся передовыми технологическими и социальными достижениями, противопоставляется периферийным районам, для которых свойственно более медленное внедрение инноваций. Однако периферийные районы служат основным источником ресурсов (трудовых, материальных, продовольственных и др.), направленных на развитие центральных областей, которые в свою очередь обеспечивают отдаленные районы инновациями.

Практика ИБ, в том числе, направлена на сохранение и укоренение населения, создание и развитие инфраструктуры сельских поселений. Ключевым звеном в механизме реализации инициативных проектов являются прямые благополучатели — жители и гости населенных пунктов, в которых реализуется практика ИБ. Именно благополучатели определяют приоритетную проблему в населенном пункте, а также пользуются благами уже реализованных проектов. Данные о числе прямых благополучателей представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Число прямых благополучателей по результатам реализации практики ИБ в Республике Крым (2021–2025 гг.)

Наименование муниципального образования, р-н	Число прямых благополучателей, чел.					Число прямых благополучателей от общего числа населения, %				
	2021	2022	2023	2024	2025	2021	2022	2023	2024	2025
Бахчисарайский	200	—	7288	12860	13332	0,3	—	11,1	19,6	20,3
Белогорский	3334	6328	3682	2968	24740	7,1	13,4	7,8	6,3	52,9
Джанкойский	18350	631	8116	6579	14593	27,2	0,9	12,1	9,9	22,2
Кировский	—	503	496	14445	24568	—	1,2	1,2	35,4	60,4
Красногвардейский	9971	1894	12672	15364	23040	12,0	2,3	15,3	18,6	27,9
Красноперекопский	1675	2409	4784	5961	14070	6,3	9,1	18,1	22,7	54,0
Ленинский	1594	4608	15520	8521	10193	3,2	9,2	31,6	17,5	21,2
Нижегородский	2972	8060	18104	59486	25788	6,9	18,7	42,2	139,7*	60,9
Первомайский	948	—	1354	12000	31650	3,0	—	4,3	38,1	101,5*
Раздольненский	1083	6311	6697	9144	4652	3,7	21,7	23,2	32,0	16,4
Сакский	204	—	13933	11367	3280	0,3	—	18,1	14,7	4,2
Симферопольский	14706	31266	27847	1200	22217	8,7	18,5	16,5	0,7	13,1
Советский	4570	3116	39872	5429	14810	14,8	10,1	130,2*	17,8	48,6
Черноморский	—	2365	6000	17190	18632	—	7,8	19,8	56,6	61,3

Составлено автором по данным ЦИГИ ГБОУВО РК КИПУ имени Февзи Якубова

* Благополучателями могут быть не только жители населенных пунктов, но и гости. Исходя из этого, % благополучателей от общего числа жителей может быть больше 100 %.

Исходя из данных таблицы 2, можно сделать вывод о существовании выраженной динамики охвата благополучателей практики ИБ в Республике Крым за пятилетний период. В 2025 году наблюдается весомый рост вовлеченности населения в принятие бюджетных решений, что особо выражено в Белогорском, Кировском, Красноперкопском, Нижегородском, Первомайском и Черноморский районах, где данный показатель превысил 50% населения. Стоит отметить, что динамика охвата носит неравномерный характер, имеются резкие межгодовые колебания в 2–10 раз в 70 % районов Республики Крым. Это может обуславливаться приоритетностью проблем, а также возможностью софинансирования проектной идеи средствами из бюджета сельского поселения. Частым явлением является недостаточное количество средств бюджета поселения для софинансирования масштабного проекта, благополучателями которого могут стать более широкие слои населения. Совокупный охват населения практикой ИБ в муниципальных районах Республики Крым за 5 лет вырос в 6 раз (с 6,7 % в 2021 г. до 40,3 % в 2025 г.). Это свидетельствует о вовлечении новых групп населения, включая малые населенные пункты, которым предоставляется возможность оказывать влияние на локальные изменения. При-

мечательно, что развитие практики ИБ в регионе за 5 лет можно представить как модель, состоящую из 3 этапов:

1. Пилотные проекты — 2021–2022 год (локальные инициативы со средним охватом до 10 % населения);
2. Масштабирование практики ИБ — 2023–2024 (резкий рост среднего охвата населения до 30 %);
3. Закрепление практики ИБ — 2025 год (расширение и стабилизация среднего охвата населения до 40–50 %).

Обращаясь к динамике охвата населения, можно сделать вывод, что существуют некоторые проблемы устойчивости вовлечения граждан и системности участия в принятии бюджетных решений, что тождественно неравномерному развитию практики ИБ в регионе. Причинами данного явления зачастую является недостаточное информирование граждан о наличии инструментов для решения локальных проблем, а также слабость механизмов тиражирования успешных практик. В данном случае, вовлечение населения напрямую связано с информированием граждан администрациями сельских поселений, интересы которых не всегда направлены на учет инициативных идей граждан.

Таблица 3.

Стоимость инициативных проектов в расчете на 1 прямого благополучателя в разрезе муниципальных районов Республики Крым (2021–2025 гг.)

Наименование муниципального образования, р-н	Стоимость проектов, тыс. руб.					Стоимость проектов в расчете на 1 прямого благополучателя, тыс. руб./чел.				
	2021	2022	2023	2024	2025	2021	2022	2023	2024	2025
Бахчисарайский	1000	—	7394,8	17435,6	12745,4	5	—	1	1,4	1
Белогорский	6418,7	10614,2	6190,2	12517,5	25901,3	1,9	1,7	1,7	4,2	1
Джанкойский	7811	2185,2	7866,5	10924,1	21718	0,4	3,5	1	1,7	1,5
Кировский	—	2110	1273,3	14527,5	20023,2	—	4,2	2,6	1	0,8
Красногвардейский	10310,8	4072,6	8849,2	21720,9	18795,1	1	2,2	0,7	1,4	0,8
Красноперекопский	2056,2	6102,7	5589,5	7409,2	19070,8	1,2	2,5	1,2	1,2	1,4
Ленинский	2960,4	5234	7713,8	11248,1	13791,1	1,9	1,1	0,5	1,3	1,4
Нижнегорский	4612	8957,1	13461,5	21524,7	27187,7	1,6	1,1	0,7	0,4	1,1
Первомайский	1000	—	2177	1730,4	9511,3	1,1	—	1,6	0,1	0,3
Раздольненский	904,3	5614,3	5765,7	10614,9	13002,7	0,8	0,9	0,9	1,2	2,8
Сакский	503,6	—	7590,5	9773,8	7595,6	2,5	—	0,5	0,9	2,3
Симферопольский	9912,4	16659	16389,4	810,5	13542,2	0,7	0,5	0,6	0,7	0,6
Советский	8574	4102,6	11966,9	8642,8	9002,6	1,9	1,3	0,3	1,6	0,6
Черноморский	—	1894,7	2498	9077	9267,6	—	0,8	0,4	0,5	0,5

Составлено автором по данным ЦИГИ ГБОУВО РК КИПУ имени Февзи Якубова

Стоит отметить, что в настоящее время в Республике Крым не закреплена методология подсчета благополучателей. В связи с этим, ответственность за достоверность данных возлагается на администрации сельских поселений, которые на основании имеющихся демографических и прогнозируемых данных определяют охват населения, которое является благополучателями. Соответственно, подсчет благополучателей не является объективным и зависит от ряда причин: масштаба проектной идеи, туристического потока, актуальности демографических данных и др. В связи с чем, актуальной проблемой является разработка унифицированной методики подсчета числа благополучателей проектов ИБ в Республике Крым, с учетом постоянных жителей, а также временных благополучателей.

Одним из ключевых показателей эффективности практики ИБ, является стоимость проектов в расчете на 1 прямого благополучателя. Данный показатель позволяет оценить значимость инициативного проекта для граждан, а также эффективность расходования бюджетных средств. В таблице 3 представлены данные о стоимости проектов-победителей конкурса ИБ в Республике Крым, а также стоимость в расчете на 1 прямого благополучателя.

Опираясь на данные из таблицы 3, можно отметить, что средняя стоимость инициативных проектов увеличилась в 3,4 раза в среднем по районам Республики Крым (с 4,7 млн руб. в 2021 г. до 15,8 млн руб. в 2025 г.). Также, положительной динамикой характеризуется показатель удельной стоимости инициативного проекта на 1 прямого благополучателя: он снизился в 57 % районов. Наиболее эффективно расходуют бюджетные средства Первомайский, Симферопольский, Советский и Черноморский районы, где стоимость проектов в расчете на 1 прямого благополучателя в 2025 году достигла показателя < 700 руб./чел. Однако, существуют районы, где данный показатель превышает 2000 руб./чел., что свидетельствует о наличии высокобюджетных проектов с малым числом благополучателей. Проекты, имеющие высокую стоимость и малое число благополучателей, не являются социально эффективными, что отражает низкий уровень контроля со стороны местных властей, а также низкую приоритетность для населенного пункта. Одним из ключевых элементов реализации практики ИБ является социальная эффективность реализованных проектов, которая выражается в максимальном распространении благ, полученных в результате реализации инициативных проектов, на благополучателей. Однако существуют исключения, к которым относятся населен-

ные пункты с малым числом населения и малоразвитой инфраструктурой.

Несомненно, одной из причин увеличения стоимости проектов является рост бюджетных ассигнований в практику ИБ в Республике Крым. Однако стоит отметить, что рост капиталоемкости проектов в 2024–2025 при увеличении числа благополучателей, может быть обусловлен укрупнением инфраструктурных проектов, логистическими издержками для отдаленных районов, а также повышением инфляции, стоимости услуг и материалов. Таким образом, снижение стоимости проектов в расчете на 1 прямого благополучателя свидетельствует о переходе от количества к качеству: граждане совместно с администрацией сельского поселения смещают фокус на проекты с долгосрочным социальным эффектом и увеличение числа благополучателей.

Тенденции развития практики ИБ в Республике Крым согласуются с моделью «жизненного цикла инициативного бюджетирования» [4]. Опираясь на данную модель, жизненный цикл проекта ИБ можно представить 4 стадиями:

1. Пилотирование ИБ — старт практики ИБ в регионе;
2. Институционализация ИБ — фаза развития (характеризуется ростом бюджетных ассигнований (продолжительность — первые 3–4 года реализации практики));
3. Диверсификация ИБ — фаза функционирования (характеризуется переходом от количества к качеству, увеличением числа социально значимых проектов и вовлеченных граждан (продолжительность — 8–10 лет));

4. Трансформация или деградация ИБ — финальная фаза, характеризующаяся исчерпанием потребности в проектах и требующая трансформации практики ИБ.

С нашей точки зрения, в настоящее время практика ИБ в Республике Крым находится на этапе диверсификации проектов, что подтверждают данные таблицы 3 и рисунка 1.

Исходя из данных на рисунке 1, можно сделать вывод, что к 2025 году наиболее востребованными категориями проектов являются «благоустройство кладбищ», «благоустройство общественных, придомовых и дворовых территорий», а также «благоустройство детских площадок». Можно отметить, что число проектов по освещению улиц снизилось до 0 %. В свою очередь, стабильным спросом пользуются такие категории как благоустройство кладбищ (14–19 %) и объектов физической культуры (11–16 %). Данная тенденция согласуется с моделью авторов [4], где плато развития практики ИБ характеризуется переходом к более укрупненным и социально-эффективным проектам. Рост проектов, связанных с общественными пространствами и детскими площадками в 1,5 раза характеризует тренд на создание комфортных условий в населенных пунктах, а также демографическую ориентацию (семьи с детьми). Снижение спроса на инфраструктурные объекты (освещение, пешеходные дорожки) свидетельствует об удовлетворительном состоянии базовой инфраструктуры сельских поселений, достигнутом, в том числе, благодаря реализации практики ИБ.

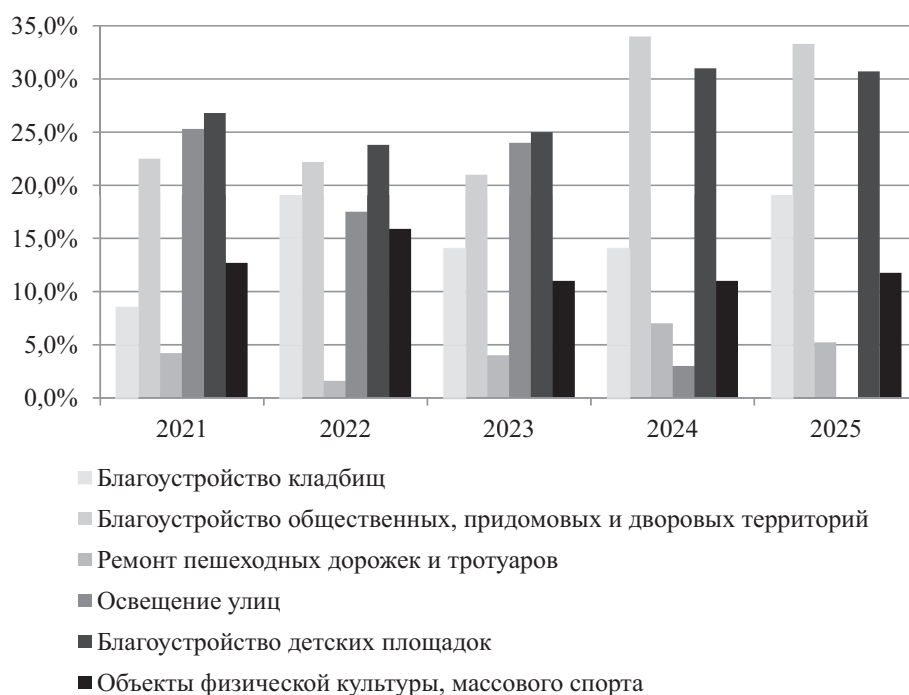

Рис. 1. Число проектов ИБ в Республике Крым по направлениям за период 2021–2025 гг. [9–12]

Заключение

Проведенный анализ практики ИБ в Республике Крым за 2021–2025 гг. позволил выявить ключевые тенденции, подтверждающие этап диверсификации практики в рамках модели жизненного цикла инициативного бюджетирования [4]. Демографическая динамика, характеризующаяся устойчивой депопуляцией в 71 % районов и концентрацией роста в центральных, а также рекреационных зонах, полностью согласуется с парадигмой «центр-периферия» Дж. Фридмана [14]. Данный факт обуславливает территориальную асимметрию развития практики ИБ: при совокупном росте охвата благополучателей в 6 раз, имеется межрайонная дифференциация.

Оптимизация расходования средств бюджета Республики Крым подтверждается снижением удельной стоимости проектов инициативного бюджетирования в расче-

тена 1 прямого благополучателя в 57 % районов, несмотря на рост бюджетных ассигнований. Важным достижением стало смещение фокуса с инфраструктурных проектов на социально-ориентированные инициативы: благоустройство общественных территорий и детских площадок составляет 64 % к 2025 году. Стоит отметить существование проблемы, которая заключается в отсутствии установленной методики подсчета благополучателей.

Таким образом, для устойчивого развития практики ИБ в Республике Крым и её мониторинга целесообразным является разработка единого методологического аппарата, позволяющего вести подсчет прямых благополучателей с учетом постоянного населения, а также временных пользователей. Перспективным направлением развития исследования является анализ долгосрочных социальных эффектов инициативного бюджетирования в Республике Крым.

ЛИТЕРАТУРА

1. 50 вопросов об инициативном бюджетировании / В.В. Вагин, К.В. Поминова, Н.В. Гаврилова [и др.]. — Москва: Филинь, 2018. — 86 с.
2. Вагин В.В. Инициативное бюджетирование и качество жизни // Народонаселение. 2016. №3 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/initiativnoe-byudzhetrovanie-i-kachestvo-zhizni> (дата обращения: 30.05.2025).
3. Вагин В.В. Инициативное бюджетирование и смежные практики / В.В. Вагин, Н.А. Шаповалова // Финансовая аналитика: проблемы и решения — 2016. — №38 (320). — С. 2–19. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/initiativnoe-byudzhetrovanie-i-smezhnye-praktiki> (дата обращения: 30.05.2025).
4. Качалкина К.Г., Котов Д.В. Уровень зрелости управления и жизненный цикл практики инициативного бюджетирования // Российские регионы: взгляд в будущее. 2022. №3–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-zrelosti-upravleniya-i-zhiznenny-tsikl-praktiki-initiativnogo-byudzhetrovaniya> (дата обращения: 01.06.2025).
5. Оценка численности постоянного населения по городским округам и муниципальным районам Республики Крым по состоянию на 01.01.2022 года (пересчитанная с учётом итогов ВПН 2020). [Электронный ресурс] // Портал Федеральной службы государственной статистики. — URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPrrJRJIUFoewruOsWowfIH-D9NrZebvoaRne7tD7uwBXCWASlswfzOXvPJF5iLDKcjrHaCjNspJyo7qYopMVPmYgTvt9qqb-ORQvB01vH0VqK02oTgBh_F3g1QfRj421pIMYQyDIhaJPg%3D%3D%3Fsign%3DJWZ4jFdWugnJY8HR7YvHxzBap7h7qp3az3N7zr_Cf8s%3D&name=Численность%20на%2001-01-2022%20по%20итога%20ВПН%202020.xls&nosw=1 (дата обращения: 30.05.2025).
6. Оценка численности постоянного населения по городским округам и муниципальным районам Республики Крым по состоянию на 01.01.2023 года. [Электронный ресурс] // Портал Федеральной службы государственной статистики. — URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPrrJRJIUFoewruP7Ybp5xlZc6XpkwpH5Z70aEzWZlnQY9UtBVhtIH1zXWkussG06r05sg03gsLoFYpAz3vpQJW6pDTsPXfVdPg_ggTEzgukJxuqf-Q4056gMS1ENbtYxbBM-BVB_rPu7g%3D%3D%3Fsign%3DvTvMhrEWOJSE9LrT2aashtbVzXzjQEeXoXX5iSImc%3D&name=Численность%20на%2001-01-2023.xls&nosw=1 (дата обращения: 30.05.2025).
7. Оценка численности постоянного населения по городским округам и муниципальным районам Республики Крым по состоянию на 01.01.2024 года. [Электронный ресурс] // Портал Федеральной службы государственной статистики. — URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPrrJRJIUFoewruErpXS7ReTQOntdXS5_yUMLxV0U3rMpx1_rJfo45WShOIKVFAhtQ_VmoyMEWZByTOx3mbTmi-4CGESKdyk4vRMi_nPdVfAr_jE7suCn07JQUwFl9GFMhJ3NYAPNcp-Q%3D%3D%3Fsign%3Dly8mEYjIPTcbbbp4KWgSZM-ofo0Vdqtd8_PwLS1xA0%3D&name=Численность%20на%2001-01-2024.xls&nosw=1 (дата обращения: 30.05.2025).
8. Оценка численности постоянного населения по городским округам и муниципальным районам Республики Крым по состоянию на 01.01.2025 года. [Электронный ресурс] // Портал Федеральной службы государственной статистики. — URL: [https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPrrJRJIUFoewruDVZdnVnXws1NecplGxbcb9WjLcazYfidpTbmW4ROD2txQvmjzm6Jv8p22rlngccQC7d-K77r6YnmclThn5ML6D6IV8QsJGm-HqVtzvFoHc5mujBEI8_luK_TxKh_fjDrw%3D%3D%3Fsign%3Dob758ZqcMG1l_QOI01B0IU48GLagqmYMTVUqp7Xp7wg%3D&name=Численность%20на%2001-01-2025\(1\).xls&nosw=1](https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPrrJRJIUFoewruDVZdnVnXws1NecplGxbcb9WjLcazYfidpTbmW4ROD2txQvmjzm6Jv8p22rlngccQC7d-K77r6YnmclThn5ML6D6IV8QsJGm-HqVtzvFoHc5mujBEI8_luK_TxKh_fjDrw%3D%3D%3Fsign%3Dob758ZqcMG1l_QOI01B0IU48GLagqmYMTVUqp7Xp7wg%3D&name=Численность%20на%2001-01-2025(1).xls&nosw=1) (дата обращения: 30.05.2025).
9. Сводный отчет по итогам представленных муниципальными образованиями Республики Крым отчетов о реализации проектов инициативного бюджетирования за 2021 год: [Электронный ресурс] // Портал Министерства финансов Республики Крым. — URL: [https://minfin.rk.gov.ru/uploads/txteditor/minfin/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpx9tc0X_Итоги%20за%202021%20год%20\(ИСПР%20ИТОГОВАЯ%20БЕРСИЯ\).pdf](https://minfin.rk.gov.ru/uploads/txteditor/minfin/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpx9tc0X_Итоги%20за%202021%20год%20(ИСПР%20ИТОГОВАЯ%20БЕРСИЯ).pdf) (дата обращения: 31.05.2025).
10. Сводный отчет по итогам представленных муниципальными образованиями Республики Крым отчетов о реализации проектов инициативного бюджетирования за 2022 год: [Электронный ресурс] // Портал Министерства финансов Республики Крым. — URL: https://minfin.rk.gov.ru/uploads/txteditor/minfin/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpmgcNKL_1.Итоги%202022%20года%20_%20на%20сайт.pdf (дата обращения: 31.05.2025).

11. Сводный отчет по итогам представленных муниципальными образованиями Республики Крым отчётов о реализации проектов инициативного бюджетирования за 2023 год: [Электронный ресурс] // Портал Министерства финансов Республики Крым. — URL: https://minfin.rk.gov.ru/uploads/minfin/container/2024/02/20/2024-02-20-13-02-09_2024-02-15-11-56-22.pdf (дата обращения: 31.05.2025)
12. Сводный отчет по итогам представленных муниципальными образованиями Республики Крым отчётов о реализации проектов инициативного бюджетирования за 2024 год: [Электронный ресурс] // Портал Министерства финансов Республики Крым. — URL: https://minfin.rk.gov.ru/uploads/minfin/container/2025/02/25/2025-02-25-15-06-42_НА%20САЙТ%20_%20Итоги%20ИБ%20за%202024%20года.pdf (дата обращения: 31.05.2025)
13. Стратегия развития инициативного бюджетирования в Российской Федерации на 2023–2030 годы: [Электронный ресурс] // ФГБУ «Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации». — URL: https://www.nifi.ru/images/FILES/IB/2023/strategyIB_2030.pdf (дата обращения: 30.05.2025).
14. John Friedmann. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. — MIT Press, 1966. — 279 p.

© Литвиненко Игорь Геннадьевич (litvinenko-igor@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В РОССИЮ В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

FEATURES OF FOREIGN INVESTMENT IN RUSSIA UNDER HEIGHTENED SANCTIONS PRESSURE

A. Markova
V. Tkachev

Summary. The article examines the effect of sanctions on foreign investment into the Russian Federation during the period 2022–2024 under increasing pressure from sanctions.

Foreign investment is a key catalyst for economic growth and technological modernization in a host country. It drives job creation and helps integrate national economic systems into the global economy. However, sanctions make the behavior of foreign investors undergo significant changes by severely restricting traditional capital flow channels and undermining national investment climate.

Through the analysis of the Bank of Russia's statistical data from the Russian Federation's balance of payments, changes in the structure and dynamics of foreign direct, portfolio, and other investment were reviewed. The study also identifies the key factors that influenced the investment activity of non-resident investors during the specified period.

Keywords: Russia's balance of payments, foreign investment, foreign direct investment (FDI), portfolio investment, financial derivatives, other investment, net capital outflow, foreign investment dynamics, foreign investment structure, sanctions, asset freezing.

Маркова Анастасия Вячеславовна

Московский государственный институт
международных отношений (университет)
siama23@yandex.ru

Ткачев Василий Николаевич

Кандидат экономических наук, доцент,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
tkachev_mgimo@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние санкций на потоки иностранных инвестиций в Российскую Федерацию в условиях усиливающегося санкционного давления в период 2022–2024 гг.

Иностранные инвестиции выступают катализатором экономического роста и технологической модернизации для принимающей страны, способствуют созданию новых рабочих мест и интеграции национальной хозяйственной системы в мировую экономику. Однако в условиях санкционных ограничений поведение иностранных инвесторов претерпевает значительные изменения в силу того, что санкции существенно ограничивают традиционные каналы движения капитала и негативно влияют на инвестиционный климат страны.

В ходе анализа статистической информации Банка России по платёжному балансу Российской Федерации были рассмотрены изменения в структуре и динамике прямых, портфельных и прочих иностранных инвестиций, а также выявлены ключевые факторы, влияющие на инвестиционную активность инвесторов-нерезидентов в указанный период.

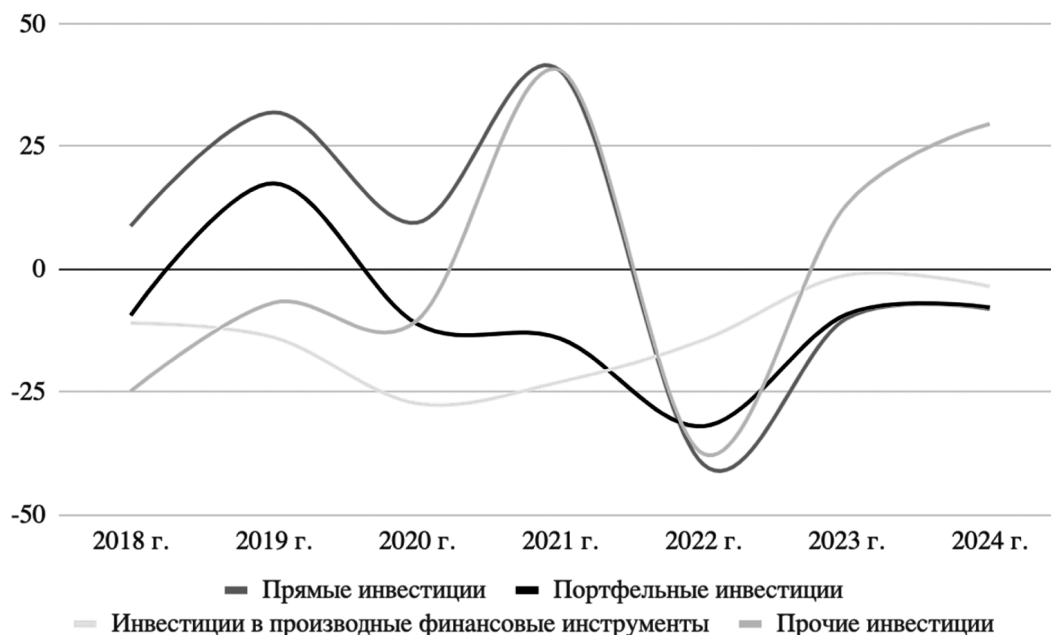
Ключевые слова: платёжный баланс России, иностранные инвестиции, прямые инвестиции, портфельные инвестиции, производные финансовые инструменты, прочие инвестиции, чистый отток капитала, динамика иностранных инвестиций, структура иностранных инвестиций, санкции, заморозка активов.

Вопросам изучения специфики иностранных инвестиций в Россию посвящены работы многих российских исследователей-экономистов. Общим проблемам и перспективам привлечения иностранных инвестиций в Россию посвящены работы Машкина Н.А. и Мосина Е.И. [2]; Кисовой А.Е., Митрофановой О.Н. и Московцевой Л.В. [4]; Львова Г.Н. [8].

Влияние западных санкций и российских контрсанкций на приток иностранных инвестиций в Россию после 2014 г. исследуется в работах Зайцева Ю.К. [1]; Платоновой И.Н. [3]; Дорожкиной Т.В., Иванова А.А., Кузнецовой А.А. и Щербаковой Е.С. [5]; Овешниковой Л.В. и Сибирской Е.В. [6]; Алексеевой М.А., Николаевой А.С., Николаева А.Э., Федоровой Е.А. [9]; Лыткина С.О. [10].

Вышедшие данные Банка России за период усиления санкционного давления на Россию позволяют расширить анализ поступления иностранных инвестиций в Российскую Федерацию вышеперечисленных авторов с учетом последних тенденций.

В период 2022–2024 гг. динамика иностранных инвестиций в Российскую Федерацию формировалась, в первую очередь, под воздействием комплекса санкционных ограничений, введённых США, странами ЕС и их союзниками — например, заморозки активов и ограничений на трансграничные расчёты. Кроме того, в качестве сдерживающего фактора мог выступать и риск вторичных санкций для компаний из третьих стран, взаимодействующих с российскими партнёрами; в то же время ситуация в российской экономике характеризовалась

Источник: Составлено автором на основании [11]

Рис. 1. Динамика иностранных инвестиций в Россию по видам инвестиций в 2018–2024 гг., млрд долл. США

повышенной волатильностью и ограниченным доступом к международным финансовым рынкам.

Сравним поведение иностранных инвесторов по формам инвестиций в 2018–2021 гг. и 2022–24 гг. (см. рисунок 1).

В 2018–2021 гг. наблюдалась умеренная волатильность прямых иностранных инвестиций, сохраняющая чистый приток обязательств по данной статье; также стабильно сохранялся отток инвестиций в производные финансовые инструменты.

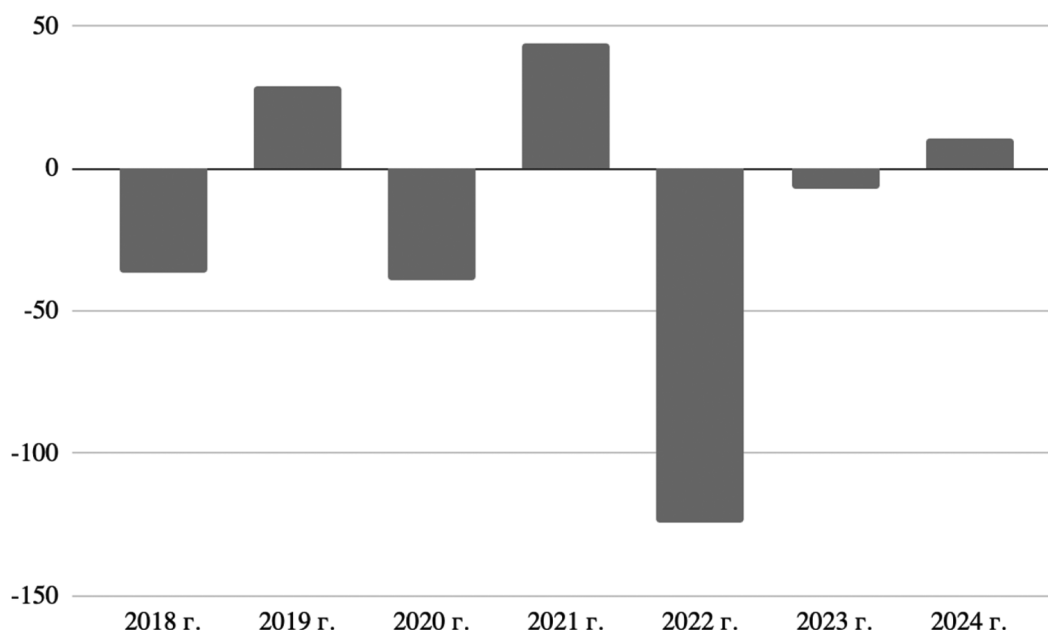
Значительно колебались потоки портфельных и прочих инвестиций: по портфельным инвестициям можно отметить чередование оттока в 2018 и 2020–2021 гг. с временным притоком в 2019 г.; по прочим инвестициям, несмотря на лёгкое усиление оттока в 2020 г., сохранялась позитивная тенденция, которая привела к рекордному за период притоку прочих инвестиций в 2021 г.

В 2022 г. прошёл кардинальный сдвиг по трём категориям иностранных инвестиций — прямым, портфельным и прочим; в случае прямых и прочих инвестиций чистый приток сменился на чистый отток, а в случае портфельных — усилился чистый отток. Данное явление является следствием как введения широкого спектра санкций против России, так и впоследствии выходом крупнейших западных инвесторов-нерезидентов из российских активов. По статье инвестиций в производные финансовые инструменты наблюдалась обратная тенденция — чистый отток капитала стал меньше докризисного уровня, и тренд на снижение оттока сохранялся до 2023 г.

К 2023 г. все категории иностранных инвестиций продемонстрировали положительную динамику; при этом чистый приток капитала наблюдался только по прочим иностранным инвестициям. В 2024 г. сохранялся отток прямых и портфельных инвестиций, а также инвестиций в производные финансовые инструменты. Наиболее яркой тенденцией является рост притока прочих иностранных инвестиций в 2024 г. — в условиях санкций эта статья стала единственным источником чистого притока капитала. Это, вероятно, можно связать с двумя структурными перестройками финансовых потоков: во-первых, с ростом заимствований у дружественных стран; во-вторых — ростом предоплат за экспорт энергоносителей или отсрочек платежей по импорту.

Для наглядного представления общего потока иностранных инвестиций в 2018–2024 гг. обратимся к Рисунку 2. Из данного графика видно, что в докризисный период общее сальдо по иностранным инвестициям было волатильным: в 2018 г. и 2020 г. оно было отрицательным, а в 2019 г. и 2021 г. — положительным; общий чистый приток капитала был возможен за счёт статей прямых, портфельных и прочих инвестиций. В 2022–2023 гг. суммарное сальдо иностранных инвестиций вновь стало дефицитным, хотя к 2023 г. общий объём оттока капиталакратно снизился. В 2024 г. за счёт роста прочих инвестиций и небольшого ослабления оттока капитала по прямым и портфельным инвестициям общее сальдо по иностранным инвестициям в РФ стало положительным.

Представленные данные наглядно демонстрируют глубокие изменения в структуре иностранных инвестиций, поступающих в российскую экономику. Причиной

Источник: Составлено автором на основании [11]

Рис. 2. Совокупный объём иностранных инвестиций в Россию в 2018–2024 гг., млрд долл. США

вышеперечисленным изменениям послужил геополитический кризис 2022 г. с последующими санкциями и заморозкой активов резидентов и нерезидентов. Отметим, что за период 2018–2024 гг. произошёл сдвиг от прямых инвестиций, подразумевающих долгосрочный интерес, и среднесрочных портфельных инвестиций к преимущественно краткосрочным операциям (например, к коммерческим кредитам, предоплате за экспорт) и специфическим схемам расчётов, отражённых по статье прочих инвестиций финансового счёта платёжного баланса; это может отражать наличие проблем в привлечении долгосрочных иностранных вложений, объяснимые сохраняющимися высокими рисками для инвесторов-нерезидентов. Чистый приток капитала по прочим иностранным инвестициям является индикатором переориентации финансовых потоков в связи с поиском альтернативных механизмов внешнего финансирования вместе с переориентацией на расчёты с дружественными странами.

Представляется полезным проанализировать особенности притока иностранного капитала в Россию в существенно изменившихся условиях в 2022–2024 гг. более подробно в следующей последовательности (1) динамика прямых, (2) портфельных и (3) прочих инвестиций в Россию, а также (4) инвестиций в российские производные финансовые инструменты, исходящих от инвесторов-нерезидентов.

Рассмотрим данные финансового счёта платёжного баланса России, отражающие изменения в прямых иностранных инвестициях в Россию за период 2022–2024 гг. На финансовом счёте платёжного баланса фиксируются

операции, связанные с приобретением резидентами иностранных финансовых активов, а также с возникновением у них обязательств перед нерезидентами; эти показатели формируются на чистой основе, т.е. отражают разницу между приобретением и выбытием по каждому виду — финансовым активам и обязательствам — по отдельности. Напомним, что прямые иностранные инвестиции (ПИИ) — это инвестиции инвестора-нерезидента одной страны в компанию в другой стране, характеризующиеся долгосрочным интересом инвестора. В международной практике вложения принято классифицировать как прямые инвестиции при условии, что инвестору принадлежит не менее 10 % обыкновенных акций компании.

Таблица 1.

Динамика прямых иностранных инвестиций в Россию в 2022–2024 гг., по видам, млн долл. США*

	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Чистое принятие обязательств, в т.ч:	–39 801	–10 045	–8 102
Участие в капитале и паи/акции инвестиционных фондов	–12 070	6 486	6 218
Долговые инструменты	–27 731	–16 531	–14 320

*Положительная величина означает чистый приток средств от нерезидентов в Россию, отрицательная величина — чистый отток средств нерезидентов из России.

Источник: составлено автором на основе [11]

Данные из Таблицы 1 демонстрируют тенденцию к сокращению чистого оттока капитала нерезидентов по прямым инвестициям из России на протяжении все-

го периода — отток сократился почти в 5 раз, что может свидетельствовать о постепенной адаптации экономики России к существующим санкционным ограничениям. Что касается структуры иностранных инвестиций в РФ, в 2022 г. наблюдался значительный отток прямых инвестиций в форме продажи акций или долей в капитале нерезидентами, а в 2023–2024 гг. произошёл переход к чистому притоку по данной статье, что, в свою очередь, сигнализирует о росте интереса иностранных инвесторов к вложениям в российский капитал. По статье иностранных вложений в российские долговые инструменты сохраняется отрицательное значение, т.е. отток капитала, хотя его объёмы сократились почти на 50 % с 2022 г. Общая динамика указывает на частичную адаптацию иностранных инвесторов к новым условиям инвестирования в российскую экономику с возможной переориентацией на долевое участие вместо вложений в долговые инструменты.

Портфельные инвестиции, согласно методологии Банка России, охватывают сделки между резидентами и нерезидентами с долговыми инструментами и долевыми ценными бумагами, дающими право на участие в капитале, за исключением относящихся к прямым инвестициям или резервным активам; этот вид инвестиций также подразумевает владение не более чем 10 % обыкновенных акций компании. В соответствии с данными Таблицы 2 по динамике портфельных иностранных инвестиций в РФ за период 2022–2024 гг., в 2022 г. произошёл наиболее крупный отток капитала, обусловленным массовым выводом средств нерезидентами, при этом чистый отток капитала по данной статье сократился на 75,7 % с 2022 г. Тенденция к уменьшению отрицательного сальдо сохранялась на протяжении всего периода, что может свидетельствовать об восстановлении благоприятного инвестиционного климата в России. Больше всего на снижение интенсивности оттока портфельных инвестиций из России повлияло улучшение динамики по долевым инструментам — объём оттока капитала по данной статье сократился на 85,1 % за период.

Таблица 2.

Динамика портфельных иностранных инвестиций в Россию в 2022–2024 гг. по видам, млн долл. США*

	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Чистое принятие обязательств, в т.ч.:	–32 021	–9 205	–7 786
Участие в капитале и паи/акции инвестиционных фондов	–16 519	–2 427	–2 455
Долговые инструменты	–15 501	–6 778	–5 332

*Положительная величина означает чистый приток средств от нерезидентов в Россию, отрицательная величина — чистый отток средств нерезидентов из России.

Источник: составлено автором на основе [11]

Отток капитала, связанный с долговыми инструментами, снизился на 65,6 %, но всё ещё сохраняется. В целом, можно отметить замедление темпов вывода портфельных инвестиций из России, что может быть связано с изменением структуры иностранных инвесторов — переориентацией на дружественные страны.

Производные финансовые инструменты (деривативы) — это вид финансовых инструментов, стоимость которых определяется динамикой соответствующих базовых активов или показателей, что позволяет осуществлять торговлю связанными с ними финансовыми рисками в отрыве от лежащего в основе данного инструмента актива.

Из Таблицы 3 видно, что в 2022 г. был отмечен пиковый объём оттока капитала по вложениям в российские производные финансовые инструменты, однако к 2023 г. объём оттока сократился на 91,6 %. Тем не менее, отметим, что отрицательное сальдо по данной статье увеличилось почти в 3 раза к 2024 г.

Таблица 3.

Динамика иностранных инвестиций в российские производные финансовые инструменты (кроме резервов) и опционов на акции для работников в 2022–2024 гг., млн долл. США*

	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Чистое принятие обязательств	–14 451	–1 221	–3 499

*Положительная величина означает чистый приток средств от нерезидентов в Россию, отрицательная величина — чистый отток средств нерезидентов из России.

Источник: составлено автором на основе [11]

Первоначальный отток капитала в 2022 г. мог быть связан, в первую очередь, с массовым закрытием позиций по деривативам инвесторами-нерезидентами в связи с риском заморозки активов и разрывом контрактов с резидентами недружественных стран. Вторичное усиление оттока в 2024 г. можно связать с усилением различных регуляторных барьеров для иностранных инвесторов. Кроме того, значимым фактором вывода иностранных инвестиций из российских производных финансовых инструментов является ограниченный доступ России к международным клиринговым компаниям — например, Euroclear.

Прочие инвестиции — это остаточная статья финансового счёта платёжного баланса, т. к. она охватывает все операции, не затронутые в статьях прямых и портфельных инвестиций, инвестиций в производные финансовые инструменты и резервные активы; к числу характерных особенностей данного вида инвестиций можно отнести повышенную волатильность и чувствительность к изменениям макроэкономической ситуации и норма-

тивно-правовой среды в стране. Ввиду того, что данная статья финансового счета достаточно весома в российском платёжном балансе, принято дополнительно выделять данные о сделках с наличной валютой, задолженности по поставкам в рамках межправительственных договоров и о сомнительных операциях, обладающих признаками фиктивности.

Исходя из данных Таблицы 4 можно сделать вывод о том, что, несмотря на значительный отток капитала по прочим иностранным инвестициям, ситуация стабилизировалась к 2023 г. и имеет положительный тренд — к 2024 г. приток прочих инвестиций составил 226 % от показателя за 2023 г. Наиболее быстрое восстановление продемонстрировала статья прочей задолженности: в 2023 г. был зарегистрирован разворот в сторону притока капитала, а к 2024 г. прирост обязательств по данной статье составил 63 %.

Таблица 4.

Динамика прочих иностранных инвестиций в Россию в 2022–2024 гг. по видам, млн долл. США*

	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Чистое принятие обязательств, в т.ч.:	–37 646	13 133	29 615
Прочее участие в капитале	8	–9	2
Ссуды и займы, наличная валюта и депозиты	–19 784	–3 364	2 880
Прочая задолженность	–17 978	16 450	26 765
Специальные права заимствования	108	56	–31

*Положительная величина означает чистый приток средств от нерезидентов в Россию, отрицательная величина — чистый отток средств нерезидентов из России.

Источник: составлено автором на основе [11]

Данное явление можно объяснить наращиванием торговой задолженности из-за проблем с расчётами по внешнеторговым сделкам, а также ростом обязательств по расчётам с поставщиками из дружественных стран. Что касается оттока по статье ссуд, займов, наличной валюты и депозитов, на отток капитала в 2022 г. зна-

чительное влияние могло оказать досрочное погашение резидентами кредитов, выданных банками недружественных стран; восстановление к положительной динамике можно объяснить постепенным ростом рублёвых депозитов нерезидентов в 2023–2024 гг., связанным со снижением валютных рисков. Относительно движения капитала по статье специальных прав заимствования можно отметить понижающий тренд на протяжении периода — приток капитала снизился почти на 50 % с 2022 г. по 2023 г. и ушел в отрицательную зону в 2024 г., что отражает погашение обязательств перед Международным Валютным Фондом (МВФ); не стоит забывать и про санкции по операциям со специальными правами заимствования, связанных с блокировкой резервов России в МВФ. Доля прочего участия в капитале на протяжении всего периода составляла менее 0,1 % и колебалась незначительно.

Основные результаты

В ходе нашего исследования и анализа статей финансового счёта платёжного баланса мы выяснили, что санкции 2022–2024 гг. значительно повлияли как на динамику, так и на структуру иностранных инвестиций в Россию.

Первоначальное ухудшение инвестиционного климата в России спровоцировало массовый отток капитала по прямым, портфельным и прочим иностранным инвестициям, однако, с 2023 г. российская финансовая система начала постепенно адаптироваться к существующим ограничениям, переходя от ориентации на инвесторов-нерезидентов из западных стран к более активному сотрудничеству с дружественными странами. Кроме того, отмечается резкий рост прочих иностранных инвестиций, отражающих переориентацию потоков капитала на альтернативные механизмы.

В целом, сохраняющийся чистый отток по статьям прямых и портфельных инвестиций, а также инвестиций в производные финансовые инструменты подчеркивает наличие некоторых дисбалансов в отношении долгосрочных инвестиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайцев Ю.К. Воздействие санкционного режима на прямые иностранные инвестиции в Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. — 2018. — Т. 26. — № 4. — С. 760–772.
2. Мосина Е.И. Иностранные инвестиции в российской федерации и проблемы их привлечения / Е.И. Мосина, Н.А. Машкина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. — 2013. — № 1. — С. 23–28. — EDN QZFDZP.
3. Платонова И.Н. Влияние финансовых санкций на привлечение иностранных инвестиций в российскую экономику / И.Н. Платонова // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2019. — №3. — Т. 9 (87) — С. 117–121.
4. Московцева, Л.В. Роль иностранных инвестиций в устойчивом развитии экономики России / Л.В. Московцева, А.Е. Кисова, О.Н. Митрофанова // Экономика, предпринимательство и право. — 2022. — Т. 12, № 10. — С. 2795–2806. — DOI 10.18334/epr.12.10.116315. — EDN OFGHMG.
5. Дорожкина Т.В. и др. О современных механизмах привлечения иностранных инвестиций в Российскую Федерацию // Естественно-гуманитарные исследования. — 2023. — № 5 (49). — С. 82–84.

6. Овешникова Л.В., Сибирская Е. В. Иностранные инвестиции в национальную и региональную экономику России //Федерализм. — 2022. — Т. 27. — №. 1. — С. 81–95.
7. Буневич К.Г., Мутовкина А.Е. Влияние прямых иностранных инвестиций на макроэкономические показатели и международный рейтинг России //Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. — 2018. — №. 3 (26). — С. 7–15.
8. Львова Г.Н. Влияние цифровизации на прямые иностранные инвестиции в Российскую Федерацию //Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. — 2021. — №. 1 (36). — С. 71–78.
9. Федорова Е.А. и др. Оценка влияния прямых иностранных инвестиций на экономику России в период санкций на основе спилловер-эффектов //Пространственная экономика. — 2018. — №. 1. — С. 37–58.
10. Лыткин С.О. Привлечение прямых иностранных инвестиций: проблемы и пути решения в условиях санкций //Экономика, предпринимательство и право. — 2022. — Т. 12. — №. 6. — С. 1841–1854.
11. Банк России: официальный сайт. — Москва. — URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/pb/. — Текст: электронный.

© Маркова Анастасия Вячеславовна (siama23@yandex.ru); Ткачев Василий Николаевич (tkachev_mgimo@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДИКА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ В ДЕВЕЛОПМЕНТЕ

THE METHODOLOGY OF FUNCTIONAL SUPPORT OF PROJECT MANAGEMENT IN DEVELOPMENT ALGORITHMS

**D. Mishin
S. Kurovsky
A. Ermakov**

Summary. This article examines the methodology of functional support for project management in development. The analysis showed that for the successful implementation of the development project it is necessary: a) clearly define the composition of the functional blocks and cover all key areas of activity (from concept to sales); b) establish a transparent distribution of responsibilities among all members of the project team and eliminate uncertainty and duplication of responsibilities.; c) to build a reliable information support system, including electronic document management and checkpoints, thanks to which the project implementation becomes transparent, and deviations are identified and corrected in time; d) to optimize the internal business processes of the development so that they support rather than slow down the progress of the project. The fulfillment of these conditions forms a reliable foundation for the development of an effective methodology for the functional support of project management in development.

Keywords: development, project management, functional support, responsibility allocation, information support, document management, control points.

Мишин Денис Александрович

Руководитель редакционно-издательского отдела
ООО «Высшая Школа Образования»
9651530@gmail.com

Куровский Станислав Валерьевич

Руководитель научно-исследовательского
подразделения ООО «Высшая Школа Образования»
8917564@gmail.com

Ермаков Александр Алексеевич

руководитель проектов,
Группа компаний «Новый город»
ermakiwi@gmail.com

Аннотация. В данной статье исследуется методика функционального обеспечения управления проектами в девелопменте. Проведённый анализ показал, что для успешной реализации девелоперского проекта необходимо: а) чётко определить состав функциональных блоков и охватить все ключевые направления деятельности (от концепции до продаж); б) установить прозрачное распределение ответственности между всеми участниками команды проекта и исключить неопределённость и дублирование в обязанностях; в) выстроить надёжную систему информационного обеспечения, включающую в себя электронный документооборот и контрольные точки, благодаря которой реализация проекта становится прозрачной, а отклонения вовремя выявляются и корректируются; г) оптимизировать внутренние бизнес-процессы девелопмента так, чтобы они поддерживали, а не тормозили ход проекта. Выполнение этих условий формирует надёжный фундамент для разработки эффективной методики функционального обеспечения управления проектами в девелопменте.

Ключевые слова: девелопмент, управление проектами, функциональное обеспечение, распределение ответственности, информационное сопровождение, документооборот, контрольные точки.

Введение

В современных условиях заметно растёт роль проектного управления в различных отраслях экономики. По данным исследований, около 20 % глобальной экономической активности сейчас реализуется в форме проектов [1], что подчёркивает необходимость эффективных методик управления проектами, в том числе в сфере строительного девелопмента, в которой проекты характеризуются повышенной сложностью и множеством участников. Девелоперские проекты требуют координации широкого спектра функций — от планирования и финансирования до строительства и маркетинга — в условиях сжатых сроков и жёстких требований регуляторов. В таких условиях актуальным становится функциональное обеспечение управления проектами — системный подход, выступающий гарантией того,

что каждая функциональная область проекта должным образом структурирована, ответственность распределена, информационные потоки налажены, а внутренние бизнес-процессы оптимизированы под цели проекта. Отсутствие системного подхода на практике приводит к тому, что нередко возникают дублирование задач, проблемы в контроле и несогласованность действий участников, что приводит к задержкам, перерасходу бюджета и снижению качества. Таким образом, разработка и применение методики функционального обеспечения управления проектами в девелопменте является актуальной задачей для повышения эффективности и устойчивости реализации девелоперских проектов.

Материалы и методы

Исследование основано на анализе теоретических источников и обобщении практического опыта управле-

ния девелоперскими проектами. На первом этапе проведено изучение научной литературы и нормативных документов, включая ГОСТ Р 57363-2023, для выявления ключевых элементов функционального обеспечения. Далее применялся метод сравнительно-структурного анализа, позволивший выделить пять функциональных блоков управления и определить их взаимосвязи. Для оценки интеграционных механизмов использовался синтез материалов из практики реализации крупных строительных проектов, представленных в профессиональных изданиях и портфолио руководителей проектов. Результатом является разработка авторской методики.

Результаты и их обсуждение

Девелоперский проект представляет собой многоаспектный процесс, объединяющий элементы экономики, градостроительства, архитектуры и классического проектного менеджмента [2]. В одном проекте необходимо решать задачи концептуального планирования, инженерного проектирования, финансирования, строительства, маркетинга и целого ряда иных направлений. Для упорядочения этой сложной деятельности целесообразно выделять функциональные блоки управления проектом — крупные взаимосвязанные группы задач, охватывающие полный жизненный цикл объекта (далее — ЖЦО) в девелоперском проекте. В целом можно выделить пять основных блоков.

Первый функциональный блок связан с формированием замысла проекта. Здесь анализируются условия рынка и характеристики участка, разрабатывается начальная концепция объекта, оценивается экономическая целесообразность и фиксируются стратегические цели. Итогом являются обоснование инвестиций и проектный план начального уровня, служащие отправной точкой для дальнейшей реализации. Второй блок охватывает проектирование и различные согласования. На данном этапе создаётся проектно-сметная документация, определяются инженерные решения, проводятся экспертизы и получаются разрешения. Итог — утверждённый пакет документов, позволяющий приступить к строительству. Третий блок связан с финансово-экономическим обеспечением. На этом этапе формируется бюджет, график поступления средств, модель доходности и структура привлечённых ресурсов. В процессе реализации осуществляется контроль затрат и управление рисками, что поддерживает баланс между финансовыми возможностями и целями девелопера. Четвёртый блок относится к организационно-строительной реализации. Он охватывает управление подрядчиками, снабжение материалами и контроль строительных работ в соответствии с графиком и нормативами. Завершается данный блок подготовкой объекта к вводу в эксплуатацию. Наконец, пятый блок объединяет маркетинг, коммерческую

реализацию и завершение проекта. Он включает в себя продвижение объекта, оформление сделок с покупателями и арендаторами, ввод в эксплуатацию и итоговый анализ достигнутых результатов, что закрепляет конечный успех девелоперской деятельности.

В таблице ниже обобщён состав указанных блоков (табл. 1).

Таблица 1.

Состав основных функциональных блоков управления проектом в девелопменте

Функциональный блок	Ключевое содержание и задачи
Концепция и инициирование	Анализ рынка и участка; формирование концепции проекта; предварительное планирование и обоснование инвестиций.
Проектирование и согласования	Разработка архитектурно-инженерной документации; проведение экспертиз; получение разрешений и технических условий.
Финансово-экономическое обеспечение	Бюджетирование и моделирование доходности; организация финансирования (собственного и заемного); финансовый контроль и управление рисками на всех этапах.
Организация строительства	Проведение тендеров и заключение договоров с подрядчиками; управление строительными работами согласно графику; контроль качества, сроков и стоимости; управление изменениями в проекте.
Маркетинг и реализация объекта	Продвижение проекта на рынке; продажи или сдача в аренду готового объекта; взаимодействие с клиентами (покупателями, арендаторами); ввод объекта в эксплуатацию и передача пользователям.

Источник: авторская разработка.

Каждый из перечисленных функциональных блоков тесно взаимосвязан с другими; для реализации на практике требуется их интеграция посредством единого проектного замысла. Так, изменения в проектных решениях (блок проектирования) влияют на бюджет и сроки (финансовый и строительный блоки), а скорость строительства (организационный блок) определяет график маркетинговых активностей и продаж. Ключевую роль в координации этих блоков играет руководитель проекта, который обеспечивает баланс интересов и целостность управления. В настоящее время в России деятельность руководителя проекта в строительстве регулируется принятым в 2023 г. ГОСТ Р 57363-2023 [4]. Чёткое структурирование функциональных областей позволяет как видеть «картину в целом», так и назначать ответственных за каждое направление, устанавливать понятные контрольные точки и метрики успеха для каждого блока. Таким образом, состав и структура функци-

ональных блоков управления проектом в девелопменте формируют «скелет» системы управления, на основе которого строятся бизнес-процессы и распределяется ответственность.

Множество функциональных направлений в девелоперском проекте подразумевает участие разнообразных специалистов и организаций. Проектная команда в девелопменте обычно объединяет: девелопера (инвестора) — инициатора проекта, представляющего интересы собственников капитала; руководителя проекта — основного координатора; внутреннюю команду девелоперской компании (финансисты, юристы, инженеры, маркетологи); а также внешних участников — проектировщиков (архитектурно-инженерная организация), генерального подрядчика и субподрядчиков, поставщиков оборудования, консультантов и т.д.

Для успешной реализации проекта крайне важно чётко определить область ответственности каждого участника команды по соответствующим функциям и задачам. Неясность в распределении ролей может привести к дублированию, провалам в работе, конфликтам или снижению контроля над проектом [5].

На стороне девелопера (заказчика проекта) сосредоточена ответственность за стратегическое руководство и ключевые решения. Девелопер определяет цели проекта, его масштаб и требования к результату, утверждает бюджет и сроки. Также в зоне ответственности заказчика находится обеспечение финансирования проекта и общий контроль соблюдения интересов инвесторов. В ходе реализации девелопер принимает ключевые результаты этапов ЖЦО, участвует в решении крупных отклонений. Нередко от лица девелопера назначается куратор проекта на уровне топ-менеджмента, отслеживающий прогресс и оказывающий поддержку руководителю проекта в устранении барьеров.

Таким образом, можно обобщить распределение ответственности (табл. 2).

Чёткое распределение ответственности обеспечивает каждому участнику понимание своего вклада в общий успех, что снижает риски взаимных обвинений и простоев, так как каждая задача закреплена за ответственным лицом. Система ответственности также формирует вертикаль принятия решений — рядовые исполнители отвечают за выполнение конкретных задач, руководитель проекта — за интеграцию результатов и оперативные решения, девелопер — за стратегические вопросы. Таким образом, благодаря распределению функций по ролям достигается прозрачность и контролируемость проекта даже в условиях большого числа участников и сложной структуры работ.

Таблица 2.
Распределение ответственности основных участников команды управления проектом в девелопменте

Участник проекта	Зона ответственности (функции и задачи)
Девелопер (Инвестор)	Определение целей и ключевых параметров проекта; утверждение бюджета и сроков; финансирование проекта; принятие ключевых решений и результатов этапов; общее руководство и контроль со стороны заказчика.
Руководитель проекта	Оперативное управление проектом в целом; планирование и координация всех работ; распределение задач и ресурсов; мониторинг сроков, бюджета, качества; управление рисками и изменениями; коммуникация между всеми участниками.
Проектировщик (архитекторы или инженеры)	Разработка проектной и сметной документации согласно техническому заданию; прохождение экспертиз; внесение изменений в проект по необходимости; авторский надзор во время строительства; обеспечение технической реализуемости и соответствия нормативам.
Генеральный подрядчик	Организация и выполнение строительно-монтажных работ; координация субподрядчиков и рабочих на площадке; соблюдение технологической дисциплины, техники безопасности; достижение этапных результатов строительства в срок; ведение исполнительной документации.
Маркетинг и продажи	Продвижение проекта на рынок; поиск и привлечение покупателей или арендаторов; проведение сделок купли-продажи или аренды; работа с клиентами (потенциальными и текущими); подготовка к передаче объекта эксплуатации.

Источник: авторская разработка.

Важным инструментом согласованности действий участников и своевременной передачи данных в девелоперском проекте служит информационное сопровождение. Так, масштаб современного строительства порождает значительные массивы документов и сообщений, и при отсутствии единой системы они рассеиваются и теряют актуальность [7]. Создание общей цифровой среды на базе облачных платформ или специализированных систем позволяет зафиксировать планы, графики и отчёты в одном пространстве, что облегчает их использование и ускоряет принятие решений. В частности, именно поэтому в настоящее время настолько актуальным является использование технологии информационного моделирования (ТИМ).

Электронный документооборот является необходимым условием современного управления строительством. Переход от «бумаги» к цифровым форматам снижает затраты, ускоряет согласования и делает взаи-

модействие участников более прозрачным. Электронная подпись обеспечивает юридическую силу документов, а централизованное хранение данных исключает риск их утраты и упрощает к ним доступ. Практика показывает, что вследствие цифровизации сокращается время согласовательных процедур и повышается предсказуемость сроков.

Наряду с этим большое значение имеют контрольные точки, фиксирующие ключевые результаты проекта в установленные сроки. Они привязаны к завершению важных этапов — от получения разрешения на строительство до ввода объекта в эксплуатацию. Основанная на контрольных точках система даёт руководству и команде ясные ориентиры, позволяет оценивать прогресс по факту достижения результата и выявлять требующие корректирующих мер отклонения.

Информационное сопровождение, документооборот и контрольные точки образуют единую систему мониторинга. Каждое ключевое событие подтверждается документально и фиксируется в информационной системе, что обеспечивает достоверность анализа и управленческих решений. Информация становится инструментом прогноза, документы закрепляют права и обязанности сторон, а контрольные точки задают логику развития проекта. В совокупности они формируют условия для

результативного управления девелоперскими инициативами.

Систематизация рассмотренных компонентов показывает, что управление девелоперским проектом не может ограничиваться выделением функциональных блоков, разграничением обязанностей и организацией информационного обеспечения. Каждая из этих составляющих может действовать результативно только при условии их взаимосвязи в единую конструкцию управления проектом, в рамках которой фиксируются точки контроля, согласуются информационные потоки и закрепляется ответственность участников.

Для отражения этой взаимосвязанной структуры представляется целесообразным предложить методику функционального обеспечения управления проектами в девелопменте в виде авторской схемы, отражающей целостную систему взаимозависимостей (рис. 1). Авторская схема представляет собой многоуровневую структуру, в центре которой расположен ЖЦО от концепции до коммерческой реализации.

На этот горизонтальный ряд «накладываются» блоки информационного сопровождения, документооборота и контрольных точек, создающие условия для согласованного движения по этапам. Над ними располагается

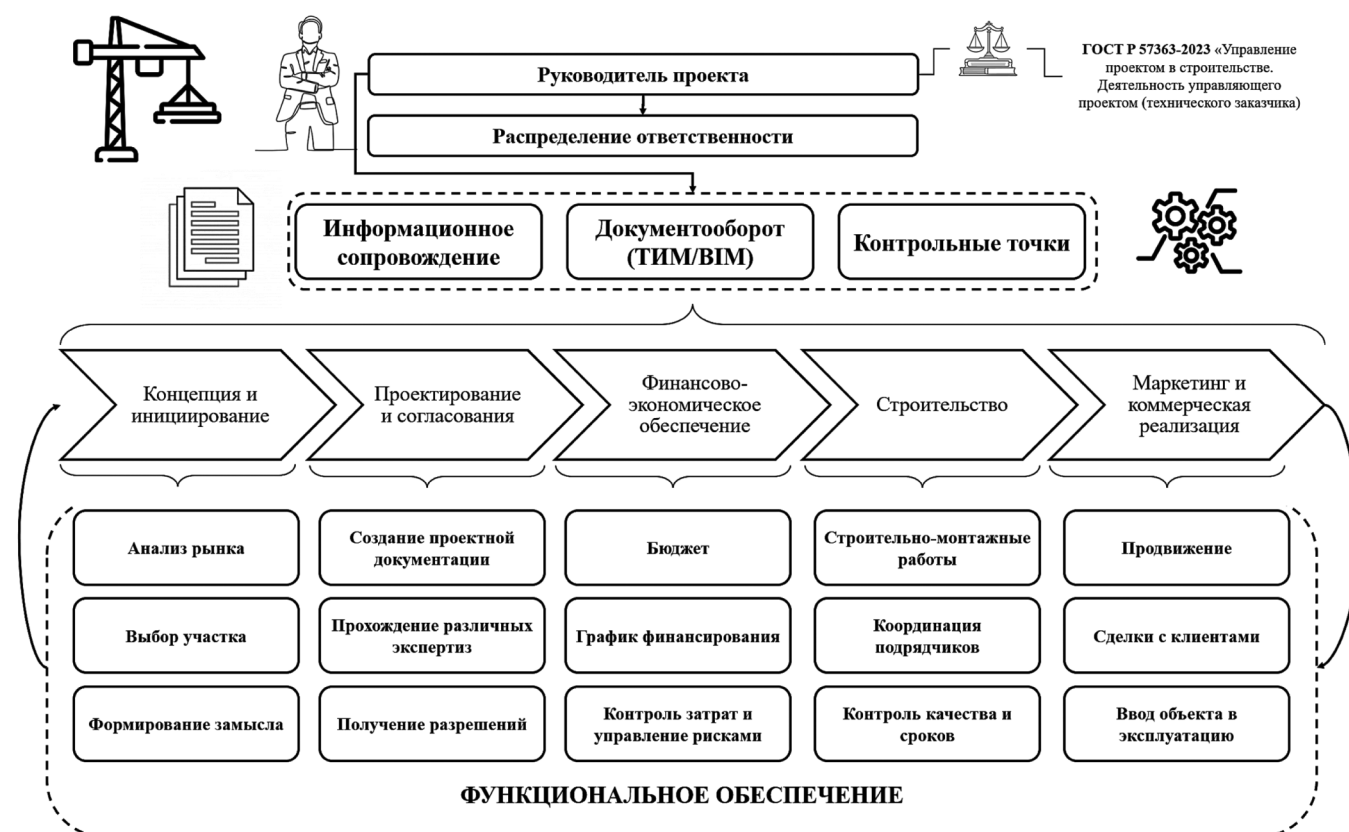

Рис. 1. Методика функционального обеспечения управления проектами в девелопменте
 Источник: авторская разработка

уровень управленческой координации — распределение ответственности и функция руководителя проекта, что отражает необходимость интеграции командных усилий и фиксации зон ответственности.

Предлагаемая методика функционального обеспечения управления проектами в девелопменте отражает систему взаимозависимостей, в которой проектные решения оказывают влияние на бюджет, финансирование влияет на скорость строительства, а темпы реализации определяют динамику маркетинга.

Контрольные точки закрепляют движение проекта, а документооборот (ТИМ) обеспечивает юридическую и организационную фиксацию решений. Информационная среда соединяет все уровни, а также формирует основу для мониторинга и корректировки управленческих действий. В результате методика отражает многомерную модель, в которой функции управления распределены по блокам, однако при этом связаны между собой перекрёстными связями и управляющей надстройкой.

Для обеспечения функциональной поддержки проектов девелоперам недостаточно структурировать функции и распределить ответственность — также необходимо оптимизировать внутренние бизнес-процессы компании под задачи проектного управления

Девелоперская деятельность затрагивает сразу несколько подразделений организации (инвестиционный отдел, служба заказчика, юридический департамент, отдел продаж и др.), и от того, насколько слаженно работают эти внутренние процессы, напрямую зависит успех проектов. Действующие в компании регламенты и процедуры должны соответствовать динамике проектов — если корпоративные согласования слишком бюрократичны или коммуникация между отделами затруднена, проект будет пробуксовывать даже при грамотном руководстве. Практика показывает, что текущие проекты формируют основу операционной деятельности девелопера и задают темп остальным бизнес-процессам компании [8]. Оптимизация управления в девелоперских компаниях направлена на устранение узких мест, связанных с разобщённостью отделов, дублированием функций и затяжными циклами согласований. Устранение подобных проблем достигается анализом существующих процедур, исключением лишних звеньев и интеграцией подразделений в кросс-функциональные команды, когда за счёт прямого взаимодействия решения принимаются быстрее. В практике девелопмента применяются различные инструменты совершенствования бизнес-процессов. Так, концепция бережливого управления нацелена на сокращение всех видов потерь и упрощение процедур. В случаях, когда требуется радикальное обновление, используется реинжиниринг бизнес-процессов. Существенное значение имеет цифровизация,

включающая в себя внедрение корпоративных систем и использование ТИМ, облачных сервисов и инструментов мониторинга.

Например, использование систем управления проектным портфелем позволяет отслеживать загрузку ресурсов по всем текущим проектам и распределять их оптимально, избегая простоев или перегрузок. Инновационные технологии (ТИМ (BIM), интернет вещей (IoT), облачные сервисы и мн. др.), также встраиваются во внутренние процессы — от взаимодействия с подрядчиками до контроля эксплуатации построенных объектов. Всё это подчинено одной цели — сделать внутреннюю организацию максимально гибкой, быстрой и ориентированной на результат проекта за счёт устранения пережитков бумажного делопроизводства и фрагментарности.

В целом можно выделить ключевые аспекты оптимизации внутренних бизнес-процессов в девелопменте (табл. 3).

Таблица 3.

Ключевые аспекты оптимизации внутренних бизнес-процессов в рамках управления проектом в девелопменте

Направление оптимизации	Содержание изменений	Ожидаемый результат
Устранение организационных разрывов	Создание кросс-функциональных проектных команд, сокращение звеньев согласования, исключение дублирования функций	Снижение фрагментарности процессов, ускорение принятия решений, повышение согласованности действий
Применение современных управленческих концепций	Использование принципов бережливого управления и реинжиниринга процессов, стандартизация типовых процедур и документов	Сокращение потерь времени и ресурсов, повышение предсказуемости результатов, упрощение управленческих циклов
Цифровизация процессов	Внедрение корпоративных информационных систем, BIM, облачных сервисов и инструментов мониторинга	Автоматизация рутинных операций, прозрачность информации, повышение скорости обмена данными и контроля ресурсов

Источник: авторская разработка.

Результатом оптимизации внутренних бизнес-процессов является заметное повышение эффективности как отдельных проектов, так и деятельности компании в целом.

Оптимизированная организация способна быстрее принимать решения, более оперативно реагировать

на изменения внешней среды (например, новые требования регуляторов или рыночные условия), с меньшими затратами достигать успешной реализации этапов проектов.

Кроме того, улучшается качество взаимодействия с внешними партнёрами: упрощённые процессы позволяют удобнее работать подрядчикам и поставщикам, повышают их лояльность.

В конечном счёте оптимизация бизнес-процессов выливается в усиление конкурентных преимуществ девелопера. Современные тренды девелопмента показывают, что интеграция инноваций и совершенствование методов работы приводят к более эффективно и устойчивому развитию компаний. Проще говоря, девелопер, сумевший наладить внутреннюю «машину» управления проектами, реализует проекты быстрее, дешевле и с прогнозируемым результатом, что привлекает инвесторов и клиентов.

Также возрастает способность компании масштабировать свой бизнес, а именно запускать больше проектов параллельно с учётом пропорционального роста бюрократии, так как процессы уже оптимизированы. Немаловажно и то, что внутренняя культура непрерывных улучшений закрепляет полученный эффект, поскольку персонал привыкает искать и устранять узкие места, а также держать «руку на пульсе», т.е. концентрироваться на целях проекта.

Таким образом, оптимизация бизнес-процессов напрямую подкрепляет методику функционального обеспечения управления проектами, создавая организационную среду, в которой эта методика наиболее полно реализует свой потенциал.

Заключение

Представленный анализ показал, что для грамотного управления девелоперскими проектами требуется комплексный подход, когда структурирование функциональных блоков сочетается с чётким распределением ответственности, регламентацией информационных потоков и фиксацией ключевых этапов реализации.

Включение в модель элементов электронного документооборота, контрольных точек и цифровых инструментов обеспечивает прозрачность и своевременность управленческих решений, а оптимизация внутренних процессов устраняет разрывы и снижает издержки.

Авторская методика функционального обеспечения управления проектами позволяет рассматривать проект как единую систему взаимозависимостей, в которой организационные и управленческие механизмы согласованы с целями девелопера и всеми заинтересованными сторонами. Предложенная методика задаёт основу для практического совершенствования проектного управления в строительном девелопменте и может служить инструментом повышения результативности и устойчивого развития современных компаний в условиях усложняющейся внешней среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Global and regional development trends // OECD. Available online: <https://www.oecd.org/en/topics/global-and-regional-development-trends.html> (accessed on 22.08.2025).
2. Губайдуллин Д.В., Ивонин А.С., Кабанов С.А. Особенности эффективного управления проектами в девелопменте // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2025. — Т. 35. — № 1. — С. 25–32.
3. Куровский С.В., Максименко Е.М., Педенко В.А. Разработка подхода к организации строительства в условиях активного использования цифровых технологий и инструментов // Экономика строительства. — 2025. — № 3. — С. 156–160.
4. Васильев С.И., Долбин Д.Д., Миркамалов М.М. Девелопмент и управление инвестиционно-строительными проектами в концепции устойчивого развития // Международная научно-техническая конференция молодых ученых БГТУ им. В.Г. Шухова. — 2022. — С. 32–36.
5. Куровский С.В., Максименко Е.М., Педенко В.А. Информатизация процессов управления инвестиционно-строительными проектами // Инновации и инвестиции. — 2025. — № 4. — С. 56–60.
6. Тлешова А.Б. Методика управления ликвидностью в инвестиционных проектах девелопмента в условиях нестабильного рынка // Universum: экономика и юриспруденция. — 2024. — Т. 1. — № 12 (122). — С. 14–20.
7. Каширин К.Д., Куровский С.В., Мишин Д.А., Соснин Д.А., Бурдик В. Инновационные технологии в строительстве: цифровая трансформация отрасли // Экономика строительства. — 2024. — № 6. — С. 425–428.
8. Camplisson C., Cormican K. Analysis of emotional intelligence in project managers: Scale development and validation // Procedia Computer Science. — 2023. — Vol. 219. — P. 1777–1784.
9. Jääskä E. et al. Bridging change and project management: A review and future research directions // Project Leadership and Society. — 2025. — Vol. 6. — P. 1–11.
10. Badran S.S., Abdallah A.B. Lean vs agile project management in construction: impacts on project performance outcomes // Engineering, Construction and Architectural Management. — 2025. — Vol. 32. — No. 5. — P. 2844–2869.

© Мишин Денис Александрович (9651530@gmail.com); Куровский Станислав Валерьевич (8917564@gmail.com);

Ермаков Александр Алексеевич (ermakiwi@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЕГО РАЗВИТИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

HUMAN CAPITAL AND THE FACTORS INFLUENCING ITS DEVELOPMENT: THE THEORETICAL ASPECT

M. Nazarov

Summary. As you know, one of the main objectives of the socio-economic policy pursued in our country in the modern period is to direct the results of the achieved economic growth towards social development. Macroeconomic stability and sustainable development of the real sector of the economy, achieved as a result of economic policy, have created objective prerequisites for solving social problems of society.

In fact, the main goal of development is to expand human opportunities, enrich both the material and spiritual life of the people, which is their true wealth. It is thanks to this that people live full, valuable and creative lives. At the same time, a person is considered as both a recipient of the benefits of development and a driving force of progress and change. This process should be based on the equal participation of all spheres and their equal opportunities. This approach to development — human-centered development — has been the central concept of the Human Development Report since 1990.

Keywords: human capital, human resources, education, technology, transformation.

Назаров Мехман Эльман оглы

Докторант, Азербайджанский государственный
экономический университет
ig_em@mail.ru

Аннотация. Как известно, одной из главных задач социально-экономической политики, проводимой в современный период в нашей стране, является направление результатов достигнутого экономического роста на цели социального развития. Макроэкономическая стабильность и устойчивое развитие реального сектора экономики, достигнутые в результате экономической политики, создали объективные предпосылки для решения социальных проблем общества.

По сути, главная цель развития — это расширение возможностей человека, обогащение как материальной, так и духовной жизни народа, являющегося его подлинным богатством. Именно благодаря этому люди живут полноценной, ценной и творческой жизнью. При этом человек рассматривается как одновременно получатель благ развития и движущая сила прогресса и перемен. Этот процесс должен основываться на равном участии всех сфер и их равных возможностях. Такой подход к развитию — развитие, ориентированное на человека — с 1990 года стал центральной концепцией Доклада о развитии человека.

Ключевые слова: человеческий капитал, человеческие ресурсы, образование, технологии, трансформация.

Введение

В последние годы проблема человеческого капитала стала одной из наиболее исследуемых тем в экономической теории, и интерес к этой области с каждым днём растёт. Несмотря на то что значение человеческого капитала как одного из основных показателей экономического развития возрастает, на практике наблюдаются определённые трудности в реализации провозглашённых приоритетов его развития. Это, в свою очередь, делает необходимым пересмотр данных приоритетов в соответствии с требованиями времени. Все эти процессы, естественным образом, стали результатом синтеза существующего исторического опыта и новых теоретических подходов.

Переход к информационному обществу вызвал значительные изменения как в экономической сфере, так и во всех сферах жизнедеятельности человеческой цивилизации. Экономические трансформации, происходящие в обществе, привели к изменению сути факторов, определяющих динамику экономического развития,

а также к переоформлению основных участников системы экономических отношений. Информация приобрела статус основного предмета экономических отношений, вытеснив традиционные товарные формы. Физический капитал и материальные активы, ранее считавшиеся основным фактором экономического роста, уступили место нематериальному капиталу. В современную эпоху знания и образование выступают в качестве ключевых компонентов экономической системы и главных условий получения дохода. В результате понятие «экономика знаний» превратилось в одно из ведущих направлений современных экономических исследований.

Теоретические аспекты концепции человеческого капитала

На протяжении истории знание служило фундаментом социального и экономического прогресса. В современных условиях, когда на первый план выходит экономика, основанная на знаниях, центральное место занимает человек как носитель знаний и основной субъект экономических процессов. Государство, наряду

с участниками рынка, становится активным актором, способствующим формированию человеческого капитала.

Понятие «человеческий капитал» вошло в научный оборот в 1960–1970-х годах и охватывает знания, навыки, образование, здоровье — всё, что повышает экономическую продуктивность человека. В условиях глобализации развитие человеческого капитала становится стратегической задачей: он признан одним из ключевых факторов конкурентоспособности национальных экономик.

Уровень человеческого капитала напрямую зависит от качества образования, научного потенциала, кадрового ресурса, а также от готовности системы управления инвестировать в развитие личности. Страны, демонстрирующие высокий уровень научно-технического прогресса, придают приоритетное значение развитию образовательной инфраструктуры, что позволяет им адаптироваться к вызовам цифровой экономики. Особое внимание при этом уделяется капиталообразующей функции здоровья как одного из ключевых факторов, обеспечивающих реализацию образовательных и профессиональных потенциалов личности [1, с. 14].

Формирование человеческого капитала требует системного подхода, в котором наука, образование, менеджмент и государственная политика работают согласованно. Реализация человеческого капитала осуществляется на многоуровневой основе — от семейного до государственного — с присущей этому процессу асимметрией затрат и отдачи [7, с. 82–84].

В этом контексте исследование человеческого капитала как самостоятельной экономической категории приобретает особую актуальность. Он становится не только показателем уровня развития, но и инструментом достижения устойчивого роста. Бекетова Ю.А. и Солодкова И.В. рассматривают инвестиции в человеческий капитал как фактор социально-экономического роста региона [2, с. 35],

Азербайджан в последние три десятилетия выстраивает свою национальную экономику на либеральных принципах, постепенно переходя к модели информационного общества. Уникальное географическое положение и природные ресурсы обеспечили устойчивое развитие и международную интеграцию страны, однако дальнейший прогресс всё более зависит от человеческого капитала.

Человеческий капитал рассматривается как ключевой стратегический ресурс, способный заменить традиционные источники дохода, такие как нефть и газ. Таким образом, человеческий фактор становится вторым по значимости «продуктом» Азербайджана после энергетических ресурсов. Это означает осознанный поворот

к инвестициям в знания, компетенции и социальное развитие.

Развитая система управления в стране ориентирована на снижение внешних рисков и поддержку факторов долгосрочного роста, включая образование, здравоохранение и науку. В последние годы государственные программы охватывают как социальную, так и экономическую сферы, создавая институциональную базу для воспроизводства и накопления человеческого капитала.

Для повышения конкурентоспособности Азербайджана как участника глобальной экономики необходим высокий уровень квалификации рабочей силы. Отметим, что ключевой дефицит наблюдается в отраслях информационных технологий, агроинжиниринга, электронного производства, финтеха и управления инновациями, где требуются специалисты с междисциплинарными знаниями, проектными и цифровыми навыками. Это важно и для привлечения иностранных инвестиций: транснациональные компании делают ставку на наличие квалифицированного персонала. Следовательно, укрепление человеческого потенциала становится приоритетом национальной экономической стратегии.

Развитие человеческого капитала определяется совокупностью условий, способствующих формированию и использованию знаний, навыков и творческого потенциала. В Азербайджане ключевыми факторами выступают уровень образования, доступ к медицинским и социальным услугам, возможности профессионального роста и социальная мобильность.

Несмотря на высокий уровень грамотности населения, экономика страны по-прежнему опирается на экспорт энергетических ресурсов и развитие сферы услуг. Для перехода к диверсифицированной экономике необходимы системные усилия по формированию кадрового потенциала в наукоёмких и технологически сложных секторах. Илларионова И.В. подчёркивает значение человеческого капитала как фактора устойчивого развития национальной экономики [5, с. 93].

Человеческий капитал играет важную роль не только в экономике, но и в политической и социальной сферах. Его экспорт способствует усилению международного авторитета Азербайджана, расширению диаспоры и повышению глобального представительства страны.

Одним из важнейших аспектов является формирование кадрового резерва для системы государственного управления. Устойчивое развитие требует наличия компетентного и мотивированного человеческого ресурса, особенно в условиях реформ и трансформаций. Осознание этой необходимости со стороны государственных институтов подтверждается приоритетной ролью человеческого капитала в национальной стратегии.

Глобальный опыт последних лет показывает, что развитие цифровой экономики стало ключевым фактором трансформации национальных экономических систем. В таких условиях приоритет приобретает не сырьевой потенциал, а накопление интеллектуальных ресурсов и развитие человеческого капитала.

В Азербайджане растёт спрос на креативный и профессионально подготовленный человеческий капитал, способный адаптироваться к инновационной среде. Формирование такого капитала требует системной интеграции образования, научных исследований, технологических разработок и трудовой практики.

Цифровизация экономики способствует воспроизводству продуктивных качеств человеческого капитала: знания, навыки, мотивация к обучению и труду усиливаются через постоянное обновление компетенций. Этот процесс подкрепляется модернизацией образовательных систем, совершенствованием рыночных механизмов и распространением знаний. Исследования показывают, что развитие человеческого капитала в условиях цифровизации требует адаптации управления, цифровых навыков и постоянного повышения квалификации [3, с. 59–60].

Азербайджанская экономика, вступающая в фазу инновационного роста, сталкивается с вызовами, связанными с необходимостью непрерывного обновления кадров. Успешное освоение цифровой модели развития требует системной государственной поддержки, направленной на подготовку высококвалифицированных специалистов, способных генерировать и применять знания в условиях быстро меняющейся технологической среды.

Методологические подходы к оценке человеческого капитала

Оценка человеческого капитала представляет собой сложную методологическую задачу, к которой применяются два основных подхода: ретроспективный, ориентированный на учёт затрат, и перспективный, основанный на оценке ожидаемых доходов от вложений в человека.

Ретроспективная модель, впервые предложенная Энгелем, предполагает учёт расходов на содержание, воспитание и образование до достижения трудоспособного возраста. Однако данный подход ограничен, поскольку не учитывает общественные издержки, качество инвестиций и уровень дохода, который человек может реально принести экономике.

Перспективный подход, развиваемый такими экономистами, как Беккер, Туроу и Фридман, предлагает оценивать человеческий капитал через соотношение дохо-

дов от образования и затрат на него. Беккер, например, рассматривал зарплату как результат совокупности простого труда и инвестированного в человека капитала. Фридман предложил рассчитывать стоимость человеческого капитала как дисконтированную сумму доходов за трудовую жизнь.

Современные модели, включая расчёты Всемирного банка, учитывают широкий круг переменных: уровень образования, здравоохранения, питания, жилищных условий и др. [14, с. 97]. Однако ни один из подходов не обеспечивает полной точности: особенно сложно учесть качественные характеристики, такие как мотивация, здоровье, личностные качества и влияние среды.

Таким образом, оценка человеческого капитала требует комплексного и адаптивного подхода, особенно в условиях цифровой трансформации экономики, где ценность знаний и навыков быстро меняется, а циклы востребованности профессий укорачиваются.

Классические теории человеческого капитала были заложены в трудах Т. Шульца, Г. Беккера, Дж. Кендрика, Л. Туроу и М. Фридмана. Эти исследователи сформировали базу для понимания того, как инвестиции в человека трансформируются в экономическую ценность.

Теодор Шульц первым обозначил образование как форму капитала, становящегося частью личности и источником доходов. Он считал, что инвестиции в образование и здравоохранение — ключ к росту производительности [13, с. 5].

Гэри Беккер предложил концепцию, в которой человеческий капитал состоит из знаний и умений, увеличивающих заработную плату. Он сравнивал доходы людей с разным уровнем образования, определяя разницу как «прибыль» от инвестиций [10].

Джон Кендрик расширил понимание человеческого капитала, включив в него расходы на воспитание, миграцию, жильё, профессиональное обучение и медицину. Его оценки учитывали не только личные, но и общественные инвестиции [10].

Лестер Туроу и Милтон Фридман оценивали человеческий капитал через рыночную стоимость доходов. Фридман рассматривал его как собственность, приносящую дисконтированный поток будущих доходов в течение всей жизни [11, с. 124].

Несмотря на различия в подходах, все классические теории подчёркивают: человеческий капитал — это неотъемлемый, накапливаемый ресурс, критически важный для устойчивого роста и инновационного развития экономики.

Человеческий и физический капитал: сопоставление и выводы

Современное понимание человеческого капитала расширилось: он включает не только инвестиции в образование и здоровье, но и расходы на культурное развитие, семью, условия жизни. В отличие от физического капитала, человеческий:

- неотделим от личности, зависит от мотивации, интересов и инициативы индивида;
- требует постоянного обновления, так как подвержен моральному устареванию;
- формируется на долгосрочной основе, обеспечивая устойчивый доход;
- мало ликвиден, поскольку не может быть отчуждён или быстро конвертирован.

Тем не менее, с физическим капиталом его роднит долгосрочное использование, ограниченный срок службы, необходимость в обновлении, а также рыночная оценка через соотношение спроса и предложения.

В результате научного анализа можно выделить два базовых подхода к определению человеческого капитала:

Ресурсный подход — как совокупность знаний, навыков и умений.

Инвестиционный подход — как результат вложений в развитие личности.

В контексте Азербайджана человеческий капитал становится не просто экономическим понятием, но и важнейшей основой устойчивого развития. Он обеспечивает конкурентоспособность, адаптацию к цифровой трансформации и выход на глобальные рынки. С учётом современной роли знаний и интеллекта, формирование и укрепление человеческого капитала в стране — не альтернатива, а необходимость.

Человеческий капитал включает как врождённые качества (способности, таланты), так и приобретённые — образование, здоровье, профессиональные навыки, интеллектуальный и трудовой потенциал. Он формируется в процессе обучения и практической деятельности, при этом в научной литературе отсутствует единая структура — исследователи по-разному определяют его компоненты.

Для организаций человеческий капитал — стратегический ресурс, от эффективности использования которого зависит производительность и устойчивое развитие. В условиях конкуренции успех обеспечивают гибкие, инициативные и адаптивные сотрудники, обладающие профессиональными и личностными компетенциями.

Создание мотивирующей рабочей среды — одна из ключевых задач. Важны охрана труда, системы бонусов, гибкие графики, оценка эффективности и карьерное развитие. Всё это требует согласованной работы управленческой команды и выстроенной организационной структуры.

Менеджеры по персоналу должны содействовать обмену знаниями, стимулировать инициативу и создавать условия для интеграции сотрудников в общую стратегию. Только в атмосфере доверия, профессионализма и вовлечённости можно добиться максимальной отдачи от человеческого капитала.

Организационная структура, основанная на компетентности, а не статусе, должна обеспечивать гибкость и эффективный информационный обмен. Важна чёткая система управленческих компетенций и мотивационных механизмов, направленных на развитие потенциала сотрудников и удержание ключевых специалистов.

Взаимосвязь и взаимное влияние экономического развития и человеческого капитала в Азербайджане: текущее состояние и перспективы

В центре государственной политики Азербайджана находится человек — благосостояние граждан и достойный уровень жизни. Государство ставит перед собой цель, развивая знания и навыки населения в соответствии с требованиями современного рынка труда, повысить уровень социального благополучия, сформировать конкурентоспособный человеческий капитал, обеспечить высокий уровень цифровой культуры и цифровых навыков в обществе, а также создать экономику, основанную на инновационных технологиях. В условиях глобальной конкуренции Азербайджан определил развитие человеческого капитала в качестве одного из ключевых приоритетов достижения устойчивого процветания.

С этой целью в стране активно ведётся работа по созданию благоприятной инфраструктуры для развития цифровой экономики и современных технологий. Важным шагом стало создание Центра анализа и координации Четвёртой промышленной революции в соответствии с распоряжением Президента Азербайджанской Республики от 6 января 2021 года. Данный центр призван вывести страну на передовые позиции в условиях новой технологической конкуренции.

Кроме того, реализуются новые проекты, направленные на формирование человеческого капитала и кадрового потенциала, продвижение профессиональных специалистов, а также обеспечение устойчивого развития и эффективности в системе управления. Эти инициативы способствуют укреплению взаимосвязи между

экономическим развитием и человеческим капиталом, формируя прочную основу для будущих социально-экономических преобразований. Существенный вклад в повышение конкурентоспособности кадров вносит Государственная программа обучения молодёжи в престижных высших учебных заведениях за рубежом (2022–2026). Она предусматривает ежегодное направление 400 студентов (320 — в магистратуру, 80 — в бакалавриат), финансируемое в рамках ГНФАР: 36,7 млн манат в 2023 г. и 47,5 млн манат в 2024 г. Программа позволяет развить ключевые компетенции (IT, инженерия, управление, аналитика) и расширяет образовательные горизонты азербайджанских студентов [15].

В современном мире, включая Азербайджан, реализация человеческого капитала приобретает важнейшее социально-экономическое значение. Этот актив, формируемый за счёт инвестиций в образование и профессиональную подготовку, способен приводить в действие производственные ресурсы, создавать дополнительную стоимость и служить основой устойчивого развития.

Для повышения отдачи от человеческого капитала необходимо постоянное обновление технических знаний и навыков работников. Чем выше их уровень, тем выше потенциал экономики к инновациям, технологическому обновлению и выпуску продукции с высокой добавленной стоимостью.

Уровень развития страны сегодня определяется не столько природными ресурсами, сколько состоянием системы образования, науки и подготовки кадров. Рост человеческого капитала обеспечивает внедрение достижений научно-технического прогресса и способствует улучшению качества жизни населения.

Решение этой задачи требует устойчивого и приоритетного инвестирования в человеческий капитал как со стороны государства, так и со стороны частного сектора. Особое внимание должно уделяться расширению доступа к современному образованию и профессиональным программам, обеспечивающим соответствие мировым стандартам.

Президент Ильхам Алиев подчёркивает: «Наше главное богатство — это знания и образованность наших людей. Мы должны превращать материальный капитал в человеческий. И мы это делаем» [9, с. 439]. Эти слова отражают стратегический курс Азербайджана — на превращение знаний и компетенций в двигатель социально-экономического роста.

Человеческий капитал и устойчивое развитие: опыт Азербайджана

Согласно целям развития тысячелетия ООН, устойчивое развитие невозможно без постоянного обновле-

ния и инвестиций в человеческий капитал. Эта задача является приоритетной для Азербайджана, что находит отражение в государственной политике последних десятилетий.

Ещё в советский период Гейдар Алиев начал стратегическую линию на развитие образования, активно направляя молодёжь на обучение за пределами республики. Сегодня эта политика продолжается: реализуются программы по подготовке специалистов за рубежом, информатизации образования и модернизации учебного процесса.

Особое внимание уделяется развитию технического образования, что обусловлено диверсификацией экономики. Рост несырьевых и производственных отраслей требует специалистов, владеющих современными техническими компетенциями. Пандемия COVID-19 ускорила цифровую трансформацию сферы образования, способствуя активному внедрению ИКТ и дистанционных форм обучения.

Азербайджан стал частью глобальной образовательной среды: в стране используются решения Microsoft, Cisco, Adobe, и развиваются партнёрства с международными образовательными структурами. Условия для обучения за границей способствуют подготовке нового поколения управленцев, обладающих глобальными компетенциями.

Таким образом, Азербайджан активно адаптирует международный опыт в сфере формирования человеческого капитала, ориентируясь на устойчивое развитие и интеграцию в глобальное образовательное и экономическое пространство.

Заключение

Роль человеческого капитала в современной экономике и производственных процессах может быть обобщена следующим образом:

Формирование человеческого капитала — это совместный процесс, в котором участвуют как индивидум, так и государство. Государство поддерживает этот процесс, инвестируя в качественное развитие носителей ценностей.

На эффективность инвестиций, направленных на развитие человеческого капитала, влияют такие важные факторы, как историческое наследие общества, национальные ценности и мировоззрение, экономическая политика государства, правовая и нормативная база управления обществом, уровень благосостояния населения, состояние системы образования и здравоохранения.

Человеческий капитал, прежде всего, объединяет социальные и антропологические характеристики личности. Его формирование и использование зависят от физических возможностей, знаний и навыков человека.

Человеческий капитал не может быть быстро конвертирован в денежную форму. Он не становится объектом обмена, что снижает его ликвидность: человек не может напрямую вовлечь этот капитал в рыночные процессы.

Уровень человеческого капитала определяется рядом факторов, включая волю субъекта экономических отношений, его экономические интересы, культурный уровень, внутреннюю культуру предприятия, форму организации труда, условия труда и состояние окружающей среды.

Ключевыми направлениями развития человеческих ресурсов являются обеспечение благосостояния сотрудников, планирование карьеры, оценка эффективности их деятельности, система вознаграждений и бонусов,

повышение продуктивности через обучение и ротацию персонала. Таким образом, функции отдела по работе с персоналом могут быть эффективно реализованы, что станет важным шагом на пути к достижению стратегических целей организации.

В условиях современной экономики человеческие ресурсы, представленные человеческим капиталом и обеспеченные эффективным планированием и развитием, могут стать значимым источником конкурентного преимущества для предприятия. При этом необходимо подчеркнуть, что развитие человеческого капитала требует межсекторального взаимодействия: только в условиях партнёрства государства, образовательных учреждений, бизнеса и научных институтов возможно формирование среды, способной эффективно воспроизводить и использовать знания. Особенно важно стимулировать дуальные формы образования, стажировки, совместные исследовательские проекты и публично-частное сотрудничество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алышова Ч.А. Роль здоровья в развитии человеческого капитала: на примере Азербайджана // *Фундаментальные исследования*. 2021. № 1. С. 13–17.
2. Бекетова Ю.А., Солодкова И.В. Инвестиции в человеческий капитал как фактор социально-экономического роста региона // *Экономика. Налоги. Право*. 2018. Т. 11, № 5. С. 34–41.
3. Гаджиева Л.А., Бархударов М.И. Управление человеческим капиталом в эпоху цифровизации экономики // *Направления развития рыночной экономики*. 2024. Т. 45 № 3. С. 58–72.
4. Гордеев С.В. Человеческий капитал: экономическая сущность и особенности формирования в цифровую эпоху // *Вестник университета (Государственный университет управления)*. 2021. № 5. С. 48–55.
5. Илларионова И.В. Человеческий капитал как фактор устойчивого развития национальной экономики // *Наука. Общество. Государство*. 2022. № 2 (30). С. 92–98.
6. Мау В.А. Человеческий капитал и модернизация российской экономики // *Вопросы экономики*. 2012. № 6. С. 5–25.
7. Рустамбекова Н. Теоретические основы и практика многоуровневого исследования человеческого капитала // *İpək Yolu*. 2018. № 4. С. 81–90. 13
8. Щетинин А.В. Интеллектуальный и человеческий капитал: сравнительный анализ и значение для инновационного развития // *Проблемы прогнозирования*. 2015. № 1. С. 68–76.
9. Müasir Azərbaycanda davamlı inkişafın təmin olunmasında insan kapitalın rolu // *Azərbaycan Respublikası Prezidenti yanında Dövlət İdarəçilik Akademiyası, Azərbaycanda regional inkişafın idarə olunmasında müasir istiqamətlər mövzusunda Respublika elmi-praktik konfransının materialları*. Bakı. 22 Aprel 2019. S. 438–445
10. Becker G.S. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. 3rd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1993. 390 p.
11. Friedman M. *The Role of Government in Education* // Solo R. A. (ed.). *Economics and the Public Interest*. New Brunswick: Rutgers University Press, 1955. P. 123–144.
12. Kendrick J.W. *The Formation and Stocks of Total Capital* // *Review of Income and Wealth*. 1976. Vol. 22, No. 1. P. 1–40.
13. Schultz T. W. *Investment in Human Capital* // *The American Economic Review*. 1961. Vol. 51, No. 1. P. 1–17.
14. World Bank. *World Development Report 2019: The Changing Nature of Work*. Washington, DC: World Bank, 2019. 148 p.
15. <https://president.az/ru/articles/view/69040> (Дата обращения 06.06.2025)

© Назаров Мехман Эльман оглы (ig_em@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ КОНЦЕПТА «ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА» ВО ВСЕМИРНОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Платонова Елена Дмитриевна

доктор экономических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет,
ed.platonova@mpgu.edu

ABOUT THE SCIENTIFIC AND INFORMATIONAL MEASURING OF THE CONCEPT OF «GLOBAL ECONOMY» IN THE GLOBAL WEB-SPACE

E. Platonova

Summary. The purpose of the study is to determine the demand for knowledge about the concept of «global economy» among users of the global Internet. They are represented, firstly, by a broad group of users around the world who search for the concept of «global economy» in all categories; secondly, by users around the world who are categorized as «Science» and represent professionals who search for the concept of «global economy» for professional purposes. The research methodology is based on the resources of the Internet and the Google search engine, whose specialized tools allow tracking and visualizing data on the frequency of search queries for the keywords «global economy» in the global Web-space. In addition to the special methodology developed by the Google search resource, the author has used the general scientific methods that include analysis and synthesis, abstraction, induction and deduction, generalization, comparative and systemic approaches, content analysis, as well as statistical and graphical methods. The study showed a significant increase in the popularity of the concept «global economy» in the first decade of the 21st century among users categorized as «Science» both worldwide and in the United States. In addition, there was a fairly even interest from Internet users around the world across all categories throughout the period from 2004 to July 2025, but with a tendency toward some growth in 2025. A more significant trend in the modern information field is the increase in popular scientific interest over the past five years in the processes of deglobalization and regionalization among users around the world, especially representatives of countries with emerging markets. The identified trends generally reflect the patterns of development of the global economy during the period under study.

Keywords: global economy, globalization, deglobalization, Web-space, Google search engine, Google Trends resource, search query.

Аннотация. Цель исследования — определить востребованность знаний о концепте «глобальная экономика» среди пользователей всемирной сети Интернет, которые представлены, во-первых, широкой группой пользователей по всему миру, обращающихся в поисковых запросах к концепту «глобальная экономика» во всех категориях; во-вторых, пользователями по всему миру, которые отнесены к категории «Наука» и представляют специалистов, которые обращаются к концепту «глобальная экономика» в профессиональных целях. Методика исследования опирается на ресурсы сети Интернет и поисковой системы Google, специализированные инструменты и web-приложение которой позволяют отслеживать и визуализировать данные о частоте поисковых запросов по ключевым словам «global economy» (глобальная экономика) во всемирном Интернет-пространстве. Гипотеза исследования заключалась в том, что частота поисковых запросов отражает уровень научно-исследовательского интереса пользователей к данному концепту, а динамика обращений пользователей позволяет количественно оценить изменения этого уровня в определенном промежутке времени. Наряду с частными методиками, выработанными поисковым ресурсом Google, использование общенаучных методов исследования, представленных анализом и синтезом, абстрагированием, индукцией и дедукцией, обобщением, сравнительным и системным подходами, контент-анализом, а также статистическими и графическими методами позволило выявить значительный рост популярности концепта «глобальная экономика» в первой декаде 21 века среди пользователей по категории «Наука» как по всему миру, так и в США, на фоне достаточно ровного интереса широкого круга пользователей сети Интернет всего мира по всем категориям на протяжении периода с 2004 года по июль 2025 года, но с тенденцией к некоторому росту в 2025 году. Более значимой тенденцией в современном информационном поле является увеличение научно-практического интереса за последние пять лет к процессам деглобализации среди пользователей всего мира, особенно представляющих страны с развивающимися рынками. Выявленные тенденции в целом отражают закономерности развития мировой экономики в исследуемый период.

Ключевые слова: глобальная экономика, глобализация, деглобализация, Интернет-пространство, поисковая система Google, ресурс Google Trends, поисковый запрос.

Введение

Современные информационные технологии позволяют количественно оценить научно-практический интерес к экономическим понятиям, среди которых значимое место 21 веке занимает глобальная

экономика, что отражает ведущую тенденцию развития мировой экономики — глобализацию. Обращение ко всемирному Интернет-пространству для определения востребованности концепта «global economy» далеко не случайно, поскольку «Интернет представляет собой не просто совокупность множества компьютерных

сетей и информации, но в первую очередь большое количество людей, которые посредством различных технологий активно взаимодействуют между собой в виртуальном пространстве с целью удовлетворения своих потребностей и интересов» [1].

В условиях усиления нестабильности мировой экономики, вызванной санкционными и тарифными войнами коллективного Запада против Индии, Китая, России и других стран БРИКС[2], закономерен целевой вопрос о том, востребован ли концепт «global economy» среди широких слоев пользователей сети Интернет и пользователей, которых информационный ресурс Google отнес к категории «Наука», и какие новые тенденции развития мировой экономики отражает изменение частоты поисковых запросов пользователей, сформулированные по ключевым словам «deglobalization» (деглобализация) в последние годы.

Материалы и методы

Источниковой базой исследования являлись данные о частоте поисковых запросах всех групп пользователей по ключевым словам «global economy» в период с 2004 года по настоящее время. Благодаря инструментам web-приложения — аналитического ресурса Google Trends, имеющего встроенные настройки по параметрам (*период, регионы, категории*), визуализированы основные тенденции, свидетельствующие о научно-практическом

интересе пользователей и его изменений в исследуемый период. Учитывая, что по данным западных исследователей, поисковая система Google охватывает до 90 % пользователей Всемирной паутины во всем мире [6], полученные данные обладают высокой степенью релевантности. Если Google Trends не располагает статистической информацией по определенным странам или категориям, то это свидетельствует о слабом научно-исследовательском интересе пользователей к содержанию запрашиваемых понятий в определенный промежуток времени, оцениваемых в баллах (максимум 100).

Инструменты web-приложения Google Trends обеспечивают исследователя эмпирическими данными. Для получения научных результатов и выводов применялись общенаучные методы исследования (анализ и синтез, абстрагирование, индукция и дедукция, обобщение) а также сравнительный и системный подходы, контент-анализ, графический метод.

Результаты и обсуждение

В целях научно-информационного измерения концепта «глобальная экономика» инструментами аналитического ресурса Google Trends проведем первоначальную настройку по позициям (веб-поиск): масштаб охвата — «По всему миру», временной показатель — «С 2004 года (начало работы ресурса) по настоящее время», категориальный показатель — «Все категории».

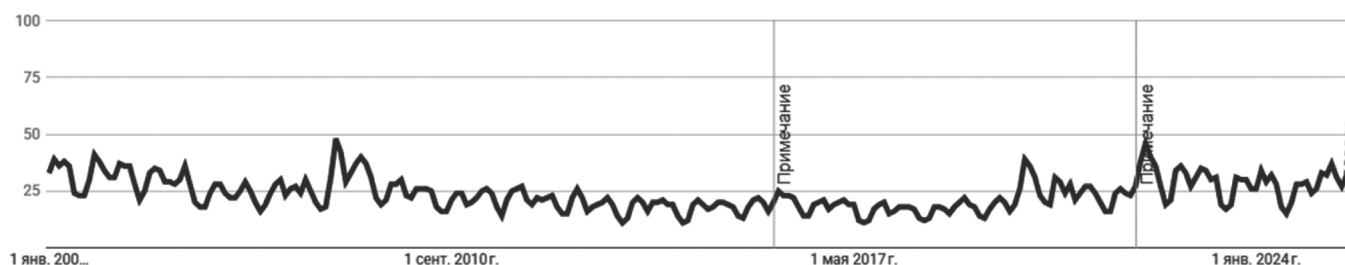

Рис. 1. Динамика популярности понятия «global economy» среди пользователей «По всему миру» по всем категориям с 2004 года по настоящее время

(Источник: <https://trends.google.com/trends/explore?date=all&q=global%20economy&hl=ru>)

1 Филиппины	100
2 Эфиопия	69
3 Зимбабве	64
4 Южно-Африканская Республика	53
5 Сингапур	47

Рис. 2. Страновой разрез уровня популярности понятия «global economy» среди пользователей «По всему миру» по всем категориям с 2004 года по настоящее время

(Источник: <https://trends.google.com/trends/explore?date=all&q=global%20economy&hl=ru>)

Обобщенный результат визуализирован и представлен линейной диаграммой (рис. 1).

Как следует из данных диаграммы, на протяжении всего исследуемого периода существует ровный и достаточно устойчивый интерес к глобальной экономике всех пользователей поискового ресурса Google. По территориальному признаку с 2004 года наибольшая частотность поисковых запросов характерна для стран с развивающимися рынками в Юго-Восточной Азии (Филиппины) и Африке (Эфиопия, Зимбабве, Южно-Африканская Республика), которые активно втягивались в мировые экономические процессы, увеличивая экспорт своих минеральных ресурсов и импорт продовольствия. Интерес пользователей из города-государства Республики Сингапур в целом закономерен, поскольку с 2004 года укреплялись позиции Сингапура в глобальной экономике, где расположены офисы всех крупнейших транснациональных компаний мира благодаря созданным благоприятным условиям для иностранных инвесторов.

Более информативно для определения научно-исследовательского интереса к концепту «global economy» введение в исследование параметра «Наука» аналитического ресурса Google Trends, что позволяет отследить популярность поискового запроса «global economy» среди пользователей, отнесенных к новой позиции. После смены параметра с «Во всех категориях» на позицию

«Наука» на диаграмме можно более четко последить уровень интереса к концепту «global economy» пользователей поисковика Google (рис. 3).

На диаграмме видно, что наибольший научный интерес приходился на период с 2007 года по 2009 год, когда достаточно стремительно разворачивались процессы глобализации и стало очевидно, что отчетливо проявляющейся закономерностью является трансформация мировой экономики в глобальную экономику под влиянием либерализации мировой торговли и финансовых рынков, усиления роли иностранных инвестиций и геополитической реструктуризации в монополярный мир. В указанный период наблюдаются всплески популярности поисковых запросов «global economy» среди исследователей во всех странах в целях определения содержания трансформационных процессов, результатов и последствий глобализации, ее влияния на национальные экономики, риски и перспективы. После 2007 года можно отметить стабилизацию интереса к концепту «global economy» с небольшими взлетами и падениями, что свидетельствует, на наш взгляд, о постоянном отслеживании содержательной стороны данного концепта пользователями сети Интернет и фиксации его особенностей в том или ином временном периоде.

По данным поискового ресурса Google наибольший интерес к происходящим изменениям в глобальной

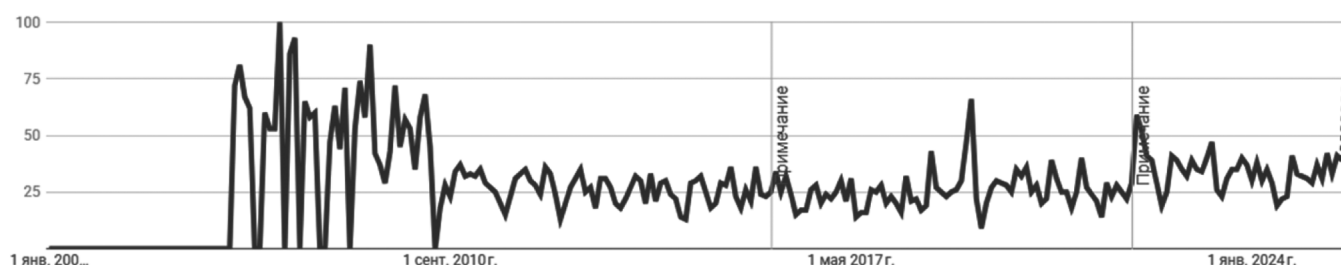

Рис. 3. Динамика популярности понятия «global economy» среди пользователей «По всему миру» по категории «Наука» с 2004 года по настоящее время

(Источник: <https://trends.google.com/trends/explore?cat=174&date=all&q=global%20economy&hl=ru>)

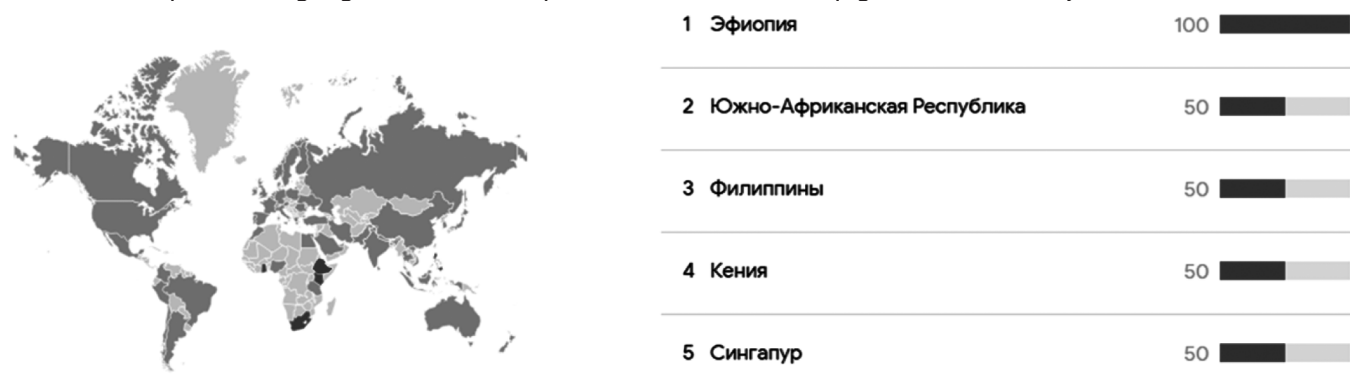

Рис. 4. Страновой разрез уровня популярности понятия «global economy» среди пользователей «По всему миру» по категории «Наука» с 2004 года по настоящее время

(Источник: <https://trends.google.com/trends/explore?cat=174&date=all&q=global%20economy&hl=ru>)

экономике проявляют пользователи, отнесенные в категории «Наука», из стран с развивающимися рынками из Африки (Эфиопия, ЮАР, Кения) и Юго-Восточной Азии (Филиппины, Сингапур). Среди научной интеллигенции этих стран, как можно судить по представленным данным, распространено обращение к сети Интернет для сверки своих знаний с коллегами, которые представлены во всемирном информационном пространстве.

Значительное внимание к концепту «global economy» проявляют пользователи из США, сгруппированные по категории «Наука», что отражено на диаграмме (рис. 5).

Поскольку теории глобализации и становления глобальной экономики активно разрабатывались американскими учеными (Д. Стиглиц [7]; Р. Гилпин [3], Т. Левитт [5], П. Кругман и Р. Вэллс [4]), на диаграмме просматривается повышенный интерес к относительно новому концепту «global economy» в американском сегменте сети Интернет в период с 2007 по 2010 годы. В следующие периоды времени на диаграмме наблюдается «пилообразная» линия с «пиком» в мае 2019 года и слабая тенденция к росту популярности поисковых запросов по словосочетанию «global economy» в последующие годы в основном за счет интереса пользователей округа Колумбия и штата Вермонт, но с отмеченным самим ресурсом Google трендом к снижению числа таких запросов в США в ближайшей перспективе.

В последние годы в связи с напряженной геополитической обстановкой растет научно-практический инте-

рес пользователей сети Интернет к процессам деглобализации (deglobalization) мировой экономики, которые достаточно явно стали проявляться после 2014 года, когда произошло историческое воссоединение Крыма с Россией (рис. 6).

Данные диаграммы свидетельствуют о том, что восходящий тренд в популярности понятия «deglobalization» начинается с февраля 2014 года, и характерен для настоящего времени, несмотря на некоторое снижение частотности поисковых запросов с пиковых значений в сентябре 2023 года до августа 2024 года, после чего фиксируется их рост. По нашему мнению, деглобализация отражает одну из черт мировой экономики, которая сформировалась под влиянием ряда факторов в условиях трансформации мироустройства от моно модели к многополярности, как реакция незападного мира на стремление коллективного Запада законсервировать неравноправные экономические отношения и удержать экономическую власть западных монополий.

Заключение

Таким образом, применение инструментов аналитического ресурса Google Trends позволяет дать количественную оценку научно-практического и научно-исследовательского интереса широкого круга пользователей сети Интернет к концепту «глобальная экономика» и установить периоды с повышенной частотностью обращений к данному концепту среди пользователей, которые отнесены к категории «Наука». Прежде всего, к таким периодам относится начальный период — с 2007 года

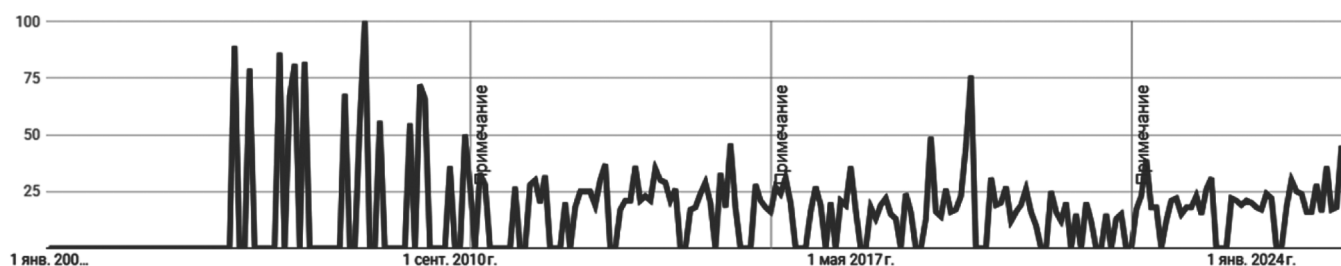

Рис. 5. Динамика популярности понятия «global economy» среди пользователей в США по категории «Наука» с 2004 года по настоящее время

(Источник: <https://trends.google.com/trends/explore?cat=174&date=all&geo=US&q=global%20economy&hl=ru>)

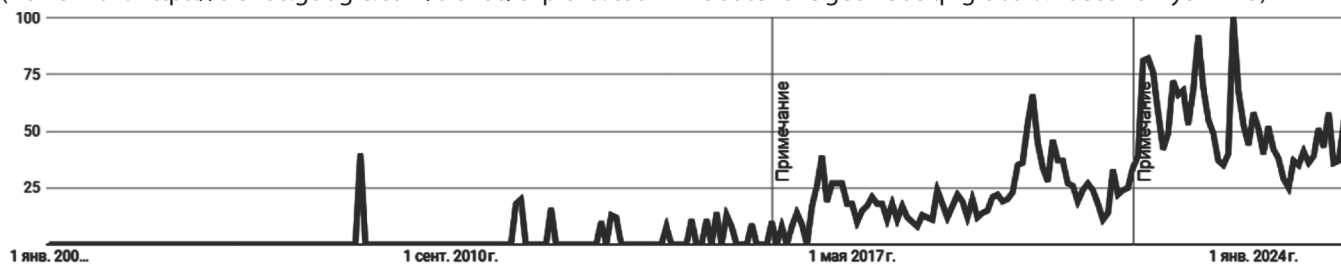

Рис. 6. Динамика популярности понятия «deglobalization» среди пользователей «По всему миру» по всем категориям с 2004 года по настоящее время

(Источник: <https://trends.google.com/trends/explore?date=all&q=deglobalization&hl=ru>)

по 2009 год, когда особенно бурно разворачивались процессы глобализации мировой экономики и закономерен рост интерес пользователей к концепту «глобальная экономика», которая, по существу, вытесняла термин «мировая экономика» в зарубежных и российских научных и научно-популярных изданиях. Данный тренд особенно характерен для пользователей по категории «Наука», находящихся в американском сегменте всемирного Интернет-пространства.

В настоящее время, после периода стабилизации числа поисковых запросов с 2010 года по 2023 год, прослеживается тенденция возобновления научно-практического интереса к данному концепту — на диаграммах виден повышающий тренд с 2024 года и на перспективу. Характерно, что наибольшая востребованность знаний о глобальной экономике фиксиру-

ется в странах с развивающимися рынками Африки и Юго-Восточной Азии.

В период с февраля 2022 года участились поисковые запросы пользователей информационного ресурса Google по всему миру и во всех категориях по ключевому слову «deglobalization». Это показывает рост популярности данного относительно нового термина, отражающего реальные и сложные процессы в мировой экономике в условиях враждебных действий коллективного Запада по отношению к странам с развивающимися рынками, которые стремятся к равноправным экономическим отношениям и защищают свои национальные интересы. Деглобализацию следует рассматривать как современную черту мировой экономики, которая сформировалась как реакция «мирового большинства» на санкционное давление Запада.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганский П.Н. Интернет-пространство как особая коммуникационная среда и его влияние на современные общества// Теория и практика общественного развития/ 2015. Выпуск № 17. С.119.
2. Платонова Е.Д. Санкции Запада: завершение легенды об иностранных инвестициях в глобальной рыночной экономике? //Актуальные вопросы современной науки и технологий: Сборник статей II Международной научно-практической конференции. г. Петрозаводск, 2022. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.). 2022. С.71–79.
3. Gilpin Robert. Global Political Economy: understanding the international economic order/ Robert Gilpin with the assistance of Jean M. Gilpin. . Publisher: Princeton University Press.2001. 337 p.
4. Krugman Paul R., Wells Robin. Economics: International studies and economics 13: the global economy. Publisher: Worth Custom Publishing, 2008.1200 p.
5. Levitt Theodore. The Globalization of Markets. Publisher: Division of Research, Graduate School of Business Administration, Harvard University, 1983. 12 p.
6. Search Engine Market Share Worldwide. URL:<https://gs.statcounter.com/search-engine-market-share> (дата обращения 24.06.2025)
7. Stiglitz Joseph E. Globalization and Its Discontents. Publisher: W.W. Norton & Company, 2003. 288 p.

© Платонова Елена Дмитриевна (ed.platonova@mpgu.edu)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОРГАНИЧЕСКАЯ ПРОДУКЦИЯ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ СТРАН БРИКС В НОВЫХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

ORGANIC PRODUCTS IN THE AGRICULTURAL SECTOR OF THE BRICS COUNTRIES IN THE NEW GEOECONOMIC ENVIRONMENT

Zh. Sokolova

Summary. Key indicators characterizing the global organic market in 2013–2023 and the BRICS-10 countries in 2020–2023 are observed in the dynamics. The outstripping development of the organic market in the BRICS-10 including the dynamics of organic agricultural land and the organic size market being compared with the global averages is demonstrated. Key indicators of the current state of the organic market in the BRICS-5, new BRICS members and BRICS-10 were compared with similar global averages in 2023. The basic factors influencing the rapid growth of the organic market in the BRICS over the last decade and the main reasons for the lag in the development level of the organic market of this interstate association in comparison with developed countries have been identified. The organic markets of the two leading economies of the BRICS (China and India) are investigated in detail, including the main characteristics of organic agriculture, organic wild collection, consumption of organic foods, and international trade (organic export). The main areas of government support in the Chinese and Indian organic markets are revealed. Final part of the article covers current and future areas of cooperation in the BRICS organic sector, including separate market components (production, consumption, trade), as well as the related institutional and intellectual and information initiatives.

Keywords: BRICS, interstate association, agricultural sector, geoeconomic environment, organic products, organic market, organic agriculture, organic wild collection, organic retail, organic export, government support, standards, certification, competent body, institutional, intellectual and information, cooperation, electronic platform (e-platform), organic merchandise flow (organic products distribution, organic products movement).

Производство органической продукции является в настоящее время важнейшим альтернативным и экологически ориентированным направлением в мировом аграрном секторе. Характерной чертой этого направления являются не только многосторонние общественные выгоды, связанные с повышением качества окружающей среды на сельских территориях, обеспечением населения здоровыми и безопасными продуктами питания, большей устойчивостью сельского хозяйства к экстремальным погодным условиям, но также социальные (новые рабочие места, сохранение сельских тра-

Соколова Жанна Евгеньевна
доктор экономических наук, кандидат философских наук, главный научный сотрудник ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ
sje.ciitei@vniiesh.ru

Аннотация. Рассматривается динамика основных показателей, характеризующих мировой рынок органической продукции в период 2013–2023 гг. и стран БРИКС-10 в период 2020–2023 гг. Продемонстрировано опережающее развитие рынка органической продукции стран БРИКС-10 по динамике площадей органических сельскохозяйственных угодий и размеру рынка органической продукции в сравнении со средними мировыми показателями. Проведено сравнение базовых показателей состояния рынка органической продукции стран БРИКС-5, новых членов БРИКС и БРИКС-10 с аналогичными мировыми показателями 2023 г. Определены ключевые факторы, влияющие на быстрый рост рынка органической продукции в странах БРИКС в последнее десятилетие, а также основные причины отставания уровня развития рынка органической продукции данного межгосударственного объединения в сравнении с развитыми странами. Детально проанализированы рынки органической продукции ведущих экономик зарубежных стран БРИКС (Китай и Индии), включая основные характеристики органического сельского хозяйства, сбора органических дикоросов, потребления органических продуктов питания, внешней торговли (экспорта органической продукции). Раскрыты основные направления государственной поддержки на рынке органической продукции Китая и Индии. Заключительная часть статьи посвящена проблемам сотрудничества и перспективам его развития в органическом секторе стран БРИКС, включая отдельные составляющие (производство, потребление, торговля), а также институциональные и интеллектуально-информационные инициативы.

Ключевые слова: БРИКС, межгосударственное объединение, аграрный сектор, геоэкономические условия, органическая продукция, рынок органической продукции, органическое сельское хозяйство, сбор органических дикоросов, розничная торговля органической продукцией, экспорт органической продукции, государственная поддержка, стандарты, сертификация, компетентный орган, институциональный, интеллектуально-информационный, сотрудничество, электронная платформа, товародвижение органической продукции.

диций, агротуризм) и технико-технологические факторы (стимулирование инновационных решений в обеспечении производства и товародвижения органической продукции средствами, позволяющими сократить использование традиционных материально-технических ресурсов, опираясь на широкое использование возобновляемых ресурсов естественного происхождения без снижения конкурентоспособности всего направления). Главной же отличительной особенностью производства и распределения органической продукции, по сравнению с другими альтернативными экологически ори-

ентированными направлениями в аграрном секторе практически всех стран мира, является существенно более высокий уровень государственного регулирования на основе адресного нормативно-правового обеспечения в области профильной институционализации, органических стандартов, систем сертификации, инспекции, распространения государственной поддержки и т.д. [1, 2, 3]. По последним данным FiBL и IFOAM — Organics International, на 2022 г. 75 стран и зависимых территорий имели полностью разработанную и реализуемую нормативно-правовую базу (в том числе законы, стандарты, программы, планы действия, стратегии, концепции, дорожные карты и т.д.), регулиующую производство и товародвижение органической продукции [4]^{1,2}.

Основные показатели, характеризующие мировой рынок органической продукции, растут быстрыми темпами. По данным FiBL, в период 2013–2023 гг. площадь сертифицированных органических сельскохозяйственных угодий в мире возрастала в среднем ежегодно на 8,7 % и в 2023 г. оценивалась в 98,9 млн га³. Средние годовые темпы прироста размера мирового рынка (совокупность размеров внутренних рынков учитываемых стран) органической продукции, рассчитанные в евро-эквиваленте в этот же период составляли 9,6 % и были зафиксированы на уровне 136,4 млрд евро в 2023 г. [5]. В долларовой эквиваленте мировой рынок органической продукции ежегодно прирастал на меньшую величину (7,3 %) и в 2023 г. составил 147,5 млрд долл.⁴ Чаще всего долгосрочные прогнозы развития мирового рынка органической продукции выполняются независимыми консалтинговыми и аналитическими компаниями,

в том числе из Индии, США, Ирландии, Канады. Большинство из них показывает увеличение скорости прироста размера глобального рынка в период до 2033 г. Обычно средние годовые темпы прироста (2023/2025–2033 гг.) оцениваются в диапазоне 11–14 процентов. Например, по прогнозам индийской компании Astute Analytica, в период 2024–2033 гг. соответствующие средние годовые темпы прироста могут составлять 12,8 процентов. Размер же глобального рынка органической продукции в 2033 г. предположительно достигнет уровня почти 473 млрд долл. [6]⁵.

Оценки FiBL по мировой торговле органической продукцией (экспорту) на период 2013–2023 гг., произведенные в евро-эквиваленте, показывают средние годовые темпы прироста 6,4% (в долларовой эквиваленте — 4,2 %). В 2023 г. объем мирового экспорта органической продукции оценивался в 13,3 млрд евро (14,4 млрд долл.) [5]⁶.

На сегодняшний день все страны межгосударственного объединения БРИКС являются участниками мирового рынка органической продукции в части первичного производства (органическое сельское хозяйство и другие источники получения органической продукции), переработки, потребления и внешней торговли.

На рисунке представлена динамика основных показателей рынка органической продукции в странах БРИКС в период 2020–2023 гг. в сравнении с аналогичными среднемировыми показателями.

¹ FiBL — Исследовательский институт органического сельского хозяйства (нем. — Forschungsinstitut für biologischen Landbau, FiBL; англ. — Research Institute of Organic Agriculture) — независимое научно-исследовательское учреждение, основанное в 1973 году и располагающееся в коммуне Фрик (кантон Аргау, Швейцария). IFOAM — Organics International — Международная федерация движений за органическое сельское хозяйство (International Federation of Organic Agriculture Movements) — Международная организация органики (Organics International) со штаб-квартирой в г. Бонн (Германия). До 2015 г. сокращенно именовалась как IFOAM. Была создана в пригороде Парижа — Версале (Франция) в 1972 г. Далее, в тексте статьи используется более короткое бывшее название, в частности, FiBL-IFOAM (прим. авт.).

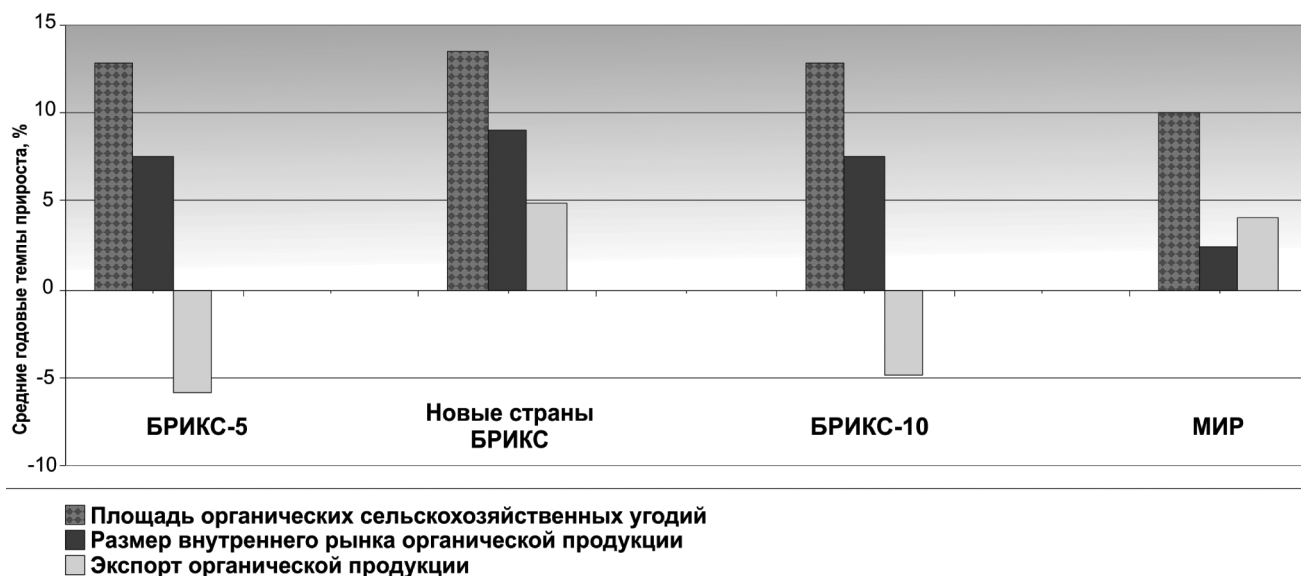
² Практика показывает, что первичное производство органической продукции, переработка и внешняя торговля в большей степени стандартизованы, чем ее товародвижение (транспорт, хранение, упаковка, розничная реализация) (прим. авт.).

³ Здесь и далее по тексту в площади сертифицированных сельскохозяйственных угодий включаются угодья, находящиеся в стадии переходного периода от традиционных методов ведения земледелия к органическим (прим. авт.).

⁴ Здесь и далее по тексту при пересчете из евро в доллары использовался курс Европейского центрального банка (European Central Bank, ECB). В 2013 г. — 1 евро = 1,3281 долл.; в 2020 г. — 1 евро = 1,1422 долл.; в 2023 г. — 1 евро = 1,0813 долл. (прим. авт.).

⁵ Размер мирового рынка органической продукции в этом и в большинстве других прогнозов определяется по совокупному объему розничной реализации органической продукции на внутренних рынках отдельных стран и зависимых территорий. В данном прогнозе учитывается розничная реализация органических продуктов питания (без напитков) через все каналы, включая коммерческие системы общественного питания (прим. авт.).

⁶ К оценкам FiBL мировой торговли органической продукцией (это же касается и оценок размера внутреннего рынка соответствующей продукции), выраженной в денежном эквиваленте следует подходить с осторожностью, особенно при определении динамики за ряд лет. Это связано с тем, что за отдельные годы учитывается неодинаковое количество стран и очень часто цифры, относящиеся к определенному году, переносятся на следующий год и т.д. Поэтому оценки FiBL следует анализировать совместно с данными национальных правительственных организаций, сертифицирующих агентств, независимых консалтинговых и аналитических компаний, хотя и они могут быть неточными и неполными. Поэтому большинство оценок (особенно по развивающимся странам) во многом носит ориентировочный характер. Во избежание указанных выше проблем, в публикациях FiBL-IFOAM за последние годы чаще используются более достоверные оценки внешней торговли органической продукцией в натуральном выражении, хотя в таких оценках не отражается цена продукции в зависимости от ее качества и, кроме того, торговля определяется только по поставкам в США и ЕС (прим. авт.).

Примечание: В расчетах учитывались все (без исключения) страны БРИКС (БРИКС-5: Бразилия, Индия, Китай, Россия, ЮАР. Новые страны БРИКС: Египет, Индонезия, Иран, ОАЭ, Эфиопия). Площадь органических сельскохозяйственных угодий в мире в 2020 г. и 2023 г. определялась по 171 стране (при этом некоторые зависимые территории учитывались как самостоятельные единицы). Размеры внутреннего рынка органической продукции в 2020 г. и 2023 г. учитывались в долларовом эквиваленте и определялись по 53 странам. Экспорт органической продукции в 2020 г. и в 2023 г. измерялся в метрических тоннах. В экспорте органической продукции учитывались только поставки в ЕС и США. Торговля между странами ЕС не учитывалась. В 2020 г. и 2023 г. учитывались 102 страны (включая зависимые территории).

Источник: Показатели, представленные в диаграмме, рассчитаны автором по данным Фонда Органика [10], FiBL-IFOAM [4,11], FiBL [5], национальных организаций и зарубежных аналитических и консалтинговых компаний.

Рис. 1. Средние годовые темпы прироста основных абсолютных показателей развития рынка органической продукции в странах БРИКС и в мире в период 2020–2023 гг.

Из рисунка следует, что страны БРИКС продемонстрировали в целом опережающий по сравнению с миром рост развития рынка органической продукции в период 2020–2023 гг. Особенно быстрым был рост в новых странах БРИКС, причем по всем показателям, включая международную торговлю органической продукцией.

Этот рост, хотя и различается по темпам и интенсивности в разных странах, обусловлен сочетанием взаимосвязанных факторов, включающих экономические сдвиги, меняющиеся потребительские предпочтения, политические вмешательства и технологические достижения. Понимание этих факторов имеет решающее значение как для развития рынка органической продукции в отдельно взятых странах БРИКС, так и для перспективного сотрудничества в этой области. Среди ключевых факторов, повлиявших на быстрый рост рынка органической продукции в странах БРИКС в последнее десятилетие, можно отметить следующие:

- Рост располагаемых доходов и изменение структуры потребления

По мере роста доходов потребители, как правило, стали отдавать предпочтение здоровой и благополучной

пище, выбирая продукты питания, которые считаются более безопасными. Органические продукты питания, с их акцентом на производство, без невозобновляемых ресурсов промышленного происхождения (в частности, без химических средств защиты растений, минеральных удобрений, пищевых добавок, гормонов роста, ГМО) естественным образом соответствуют этим меняющимся потребительским ценностям.

- Растущее осознание проблем здоровья и охраны окружающей среды

Наряду с ростом доходов ключевую роль играет повышение осведомленности о неблагоприятном воздействии продуктов питания традиционного производства на здоровье человека и пагубном воздействии традиционного сельского хозяйства на окружающую среду. Освещение в средствах массовой информации сведений об остатках пестицидов в продуктах питания, опасения по поводу ГМО и растущее осознание ущерба окружающей среде, наносимого интенсивными методами ведения сельского хозяйства, способствовали росту спроса на альтернативы. Производство органической продукции, воспринимаемое как более устойчивый и экологически приемлемый вариант, напрямую выигрывает

от этого растущего осознания. Пандемия COVID-19, нарушив традиционные цепочки поставок, также содействовала ускорению роста рынка органической продукции в странах БРИКС. Пандемия способствовала повышению заботы потребителей о личном здоровье и иммунитете, ускорила внедрение онлайн-покупок, привела к повышению спроса на данные продукты питания, предоставив более широкую доступность.

- *Развитие нормативно-правовой базы*

По последним данным FiBL-IFOAM, на 2022 г. половина стран БРИКС (Бразилия, Индия, Китай, Индонезия, ОАЭ) имели разработанную и реализуемую нормативно-правовую базу в сфере органики. В четырех странах (Египет, Иран, Россия, Эфиопия) она в основном была разработана и реализовалась, а в ЮАР находилась еще в стадии разработки [7]. Для двух стран БРИКС (Бразилия, Индия) дополнительными стимулами развития внутреннего рынка органической продукции стало признание государством правомочности Системы коллективных гарантий (Participatory Guarantee Systems, PGS) — альтернативной формы сертификации, уже практикуемой на мировом рынке органической продукции. PGS построены на доверии, коллективной ответственности участников процесса производства и потребления органической продукции и обеспечении полной прозрачности ее товародвижения [7,8]. В области развития межстрановой торговли органической продукцией во всем мире стимулирующую роль играет наличие соглашений об эквивалентности органической продукции (organic equivalence), то есть взаимного признания стандартов ее производства. Из стран БРИКС такие соглашения пока имеют только Индия (с ЕС и Швейцарией) и Китай (с Новой Зеландией), хотя в обоих случаях в период 2020–2023 гг. это не обеспечило в целом рост экспорта органической продукции [5, 8, 9]. Поддержка производителей органической продукции со стороны государства в странах БРИКС пока существенно слабее, чем в развитых странах. Однако некоторые страны БРИКС (Бразилия, Китай) уже используют финансовые стимулы для фермеров, переходящих на органическую практику, осуществляют субсидии на сертификацию производства органической продукции и поддержку исследований и разработок в соответствующей области.

- *Развитие инфраструктуры рынка органической продукции*

Экономический рост в странах БРИКС стимулировал и общее инфраструктурное развитие. Это, естественно, оказало позитивное влияние на рынок органической продукции. В частности, развитие инфраструктуры розничной торговли, включая супермаркеты, специализированные магазины органической продукции и электронную торговлю, обеспечило потребителям более

широкий доступ к органическим продуктам питания. Стимулирующую роль в высоком спросе на органические продукты питания играют также туристические зоны в большинстве стран БРИКС. Кроме того, развитие эффективных дистрибьюторских сетей (например, логистика холодовых цепей) гарантирует, что органические продукты доставляются потребителям своевременно и с минимальными затратами.

- *Роль малого бизнеса и кооперативов*

Мелкие фермерские хозяйства, которые составляют значительную часть аграрного сектора в странах БРИКС, играют жизненно важную роль на рынке органической продукции. Методы органического земледелия, характеризующиеся более низкими затратами материально-технических ресурсов и большей опорой на традиционные знания, особенно полезны для мелких фермеров, улучшая их условия жизни и повышая их устойчивость к разного рода изменениям (в частности, климата, экономической и политической конъюнктуры). Фермерские кооперативы в странах БРИКС играют существенную роль в производстве и реализации органической продукции, в том числе в обеспечении доступа на рынки для мелких фермеров и обеспечении им справедливых цен. Поддержка развития сильных фермерских кооперативов и предоставление обучения и технической помощи мелким фермерам имеют важное значение для содействия росту сектора органической продукции.

- *Технологические достижения и инновации*

Технологические достижения и инновации в органическом секторе стран БРИКС пока еще меньше, чем в развитых странах, но с каждым годом их роль и влияние возрастает. На уровне органического сельского хозяйства особенно важное значение для ресурсосбережения, повышения продуктивности и экологического воздействия играют такие инновационные технологии, как точное земледелие, биологический контроль и производство органических семян. На уровне рынка органической продукции использование прикладных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) облегчает обмен знаниями, повышает эффективность цепочки поставок и связывает фермеров с конечными потребителями. Технология блокчейн также начинает изучаться как инструмент повышения прозрачности и прослеживаемости в цепочке поставок органической продукции, укрепления доверия потребителей и предотвращения мошенничества.

Если рассматривать не только абсолютные, но и относительные (доля органических сельскохозяйственных угодий в общей площади сельскохозяйственных угодий, потребление органических продуктов питания в расчете на душу населения и т.д.) показатели рынка орга-

нической продукции в странах БРИКС, то по состоянию на 2023 г. наблюдалась следующая картина (таблица):

Таблица 1.

Абсолютные и относительные показатели рынка органической продукции в странах БРИКС и в мире (2023 г.)

Показатель	БРИКС-5	Новые страны БРИКС	БРИКС-10	Мир
Органическое сельское хозяйство				
Площадь органических сельскохозяйственных угодий, тыс. га	9309	648	9957	99128
Доля органических сельскохозяйственных угодий в общей площади сельскохозяйственных угодий, %	1,50	0,93	1,46	2,10
Площадь органических сельскохозяйственных угодий в расчете на 1000 жителей, га	2,8	1,0	2,5	12,6
Сбор органических дикоросов				
Территории сбора органических дикоросов, тыс. га	4337	37	4374	24630
Площадь сбора органических дикоросов в расчете на 1000 жителей, га	1,3	0,1	1,1	4,3
Внутренний рынок органической продукции				
Размер рынка, млн долл.	16826	253	17079	149561
Потребление органических продуктов питания в расчете на одного жителя, долл.	5,1	0,4	4,4	28,0
Экспорт органической продукции				
Объем экспорта, тыс. метрических тонн	693	98	791	5242

Примечание: Показатели рассчитаны автором. В расчетах учитывались все без исключения страны БРИКС (10 стран). Расчеты мировых показателей по органическим сельскохозяйственным угодьям производились по 172 странам и зависимым территориям. Территории сбора органических дикоросов учитывают 64 страны (включая зависимые территории) и земли, на которых развивается органическое пчеловодство. Размеры внутреннего рынка органической продукции учитывались в долларовом эквиваленте и определялись по 53 странам. Экспорт органической продукции измерялся в метрических тоннах. В экспорте органической продукции учитывались только поставки в ЕС и США. Торговля между странами ЕС не учитывалась. Всего показатели определялись по 102 странам (включая зависимые территории).

Источник: Показатели, представленные в диаграмме, рассчитаны автором по данным Фонда Органика [10], FiBL-IFOAM [4], FiBL [5], FAOSTAT [12], национальных организаций и зарубежных аналитических и консалтинговых компаний.

Площадь сертифицированных органических сельскохозяйственных угодий во всех странах БРИКС (доля БРИКС-5 — 93,4 %) по отношению к мировой площади соответствующих угодий в 2023 г., несмотря на опережающие темпы роста, составила только 10 %. С учетом гораздо более высокой доли населения показатель обеспеченности каждой тысячи жителей органическими сельскохозяйственными угодьями в БРИКС-10 была в 5 раз ниже, чем в среднем по миру. Однако при анализе приведенных выше показателей следует учитывать фактор Австралии. За счет признания большой площади экстенсивных пастбищных угодий органическими, доля этой страны в мировой площади органических сельскохозяйственных угодий составляет 53,5 процента. Поэтому без учета Австралии доля БРИКС-10 в структуре «органических» площадей сразу повышается до 21,6 %. Показатель обеспеченности населения соответствующими площадями также повышается до 5,9 га в расчете на 1000 жителей. Но следует отметить, что даже без учета фактора Австралии отставание БРИКС-10 и БРИКС-5 от соответствующих среднемировых показателей остается весьма значительным.

Меньший разрыв стран БРИКС (особенно БРИКС-5) по сравнению со средним мировым показателем наблюдается по доле органических сельскохозяйственных угодий в структуре всех сельскохозяйственных угодий. В то же время по сравнению с развитыми странами эта диспропорция гораздо выше. Так, например, доля органических сельскохозяйственных угодий в ЕС-27 составляла 10,9 процентов [4].

Так же, как и в большинстве стран мира в странах БРИКС производство первичной органической продукции осуществляется не только в рамках органического сельского хозяйства, но также из других источников. К ним относятся: производство органической животноводческой и растениеводческой продукции на землях несельскохозяйственного назначения (в основном осуществляется пастбищный выпас скота), органическая аквакультура, органическое лесоводство⁷, сбор органических дикоросов [1]. В мире и странах БРИКС наиболее распространенным направлением является сбор органических дикоросов, в том числе грибов, ягод, фруктов, меда, лекарственных и ароматических растений. Наиболее крупные площади сбора органических дикоросов расположены в странах БРИКС-5. На них приходится 99 % от соответствующих площадей всего межгосудар-

⁷ Органическое лесоводство — это лесоводство, базирующееся на органических принципах. Оно включает агролесоводство (комбинация сельского и лесного хозяйства), основанное на органических принципах, а также органические способы искусственного выращивания древесной растительности для получения продукции продовольственного (например, березового сока, кленового сиропа) и непродовольственного (например, лекарственного) назначения [1].

ственного объединения. Однако потенциал органических дикоросов в странах БРИКС еще далеко не раскрыт. Обеспеченность жителей БРИКС соответствующими площадями в 3,9 раза уступает среднему мировому показателю.

В 2023 г. размер совокупного внутреннего рынка в БРИКС-10 составлял 11,4 % от мирового показателя, что примерно соответствовало аналогичной пропорции по органическому сельскому хозяйству. Однако среднечеловеческие показатели потребления органических продуктов питания в странах БРИКС (особенно в новых членах межгосударственного объединения) значительно уступают среднемировым показателям (в 6,4 раза), не говоря уже о развитых странах.

Удельный вес стран БРИКС в мировой торговле органической продукцией в последние годы снизился. В 2020 г. в натуральном выражении доля БРИКС-10 составляла 19,7 %, но в 2023 г. снизилась до 15,1 % процента⁸. Это связано с сокращением абсолютных объемов экспорта органической продукции в 7 из 10 стран БРИКС (в целом по межгосударственному объединению сокращение составило почти 14 %), в том числе из таких крупных экспортеров как Индия и Китай [4,11].

Отставание стран БРИКС от развитых стран в области развития всех основных компонентов, характеризующих рынок органической продукции, подтверждается более ранними исследованиями автора (Ж.Е. Соколова, 2013 г., Ж.Е. Соколова, 2023 г.) [2, 8]. В частности, в исследовании 2023 года была проведена рейтинговая оценка рынков органической продукции различных стран мира по состоянию на уровне 2021–2022 гг. По уровню развития внутренних рынков органической продукции (оценка производилась по 50 странам) ситуация в странах БРИКС выглядела следующим образом: Индия — 31 место, Китай (34), Бразилия (37), ОАЭ (42), Россия (43), Эфиопия (45), Индонезия (48 место). Ранжирование 37 стран по величине сводного индекса (уровня развития рынка органической продукции) с учетом внешнеторговой составляющей (экспорта) показала следующие результаты: Эфиопия (23 место), Индия (25), Китай (27), Индонезия (31), Бразилия (32), Россия (35), ОАЭ (37 место) [8]⁹.

⁸ Статистика FiBL за 2023 г. приводит данные по экспорту органической продукции в денежном выражении из шести стран БРИКС (Бразилии, Индии, Индонезии, Китая, ОАЭ и Эфиопии). В долларовом эквиваленте объем экспорта органической продукции из стран БРИКС в 2020–2023 гг. снизился на 1/3 (в 2020 г. не учитывались Индонезия и ОАЭ), а доля межгосударственного объединения в мировой торговле сократилась с 16,3 до 10,8 процентов [5].

⁹ Технический инструментальный рейтинговой оценки включал Свидетельство о государственной регистрации Программы для ЭВМ «№ 2024685543» — по расчёту текущей величины сводного индекса уровня развития рынка органической продукции для

Одной из основных причин более медленного внедрения органического сельского хозяйства и развития рынка органической продукции в странах БРИКС является исторически сложившаяся ориентация на традиционное сельское хозяйство, обусловленная необходимостью обеспечения продовольственной безопасности. После периодов нехватки продовольствия многие страны БРИКС уделили приоритетное внимание максимизации сельскохозяйственного производства за счет внедрения высокоурожайных сортов, интенсивного использования синтетических минеральных удобрений и пестицидов. Такая политика непреднамеренно препятствовала развитию альтернативных, экологически устойчивых аграрных технологий, таких как органическое сельское хозяйство. Распространенное мнение о том, что приоритет отдается продуктивности, а не экологической устойчивости, все еще остается серьезным препятствием.

Несмотря на прогресс в области институционального и нормативно-правового обеспечения рынка органической продукции в странах БРИКС, этот фактор во многом оказывает сдерживающее влияние. В отличие от развитых стран во многих странах БРИКС (особенно в группе недавно присоединившихся стран) отсутствуют четко определенные стандарты в области органического сельского хозяйства, товародвижения органической продукции или неадекватные механизмы их соблюдения, что создает неопределенность для производителей и подрывает доверие потребителей.

Органическое земледелие требует специальных знаний и навыков в таких, например, областях, как обработка почвы, борьба с вредителями, применение севооборотов, подготовка и правильное внесение органических удобрений. В сфере товародвижения органической продукции необходима специальная подготовка для маркетологов, имеющих дело с органической продукцией. Поэтому ограниченный по сравнению с развитыми странами доступ фермеров стран БРИКС к информации, обучению и техническому содействию также усугубляет отставание в развитии органического сектора.

Важным фактором отставания стран БРИКС является несоответствие между осведомленностью потребителей и спросом на органическую продукцию. В развитых странах осведомленность потребителей о пользе органических продуктов питания для здоровья и окружающей среды относительно высока, что стимулирует спрос. Этот спрос, в свою очередь, стимулирует фермеров внедрять экологически приемлемые методы производства.

проведения межстрановых сравнений (с участием автора) [13], а также Патент на промышленный образец «№ 145824» — «Графический интерфейс пользователя программы по расчёту текущей величины сводного индекса уровня развития рынка органической продукции для проведения межстрановых сравнений» (с участием автора) [14].

Напротив, в странах БРИКС-10 осведомленность потребителей об органическом сельском хозяйстве и его преимуществах зачастую ниже, что приводит к сдерживанию развития рынка органической продукции и снижению стимулов для фермеров переходить на органическое производство.

Экономические ограничения и более высокие первоначальные затраты, связанные с переходом к органическому сельскому хозяйству, представляют собой значительный барьер, особенно для мелких фермеров в странах БРИКС. Переход к органическому сельскому хозяйству обычно сопровождается периодом снижения урожайности по мере восстановления состояния почвы и адаптации экосистемы фермы. Это может создать серьезные финансовые трудности для фермеров. Кроме того, сертификация органической продукции может быть дорогостоящей, что увеличивает финансовое бремя. В развитых странах (особенно в странах ЕАЭС) эта проблема значительно нивелируется более высоким уровнем государственной поддержки, особенно в переходный период (включая компенсационные выплаты за оказываемые сертификационные услуги).

Для обеспечения связи производителей органической продукции с конечными потребителями обычно требуется специализированная инфраструктура для обработки, хранения и транспортировки продукции с целью предотвращения потерь и поддержания качества. В странах БРИКС частое отсутствие такой инфраструктуры в сочетании с ограниченными возможностями доступа на рынки затрудняет фермерам, выращивающим органическую продукцию, доступ к потребителям и конкуренцию с товарами традиционного производства. Это требует инвестиций в инфраструктуру цепочки поставок и в развитие эффективных каналов сбыта органической продукции.

По нашему мнению, в современных геоэкономических условиях весьма существенным, а возможно и решающим фактором, сдерживающим развитие рынков органической продукции в странах БРИКС является крайне недостаточный уровень сотрудничества и интеграции. Этот недостаток проявляется в нескольких важнейших областях: научных исследованиях и разработках, обмене информацией, процессе формирования общей политики в области органической продукции, обеспечении более легкого доступа на рынки за счет достижения соглашений об эквивалентности органической продукции на основе гармонизации стандартов и сертификационных требований, борьбе с контрафактной органической продукцией, совместном обеспечении ее контроля качества.

Каждая страна БРИКС в отдельности обладает уникальными (сильными и слабыми) сторонами в области

органического сельского хозяйства и развития рынков органической продукции. Поэтому для обеспечения эффективного сотрудничества как между всеми странами БРИКС, так и между Россией и странами БРИКС необходим постоянный мониторинг ситуации на рынке органической продукции каждого из участников БРИКС.

Рассмотрим кратко современное состояние рынков органической продукции в двух ведущих зарубежных национальных и аграрных экономиках стран БРИКС — Китае и Индии.

Китай. В Китае органическое сельское хозяйство является составной частью более крупной экологически ориентированной структуры аграрного сектора страны — Экологического сельского хозяйства Китая (СЕА). В эту структуру также входит производство безопасных продуктов питания (Safe Food) и Зеленых продуктов питания (Green Food). На основе этих производств формируются соответственно одноименные рынки агропродовольственной продукции. Органический сектор (органическое сельское хозяйство, переработка и реализация) органических продуктов питания Китая регулируется тремя ведомствами: Министерством сельского хозяйства и по делам сельских районов (MARA), Министерством экологии и окружающей среды (МЭО) и Главным управлением по надзору за качеством, инспекции и карантину (AQSIQ) [15]. По площади органических сельскохозяйственных угодий (3,4 млн га) Китай занимает второе место в БРИКС (после Бразилии) и 5 место в мире [4,5]¹⁰.

Региональная специализация органического сельского хозяйства в Китае отражает разнообразие агроклиматических условий и спроса на органическую продукцию. В области органического животноводства автономный район (далее, АО) Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурский АО выделяются обширными естественными пастбищами и соответственно специализируются на молочной продукции, говядине и баранине [11]. Прибрежные восточные районы, такие как, например, провинции Шаньдун и Цзянсу, с их развитой экономикой и близостью к городским центрам, сосредоточены на интенсивном выращивании органической птицы и свиней, используя передовые технологии и эффективные цепочки поставок [16]. В органическом растениеводстве Северо-Восточный регион специализируется на выращивании органической сои, риса и кукурузы, благодаря плодородным почвам и относительно низкому уровню промышленного загрязнения. Регион дельты реки Янцзы специализируется на производстве органического чая, фруктов и овощей, что обусловлено высоким потребительским спросом в близлежащих мегаполисах, таких как Шанхай и Ханчжоу. Регион Лессового

¹⁰ Если считать страны ЕС по отдельности (прим. авт.).

плато (провинции Шэньси и Ганьсу) специализируется на выращивании органических яблок и проса. Южный Китай (особенно такие провинции, как Фуцзянь и Гуандун), используя высокую обеспеченность осадками и высокие суммы активных температур воздуха, производит органический рис и субтропические фрукты.

Из других источников получения органической продукции в Китае следует отметить сбор дикоросов и органическую аквакультуру. В 2023 г. площади сбора органических дикоросов составили около 1,4 млн га, что является вторым (после Бразилии) показателем среди стран БРИКС и пятым в мире [4]. Основные направления специализации в области сбора органических дикоросов в Китае: растения медицинского назначения (Северо-Восточный регион, АО Внутренняя Монголия, провинция Сычуань), грибы (Тибетский АО, расположенная на юге страны провинция Юньнань), дикорастущие фрукты и ягоды (в основном тяготеют к северу страны, в том числе это Нинся-Хуэйский АО и Синьцзян-Уйгурский АО), дикорастущий чай (провинция Юньнань). По объему производства продукции органической аквакультуры Китай является мировым лидером. В 2013 г. было произведено 313,2 тыс. т (61 % от мирового показателя) [4]¹¹. Видовой состав органической аквакультуры в Китае разнообразен, но в коммерческом плане (по данным Министерства сельского хозяйства и по делам сельских районов) преобладают пресноводные виды, такие как карп и тилапия, на которые в совокупности приходится 70 % производства всей пресноводной органической аквакультуры страны.

Современная государственная поддержка на рынке органической продукции в Китае в основном включает субсидии на конверсию сельскохозяйственных угодий из обычных в органические, стимулирование вовлечения новых земель в производство органической продукции, субсидии на оплату сертификационных услуг, льготное кредитование, финансирование НИОКР, маркетинговую поддержку. Данные о субсидиях на конверсию весьма неполные и скорее всего такие субсидии носят дискретный характер и осуществляются в отдельных провинциях¹². Что касается стимулирования использования новых земельных угодий, то здесь Китай отличается от развитых стран, в которых в основном происходит трансформация ранее используемых земель. В качестве примера можно привести программу «Зерно в обмен на зелень», которая стимулировала фермеров в экологически уязвимых регионах, таких как Лессовое плато, превращать маргинальные земли в органические

сады, тем самым уменьшая эрозию почв и повышая биоразнообразие. Китайское правительство активно поддерживает сертификацию производства органической продукции посредством субсидий и разработки национальных стандартов на органическую продукцию. Центр сертификации органических продуктов питания (OFCC), основной орган по сертификации органической продукции в Китае, получает государственное финансирование для проведения инспекций и поддержания стандартов сертификации. Кроме того, многие местные органы власти предлагают субсидии фермерам и предприятиям, желающим пройти сертификацию органической продукции. Эти субсидии покрывают значительную часть затрат на сертификацию, часто доходя до 50 % в некоторых регионах [17]. Фермеры, выращивающие органическую продукцию в Китае, также имеют право на льготные схемы. Так, Сельскохозяйственный банк Китая (ABC) и некоторые другие государственные банки предлагают льготные ставки по кредитам фермерам, выращивающим органическую продукцию, признавая высокие первоначальные инвестиционные затраты, связанные с органическим производством. Китай в последние годы значительно увеличил поддержку НИОКР по органическому сельскому хозяйству. Например, Национальный фонд естественных наук Китая (NSFC) финансирует многочисленные проекты, направленные на совершенствование методов органического сельского хозяйства, борьбу с вредителями и оздоровление почвы. Это финансирование носит совместный характер. Его, в частности, поддерживают такие учреждения, как Китайская академия сельскохозяйственных наук (CAAS) и некоторые сельскохозяйственные университеты. В сфере маркетинговой поддержки Правительство Китая содействует продвижению органической продукции с помощью различных инициатив. Министерство торговли (MOFCOM) поддерживает участие производителей органической продукции в национальных и международных выставках, предоставляя площадки для демонстрации их продукции. Кроме того, правительство поощряет развитие специализированных рынков органической продукции и розничных точек продаж. Платформы электронной коммерции при государственной поддержке все чаще играют важную роль в налаживании связей между производителями органической продукции и потребителями.

По размеру внутреннего рынка (13,7 млрд долл., 2023 г.) Китай занимает третье место в мире после США (63,8 млрд долл.) и Германии (17,4 млрд долл.). Однако по потреблению органических продуктов питания в расчете на одного жителя Китай (около 10 долл. / чел. / год) заметно уступает развитым странам, в частности той же Германии (204 долл.) и США (186 долл.). В то же время среднедушевое потребление органической продукции в Китае выше, чем в странах БРИКС-10 в 2,3 раза [5]. В географическом отношении основным драйвером рынка органической продукции Китая является Восточ-

¹¹ Статистика FiBL-IFOAM по 22 странам [4].

¹² В отчете Министерства сельского хозяйства и по делам сельских районов (MARA) за 2020 год, например, сообщалось о пилотной программе в провинции Шаньдун, в рамках которой фермеры получали около 1500 юаней (230 долларов США) за гектар для перевода земель на органическое сельское хозяйство (прим. авт.).

ный Китай (город Шанхай, провинции Цзянсу, Чжэцзян и Шаньдун) с его развитой инфраструктурой и высокими доходами населения. Далее следует Южный Китай (провинции Гуандун, Фуцзянь и Хайнань) с его благоприятными агроклиматическими ресурсами (как следствие, незначительная удаленность предложения от спроса), растущими доходами населения, туризмом. Северный Китай (включающий города Пекин и Тяньцзинь), демонстрирует медленный, но устойчивый рост рынка органической продукции. И, наконец, Центральный и Западный Китай находятся на стадии формирования рынков органической продукции, обладая высоким потенциалом развития.

По данным различных китайских источников (COFCC, China Grain Association, China Animal Husbandry Association, China Food Industry Association) в 2023 г. наибольшим спросом на внутреннем органическом рынке Китая пользовалась плодоовощная продукция (45 % от всей розничной реализации органической продукции), далее следовали различные переработанные продукты и напитки (20 %), зерновая продукция (20 %), молочная и мясная продукция (15 %) ¹³. По данным внешних источников (в частности, Euromonitor International) высоким спросом в Китае пользуется органическое детское питание, доля которого в потреблении всего детского питания в 2022 г. составила 15 процентов [18].

Как и в развитых странах, основной канал розничной реализации органической продукции в Китае — супермаркеты и гипермаркеты. По оценкам американской организации Organic Trade Association — OTA в 2022 г. на них приходилось 45 % объема розничной реализации органической продукции в Китае. По различным источникам (в частности, iResearch Consulting Group, Statista, Euromonitor International) доля электронной торговли органической продукцией составляла 25–30 %, специализированных магазинов — 15–20 %, остальных каналов (магазины «Матери и Ребенка» — Mother & Baby Stores; продажи, минуя посредников (например, напрямую от фермеров) — 5–15 процентов.

Среди стран БРИКС Китай является вторым после Бразилии экспортером органической продукции. Однако его доля в мировом экспорте в 2023 г. составила только 1,6 % [5] ¹⁴. В географическом отношении экспорт органической продукции из Китая ориентирован главным образом на США, страны ЕС и Японию. Однако все большее значение начинают приобретать рынки органической продукции Канады, Южной Кореи, Австралии

и Новой Зеландии. В структуре экспорта органической продукции из Китая преобладают соевые бобы и продукция их переработки, чай, а также плодоовощная продукция. Хотя зерновые и специализированные продукты (в том числе медицинского назначения) составляют меньшую долю, они рассматриваются как перспективное направление для экспорта [19]. В период 2020–2023 гг., по данным FiBL-IFOAM, экспорт органической продукции из Китая сократился (в денежном выражении во все страны мира — на 28 %, в натуральном выражении в ЕС и США — на 11 %) [5]. Этому способствовало несколько причин: фактор пандемии COVID-19 (нарушение цепочек поставок, ужесточение контроля на границе, стремление потребителей приобретать местную органическую продукцию), повышение жесткости стандартов на органическую продукцию в Китае, стимулирование Правительством Китая переориентации на потребление местной органической продукции ¹⁵, растущая конкуренция экспортеров органической продукции из стран Юго-Восточной Азии и Южной Америки.

Импорт органической продукции в Китае, хотя немного и снизился в период 2020–2023 гг., постоянно превышал объемы экспорта. Китай остается чистым импортером органической продукции. В то же время импортозависимость внутреннего рынка органической продукции относительно невысока: в 2023 г. доля импорта в структуре внутреннего потребления органических продуктов в Китае составляла только около 5 процентов [5]. По данным NBS основные закупаемые органические продукты питания — это фрукты и овощи, за которыми следует молочная продукция, а далее зерновая и масличная. Основными странами-поставщиками органической продукции в Китай традиционно являлись Австралия, Новая Зеландия и ведущие страны ЕС (Германия, Италия, Франция). Однако после 2021 г. стала усиливаться конкуренция со стороны стран Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Таиланд). Предполагается дальнейшая диверсификация закупок за счет стран Южной Америки (например, закупки органических зерна, сои и продуктов их переработки из Аргентины и Бразилии), а также из географически близкой России (наиболее перспективен в ближайшие годы импорт зерновой и масличной продукции, а также органических лесных орехов).

Индия. Управление по развитию экспорта сельскохозяйственных и переработанных пищевых продуктов (APEDA) при Министерстве торговли и промышленности Правительства Индии является компетентным органом на рынке органической продукции Индии. Оно управляет Национальной программой по органическому производству (NPOP). NPOP разрабатывает Национальные стандарты органического производства (NSOP), правила

¹³ Точные данные о потреблении органической рыбы и морепродуктов в Китае отсутствуют. Ориентировочные оценки COFCC показывают долю 1–5 % в структуре внутреннего потребления [16].

¹⁴ Учитывался экспорт в натуральном выражении только в страны ЕС и США (прим. авт.).

¹⁵ Данные Национального статистического бюро КНР (National Bureau of Statistics of China, NBS) (прим. авт.).

аккредитации органов по сертификации и аттестации, руководящие принципы для групп по сертификации, отдельных производителей, а также правила сертификации товарных знаков для органических продуктов [20].

В 2023 г. площадь органических сельскохозяйственных угодий в Индии составила 4,5 млн га, что является наиболее высокой среди стран БРИКС и второй по величине в мире [5]. В органическом сельском хозяйстве Индии активно развивается органическое растениеводство и органическое животноводство, тяготеющие к оптимальным агроклиматическим условиям и спросу (предпочтения потребителей, близость к крупным городам и экспортной инфраструктуре).

Основные направления специализации органического растениеводства: зерновые культуры (рис), тонирующие (стимулирующие) культуры (чай, кофе), фрукты и овощи, масличные и зернобобовые культуры, специи. Органический рис (сорт басмати) производится преимущественно на Индо-Гангетской (Индо-Гангской) равнине (штаты Пенджаб и Харьяна). Органический чай (сорта Ассам и Дарджилинг) тяготеет к хорошо увлажняемым территориям предгорий Гималаев: на северо-востоке страны (штаты Ассам и Западная Бенгалия). Основные плантации органического кофе расположены на юге страны, в южной части региона Западных Гатов (штаты Карнатака, Керала, Тамилнад). Зона распространения органических фруктовых плантаций в Индии значительна и включает регион, примыкающий к Гималаям (в основном фрукты умеренного пояса), Северо-Восточный регион (тропические фрукты), южную часть региона Западных Гатов (тропические фрукты, виноград), Центральный регион (органические овощи). Основное производство масличных и зернобобовых культур сосредоточено в штатах Махараштра и Мадхья-Прадеш, а органические специи (черный перец, кардамон, имбирь) находятся в южной части региона (Западные Гаты).

Основные направления специализации органического животноводства страны связаны с молочным животноводством Северной и Западной Индии, где оно основано на местных породах КРС и относительно высокопродуктивно за счет хорошей обеспеченности луговыми пастбищами и другими кормами. Органическое птицеводство в Индии тяготеет к южным штатам и также высокопродуктивно. По данным Сельскохозяйственного университета Кералы (KAU, 2021), средняя яйценоскость кур в органическом секторе одноименного штата была на 20 % выше, чем в традиционном птицеводстве. В Центральной и Восточной Индии быстро развивается органическое козоводство. Козы, выращиваемые по органической технологии, хорошо приспособлены к агроклиматическим условиям этих регионов и требуют относительно небольших материальных затрат, что делает их привлекательным вариантом для мелких фермеров. Эф-

фективность органического козоводства поддерживается также утилизацией навоза (в качестве органического удобрения). По площади сбора органических дикоросов (1,2 млн га в 2023 г.) Индия занимает 3 место в странах БРИКС после Бразилии и Китая [4]. Основные регионы сбора расположены в зоне, прилегающей к Гималаям, на юге страны (Западные Гаты), а также в Северо-Восточном секторе. По товарной специализации наиболее развиты три направления: сбор растений медицинского и ароматического назначения, съедобных грибов и растений (ягоды, фрукты, дикие листовые овощи и побеги), а также так называемые недревесные лесные продукты (Non-Timber Forest Products, NTFPs). Последнее направление поддерживается спросом на продукцию традиционных ремесел и производств (в том числе пищевых и фармацевтических) и включает заготовку бамбука, природных полимеров (смола и камедь), волокон и красителей.

Государственная поддержка на рынке органической продукции в Индии имеет несколько направлений, некоторые из которых с особой спецификой. Так, активно развивается программа PKVY. Согласно этой программе, предоставляется комплексная финансовая поддержка фермерам (включая производство, сертификацию, обучение и повышение квалификации, продвижение на рынок), практикующим органическое сельскохозяйственное производство на основе кластерного органического сельского хозяйства (cluster-based organic farming)¹⁶. Основной целью PKVY является формирование органических кластеров (кроме штатов Северо-Восточного региона), для создания цепочки устойчивых поставок органической продукции. В рамках программы штатам/союзным территориям предоставляются средства, из которых фермерам (только в рамках органических мини-кластеров) оказывается финансовая помощь в размере 365 долл. /га в течение трех лет, в том числе почти половина предоставляется в виде субсидий на приобрете-

¹⁶ Кластерное органическое сельское хозяйство (cluster-based organic farming) — это подход, нацеленный на развитие органического сельского хозяйства, путем объединения фермеров в небольшие группы (обычно 20–50 чел.) или кластеры. Этот метод призван преодолеть проблемы, с которыми сталкиваются отдельные фермеры при переходе к органическому сельскому хозяйству, такие как ограниченный доступ к ресурсам, ноу-хау, информации и рынкам. Несмотря на определенное сходство, кластерное органическое сельское хозяйство нельзя отождествлять с PGS. Кластерное органическое сельское хозяйство может быть ориентировано на коммерческую выгоду и масштабирование производства, в то время как PGS нацелено на облегчение сертификации и в большей степени акцентирует внимание на социальных и природоохранных аспектах, таких как справедливость, солидарность и экологическая устойчивость. Кроме того, кластерное земледелие может быть более восприимчиво к внешнему влиянию, например, со стороны крупных компаний или государственных программ, в то время как PGS стремится к большей автономии и самоорганизации (прим. авт.).

ние необходимых ресурсов для ведения органического сельского хозяйства [21]. По данным Министерства сельского хозяйства и благосостояния фермеров Индии для Северо-Восточного региона страны действует специальная программа Миссия «Развитие органической цепочки создания стоимости в Северо-Восточном регионе» (MOVCDNER), в рамках которой местные фермеры получают финансовую помощь в размере 290 долл. /га в течение трех лет [22].

По данным государственного Национального центра органического земледелия (NCOF) Индии, для поддержки ресурсного обеспечения органического сельского хозяйства используется Схема субсидирования капитальных вложений (CISS) для предприятий, занимающихся производством удобрений и средств защиты растений для органического сельского хозяйства. Эта схема, в частности, поощряет создание коммерческих предприятий по производству биоудобрений и биопестицидов. Правительство предоставляет частным компаниям субсидию в размере 25 % от стоимости проекта, но не более 47 тыс. долл. в расчете на предприятие. Для государственных компаний субсидия составляет 100 % от стоимости проекта, но не более 186 тыс. долл. на одно предприятие.

По линии содействия стандартизации и контроля над ее соблюдением на рынке органической продукции Индии поддержка осуществляется по трем каналам: через NPOP (помимо установления стандартов, регламентирования сертификации и аккредитации) оказывается непосредственная финансовая помощь сертификационным агентствам в процессах аккредитации и функционирования, PGS (компенсация части сертификационных услуг), а также упомянутой выше программы PKVY (субсидирование сертификации).

В части научно-образовательного обеспечения на рынке органической продукции в Индии предлагаются следующие меры содействия: всеиндийский сетевой проект по органическому сельскому хозяйству (AINPOF), координируемый Индийским советом сельскохозяйственных исследований (ICAR), который проводит исследования систем органического сельского хозяйства и разрабатывает технологии для его ведения в конкретных регионах. Национальное бюро по исследованию важных для сельского хозяйства микроорганизмов (NBAIM), в том числе, занимается изучением полезных микроорганизмов для использования в органическом сельском хозяйстве. По данным ICAR, Правительство Индии ежегодно инвестирует примерно 2,3–3,5 млн долл. в научные исследования и разработки, связанные с органическим сельским хозяйством через одноименный совет и другие исследовательские организации. Правительство Индии содействует также развитию учебных программ для фермеров, специалистов по распростра-

нению знаний и других заинтересованных сторон по методам ведения органического сельского хозяйства. Эти программы, в частности охватывают такие направления, как органическое растениеводство, управление почвами, борьбу с вредителями и болезнями, а также сертификацию. По оценкам Министерства сельского хозяйства и благосостояния фермеров Индии, за последние 10 лет свыше 100 тысяч индийских фермеров прошли обучение методам органического земледелия в рамках спонсируемых правительством программ [22]. Специфическим направлением обучения являются так называемые фермерские полевые школы (FFS), создаваемые для распространения знаний о технологиях органического земледелия непосредственно в полевых условиях.

По данным индийских правительственных источников, размер внутреннего рынка органической продукции в Индии в 2023 г. оценивался в 1,3 млрд долл.¹⁷. Если основываться на этой цифре, то Индия занимает третье место после Китая и Бразилии среди стран БРИКС [23, 24]. По среднелюдному же потреблению органических продуктов питания (0,9 долл. / чел. / год) Индия значительно отстает от среднемирового показателя и занимает четвертое в БРИКС-10 место после Китая, Бразилии и ОАЭ. Оценки продуктовой структуры органического рынка Индии различаются в зависимости от методики учета и источников. По данным правительственных источников (в том числе, APEDA, Министерства сельского хозяйства и благосостояния фермеров, Национального Совета по развитию молочной промышленности, Чайного совета Индии, Кофейного совета Индии) примерная структура по продуктовым группам выглядела следующим образом: фрукты и овощи — 36 %, зерновые (включая рис) и зернобобовые — 26 %, чай и кофе — 12 %, молочная и мясная продукция — 11 %, специи — 8 %, напитки — 4 %, растительное масло — 3 %. Следует отметить, что переработанная органическая продукция в той или иной степени включена в выделенные категории. По ориентировочным оценкам автора, ее самостоятельная доля на внутреннем рынке органической продукции Индии составляет примерно 30 %¹⁸.

По данным Министерства сельского хозяйства и благосостояния фермеров, основное потребление органических продуктов питания в настоящее время приходится на Западный регион страны (в основном это штаты Гуджарат и Махараштра) — примерно 30 % от размера внутреннего рынка органических продуктов питания.

¹⁷ По оценкам, произведенным в 2024 г. аналитической и консалтинговой компанией Research And Markets (Ирландия) размер рынка органической продукции в Индии составил 1,6 млрд долл., а к 2034 г. прогнозируется удвоение его размеров. [25].

¹⁸ Учитывается молочная продукция, разнообразные легкие закуски (snack foods), напитки (безалкогольные), продукция на основе зерновых и зернобобовых культур, переработанная продукция смешанных категорий (прим. авт.).

В таких городах региона, как Мумбаи и Пуна, наблюдается высокий спрос на органические фрукты, овощи и молочные продукты. Немного отстают Южная Индия (в частности, штаты Карнатака и Тамилнад) — 28 %. Относительно высокий уровень потребления органических продуктов питания в Западном и Южном регионах стимулируется также развитием туристической индустрии. Третье место занимает регион Северной Индии (основные потребители — Дели и штат Пенджаб) — 25 %. Относительно высокий уровень осведомленности и располагаемых доходов потребителей стимулируют спрос на органические продукты питания как свежих, так и полуфабрикатов. Доля Восточной Индии по социально-экономическим причинам и большей ориентированности на экспорт органической продукции (в том, числе штаты Ассам и Западная Бенгалия) заметно ниже — 17 %.

Основная часть органических продуктов питания (80 %) в Индии реализуется через розничные продажи. Из них 45 % приходится на супермаркеты и гипермаркеты, далее следуют специализированные магазины (25 %), электронная торговля (18 %) и торговля без посредников, в том числе через фермерские рынки — 12 %. Одна пятая всего объема реализации органической продукции на внутреннем рынке Индии приходится на коммерческие системы общественного питания.

Индия поставляет на мировой рынок большинство видов органической продукции, которую производит, однако примерно 60 % объема этой продукции приходится на рис (басмати), чай и специи. Основные потребители — США и страны ЕС [23]. Менее значительная часть органической продукции поставляется в Канаду, страны Азии (Япония, Республика Корея, Ближний Восток, Юго-Восточная Азия) и Австралию. По данным FiBL, в 2023 г. Индия занимала среди стран БРИКС третье место по объему поставок органической продукции в США и страны ЕС в натуральном выражении (158 тыс. т). Также как и в Китае в 2020–2023 г. экспорт органической продукции в Индии сократился (на 36 %) [5]. Основными причинами снижения объема экспорта являлись: нарушение сложившихся цепочек поставок из-за эпидемии COVID-19, усиление внешней конкуренции (в том числе, из стран Южной Америки, таких как Аргентина и Бразилия), жесткие требования по стандартам органической продукции в ЕС, на фоне наблюдавшейся в 2022 г. экономической рецессии в некоторых из них (в этой связи, часть постоянных потребителей стала обращать внимание на более дешевую органическую продукцию), а также увеличение внутреннего спроса на органическую продукцию (изменение менталитета, рост возможностей приобретения, усиление государственной поддержки органического сектора) [4, 5, 7, 11, 19, 23]. Данные по импорту органической продукции на внутренний рынок Индии весьма ограничены. По данным различных источников (в том числе, FiBL-IFOAM, APEDA, Министерства торговли и про-

мышленности (Индия), Organic Trade Association — ОТА (США), International Trade Centre (ITC)) в число пяти ведущих поставщиков в Индию органической продукции входят Австралия (зерновые, зернобобовые), Италия (переработанные продукты: паста, оливковое масло, плодоовощная продукция), США (орехи, органические семена, переработанная продукция), Нидерланды (резьба в Индию органического какао и какао-продуктов (в частности, шоколад) и специй (в том числе, имбирь)).

Общие достижения БРИКС-10 и детальный анализ основных характеристик рынка органической продукции в двух ведущих экономиках (Китая и Индии) показывают, что данное межгосударственное объединение имеет большой потенциал дальнейшего развития в данной области. Как было отмечено выше, одним из драйверов развития рынка органической продукции может стать соответствующее сотрудничество всех участников БРИКС в данной области.

Текущее сотрудничество в органическом секторе между странами БРИКС-10 в основном носит разовый, неформальный и крайне ограниченный характер. Оно осуществляется главным образом посредством торговли (незначительные объемы), а также обмена знаниями в рамках семинаров, конференций.

Расширение БРИКС за счет включения в него Индонезии, Ирана, ОАЭ, Эфиопии и, возможно, других стран открывает значительные возможности для будущего сотрудничества на рынке органической продукции. Однако такое сотрудничество требует активного участия всех стран с учетом национальной специфики, носит комплексный характер, то есть охватывает частные направления в производственно-распределительной сфере, институциональные инициативы (введение необходимых органов координации и управления, изменение дополнения норм и практик, содействующих формированию общей политики на рынке органической продукции), а также интеллектуально-информационные инициативы (наука, образование, информация, реклама и т.д.).

Ключевыми областями сотрудничества стран БРИКС в области производства органической продукции являются, в том числе, передача технологий (например, в области приемлемых и адаптированных к различным агроклиматическим условиям технологиям обработки почвы, методам борьбы с вредителями), сотрудничество в органическом семеноводстве (совместные исследования по созданию и апробированию сортов органических семян, подходящих для местных условий и устойчивых к климатическим стрессам, вредителям и болезням), в области материально-технических ресурсов (создание совместных предприятий по производству органических удобрений, биопестицидов и других необходимых материалов, техники и оборудования для уменьшения

зависимости органического сельского хозяйства и органической пищевой промышленности от импорта и невозобновляемых ресурсов), а также в области альтернативных источников получения органической продукции (в частности, организация и техническое обеспечение проведения экологических экспертиз на территориях, предназначенных для сбора органических дикоросов). В сфере потребления органической продукции и торговли ею важными областями для сотрудничества могут стать создание совместных проектов по совершенствованию логистической инфраструктуры органической продукции (транспорт, хранение, упаковка), развитие систем органического общественного питания, электронных платформ для осуществления внутренних и внешних торговых сделок.

В современных геоэкономических условиях в области институциональных инициатив возможности расширения сотрудничества должны осуществляться по нескольким актуальным направлениям. Весьма важной рамочной инициативой явилось бы создание объединяющего органа для всего органического сектора стран БРИКС с примерным названием: «Межгосударственный центр координации политики на рынке органической продукции стран БРИКС». Основные направления деятельности такого Центра, в том числе, должны включать такие направления как: разработка совместных проектов в области производства и логистики органической продукции, прогнозирование развития рынка органической продукции, гармонизация нормативно-правовой базы (формирование общих стандартов производства и товародвижения продукции, содействие достижению двухсторонних и многосторонних торговых соглашений в рамках БРИКС о взаимном признании эквивалентности технологий производства органической продукции), содействие усилению переговорной позиции на мировом рынке органической продукции. Центр, выступая «единым фронтом», может существенно усилить переговорную позицию стран БРИКС в международных организациях и при заключении торговых соглашений, касающихся органической продукции с третьими странами и интеграционными формированиями. Определяя общую политику стран БРИКС в области дальнейших действий на рынке органической продукции (на основании результатов экономико-математического прогнозирования развития мирового рынка органической продукции и рынка органической продукции в странах БРИКС), целесообразно разработать ряд необходимых нормативно-правовых документов в форме концепции, стратегии, программы, плана действия, дорожной карты.

Интеллектуально-информационные инициативы в рамках сотрудничества стран БРИКС на рынке органической продукции также в значительной степени могут осуществляться Межгосударственным центром координации политики на рынке органической продукции

стран БРИКС. Приоритетным направлением сотрудничества здесь, на наш взгляд, является создание электронной платформы, позволяющей всем участникам рынка органической продукции получать необходимые статистические данные, данные о конъюнктуре рынка органической продукции, заключать торговые сделки, получать консультации и т.д. Современные технико-технологические достижения открывают также возможность *усиления интеллектуально-информационной инициативы* за счет использования *интернет-телевидения* с его интерактивными и отложенными возможностями [28, 29, 30]. Другими ключевыми областями сотрудничества в интеллектуально-информационной сфере рынка органической продукции стран БРИКС являются совместные научно-исследовательские программы, программы обмена (ученые, преподаватели, студенты, маркетологи, фермеры, другие участники рынка органической продукции), а также содействие мероприятиям по созданию региональных центров обучения на рынке органической продукции. Источники финансирования Межгосударственного центра координации политики на рынке органической продукции стран БРИКС могут включать регулярные взносы стран БРИКС в общий бюджет центра, гранты (от международных организаций, фондов и частных компаний, заинтересованных в развитии рынка органической продукции) и пожертвования, доходы от собственной деятельности (например, доходы от организации конференций, выставок, консультационных услуг и других видов деятельности).

Учитывая специфику (в том числе, высокую стоимость сертификации, наличие переходного периода, во время которого могут снижаться доходы, скоропортящийся характер продукции) производства в органическом сельском хозяйстве, органическом сборе дикоросов, в других источниках получения органической продукции, а также процесса товародвижения необходима устойчивая финансовая поддержка всех операторов рынка органической продукции. Но приоритет в первое время должен отдаваться поддержке органического сельского хозяйства. Не все страны БРИКС могут реализовывать такую поддержку в полной мере. Поэтому необходимо создание специализированного фонда с ориентировочным названием «Межгосударственный фонд финансовой поддержки на рынке органической продукции стран БРИКС». Этот Фонд должен тесно координироваться с Межгосударственным центром координации политики на рынке органической продукции стран БРИКС и использовать наработки стран БРИКС в области государственной поддержки стран БРИКС на рынке органической продукции (в частности, показанные выше на примере Китая и Индии). Кроме того, Фонд должен также принимать активное участие в поддержке интеллектуально-информационного обеспечения органического сектора стран БРИКС. Потенциальные источники финансирования Фонда: взносы стран-участниц БРИКС

(каждая страна-участница может вносить регулярные взносы в соответствии с согласованной квотой, определяемой на основе экономических показателей и приоритетов развития органического сектора), привлечение инвестиций из международных финансовых институтов (Фонд может привлекать инвестиции от международных организаций, таких как Всемирный банк, Международный валютный фонд, Европейский банк реконструкции и развития, а также от региональных банков развития), привлечение частных инвестиций (инвестиции от частных компаний, заинтересованных в развитии органического сектора (в том числе прямые иностранные инвестиции), а также средства от институциональных инвесторов, таких, например, как пенсионные фонды и страховые компании, выпуск облигаций (Фонд может выпускать облигации для привлечения средств на финансирование различных проектов в органическом секторе), доходы от реализации проектов (могут использоваться доходы от реализации проектов, финансируемых за счет средств фонда, например, от продажи органической продукции на специальных ярмарках и выставках или от предоставления консультационных услуг), гранты и пожертвования.

Заключение

Рынок органической продукции в странах БРИКС в последние годы характеризуется опережающим развитием относительно мирового рынка органической продукции. В то же время, особенно в части обеспечения населения производственной базой органической продукции и ее среднедушевого потребления, страны БРИКС заметно отстают от среднемировых показателей, не говоря уже о показателях развитых стран в этой области. Причины отставания комплексные и заключаются в ряде сдерживающих факторов, среди которых исторически сложившаяся ориентация на традиционное сельское хозяйство, недостаточно развитый уровень государственного регулирования (институционального и нормативно-правового обеспечения рынка органической продукции), несоответствие между осведомленностью потребителей и спросом на органическую продукцию, ограниченный (по сравнению с развитыми странами) доступ фермеров стран БРИКС к информации, обучению и техническому содействию, неадекватный уровень финансовой государственной поддержки органических товаропроизводителей и развития инфраструктуры товародвижения органической продукции, дефицит соглашений о признании стандартов производства органической продукции как внутри БРИКС, так и с третьими странами и интеграционными формированиями. В современных геоэкономических условиях, опре-

деляемых, с одной стороны, процессами глобализации, а с другой, растущей конкуренцией и усилением отстаивания национальных интересов весьма существенным фактором, сдерживающим развитие рынков органической продукции в странах БРИКС, является крайне недостаточный уровень взаимного сотрудничества. Анализ потенциала такого сотрудничества позволяет выделить приоритетные направления, на взгляд автора ими являются: создание Межгосударственного центра координации политики на рынке органической продукции стран БРИКС, Межгосударственного фонда финансовой поддержки на рынке органической продукции стран БРИКС, формирование концепции и стратегии развития рынка органической продукции стран БРИКС, проведение совместных экологических экспертиз (на территориях сбора органических дикоросов и землях, предназначенных для ведения органического сельского хозяйства и органического лесоводства), использование возможностей прикладных ИКТ (создание общей электронной платформы, использование потенциала интернет-телевидения) для повышения эффективности интеллектуально-информационного обеспечения и электронной торговли на рынке органической продукции стран БРИКС. Реализация этих инициатив значительно усилит позиции стран БРИКС на мировом рынке органической продукции, которые будут иметь возможность выступать с единых позиций. Сотрудничество со странами БРИКС на рынке органической продукции имеет большое значение для России, вклад которой в производство и торговлю органической продукцией пока не отвечает экономическому и агроклиматическому потенциалу страны, а также потребностям населения (в межгосударственном объединении БРИКС доля органических сельскохозяйственных угодий России — 3,5 %, площади сбора органических дикоросов — 1,3 %, потребление органических продуктов питания — 1,3 %, экспорт органической продукции в развитые страны — США и ЕС — 10,9 %). Многостороннее сотрудничество может существенно усилить позиции нашей страны на рынке органической продукции стран БРИКС и на соответствующем мировом рынке, тем более, что уже в настоящее время Россия может предложить свои научно-практические разработки, в том числе, в области селекции органических сортов, производства органических удобрений, физических методов борьбы с вредителями, ресурсосберегающих технологий и оборудования для процесса заготовки органических дикоросов (лесных орехов), ландшафтно-адаптивного земледелия, стандартизации технологий сбора органических дикоросов, методических подходов к межстрановым сравнениям рынков органической продукции, контроля качества хранения определенных видов органической продукции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концептуальные основы развития рынка органической продукции России [Текст] — монография: в 2 частях / А.Г. Папцов, Н.Д. Аварский, В.В. Таран, Ж.Е. Соколова, Х.Н. Гасанова, Е.А. Силко и др. // Часть 1. Под общей редакцией академиков РАН Н.К. Долгушкина и А.Г. Папцова. — М.: РАН, 2018. — 172 с. [ISBN 978-5-907036-28-4; DOI: 10.31857/S9785907036284000001; EDN: YWFSTZ].
2. Соколова Ж.Е. Теория и практика развития мирового рынка продукции органического сельского хозяйства [Текст] — монография (научное издание) / Соколова Жанна Евгеньевна. — М.: Издательство ИП Насирддинова В. В., 2012. — 443 с.: ил. [ISBN 978-5-905523-24-3; EDN: QVLGMN].
3. Стратегические направления развития рынка органической продукции России [Текст] — монография: в 2 частях / А.Г. Папцов, Н.Д. Аварский, В.В. Таран, Ж.Е. Соколова, Х.Н. Гасанова, Е.А. Силко и др. // Часть 2. Под общей редакцией академика РАН А.Г. Папцова и д.э.н. Н.Д. Аварского. — М.: Издательство ВНИРО, 2020. — 188 с. [ISBN: 978-5-85382-489-8; DOI: 10.31857/S9785907036284000001; EDN: IVLPDW].
4. Willer Helga, Jan Trávníček and Bernhard Schlatter (Eds.) (2025): The World of Organic Agriculture. Statistics and Emerging Trends 2025. Research Institute of Organic Agriculture FiBL, Frick, and IFOAM — Organics International, Bonn [электронный ресурс: <http://www.organic-world.net/yearbook/yearbook-2025.html>, <https://orgprints.org/id/eprint/54617/1/1797-organic-world-2025.pdf> дата обращения к ресурсу: 16.06.2025].
5. FiBL Statistics — European and Global Organic Farming Statistics. FiBL Statistics. [электронный ресурс: <https://statistics.fibl.org/>, дата обращения к ресурсу: 16.06.2025].
6. Organic Food Market — Industry Dynamics, Market Size And Opportunity Forecast To 2033. — Astute Analytica. — Last Updated: Jan-2025. [электронный ресурс: <https://www.astuteanalytica.com/industry-report/organic-food-market>, дата обращения к ресурсу: 16.06.2025].
7. Willer, Helga, Bernhard Schlatter and Jan Trávníček (Eds.) (2023): The World of Organic Agriculture. Statistics and Emerging Trends 2023. Research Institute of Organic Agriculture FiBL, Frick, and IFOAM — Organics International, Bonn. Online Version 2 of February 23, 2023. [электронный ресурс: <https://statistics.fibl.org/data.html>, дата обращения к ресурсу: 16.06.2025].
8. Соколова Ж.Е. Рейтинговая оценка результатов структурных изменений на мировом агропродовольственном рынке (на примере рынка органической продукции) / Ж.Е. Соколова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики; Серия «Экономика и Право». — 2024. — №5 (Май). — С.77–88. [ISSN 2223–2974. — DOI: 10.37882/2223-2974.2024.05.31].
9. The Organic Equivalence Tracker. IFOAM — Organics International. [электронный ресурс: <https://www.ifoam.bio/our-work/how/regulation-policy/organic-equivalence>, дата обращения к ресурсу: 16.06.2025].
10. Обзор мирового органического рынка и рынка России на конец 2023 года. Фонд «Органика». [электронный ресурс: <https://organicfund.ru/new/obzor-mirovogo-organicheskogo-rynka-i-rynka-rossii-na-konec-2023-goda>, дата обращения к ресурсу: 16.06.2025].
11. Willer Helga, Jan Trávníček, Claudia Meier and Bernhard Schlatter (Eds.) (2022): The World of Organic Agriculture. Statistics and Emerging Trends 2022. Research Institute of Organic Agriculture FiBL, Frick, and IFOAM — Organics International, Bonn. [электронный ресурс: <http://www.organic-world.net/yearbook/yearbook-2022.html>, <https://www.fibl.org/fileadmin/documents/shop/1344-organic-world-2022.pdf>; дата обращения к ресурсу: 16.06.2025].
12. FAOSTAT. Data. Food And Agricultural Organization Of The United Nations. [электронный ресурс: <https://www.fao.org/faostat/en/#data>, дата обращения к ресурсу: 16.06.2025].
13. Таран В.В. Расчет текущей величины сводного индекса уровня развития рынка органической продукции для проведения межстрановых сравнений/ Василий Васильевич Таран, Наби Далгатович Аварский, Папцов Андрей Геннадьевич, Соколова Жанна Евгеньевна, Миндлин Юрий Борисович // Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2024685543 [выдано Федеральной службой по интеллектуальной собственности]. — Право-обладатель Таран Василий Васильевич (RU); заявка № 2024683928; дата поступления 11.10.2024; дата гос. регистрации в Реестре программ для ЭВМ 30.10.2024.
14. Таран В.В. Графический интерфейс пользователя программы по расчету текущей величины сводного индекса уровня развития рынка органической продукции для проведения межстрановых сравнений/ Василий Васильевич Таран, Наби Далгатович Аварский, Папцов Андрей Геннадьевич, Соколова Жанна Евгеньевна, Миндлин Юрий Борисович // Патент на промышленный образец № 145824 [выдан Федеральной службой по интеллектуальной собственности]. — Патентообладатель Таран Василий Васильевич (RU); заявка № 2024506403; Приоритет(ы) промышленного образца 14.01.2024; Дата государственной регистрации в Государственном реестре промышленных образцов Российской Федерации 28.01.2025; Срок действия исключительного права на промышленный образец истекает 14.01.2029.
15. Папцов А.Г. Производство зеленых продуктов питания как инновационное направление в аграрном секторе Китая / А.Г. Папцов, Ж.Е. Соколова. — DOI 10.33938/225-31. — [Текст: непосредственный] // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. — 2022. — № 5(87). — (Международные отношения и мировой опыт ведения сельского хозяйства). — С. 31–45.
16. China Organic Food Certification Center (COFCC)/Agriculture Information And Network Service v 2.0 (AINS). [электронный ресурс: <https://www.greatermekong.org/wgasite/standard/china-organic-food-certification-center-cofcc#>, дата обращения к ресурсу: 16.06.2025].
17. China National Accreditation Service For Conformity Assessment (CNAS). [электронный ресурс: <https://www.cnas.org.cn/english/>, дата обращения к ресурсу: 16.06.2025].
18. Euromonitor International. [электронный ресурс: <https://www.euromonitor.com/>, дата обращения к ресурсу: 16.06.2025].
19. ICT Trade Map. Trade Statistics For International Business Development. International Trade Centre. [электронный ресурс: <https://www.trademap.org/Index.aspx/>, дата обращения к ресурсу: 16.06.2025].
20. Organic Export Info. FiBL. [электронный ресурс: <https://www.organicexport.info/india.html/>, дата обращения к ресурсу: 16.06.2025].
21. Paramparagat Krishi Vikas Yojana. Ministry of Agriculture & Farmers Welfare. Release ID: 2099756. Posted On: 04 FEB 2025 6:58PM by PIB Delhi [электронный ресурс: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2099756>, дата обращения к ресурсу: 16.06.2025].

22. Ministry Of Agriculture And Farmers Welfare. — india.gov.in. — National Portal Of India. [электронный ресурс: <https://www.india.gov.in/website-ministry-agriculture-farmers-welfare>, дата обращения к ресурсу: 16.06.2025].
23. Agricultural And Processed Food Products Export Development Authority (APEDA). [электронный ресурс: <https://apeda.gov.in/>, дата обращения к ресурсу: 16.06.2025].
24. Ministry Of Commerce And Industry. — india.gov.in. — National Portal Of India. [электронный ресурс: <https://www.india.gov.in/website-ministry-commerce-and-industry>, дата обращения к ресурсу: 16.06.2025].
25. India Organic Food Market, By Region, Competition, Forecast & Opportunities, 2020-2030F. — Research And Markets. — July 2024. [электронный ресурс: <https://www.researchandmarkets.com/reports/5338134/india-organic-food-market-by-region>, дата обращения к ресурсу: 16.06.2025].
26. Global Organic Food and Beverages Market Insights Forecasts to 2033. Spherical Insights. — Feb.2024. [электронный ресурс: <https://www.sphericalinsights.com/reports/organic-food-and-beverages-market>, дата обращения к ресурсу: 16.06.2025].
27. Organic Food Global Market Opportunities & Strategies. — May 2023. — The Business Research Company (TBRC). [электронный ресурс: <https://www.thebusinessresearchcompany.com/report/organic-food-market>, дата обращения к ресурсу: 16.06.2025].
28. Папцов А.Г. Потенциал цифровизации для повышения квалификации участников рынка агропродовольственной продукции (технико-экономические возможности мультикастинга и интернет-телевидения) / А.Г. Папцов, Ж.Е. Соколова // Научно-техническая информация. Сер.2, ВИНТИ РАН — 2023. — № 11. — С. 1–25. [DOI: 10.36535/0548-0027-2023-11-1; ISSN: 0548-0027].
29. Таран В.В. Технико-технологические аспекты формирования интернет-телевидения в условиях опережающего развития информационно-коммуникационных технологий / В.В. Таран, О.Е. Баксанский, Ж.Е. Соколова, В.Вик. Таран, В.В.Сухой // Научно-техническая информация, серия 2. — 2021. — № 1. — С. 9–31. (DOI: 10.36535/0548-0027-2021-01-2).
30. Таран В.В. Культурологический анализ интернет-телевидения в контексте развития информационно-коммуникационных технологий: дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Таран Василий Васильевич. — М., 2015. — 207 с. [Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ].

© Соколова Жанна Евгеньевна (sje.ciitei@vniiesh.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЫНОК ПРОДУКЦИИ БЕЗОПАСНОГО И ЗДОРОВОГО ПИТАНИЯ В СТРАНАХ БРИКС НА ПРИМЕРЕ РОССИИ: РАЗВИТИЕ И СОТРУДНИЧЕСТВО В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Соколова Жанна Евгеньевна

доктор экономических наук, кандидат философских наук, главный научный сотрудник ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ
sje.ciitei@vniiesh.ru

THE MARKET OF SAFE AND HEALTHY FOOD PRODUCTS IN THE BRICS COUNTRIES ON THE EXAMPLE OF RUSSIA: DEVELOPMENT AND COOPERATION IN MODERN GEO-ECONOMIC CONDITIONS

Zh. Sokolova

Summary. The article is devoted to the structural and economic analysis of safe and healthy food products in the BRICS countries. The article discusses the issues of forming partnership cooperation in the field of healthy nutrition within the framework of the BRICS interstate association. The assessment of the health food market at the interstate level of individual BRICS member countries is given. The issues of clarifying and differentiating the categorical apparatus used in the scientific review of the problems of the market of safe and healthy food products in a bioeconomic context are being updated. The dynamics of development of the market for safe and healthy food products in the world and the BRICS countries in 2020–2024 with a forecast for the future until 2033 is presented. Using the example of Russia, ways to improve economic cooperation in the field of healthy nutrition in modern geo-economic conditions are shown. The future prospects of cooperation between Russia and other BRICS countries (including the new member states of this association) in the field of healthy and safe nutrition are introduced. The priorities in the field of technological cooperation between the BRICS member countries are outlined. The audit of current trade flows, various forms of investments, regulatory and legal framework defining opportunities for further expansion of cooperation was carried out. The problems preventing the sustainable integration of our country into the system of trade relations between the BRICS member states are listed. The problem of reassessing the current rules of economic relations, taking into accounts the constructive proposals and requirements of the new states that have recently joined the BRICS structure has been developed. The author's suggestions and recommendations on improving the mechanisms of long-term cooperation in the field of healthy nutrition and organic products, with domestic experience and practices of modern international relations are given.

Keywords: healthy food products, the market of safe and healthy food products, the agricultural sector, BRICS countries, Russia, prospects for economic cooperation and development, technological cooperation, food security, modern geo-economic conditions, natural and organic food products, «Health & Wellness Food Products», «Health & Wellness Food(s)» — «H&WF».

Аннотация. Статья посвящена структурно-экономическому анализу продукции безопасного и здорового питания в странах БРИКС. В статье рассматриваются вопросы формирования партнерского сотрудничества в сфере здорового питания в рамках межгосударственного объединения БРИКС. Дается оценка состояния рынка продукции здорового питания на межгосударственном уровне отдельных стран-участниц БРИКС. Актуализируются вопросы уточнения и разграничения категориального аппарата, применяющегося при научном обзоре проблем рынка продукции безопасного и здорового питания в биоэкономическом контексте. Представлена динамика развития рынка продукции безопасного и здорового питания в мире и странах БРИКС в 2020–2024 гг. с прогнозом на дальнейшую перспективу до 2033 г. На примере России показаны пути совершенствования экономического сотрудничества в области здорового питания в современных геоэкономических условиях. Изложены перспективы сотрудничества между Россией и другими странами БРИКС (включая новые государства-члены этого объединения) в сфере здорового и безопасного питания. Обозначены приоритеты в области технологического сотрудничества между странами-участницами БРИКС. Выполнен аудит текущих торговых потоков, различных форм инвестиций, нормативной и правовой базы, определяющих возможности для дальнейшего расширения сотрудничества. Перечислены проблемы, мешающие устойчивой интеграции нашей страны в систему торговых взаимоотношений государств-участниц БРИКС. Разработана проблематика переоценки текущих правил экономических взаимоотношений, учитывающая конструктивные предложения и требования новых государств, недавно влившихся в структуру БРИКС. Даны авторские предложения и рекомендации по совершенствованию механизмов долгосрочного сотрудничества в сфере органической продукции и здорового питания, учитывая отечественный опыт и практики современных международных отношений.

Ключевые слова: продукция здорового питания, рынок продукции безопасного и здорового питания, аграрный сектор, страны БРИКС, Россия, перспективы экономического сотрудничества и развития, технологическое сотрудничество, продовольственная безопасность, современные геоэкономические условия, натуральные и органические продукты питания, «Health & Wellness Food Products», «Health & Wellness Food (s)» — «H&WF».

Философия продукции безопасного и здорового питания, базовые понятия, биоэкономический аспект

В Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации особое внимание уделяется обеспечению безопасности пищевой продукции, необходимой для формирования рациона здорового питания каждого гражданина страны. Это положение входит в список основных задач для обеспечения продовольственной безопасности, независимо от изменения внешних и внутренних условий (п. 17/в,г,л.) [1]. Следовательно, вопросы поддержания и развития устойчивого обеспечения здорового и безопасного питания¹ на международном уровне входят в круг интересов нашей страны и всегда являются актуальной задачей. Единого научного определения понятия «здоровое и безопасное питание» и «продукты здорового и безопасного питания» (в том числе в контексте экономических категорий) равно как и его трактовки в официальных государственных документах не существует. Поэтому приведем определения, на наш взгляд, наиболее адекватные содержанию предлагаемой статьи.

Здоровое питание — это питание, которое обеспечивает рост, нормальное развитие и жизнедеятельность человека, способствует укреплению здоровья и профилактике заболеваний. При этом обеспечение *безопасности пищевых продуктов* — это совместная ответственность государства, специалистов в области государственного управления и здравоохранения, производителей продуктов питания и потребителей [2].

Безопасность пищевых продуктов — это полное отсутствие опасности употребления пищевых продуктов человеком либо приемлемые уровни риска пищевых продуктов, которые могут нанести вред здоровью потребителю. Упрощенно — безопасные пищевые продукты, это продукты, не представляющие угрозы для здоровья человека и окружающей его среды [3].

В мировой англоязычной научной литературе, оценивая состояние и перспективы развития рынков продуктов питания, различные зарубежные консалтинговые и аналитические компании и средства массовой информации (СМИ) в настоящее время широко используют термины «Health & Wellness Food Products» или «Health & Wellness Food(s)». Поскольку эти термины близки по смыслу между собой² и широко употребляемы, то при анализе структуры агропродовольственных рынков стран БРИКС требуется пояснение их сущности. При пе-

реводе этих терминов на русский язык наибольшие различия связаны со словом «wellness», которое означает зависимости от контекста: благополучие, здоровье, оздоровление, здоровый образ жизни, бодрость духа, успешность. В последние годы в русском языке все чаще используется транслитерация слова «wellness» — «велнес», которая рассматривается как особая концепция. Впервые термин «wellness» ПОЯВИЛСЯ в 50-х годах двадцатого столетия. А его популяризация была предпринята американским врачом канадского происхождения Хэлбертом Данном (Halbert L. Dunn)³, доктором философии в области медицины⁴ в своей книге «Здоровье высокого уровня», изданной в 1961 году («High-Level Wellness», 1961)⁵. В ней он определил «велнес высокого уровня», как комплексный метод функционирования, направленный на максимизацию потенциала, на который способен человек [4, 5]. С течением времени концепция «велнес» расширялась и обогащалась, включая все новые аспекты. Сегодня «велнес» рассматривается как многомерный процесс, требующий активного участия человека в становлении своего здоровья и поддержании благополучия. Велнес включает девять измерений (элементов — «благополучий»): физическое, экологическое, финансовое, профессиональное, социальное, эмоциональное, духовное, интеллектуальное [6]. При этом питание велнес является одним из важнейших составляющих физического измерения «велнеса».

Питание велнес (wellness nutrition) можно определить как сбалансированный, осознанный подход к еде, в котором еда питает не только тело и разум, но и дух. Это образ жизни, который поддерживает оптимальные функции, энергию и жизненную силу за счет правильного и сбалансированного выбора продуктов питания. Ключевыми компонентами питания велнес являются:

— Сбалансированное питание.

- Сбалансированная диета, включающая в себя разнообразные продукты из каждой группы продуктов питания в надлежащих пропорциях, для обеспечения необходимыми питательными веществами.

³ Хэлберт Данн (Halbert L. Dunn) — американский врач (доктор медицины), биостатистик один из создателей системы актов гражданского состояния в США, разработчик системы кодирования для получения медицинских статистических данных. В США известен как автор термина «здоровый образ жизни».

⁴ Прим.автора. В России аналог ученой степени доктора медицинских наук с предъявляемыми квалификационными требованиями кандидата медицинских наук.

⁵ Dunn, H. L. (1961). High-Level Wellness: A Collection of Twenty-Nine Short Talks on Different Aspects of the Theme «High-Level Wellness for Man and Society». Arlington, VA: Beatty. (электронный ресурс: https://www.wellnessverband.de/download/dunn_high_level_wellness_original.pdf?m=1501238010, дата обращения к ресурсу: 09.09.2025).

¹ Прим. автора. Далее по тексту статьи, с целью экономии места — «здоровое питание», в некоторых случаях требующих полноценного написания данного термина* «здорового и безопасного питания». *Термины тождественны.

² Прим.автора. На практике они тождественны.

— **Осознанное питание.**

- Предполагает полное присутствие во время еды осознания чувства голода и насыщения, а также приятных ощущений от приема пищи.

— **Рациональный выбор продуктов питания.**

- Велнес также предполагает рассмотрение того, как наш выбор продуктов питания влияет на планету и выбор экологически чистых, местных и этических источников пищи (ethical eating) [7].

К положительным характеристикам термина «велнес» следует отнести его высокую емкость и краткость. Однако его сущность часто непонятна для не только широкой аудитории, но и для научной. По мнению автора, используемый за рубежом термин «Health & Wellness» по отношению к продуктам питания в русскоязычной научной литературе вполне допустимо трактовать как «продукты здорового и безопасного питания»⁶. Кратко обосновать это можно следующим образом. Понятие «продукты здорового питания» отражает аспект «health», но не полностью охватывает «wellness». Добавление слова «безопасного» в формулировку «продукты здорового и безопасного питания» позволяет расширить семантическое поле и включить в него требования к качеству, составу и производству продукции, обеспечивающей ее безопасность для потребителя. Безопасность в данном контексте является также неотъемлемой частью общей концепции велнес.

Современный мировой рынок продуктов здорового и безопасного питания представляет собой сложную и динамично развивающуюся структуру с широким набором продуктовых сегментов. В зависимости от географического охвата потребителей, широты учета сегментов, каналов реализации продукции (супермаркеты, специализированные магазины, электронная торговля, реализация без посредников, системы общественного питания) меняются показатели размера данного рынка. Существуют различные группировки при продуктовой сегментации рынка H&WF. Наиболее часто выделяются следующие рыночные сегменты:

Натуральные и органические продукты питания (natural & organic foods). Натуральные продукты обычно производятся с минимальным внесением средств химизации, регуляторов роста, антибиотиков и не используют технологий генной инженерии. На стадии переработки они ограничиваются минимальным количеством пищевых добавок. Органические же продукты питания принципиально отличаются не только от натуральных продуктов питания, но и от продукции всех других сегментов рынка H&WF. Они производятся (основные источники — органическое сельское хозяйство, органи-

ческая аквакультура, сбор органических дикоросов) и перерабатываются в соответствии с органическими стандартами, юридически признаваемыми на государственном, а в некоторых случаях на межгосударственном уровнях. Более того, определенные правила распространяются на логистику органической продукции (транспортировка, хранение, упаковка) и ее конечную реализацию в розничной торговле, включая системы общественного питания. Соблюдение стандартов контролируется сертификационными и инспекционными органами, аккредитованными на государственном уровне через компетентные институты (в большинстве стран это органы исполнительной власти, отвечающие за органическое сельское хозяйство и развитие сельских территорий). От соблюдения правил производства органической продукции зависит оказание государственной поддержки и право на использование органического логотипа — изображения, которое различается по отдельным странам. Данные особенности рынка органической продукции дают основание определять его как важнейший сегмент структуры H&WF [8,9,10]. Это в определенной степени подкрепляется также прогнозом автора относительно динамики развития мирового рынка органической продукции и всего рынка H&WF на период 2022–2030 гг. [11]⁷.

Все другие выделяемые сегменты рынка H&WF имеют более узкую специализацию и технологии их первичного производства. Например, в сельском хозяйстве они жестко не регламентированы. То есть такая продукция может, в том числе, производиться как в традиционном, так и в органическом сельском хозяйстве.

Функциональные продукты питания (functional foods). Данные пищевые продукты предназначены для обеспечения особой пользы для здоровья, помимо основного питания. Они часто обогащены витаминами, минералами, пробиотиками или другими биологически активными соединениями. Основной целью функциональных продуктов питания является улучшение общего состояния здоровья, снижение риска хронических заболеваний или решение конкретных проблем со здоровьем отдельных органов и систем. К функциональным продуктам питания относят продукты, обогащенные пробиотиками, омега-3 жирными кислотами, витаминами и минералами.

Продукты «без добавок» («free form» foods). Этот сегмент ориентирован на людей с пищевой аллергией, непереносимостью или повышенной чувствительностью к определенным продуктам. Наиболее распространен

⁶ Прим.автора. Далее в статье используется сокращенное обозначение продуктов здорового и безопасного питания — H&WF.

⁷ Прим.автора. По оценкам исследований (Папцов А.Г., Соколова Ж.Е., 2024) доля органических продуктов питания на мировом рынке H&WF в период 2022–2030 гг. может возрасти с 17 до 31–32 % [11].

ными группами таких продуктов являются продукты без глютена⁸, безмолочные альтернативы (такие продукты как соевое, миндальное, кокосовое молоко, миндальное и кокосовое молоко подходят для людей с непереносимостью лактозы или аллергией на молочные продукты), продукты без орехов (необходимы людям с аллергией на орехи).

Продукты для похудения (weight management foods). В этом сегменте основное внимание уделяется продуктам, способствующим снижению или поддержанию веса. Эти продукты часто содержат мало калорий, жиров или углеводов и могут содержать ингредиенты, способствующие насыщению или ускоряющие метаболизм. К ним относятся коктейли и батончики, обогащенные витаминами и минералами, заменяющие обычную еду, а также продукты с низким содержанием углеводов (в этих продуктах часто используются альтернативные подсластители и ингредиенты для снижения содержания углеводов), диетические напитки (например, такие как газированные напитки без сахара и ароматизированная вода).

Продукты спортивного питания (sports nutrition foods). Данный рынок ориентирован на спортсменов и любителей фитнеса, стремящихся повысить работоспособность, ускорить восстановление организма или нарастить мышечную массу. Продукты спортивного питания часто содержат белок, аминокислоты и другие питательные вещества, которые помогают поддерживать результативность достижений. Они включают: протеиновые порошки и добавки (сывороточный, казеиновый, соевый протеины), энергетические батончики и гели (содержат углеводы, электролиты и другие питательные вещества, которые поддерживают работоспособность), электролитные напитки (помогают восполнять потерю жидкости и электролитов с потом во время тренировки).

Продукты для особых диетических потребностей (foods for specific dietary needs). Этот сегмент предназначен для людей, придерживающихся определенных диет, часто имеющих особые ограничения и требования, что приводит к разработке специализированных продуктов питания, таких как «веганские» продукты (исключающие все продукты животного происхождения, включая мясо,

молочные продукты, яйца и мед), вегетарианские продукты (исключают мясо, но могут включать молочные продукты и яйца), палео-продукты (продукты, которые предположительно употреблялись людьми в эпоху палеолита, такие как мясо, рыба, фрукты, овощи и орехи, исключая при этом зерновые, бобовые и обработанные пищевые продукты). Палео-диета часто ассоциируется со снижением веса и улучшением показателей здоровья.

Еще одним принципиальным отличием группы функциональных продуктов (продуктов «без добавок»), к которым можно отнести продукты для похудения, продукты спортивного питания, продукты для особых диетических потребностей от органической продукции и во многом от натуральных продуктов является то, что, к примеру, органические продукты питания при соблюдении всех стандартов для обычных людей (без специфических заболеваний) безопасны для здоровья, тогда как диета, основанная на других продуктах H&WF, часто является предметом продолжающихся исследований, дискуссий в научном мире и в СМИ.

Потенциальные преимущества указанных специализированных продуктов H&WF очевидны, но их неправильное использование может представлять значительный риск для здоровья человека. Одна из основных причин, которая говорит о необходимости консультации с медицинскими работниками перед принятием решения о таких изменениях в рационе, заключается в потенциальном дисбалансе питательных веществ. Хотя функциональные продукты, часто обогащенные витаминами, минералами или другими биологически активными соединениями (биологически активными веществами), могут помочь устранить дисбаланс в организме, их чрезмерное потребление может привести к токсичности. Как предупреждает Национальный институт здоровья, «...Хотя многие люди считают, что лучше принимать больше витаминов и минералов, это не всегда так. Высокие дозы некоторых витаминов и минералов могут быть вредными...»⁹. Это особенно актуально для таких жирорастворимых витаминов, как А, D, Е и К, которые накапливаются в организме и в больших количествах могут вызывать побочные эффекты¹⁰. Кроме того, про-

⁸ Прим.автора. Глютен — это структурный белковый комплекс, который естественным образом содержится в зернах некоторых злаков (пшеница, рожь, ячмень, некоторые сорта овса), а так же в продуктах, изготовленных из них: хлеб, выпечка, макароны, каши, пиво. Глютен обладает уникальными вязкоупругими и адгезивными свойствами, которые придают тесту эластичность и сохранение формы. Эти свойства и его относительно низкая стоимость делают глютен ценным продуктом для пищевой промышленности. В то же время глютен может вызывать неблагоприятные, воспалительные, иммунологические и аутоиммунные реакции у некоторых людей, что и является причиной применения безглютеновой диеты.

⁹ Прим.автора. Национальный институт здоровья (National Institutes Of Health, NIH) — ведущий исследовательский центр биомедицины в мире, входящий в состав Министерства здравоохранения и социальных служб США. Его миссия заключается в проведении фундаментальных исследований, подготовке исследовательских кадров и распространении информации о здоровье.

¹⁰ Прим.автора. *см. статью* — Rana A. Youness, Alyaa Dawoud, Omar ElTahtawy & Mohamed A. «Farag Fat-soluble vitamins: updated review of their role and orchestration in human nutrition throughout life cycle with sex differences», 05 September 2022 (электронный ресурс: <https://nutritionandmetabolism.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12986-022-00696-y>, дата обращения к ресурсу: 09.09.2025).

дукты «без добавок», хотя и привлекательны для тех, кто стремится свести к минимуму воздействие искусственных ингредиентов, не всегда могут быть более питательными. Отсутствие определенных добавок иногда может уменьшить срок годности, ухудшить вкус или текстуру продукта, что потенциально может привести к увеличению потребления менее полезных альтернатив. Более того, термин «без добавок» часто имеет расплывчатое определение и может не охватывать все потенциально опасные вещества. Решающее значение имеет всестороннее понимание списка ингредиентов и их влияния на пищевую ценность.

Рынок Н&WF имеет высокий потенциал развития не только с точки зрения поддержания здоровья и охраны окружающей среды, но также с точки зрения развития «высоких» технологий. Таким образом, его развитие является стимулом для активизации комплексных научных исследований (в том числе, в области биологии, биотехнологии, прикладных компьютерных наук, ме-

дицины, экологии, биоэкономики, культурологии) как в отдельных странах, так и на межстрановом уровне (научный обмен, торговля продуктами здорового и безопасного питания — Н&WF).

Согласно предварительным оценкам, размер мирового рынка Н&WF в 2024 г. составлял 882 млрд долл. при среднем годовом темпе прироста в период 2020–2024 гг. — 5,7 %. В долгосрочной перспективе скорость роста этого рынка будет, несомненно, возрастать, а его размер к 2033 г. может составить 1620 млрд долл. (таблица).

Во всех странах БРИКС (включая недавно присоединившиеся страны) рынок Н&WF получил определенный уровень развития. Таблица ниже наглядно показывает, что скорость роста рынка Н&WF опережает среднемировые показатели. Особенно это заметно в период 2020–2024 гг., когда во многих странах межгосударственного объединения он находился на начальной стадии своего развития.

Таблица 1.

Динамика развития рынка продуктов здорового и безопасного питания в мире и в странах БРИКС в 2020–2024 гг. и на перспективу до 2033 г. — включительно (предварительная оценка)

Мир и межгосударственное объединение БРИКС	2020 г.	2024 г.	2033 г.	Средние годовые темпы прироста, %	
				2020–2024 гг.	2024–2033 гг.
Глобальный размер рынка Н&WF, млрд долл.	707	862	1620	5,1	7,0
Размер рынка Н&WF в БРИКС -10, млрд долл.	83	135	267	12,9	7,9
Размер рынка Н&WF в БРИКС -5, млрд долл.	81	130	259	12,6	8,0
Размер рынка Н&WF в новых странах БРИКС млрд долл.	2	5	8	25,7	5,4

Примечание: Размер рынка Н&WF определяется как сумма розничной реализации данных продуктов на внутренних рынках отдельных стран. Новые страны БРИКС: Египет, Индонезия, Иран, ОАЭ, Эфиопия.

Источник: таблица построена автором на основе данных международной компании по исследованию рынка Euromonitor International Ltd (www.euromonitor.com) и международного WEB-агрегатора финансовых и деловых новостей BUSINESS INSIDER (www.businessinsider.com).

Отечественный опыт сотрудничества в сфере здорового и безопасного питания со странами БРИКС

Россия, традиционно присутствующая в составе БРИКС, являющаяся активным участником этого объединения, проявляет серьезный интерес к расширяющемуся рынку здорового питания. В первую очередь, данный интерес прослеживается по различным научным дискуссиям в рамках разнообразных отечественных и международных конференций, симпозиумов, круглых столов, посвященных данной тематике¹¹. Российское ученое сообщество на данном этапе развития этого стратегически важного направления является главным

¹¹ Прим.автора. Российское научное сообщество на интеллектуальном уровне обеспечивает существенную поддержку рассматриваемому нами направлению. Приятно, когда есть понимание коллег в вопросах важности критериев качества продуктов здорового питания, от которых зависит эффективность его внедрения, адаптации на социальном уровне и дальнейшее продвижение на отечественном рынке товаров и услуг. Однако в информационный век эти меры, увы, недостаточны. Необходимо привлечение большего внимания к вопросам обеспечения продуктами здорового питания населения России. Для этого важно укреплять вертикальные связи в государственном секторе на уровне профильных министерств и ведомств, развивать подобные идеи среди частных структур малого, среднего и крупного бизнеса, на общественных началах (комиссии, комитеты, палаты при различных органах государственной власти) оказывать содействие развитию частно-государственного партнерства. Конечно, основным проводником таких процессов должны выступать информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и СМИ (традиционное телевидение, интернет-телевидение, радиовещание, газеты, журналы, рекламно-агитационная продукция).

ментором и одновременно драйвером его внедрения и продвижения [12]¹².

На государственном уровне, как уже было сказано в начале нашего исследования, в соответствии с задачами доктрины по обеспечению населения качественными продуктами здорового питания (Доктрина продовольственной безопасности РФ) этот вопрос также стоит на повестке дня. К тому же спрос на продукты здорового и безопасного питания в России демонстрирует существенный рост, особенно это хорошо прослеживается в крупных городах¹³.

Вполне естественно, что в современных реалиях рыночной экономики, даже учитывая предписанные государством нормы по импортозамещению¹⁴, без сотрудничества с другими странами, имеющими опыт в создании и продвижении товаров такого типа, обойтись крайне сложно. Страны, обладающие подобным опытом, присутствуют в БРИКС, и это является большим подспорьем для России, учитывая сложную политико-экономическую ситуацию в сфере долгосрочного межгосударственного сотрудничества и торговли.

Учитывая и понимая реальность настоящего времени, предлагаем обратить внимание нашего читателя на *трансгосударственное*¹⁵ сотрудничество с другими членами БРИКС.

¹² Прим.автора. см. *портал-проект* Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор России) — ЗДОРОВОЕ ПИТАНИЕ (электронный ресурс: <https://здоровое-питание.рф>, дата обращения к ресурсу: 09.09.2025).

¹³ Камзолова А. Спрос на правильное и здоровое питание продолжает расти/Российская газета — Экономика, 24.06.2025 17:41, (электронный ресурс: <https://rg.ru/2025/06/24/spros-na-pravilnoe-i-zdorovoe-pitanie-prodolzhaet-rasti.html>, дата обращения к ресурсу: 09.09.2025).

Россияне стали больше есть «здоровые» продукты, считают эксперты/ РИА Новости, 22:52 08.08.2025 (электронный ресурс: <https://ria.ru/20250808/rossiya-2034252770.html>, дата обращения к ресурсу: 09.09.2025).

¹⁴ Прим.автора. К глубокому сожалению автора, тут надо смотреть правде в глаза — полного (национального) импортозамещения товаров народного потребления и, что еще более важно, технико-технологического импортозамещения в условиях разомкнутой экономики быть не может. Любые дискуссии на данную тематику — не более чем дискуссии, а в некоторых случаях подобные рассуждения носят спекулятивный характер.

¹⁵ Прим.автора (*по определению автора* — Соколова Ж.Е., 2025). Трансгосударственное сотрудничество в данном контексте подразумевает фундаментальное выстраивание устойчивых международных отношений со всеми членами БРИКС и другими заинтересованными в подобном диалоге странами, основанных на равноправном политическом партнерстве и взаимоуважении сложившихся национальных культур с учетом налаживания долгосрочных межгосударственных экономических взаимосвязей со всеми участниками торговых соглашений.

Россия в системе трансгосударственных экономических отношений и торговли продукцией здорового питания, включая страны-участницы БРИКС

Есть и ещё одна причина стремительного роста мирового рынка продукции здорового питания. Эта причина кроется в прогрессивности и осведомленности потребителей о взаимосвязи здоровья человека, с окружающей средой, его образом жизни и качеством питания. Страны-участницы БРИКС, в совокупности обладающие крупным населением и динамично-развивающейся экономикой, являются важным сегментом этого рынка.

Россия обладает обширными сельскохозяйственными ресурсами и достаточно современными пищевыми технологиями (безусловно зависимыми от постоянной модернизации¹⁶), что в обозримой перспективе может сыграть ключевую роль в поставках продукции здорового питания надлежащего качества, экспортируемого другим странам, включая всех участников БРИКС.

Говоря об оценке текущего сотрудничества между Россией и странами БРИКС в секторе продуктов здорового питания, необходимо наметить пути для *дальнейшего расширения* потенциала стран в данной предметной области, которые должны способствовать *сближению позиций по вопросам взаимointegrации рынков* и соответствующих продвижению такой продукции, *техники и технологий*.

Стоит обратить внимание на расширение БРИКС и, что вполне логично, на требование своевременной переоценки существующих темпов роста, с учетом уникальных предложений недавно влившихся в объединение новых государств-участниц.

Текущая ситуация в сфере инвестиций и торговли продукцией здорового питания между Россией и странами БРИКС

Текущие торговые потоки продукции здорового питания между Российской Федерацией и другими странами

¹⁶ Прим.автора. Модернизация техники и технологий производства — это ключевой элемент в архитектуре построения стабильной экономической системы любого государства. Для России в условиях сложившейся международно-политической ситуации важны *гарантии* в сфере обслуживания *техники и технологий*, задействованных в производстве того или иного продукта. Безусловно, определяющим моментом в построении этой логики являются особые торговые соглашения, с юридической точки зрения четко регламентирующие использование предоставляемых технологий и дающие строгие гарантийные обязательства на их дальнейшее обслуживание для государства-реципиента, внедряющего подобные новшества в свою (локальную) сферу производства. Текущая ситуация показывает, что с официальными гарантийными обязательствами в сфере высоких технологий дело обстоит плачевно и это безусловно требует внимания как государства, так и общества, чтобы изменить сложившуюся ситуацию к лучшему.

ми БРИКС остаются относительно скромными по сравнению с общими объемами торговли. Согласно данным Федеральной таможенной службы России, экспорт отечественной сельскохозяйственной продукции, включая некоторые категории продуктов здорового питания, в страны БРИКС в 2022 году составил примерно 41,3 миллиардов долларов¹⁷. Основными странами для экспорта являлись Китай и Индия, с ограниченными поставками в Бразилию и Южную Африку. Конкретные *категории* включали:

— **Зерно и крупяные изделия.**

- Россия является крупным экспортером пшеницы, ячменя и других зерновых в страны БРИКС, способствуя продовольственной безопасности в этих странах¹⁸.

— **Семена масличных культур и растительные масла.**

- Подсолнечное, соевое и другие растительные масла представляют собой растущий экспортный сегмент, чему способствует растущий спрос на полезные растительные масла для приготовления пищи¹⁹.

— **Обработанные пищевые продукты.**

- Экспорт обработанных пищевых продуктов, таких как органические злаки, детское питание и пищевые добавки, хотя и остается ограниченным, демонстрирует признаки роста²⁰.

К сожалению, импорт продукции здорового питания от партнеров по БРИКС в Россию также относительно невелик. Бразилия является крупным экспортером фруктов, овощей и полуфабрикатов в Россию, в то время как

¹⁷ Данные портала Федеральной таможенной службы Российской Федерации (ФТС России)/Итоги внешней торговли со всеми странами // Таможенная статистика январь-июнь 2025 данные по экспорту за январь 2022. (электронный ресурс: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries>, дата обращения к ресурсу: 09.09.2025).

¹⁸ По данным USDA (Министерство сельского хозяйства США, электронный ресурс: <https://www.fas.usda.gov/regions/russia>, дата обращения к ресурсу: 09.09.2025).

¹⁹ По данным: FAOSTAT 2023 (электронный ресурс: <https://www.fao.org/statistics/events/events-detail/agricultural-production-statistics-2010-2023/en>, дата обращения к ресурсу: 09.09.2025).

²⁰ По данным: Department of Economic and Social Affairs / Sustainable Development, International Trade Centre (ITC) (электронный ресурс: <https://www.trademap.org/Index.aspx>, дата обращения к ресурсу: 09.09.2025)*.

*Торговая карта — электронный свод торговой статистики для развития международного бизнеса (ежемесячные, квартальные и годовые сводки о торговле. Стоимость импорта и экспорта, объемы, темпы роста, доли рынка и т.п.). Карта является автономным WEB-порталом и аффилирована с Департаментом по экономическим и социальным вопросам и устойчивому развитию Организации объединенных наций (электронный ресурс: <https://sdgs.un.org/un-system-sdg-implementation/international-trade-centre-itc-54134>, дата обращения к ресурсу: 09.09.2025).

Индия поставляет специи, чай и некоторые продукты растительного происхождения²¹. Однако имеется значительный потенциал для диверсификации и увеличения объемов торговли.

Прямые иностранные инвестиции в сектор здорового питания между Россией и другими странами БРИКС ограничены. Некоторые совместные предприятия работают в пищевой и упаковочной промышленности, но необходимы дальнейшие инвестиции для развития производственных мощностей и наращивания технологической инфраструктуры. Данные Центрального банка России указывают на то, что приток прямых иностранных инвестиций²² из стран БРИКС в продовольственный сектор России в 2022 году составил около миллиона долларов за год, что существенно ниже аналогичного показателя из других регионов мира.

Перспективы расширения сотрудничества в рамках БРИКС

Несмотря на вышесказанное, существуют определенные возможности для значительного расширения сотрудничества между Россией и другими участниками БРИКС²³ в сфере здорового питания. Их можно изложить следующим образом:

— **Развитие цепочки поставок.**

- Создание надежных цепочек поставок между Россией и другими странами БРИКС может обеспечить стабильную доставку высококачественной продукции здорового питания. Данный блок включает в себя инвестиции в транспортную инфраструктуру, холодильные установки и логистические сети. Инициатива по созданию международного транспортного коридора «Север-Юг» предлагает потенциальный путь для улучшения взаимосвязанности²⁴.

— **Передача технологий и инновации.**

- Россия обладает передовыми технологиями в сфере переработки, консервирования и обогащения пищевых продуктов. Обмен этими техно-

²¹ По данным: UN Comtrade (2023) United Nations Commodity Trade Statistics Database, SITC Rev. 3.

²² По данным: Центральный банк Российской Федерации (Центробанк России, электронный ресурс: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/di/, дата обращения к ресурсу: 09.09.2025).

²³ Межгосударственное объединение БРИКС. (электронные ресурсы: <https://infobrics.org>; <https://ocds-brics.org>; <https://brics.br>; <https://iabrics.org>; <https://tvbrics.com>; www.newsilkroadbrics.com; <https://www.bricsglobal.ru>, дата обращения к ресурсам: 09.09.2025).

²⁴ Курирует Министерство транспорта Российской Федерации. Россия продолжит развивать международные транспортные коридоры совместно с африканскими странами — портал Минтранса РФ: 27 Июля 2023 г. (электронный ресурс: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/10810?ysclid=mf7eyulbq1482231795>, дата обращения к ресурсу: 09.09.2025).

логиями с другими странами БРИКС может улучшить качество и питательную ценность пищевых продуктов. Помимо этого, у России имеется ряд современных, перспективных и интеллектуальных разработок в области информатики, которые в перспективе могли бы повысить качество научного анализа рынков здорового питания и органической продукции на межстрановом уровне, укрепляя экономико-статистическую базу стран БРИКС и других государств, желающих сотрудничать с Россией по данным вопросам [13,14]. Россия также развивает исследования в области систем аудиальной командно-ориентированной автоматизации различных производств, что в свою очередь расширяет горизонты сотрудничества в секторе интеллектуального управления компьютерными аппаратами [15,16]. Совместные проекты в границах отраслевых научных исследований и прикладных разработок неоспоримо будут способствовать инновациям в секторе здорового питания²⁵.

— **Гармонизация регулирования.**

- Согласование стандартов и правил безопасности пищевых продуктов между Россией и другими странами БРИКС может облегчить торговлю и снизить нетарифные барьеры. Это включает согласование требований к маркировке, процедур сертификации и мер контроля качества. Такие организации, как Деловой совет БРИКС, могут сыграть определенную роль в содействии гармонизации нормативных актов²⁶.

— **Совместные предприятия и инвестиции.**

- Поощрение создания совместных предприятий между российскими и другими компаниями стран БРИКС может способствовать привлечению инвестиций в сектор здорового питания. Это включает в себя создание стимулов для иностранных инвестиций, оптимизацию регулирующих процедур и предложение финансовой поддержки. Создание Банка развития БРИКС может обеспечить финансирование таких проектов²⁷.

²⁵ Курирует Российская академия наук. РАН будет активнее сотрудничать со странами БРИКС: 21 августа 2024 г. (электронный ресурс: <https://tass.ru/obschestvo/21650225?ysclid=mf7f55tvwe886572352>, дата обращения к ресурсу: 09.09.2025).

²⁶ Курирует Деловой совет БРИКС. Рабочие группы Делового совета БРИКС по сельскому хозяйству, цифровой экономике, энергетике и «зеленой экономике» и дерегуляции. Торгово-промышленная палата Российской Федерации/ Российская часть делового совета БРИКС (электронный ресурс: <https://brics.tpprf.ru/about/?ysclid=mf7fd1c2ar375571265>, дата обращения к ресурсу: 09.09.2025). Официальный сайт межгосударственного объединения БРИКС (электронный ресурс: <https://bricsbusinesscouncil.co.in>, дата обращения к ресурсу: 09.09.2025).

²⁷ Курирует Новый банк развития (Новый банк развития БРИКС). (электронный ресурс: <https://www.ndb.int>, дата обращения к ресурсу: 09.09.2025).

— **Использование нишевых рынков.**

- Выявление и использование узкой сегментации рынков для конкретных продуктов здорового питания определенно создаст новые торговые возможности. Например, Россия могла бы сосредоточиться на экспорте органического зерна и крупяных изделий в страны БРИКС, в то время как Индия могла бы экспортировать аюрведические травы и специи²⁸.

— **Интеграция и инкультурация²⁹ новых членов БРИКС.**

- Присоединение к БРИКС таких стран как Египет, Эфиопия, Иран, Саудовская Аравия и ОАЭ, открывает новые возможности. Эти страны предлагают уникальную сельскохозяйственную продукцию и потребительские рынки, расширяя возможности для торговли и инвестиций в продукты питания для здоровья. В частности, опыт ОАЭ в области пищевой промышленности и логистики в сочетании с финансовыми ресурсами Саудовской Аравии могут быть использованы для развития передовой продовольственной инфраструктуры в рамках БРИКС. Важно, чтобы экономическая интеграция стран объединения происходила на основе культурной компетентности всех участников процесса.

О барьерах, препятствующих свободной торговле России со странами БРИКС

Увы, но наравне с серьезным потенциалом по расширению сотрудничества между Российской Федерацией и другими участниками межгосударственного объединения БРИКС в сфере здорового питания барьерами являются следующие проблемы:

— **Нетарифные барьеры.**

- Строгие санитарные и фитосанитарные меры (СФС), технические регламенты и требования к маркировке выступают в качестве существенных барьеров для торговли³⁰.

— **Отсутствие согласованности.**

- Противоречивые стандарты и нормативные акты безопасности пищевых продуктов в разных стра-

²⁸ Экспорт аюрведических трав и специй Индии. (электронный ресурс: <https://www.statista.com/statistics/652418/export-value-of-ayurvedic-and-herbal-products-india/>, дата обращения к ресурсу: 09.09.2025).

²⁹ Термин в теории культурологи, обозначающий желание приобщения индивида одной культуры к другой. Инкультурация как процесс подразумевает вовлечение человека в чужеродное для него локальное окружение, базирующееся на отличающихся от его родной среды нормах, принципах и правилах поведения. Как правило, во многих культурах процесс инкультурации связан с самоограничением.

³⁰ Данные Всемирной торговой организации (электронный ресурс: <https://www.wto.org/>, обращения к ресурсу: 09.09.2025).

нах БРИКС увеличивают затраты на соблюдение требований и создают неопределенность для бизнеса³¹.

— **Недостатки инфраструктуры.**

- Неадекватная транспортная инфраструктура, холодильные камеры и логистические сети ограничивают эффективность и конкурентоспособность цепочки поставок³².

— **Информационная асимметрия.**

- Недостаток информации о рыночных возможностях, потребительских предпочтениях, правовых и нормативных требованиях оказывает негативное влияние на инвестиционный климат данного сектора экономики и препятствует принятию сбалансированных торговых, интеграционных и инвестиционных решений³³.

— **Колебания валютных курсов.**

- Нестабильные обменные курсы увеличивают стоимость торговли и создают неопределенность для бизнеса³⁴.

— **Геополитические риски.**

- Политическая нестабильность и геополитическая напряженность в трансгосударственных международных отношениях нарушает торговые и инвестиционные потоки, приводит к дезинтеграции различных экономических объединений и союзов³⁵.

Авторские рекомендации, выводы и предложения по текущей экономической ситуации и направления для ее позитивного развития в контексте совершенствования сферы торговли продуктами здорового питания в рамках БРИКС

Для преодоления *общей* совокупности вышеперечисленных трудностей, а также раскрытия всего потенциала сотрудничества между Россией и ее партнерами по БРИКС в сфере здорового питания отметим следующие

³¹ Данные Международной организации по стандартизации. (электронный ресурс: <https://www.iso.org>, дата обращения к ресурсу: 09.09.2025).

³² Данные индекса эффективности логистики Всемирного банка/ Logistics Performance Index (LPI) (электронный ресурс: <https://lpi.worldbank.org/international/global>, дата обращения к ресурсу: 09.09.2025).

³³ Прим.автора. См. статью: «Tanvi Pruthi, Saroj Koul/BRICS: Information Asymmetry in Primary Equity Markets» (электронный ресурс: https://www.researchgate.net/publication/335143123_BRICS_Information_Asymmetry_in_Primary_Equity_Markets, дата обращения к ресурсу: 09.09.2025) — [DOI: 10.4236/tel.2019.96116].

³⁴ Данные Международного валютного фонда. (электронный ресурс: <https://www.imf.org>, дата обращения к ресурсу: 09.09.2025).

³⁵ Данные Российского совета по международным делам. (электронный ресурс: <https://russiancouncil.ru/news/eksperthoe-obsuzhdenie-vozmozhnosti-i-sderzhivayushchie-factory-nauchno-tekhnicheskogo-sotrudnichestva/>, дата обращения к ресурсу: 09.09.2025).

авторские *предложения* и обратим внимание на соответствующие им авторские *рекомендации*:

— **Создание агентства БРИКС по безопасности пищевых продуктов.**

- Агентство будет отвечать за гармонизацию стандартов и правил безопасности пищевых продуктов в странах БРИКС, содействовать торговле и снижению нетарифных барьеров.

— **Создание фонда продовольственной безопасности БРИКС.**

- Фонд будет обеспечивать финансирование инфраструктурных проектов, инициатив по передаче технологий и совместных предприятий в секторе здорового питания. Новый банк развития мог бы сыграть решающую роль в управлении таким фондом.

— **Создание информационного портала о продуктах питания стран БРИКС.**

- Портал будет предоставлять исчерпывающую информацию о рыночных возможностях, потребительских предпочтениях, нормативных требованиях и торговой статистике в секторе продуктов здорового питания. Желательно, чтобы такой портал был инкорпорирован в структуру официального сайта-портала БРИКС.

Модернизация и объединение в моноцентрическую электронную структуру сайтов, аффилированных с деятельностью БРИКС

Приведение портала БРИКС в соответствие с концепцией и технологическим уровнем эпохи WEB-3.0 [17]. Сейчас количество сайтов, косвенно обслуживающих виртуальную инфраструктуру БРИКС постоянно расширяется (см. сноску по статье №19). В целях обеспечения прозрачности функционирования аппарата БРИКС и для более эффективной организации системы пользовательских запросов и предпочтений необходимо либо перечислить на официальном сайте головные WEB-узлы — спутники с гипертекстовыми привязками, либо полностью инкорпорировать в структуру основного сайта (<https://infobrics.org>)³⁶ информацию с дочерних WEB-узлов. Такой шаг существенно повысит достоверность запрашиваемых пользователями и исследователями источников. С учетом расширения стран-участниц БРИКС, отдавая дань локальным традициям и культурам, стоит подумать об изменении подсистемы управления языками с корректировкой схемы ее селектора. Сейчас селектор сайта поддерживает следующие возможности текстовой коммуникации: английский, хинди (индоарий-

³⁶ Прим.автора. Сайт (портал BRICS) в настоящее время функционирует как совместная цифровая платформа министерств иностранных дел стран-участниц БРИКС.

ский язык, официальное средство общения Республики Индия) португальский, русский и китайский языки. Добавление индоевропейского диалекта и дальнейшее расширение языковой системы сайта значительно повысит его информационную эффективность.

Информационно-интеллектуальное обеспечение стран-участниц БРИКС

Безусловно, WEB-порталу БРИКС (как моноцентрической площадке представления различных электронных документов) необходима централизованная система информационно-интеллектуального обеспечения. Такая система должна включать возможности современного электронного образования с учетом научных факторов в рамках стандартов и прочей периферической информации, аккумулируемой сайтом БРИКС. Проводником современных WEB-технологий может выступить межгосударственное сетевое интернет-телевидение [18, 19, 20, 21].

— Реализация Соглашения БРИКС об упрощении процедур торговли.

- Соглашение на основе Казанской декларации XVI саммита стран-участниц БРИКС упростит таможенные процедуры, снизит требования к формальной документации и улучшит пограничную инфраструктуру, облегчая торговлю продуктами здорового питания.

— Продвижение продовольственных ярмарок и выставок стран БРИКС, в том числе виртуализация подобных мероприятий.

- Эти мероприятия предоставят компаниям из России и других стран БРИКС платформу для демонстрации своей продукции, установления контактов с потенциальными партнерами и изучения новых рыночных возможностей. Важно, чтобы такие акции имели цифровой аналог в виде интерактивных информационных сервисов, базирующихся на передовых достижениях прикладной информатики и информационно-коммуникационных технологий.

— Инвестиции в исследования и разработки.

- Увеличение инвестиций в исследования и разработки будет способствовать инновациям в секторе здорового питания и приведет к появлению новых продуктов и технологий.

— Целенаправленные двусторонние соглашения.

- России следует заключать целенаправленные долгосрочные двусторонние соглашения с каждым членом БРИКС, устраняющие конкретные торговые барьеры и стимулирующие инвестиции в приоритетные сектора. Например, конкретное соглашение с Индией могло бы быть направлено на стимулирование торговли аюрведическими и органическими продуктами питания.

— Использование возможностей расширенного состава БРИКС.

- Активно взаимодействовать с новыми странами-участницами БРИКС для выявления конкретных потребностей и возможностей на их внутренних рынках продуктов здорового питания. Например, сотрудничать с Саудовской Аравией в создании центров пищевой промышленности в регионе или работать с Египтом над улучшением инфраструктуры хранения и транспортировки продуктов питания.

Заключение

Сотрудничество между Российской Федерацией и другими странами БРИКС в сфере здорового и безопасного питания обладает значительным потенциалом для взаимной выгоды. В основе многоаспектного решения вопросов эволюции БРИКС должна лежать формула «активное участие + интенсивное взаимодействие + стратегические инвестиции с прозрачной правовой и нормативной базами = упрощение процедур торговли и фундаментальное цивилизованное развитие». Совместно решая поставленные задачи, реализуя предлагаемые автором настоящего исследования рекомендации (с учетом научного опыта) и используя расширение членства в объединении БРИКС эти государства могут способствовать более прочному и устойчивому трансмеждународному партнерству в этом интересном и быстро развивающемся секторе экономики. Сплоченность стран БРИКС в решении технических, культурологических и экономических проблем, вне всякого сомнения, выведет международную продовольственную безопасность на новый виток развития, который будет способствовать благополучному экономическому росту и улучшению мирового здравоохранения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации. — Утверждена указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. — (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 10.03.2025 № 141). (электронный ресурс: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102660479>, дата обращения к ресурсу: 09.09.2023).
2. Здоровое питание — безопасное питание. Федеральное бюджетное учреждение здравоохранения «Центр гигиены и эпидемиологии в Республике Алтай». — 18 марта 2016 г. (электронный ресурс: <https://www.fbuz04.ru/index.php/deyatelnost/zdorovyj-obraz-zhizni/zdorovoe-pitanie-bezopasnoe-pitanie?yclid=mbhzc0rjzu56592893>, дата обращения к ресурсу: 09.09.2023).

3. Всемирный день безопасности пищевой продукции, 5 принципов пищевой безопасности. Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. — Федеральное бюджетное учреждение здравоохранения «Центр гигиены и эпидемиологии в Челябинской области. — 7 июня 2022 г. (электронный ресурс: <https://fbuz-74.ru/about/news/3122/>, дата обращения к ресурсу: 09.09.2023).
4. Zimmer B. Wellness. — The New York Times Magazine. — April 16, 2010. — (электронный ресурс: <https://www.nytimes.com/2010/04/18/magazine/18FOB-onlanguage-t.html>, дата обращения к ресурсу: 09.09.2023).
5. Dunn, H.L. (1961). High-Level Wellness: A Collection of Twenty-Nine Short Talks on Different Aspects of the Theme «High-Level Wellness for Man and Society». Arlington, VA: Beatty. (электронный ресурс: <https://www.scirp.org/reference/ReferencesPapers?ReferenceID=1516222>, дата обращения к ресурсу: 09.09.2023).
6. Stoewen, Debbie L. (2017). «Dimensions of wellness: Change your habits, change your life». The Canadian Veterinary Journal. 58 (8): 861—862. ISSN 0008-5286. PMC 5508938. PMID 28761196. (электронный ресурс: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC5508938/>, дата обращения к ресурсу: 09.09.2023).
7. Nutritional Wellness: The Foundation of Holistic Health. — Life With Wellness: A Journey to Holistic Health. (электронный ресурс: https://lifewithwellness.com/nutritional-wellness/?_page=2, дата обращения к ресурсу: 09.09.2023).
8. Соколова Ж.Е. Актуальные проблемы развития биоэкономически ориентированных направлений в агропродовольственном комплексе/ Ж.Е. Соколова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики; Серия экономика и право. — 2024. — №7 — С. 68—78.
9. Концептуальные основы развития рынка органической продукции России [Текст монографии: в 2 частях] / [Н.К. Долгушкин, А.Г. Папцов, Н.Д. Аварский, В.В. Таран, Ж.Е. Соколова и др.; под редакцией Н.К. Долгушкина и А.Г. Папцова]; Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий — Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства». — Москва: Российская академия наук. — Ч. 1. — 2018. — 171 с.: табл., цв. ил.; ISBN 978-5-907036-28-4.
10. Соколова Ж.Е. Теория и практика развития мирового рынка продукции органического сельского хозяйства [Текст] — монография (научное издание) / Соколова Жанна Евгеньевна. — М.: Издательство ИП Насирддинова В.В., 2012. — 443 с.: ил. [ISBN 978-5-905523-24-3; EDN: QVLGMN].
11. Папцов А.Г. Факторы структурных изменений в мировом агропродовольственном комплексе / А.Г. Папцов, Ж.Е. Соколова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики; Серия «Экономика и Право». — 2024. — №9 (Сентябрь). — С.77-89. — ISSN 2223—2974. — DOI: 10.37882/2223-2974.2024.09.28.
12. Асякина Л.К. Российский рынок функциональных продуктов питания для здорового образа жизни человека/ Л.К. Асякина, А.А. Степанова, Т.В. Тамарзина, А.И. Лосева, Н.С. Величкович // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2022. № 3. С. 29—41. — DOI: 10.36718/2500-1825-2022-3-29-41.
13. Таран В.В. Расчет текущей величины сводного индекса уровня развития рынка органической продукции для проведения межстрановых сравнений/ Василий Васильевич Таран, Наби Далгатович Аварский, Папцов Андрей Геннадьевич, Соколова Жанна Евгеньевна, Миндлин Юрий Борисович// Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2024685543 [выдано Федеральной службой по интеллектуальной собственности]. — Правообладатель Таран Василий Васильевич (RU); заявка № 2024683928; дата поступления 11.10.2024; дата гос. регистрации в Реестре программ для ЭВМ 30.10.2024.
14. Таран В.В. Графический интерфейс пользователя программы по расчету текущей величины сводного индекса уровня развития рынка органической продукции для проведения межстрановых сравнений/ Василий Васильевич Таран, Наби Далгатович Аварский, Папцов Андрей Геннадьевич, Соколова Жанна Евгеньевна, Миндлин Юрий Борисович // Патент на промышленный образец № 145824 [выдан Федеральной службой по интеллектуальной собственности]. — Патентообладатель Таран Василий Васильевич (RU); заявка № 2024506403; Приоритет(ы) промышленного образца 14.01.2024; Дата государственной регистрации в Государственном реестре промышленных образцов Российской Федерации 28.01.2025; Срок действия исключительного права на промышленный образец истекает 14.01.2029.
15. Таран В.В. Проектирование дизайна аудиопродукции в программной среде Audacity с применением языка Nyquist / В.В. Таран// Современная наука актуальные проблемы теории и практики: Серия естественные и технические науки /// Информатика, вычислительная техника и управление. — 2019. — №10. — С.159—171. [ISSN 2223-2966].
16. Таран В.В. Устройство компьютерной модуляции синтетических аудиосигналов в ветроэнергетике «Spectrophone» / Василий Васильевич Таран, Елена Анатольевна Силко, Хатимат Набиевна Гасанова, Андрей Геннадьевич Папцов, Наби Далгатович Аварский, Жанна Евгеньевна Соколова, Василий Викторович Таран, Александр Николаевич Ставцев, Антон Вячеславович Алпатов // Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023663283 [выдано Федеральной службой по интеллектуальной собственности]. — Правообладатель Таран Василий Васильевич (RU); заявка № 2023660459; дата поступления 23.05.2023; дата гос. регистрации в Реестре программ для ЭВМ 21.06.2023.
17. Таран В.В. О развитии концепции Всемирной паутины / В.В.Таран // Научно-техническая информация, серия 2 (Информационные процессы и системы/ Информатика и вычислительная техника). — 2019. — № 5. — С. 1—9.
18. Таран В.В. Техничко-технологические аспекты формирования интернет-телевидения в условиях опережающего развития информационно-коммуникационных технологий / В.В. Таран, О.Е. Баксанский, Ж.Е. Соколова, В. Вик. Таран, В.В. Сухой // Научно-техническая информация, серия 2. — 2021. — № 1. — С. 9—31. (DOI: 10.36535/0548-0027-2021-01-2).
19. Папцов А.Г. Потенциал цифровизации для повышения квалификации участников рынка агропродовольственной продукции (техничко-экономические возможности мультикастинга и интернет-телевидения) / А.Г. Папцов, Ж.Е. Соколова// Научно-техническая информация. Сер.2, ВИНТИ РАН — 2023. — № 11. — С. 1—25. [DOI: 10.36535/0548-0027-2023-11-1; ISSN: 0548-0027].
20. Таран В.В. Культурологический анализ интернет-телевидения в контексте развития информационно-коммуникационных технологий: дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Таран Василий Васильевич. — М., 2015. — 207 с. [Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ].
21. V.V. Taran Modern Approaches to the Assessment of information and Communication Technologies and the Main Areas of Improvement/ Taran V.V. // Scientific and Technical Information Processing. © Allerton Press, Inc. — 2014. — №3, — PP. 201—205. — DOI: <https://doi.org/10.3103/S0147688214030113>.

© Соколова Жанна Евгеньевна (sje.ciitei@vniiesh.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОДВИЖЕНИИ БРЕНДА НА МЕЖДУНАРОДНОМ РЫНКЕ

THE ROLE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN BRAND PROMOTION ON THE INTERNATIONAL MARKET

**O. Tarasova
I. Koryagina
O. Voronova**

Summary. The article explores the transformational role of artificial intelligence technologies in brand promotion strategies in the international arena. The relevance of the work is due to the transition from standardized global marketing campaigns to a hyperpersonalized, adaptive, and data-driven approach to interacting with consumers in different countries. The purpose of the article is to analyze and systematize the main areas of application of artificial intelligence in international branding, as well as to develop a conceptual model of its integrated use to build global loyalty. The scientific novelty lies in the proposal of the author's model «The cycle of global loyalty, controlled by artificial intelligence», which describes a closed process of interaction with consumers in the foreign market, from analysis to personalized communication. The proposed model demonstrates that maximum efficiency is achieved by integrating AI into the end-to-end customer relationship management process, from data collection to feedback analysis. The results show that artificial intelligence is not just an optimization tool, but a strategic asset that allows brands to overcome cultural and linguistic barriers, predict trends and build long-term relationships with an international audience. The author concludes that the introduction of artificial intelligence is becoming a critical factor of competitiveness in the global market. At the same time, the successful implementation of AI-based strategies requires companies not only to invest in technology, but also to overcome organizational and cultural barriers, as well as address issues related to ethics and personal data protection in different jurisdictions.

Keywords: artificial intelligence, international marketing, brand promotion, big data, global loyalty.

Тарасова Ольга Валерьевна

Старший преподаватель, Приволжский
государственный университет путей сообщения
Tarasova-olga62@inbox.ru

Корягина Инга Анатольевна

к.и.н., доцент, РЭУ им. Г.В. Плеханова
2001inga@mail.ru

Воронова Ольга Васильевна

к.п.н., доцент,
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева
voronova.ov@ssau.ru

Аннотация. В статье исследуется трансформационная роль технологий искусственного интеллекта в стратегиях продвижения брендов на международной арене. Актуальность работы обусловлена переходом от стандартизированных глобальных маркетинговых кампаний к гиперперсонализированному, адаптивному и основанному на данных подходу к взаимодействию с потребителями в разных странах. Целью статьи является анализ и систематизация основных направлений применения искусственного интеллекта в международном брендинге, а также разработка концептуальной модели его интегрированного использования для построения глобальной лояльности. Научная новизна заключается в предложении авторской модели «Цикл глобальной лояльности, управляемый искусственным интеллектом», которая описывает замкнутый процесс взаимодействия с потребителем на внешнем рынке, от анализа до персонализированной коммуникации. Предложенная модель демонстрирует, что максимальная эффективность достигается при интеграции ИИ в сквозной процесс управления взаимоотношениями с клиентом, от сбора данных до анализа обратной связи. Результаты показывают, что искусственный интеллект выступает не просто инструментом оптимизации, а стратегическим активом, позволяющим брендам преодолевать культурные и языковые барьеры, прогнозировать тренды и выстраивать долгосрочные отношения с международной аудиторией. Автор приходит к выводу, что внедрение искусственного интеллекта становится критическим фактором конкурентоспособности на глобальном рынке. При этом успешная реализация стратегий на основе ИИ требует от компаний не только технологических инвестиций, но и преодоления организационных и культурных барьеров, а также решения вопросов, связанных с этикой и защитой персональных данных в разных юрисдикциях.

Ключевые слова: искусственный интеллект, международный маркетинг, продвижение бренда, большие данные, глобальная лояльность.

Введение

Актуальность темы определяется радикальным изменением ландшафта международного маркетинга под влиянием цифровизации и роста объемов данных. Традиционные подходы к продвижению бренда, основанные на единой для всех стран стратегии, теряют

эффективность в условиях фрагментации медиапотребления и растущих ожиданий потребителей в отношении персонализированного взаимодействия. Современный потребитель на международном рынке ожидает, что бренд будет понимать его уникальные культурные особенности, предпочтения и контекст. Технологии искусственного интеллекта предлагают решение этих вы-

зовов, позволяя обрабатывать колоссальные массивы структурированных и неструктурированных данных в реальном времени для прогнозирования поведения, создания релевантного контента и автоматизации кросс-культурных коммуникаций [2, 7]. Глобальный рынок искусственного интеллекта в маркетинге, по прогнозам, вырастет с 13,84 миллиарда долларов США в 2024 году до 39,21 миллиарда долларов США к 2030 году при среднем ежегодном темпе роста (CAGR) 18,94 % [4]. Этот рост обусловлен развитием технологий машинного обучения, обработки естественного языка и аналитики данных, что позволяет улучшать персонализацию, автоматизировать принятие решений и оптимизировать маркетинговые стратегии. Согласно исследованию McKinsey, компании, активно использующие ИИ в маркетинге, увеличивают эффективность своих кампаний на 15–20 % и значительно повышают потребительскую лояльность [5]. Целью данной статьи является комплексный анализ роли искусственного интеллекта в построении и продвижении бренда на международном рынке и разработка на этой основе концептуальной модели, описывающей интегрированный подход к его применению.

Научная новизна исследования заключается в системном представлении возможностей ИИ не как набора разрозненных инструментов, а как единого стратегического контура управления глобальной лояльностью.

В работе предлагается авторская модель, визуализирующая цикл взаимодействия ИИ с данными и потребителем на международном рынке, а также проводится анализ конкретных кейсов успешной реализации подобных стратегий.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составили методы системного и сравнительного анализа научных публикаций, отраслевых отчетов и практических кейсов международных компаний. Для выявления и классификации основных направлений применения ИИ был использован контент-анализ современных исследований в области маркетинга и данных аналитических агентств. Материалами для исследования послужили: научные статьи, аналитические отчеты консалтинговых компаний, публичные кейсы и данные компаний, статистические данные.

Результаты и обсуждения

Проведенный анализ позволил выделить и систематизировать основные направления, в которых ИИ оказывает наибольшее влияние на продвижение бренда на международном рынке. Результаты систематизации представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Направления применения ИИ в международном продвижении бренда

Направление применения	Технологии ИИ	Решаемые задачи	Примеры в международном бизнесе
Глубокая сегментация и прогнозирование спроса	Машинное обучение, Predictive Analytics	Выявление кросс-культурных поведенческих паттернов, прогнозирование региональных трендов, идентификация потенциальных ниш	Netflix использует ML для анализа поведения пользователей в разных странах для прогноза успешности контента и принятия решений о его локализации.
Персонализация коммуникаций и клиентского опыта	NLP, Рекомендательные системы, Генеративный ИИ	Автоматическая персонализация email-рассылок, сайтов, рекламных объявлений; создание уникального пути клиента для каждого пользователя	Spotify создает персонализированные плейлисты (как «Discover Weekly») для пользователей по всему миру, усиливая эмоциональную связь с брендом.
Создание и адаптация контента	Генеративный ИИ (GPT, DALL-E, Midjourney), NLP	Автоматическая генерация рекламных текстов, слоганов, перевод и культурная адаптация контента, создание визуальных материалов	Компании используют инструменты вроде ChatGPT для быстрого прототипирования рекламных кампаний для разных рынков, экономя время и ресурсы.
Управление репутацией и анализ настроений	NLP, Анализ тональности	Мониторинг бренда в глобальном медиапространстве в режиме 24/7, анализ отзывов и выявление скрытых предикторов лояльности или недовольства.	Coca-Cola отслеживает упоминания своего бренда в соцсетях по всему миру, чтобы оперативно реагировать на кризисы и выявлять позитивные тренды.
Оптимизация медиапокупок и ценообразования	Машинное обучение, Алгоритмы оптимизации	Автоматизированные закупки рекламы с максимальной эффективностью, динамическое ценообразование с учетом локальных особенностей и поведения спроса	Alibaba использует AI-алгоритмы для динамического изменения цен на товары для международных покупателей в зависимости от спроса, конкуренции и других факторов.

Источник: составлено автором по данным [3–5, 8–10]

Как видно из таблицы 1, ИИ проникает во все элементы маркетингового микса, трансформируя их из статических в динамические и адаптивные. Это позволяет бренду вести не монолог, а диалог с аудиторией в каждом конкретном регионе.

Основные преимущества ИИ в международном продвижении заключаются в его способности к глубокой сегментации, прогнозированию трендов, автоматизированному созданию и адаптации контента, а также оптимизации всех этапов клиентского пути.

Как показывают исследования, основными процессами, которые российские маркетологи хотят автоматизировать с помощью ИИ в первую очередь, являются [6]:

- 45 % — персонализация маркетинга и подбор товаров/услуг под каждого клиента
- 42 % — автоматизация коммуникаций через чат-боты и голосовые роботы
- 40 % — прогнозное ценообразование с учётом цен конкурентов
- 35 % — управление воронкой продаж и автоматическая оценка лидов
- 33 % — оптимизация SEO-стратегий и рекламных кампаний
- 31 % — создание динамического контента под каждого пользователя
- 14 % — прогнозирование оттока клиентов

Низкий интерес к прогнозированию оттока (всего 14 %) свидетельствует о недостаточной осведомленности о возможностях ИИ в этой сфере или неготовности рынка к таким решениям.

На основе проведенного анализа была разработана авторская модель, описывающая интегрированный процесс использования ИИ для построения лояльности

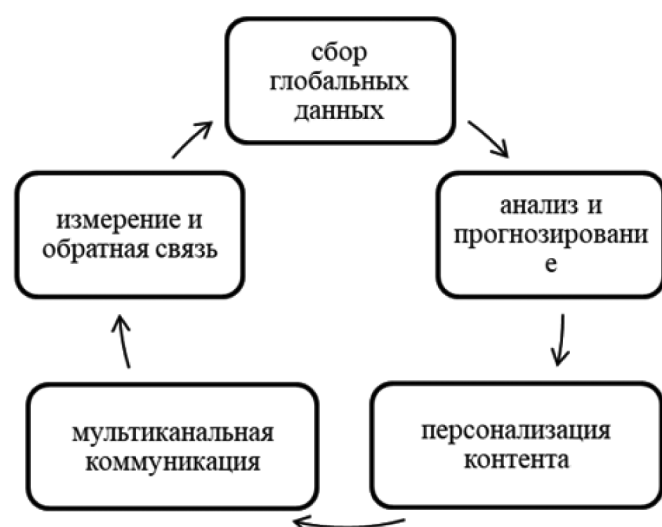

Рис. 1. Цикл глобальной лояльности, управляемый ИИ
Источник: составлено автором

на международном рынке. Модель представляет собой непрерывный цикл, состоящий из пяти взаимосвязанных этапов.

Первый этап — сбор глобальных данных. На этом этапе происходит агрегация информации из разнородных источников: поведенческие данные с сайтов и в приложениях, транзакционная история, данные из CRM, социальные медиа, рыночные исследования и макроданные по каждому целевому рынку. ИИ (в частности, технологии Big Data) обеспечивает очистку и структурирование этой информации.

Второй этап — анализ и прогнозирование. Машинное обучение и алгоритмы прогнозной аналитики выявляют скрытые закономерности, сегментируют аудиторию на основе не только демографии, но и поведенческих и психографических признаков, прогнозируют отток клиентов (churn rate) и Lifetime Value (LTV) для каждого сегмента в разрезе стран.

Третий этап — персонализация контента. На основе полученных результатов генеративный ИИ и NLP-алгоритмы создают или адаптируют контент. Например, это включает в себя автоматический перевод с учетом культурных нюансов, генерацию персонализированных предложений, создание визуальных элементов и видео, релевантных для конкретной аудитории.

Четвертый этап — мультиканальная коммуникация. Персонализированные сообщения доставляются потребителю через оптимальные каналы (email, социальные сети, мобильные push-уведомления, программа лояльности) в оптимальное время. ИИ постоянно тестирует эффективность каналов и оптимизирует маркетинговый микс.

Пятый этап — измерение и обратная связь. На данном этапе система в режиме, близком к реальному времени, отслеживает отклик аудитории на коммуникации (CTR, конверсия, вовлеченность, тональность отзывов). Эти данные снова поступают в систему, замыкая цикл и обеспечивая его постоянное обучение и улучшение.

Новизна модели заключается в ее целостности и ориентации на замкнутый контур обратной связи, где каждое взаимодействие с потребителем обогащает базу данных и повышает точность последующих итераций. Это превращает продвижение бренда в непрерывный процесс управления взаимоотношениями.

Несмотря на потенциал, внедрение ИИ в международный маркетинг сопряжено с вызовами. В частности, это проблема качества данных, так как эффективность ИИ напрямую зависит от объема и качества данных, сбор которых может быть затруднен из-за различий в регуля-

торике. Также следует отметить культурные и этические риски, так как алгоритмы могут непреднамеренно усиливать культурные стереотипы или совершать ошибки при адаптации контента, что приводит к репутационным рискам. Необходимо также сказать о высоких затратах и дефиците кадров. Это обусловлено тем, что развертывание и поддержка AI-систем требуют значительных инвестиций и наличия квалифицированных специалистов (data scientists, AI-маркетологи) [1, 4, 6].

Выводы

Искусственный интеллект перестал быть факультативным инструментом и превратился в стратегический актив для брендов, выходящих или уже присутствующих

на международном рынке. Он позволяет перейти от массового маркетинга к гиперперсонализированному взаимодействию с потребителями в глобальном масштабе. Предложенная в статье авторская модель «Цикл глобальной лояльности, управляемый ИИ» демонстрирует, что максимальная эффективность достигается при интеграции ИИ в сквозной процесс управления взаимоотношениями с клиентом, от сбора данных до анализа обратной связи. Успешная реализация стратегий на основе ИИ требует от компаний не только технологических инвестиций, но и преодоления организационных и культурных барьеров, а также решения вопросов, связанных с этикой и защитой персональных данных в разных юрисдикциях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоедова, А.В., Романова В.П. 2024. Искусственный интеллект в рекламе: технологические и правовые вызовы // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2024. — №43(3). — С. 255–265. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-3-255-265.
2. Бронников, М.А. Применение искусственного интеллекта в маркетинге // Экономика и социум. — 2022. — №6. — С. 449–463.
3. Долженко, И.Б. Искусственный интеллект и маркетинговая деятельность ТНК потребительского сектора // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2023. — №3–1. — С. 150–153.
4. Мировой рынок искусственного интеллекта в маркетинге на 2025–2030 годы: тенденции, рост и ключевые игроки // Neuron Expert Corporation. — URL: <https://neuron.expert/news/artificial-intelligence-in-marketing-market-global-forecast-report-2025-2030-personalized-omnichannel-customer-journey-orchestration-using-ai-driven-predictive-analytics-and-triggers/14330/ru/> (дата обращения: 29.09.2025).
5. Отчет «The state of AI in 2024» // McKinsey & Company. — URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/quantumblack/our-insights/the-state-of-ai-2024> (дата обращения: 29.09.2025).
6. Российский рынок ИИ в маркетинге 2025 года: масштабное исследование показывает ускорение внедрения технологий искусственного интеллекта // Motor. — URL: <https://lpmotor.ru/articles/Rossiyskiy-rynok-II-v-marketinge-2025-masshtabnoe-issledovanie-pokazyvaet-uskorenie-vnedreniya-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-2507> (дата обращения: 29.09.2025).
7. Чиркина, И. Влияние технологий искусственного интеллекта на современные методы в маркетинге // Вестник науки. — 2024. — Т. 4, №3. — С. 123–132.
8. Davenport, T.H., Guha, A., Grewal, D., Bressgott, T. How artificial intelligence will change the future of marketing // Journal of the Academy of Marketing Science. — 2019. — № 48. — pp. 1–19.
9. Kaplan, A., Haenleind, M. Siri, Siri, in my hand: Who's the fairest in the land? On the interpretations, illustrations, and implications of artificial intelligence // Business Horizons. — 2018. — №62(1). — pp. 15–25.
10. Kumar, V., Rajan, B., Venkatesan, R., Lecinski, J. Understanding the Role of Artificial Intelligence in Personalized Engagement Marketing // California Management Review. — 2019. — № 61(4). — pp. 135–155. DOI:10.1177/0008125619859317.

© Тарасова Ольга Валерьевна (Tarasova-olga62@inbox.ru); Корягина Инга Анатольевна (2001inga@mail.ru);

Воронова Ольга Васильевна (voronova.ov@ssau.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МИРОВОЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ

THE WORLD EXPERIENCE IN THE USE AND REGULATION OF DIGITAL CURRENCIES OF CENTRAL BANKS

L. Chernova

Summary. With the ongoing digitalization of financial markets and the rapidly changing payment market, central banks are stepping up their efforts to research central bank digital currency (CBDC). Currently, the world is researching and testing CBDC, and it is important for central banks to pay attention to potential risks and threats. The pace of CBDC development exists all over the world. The article describes the global experience of developing a central bank digital currency, reflects the main theses of using CBDC in national payment states, as well as the reasons for making decisions in the field of CBDC.

Keywords: central bank digital currency, national payment system, financial system, monetary policy.

Чернова Лариса Геннадьевна

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Петрозаводский
государственный университет»
l_shobey@mail.ru

Аннотация. На фоне продолжающейся цифровизации финансовых рынков и быстро меняющегося платежного рынка, центральные банки активизируют свои усилия, посвященные исследованиям цифровой валюты центрального банка (CBDC). В настоящее время мир исследует и тестирует концепцию CBDC, центральным банкам крайне важно обращать внимание на потенциальные риски и угрозы. Темпы внедрения CBDC различаются по всему миру. В статье описан мировой опыт внедрения цифровой валюты центрального банка, отражены основные тезисы использования CBDC в национальных платежных системах государств, описываются причины принятий решений в сфере CBDC.

Ключевые слова: цифровая валюта центрального банка, национальная платежная система, финансовая система, денежно-кредитная политика.

Появление и активное использование новых технологий и криптовалют побудили центральные банки мира на изучение и проработку вопроса, касающегося переоценки роли информационных технологий в финансовом секторе экономики и рассмотрения возможности внедрения цифровой валюты центрального банка (CBDC, central bank digital currency)¹. Таковой признается цифровая валюта, выпускаемая центральным банком, функционирующая на основе собственной информационной системы и являющаяся законным средством платежа в стране-эмитенте².

В последние годы центральные банки мира ускорили свои исследования в области цифровых валют центральных банков. Многие из них переходят на более продвинутые стадии и выбирают различные модели CBDC, а именно розничные или оптовые.

¹ Орлов Ф.П. Перспективы развития международного рынка цифровых валют: диссертация ... канд. эк. наук.: 08.00.14 [Электр. ресурс] // Электрон. ст. ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». Москва. 2022. 201 с. URL: http://www.fa.ru/org/div/uank/autorefs/Documents/2022%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4/%D0%9E%D1%80%D0%BB%D0%BE%D0%B2%20%D0%A4.%D0%9F/%D0%9E%D1%80%D0%BB%D0%BE%D0%B2%20103___%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf

² Там же.

Розничной цифровой валютой центрального банка является форма цифровой валюты центрального банка, которая используется широкой публикой. Розничные CBDC будут доступны всем резидентам стран-эмитентов CBDC. С другой стороны, оптовые CBDC используются банками и другими лицензированными финансовыми учреждениями для межбанковских платежей и операций с ценными бумагами. Оптовые CBDC будут доступны только для кредитных организаций и государственных органов.

На текущий момент наиболее предпочтительной для центральных банков представляется розничная модель CBDC, так как она является более новаторской и способна осуществить цифровизацию национальной экономики страны-эмитента CBDC.

Классификация розничных цифровых валют центральных банков в основном касается схемы участия банков в процессе их эмиссии и обращения.

Существует две модели выпуска и управления CBDC, а именно прямая модель (одноуровневая модель) и косвенная модель (двухуровневая модель). Прямая модель — это модель, в которой центральный банк отвечает за управление всеми аспектами системы CBDC, а именно за выпуск, ведение учета и проверку транзакции. В косвенной модели существуют центральный банк и другие посредники (банки и любые другие поставщики услуг), причем каждый играет свою роль. В этой модели

центральный банк выпускает CBDC потребителям косвенно через посредников. Двухуровневая модель подразумевает ситуацию, когда банки меняют безналичную валюту на своих счетах на цифровую в центральном банке, осуществляя затем операции с организациями и населением таким же образом.

В общем, выбор дизайна определяется различными политическими целями и определяется местными обстоятельствами. При рассмотрении проекта CBDC регулирующие органы могут столкнуться с рядом проблем, в том числе касающихся реализации денежно-кредитной политики, финансового посредничества и финансовой стабильности.

На данный момент более 130 юрисдикций, на долю которых приходится 98 % мирового ВВП, находятся на разных этапах тестирования и внедрения CBDC³. Развивающиеся экономики быстрее переходят на CBDC по сравнению с развитыми экономиками. Крупные страны с развитой экономикой рассматривают цифровую валюту центрального банка как возможность построения альтернативной мировой экономики и внешнеторговыми операциями с другими странами, не используя валюту США, и придерживаются более осторожного подхода из-за опасений по поводу разрушительного воздействия на банковскую систему и денежно-кредитную политику. Вместе с тем, в развивающихся странах, таких, как Ямайка, Нигерия и Багамские острова внедрение цифровой формы национальной валюты минимизировало проблемы низкой финансовой инклюзии населения и высоких расходов на обработку транзакций.

Багамские острова, Ямайка и Нигерия стали первыми странами, которые полностью запустили CBDC, их валюты были запущены в 2020, 2021 и 2022 годах соответственно. Первая в мире CBDC — это багамский песчаный доллар, выпущенный в октябре 2020 года.

Как свидетельствует Восточно-карибский валютный союз (ECCU), внедрение CBDC не ограничивается отдельными странами — другие проекты CBDC между странами или регионами включают проект Stella Европейского центрального банка, ФРС и Банка Англии, проект Jura между Францией и Швейцарией и проект Icebreaker между Израилем, Норвегией и Швецией⁴.

Крупнейшей экономикой на более поздней стадии испытаний является Китай с его цифровым юанем, или

е-CNY. Граждане Китая могут загрузить правительственное приложение е-CNY и обменять юани на е-CNY в соотношении 1:1.

Народный банк Китая (НБК) является одним из первых центральных банков в мире, разработавших цифровую валюту, и после серии пилотных экспериментов запустил свою собственную цифровую валюту, DC/EP (Digital Currency Electronic Payment).

DC/EP представляет собой буквально комбинацию цифровой валюты, выпущенной центральным банком, и в то же время электронной платежной системы. С одной стороны, он включает в себя цифровую валюту, выпущенную НБК, а с другой стороны, он также включает в себя электронную платежную систему в цифровой валюте, в которой совместно участвуют центральный банк, коммерческие банки, предприятия, а также частные лица. Система электронных платежей не имеет заранее заданного технического маршрута, и коммерческие банки могут либо использовать технологию блокчейн, либо безопасные и эффективные технические структуры, такие, как системы электронных счетов, инструменты электронных платежей и инструменты мобильных платежей в качестве технических условий для их работы.

В 2014 году НБК создал специальную исследовательскую группу по легальной цифровой валюте, провел исследование цифровой валюты по выпуску, обращению, организационной структуре и т. д. В 2016 году НБК провел семинар по цифровой валюте, официально начав исследование легальной цифровой валюты в Китае. Народным банком Китая в 2017 году был образован Исследовательский институт цифровых валют. Его цель — цифровизация имеющейся монетарной основы. Новая цифровая валюта должна помочь банкам осуществлять расчеты между собой эффективнее, чем через клиринговые системы. В 2021 году пилотные мероприятия последовательно проводились в Пекине, Шэньчжэне, Шанхае, Чэнду и других местах, а сценарии применения постоянно расширялись, включая торговые центры, розничные магазины, больницы, общественный транспорт и т. д. 4 января 2022 году цифровое приложение RMB (пилотная версия) было официально запущено в Apple App Store и магазинах приложений Android и стало доступно для загрузки. Его можно было использовать в этих пилотных городах, включая районы зимних Олимпийских игр.

В настоящее время Китай придерживается двухуровневой операционной архитектуры, иными словами, центральный банк выпускает легальную цифровую валюту назначенным операционным агентствам, а за обмен и обращение отвечают назначенные операционные агентства⁵.

⁵ Chaowei XU, Banggui JIN Digital currency in China: pilot implementations, legal challenges and prospects// Juridical Tribune. Volume 12. Issue 2. June 2022.

³ Каштанов К. Что такое цифровой рубль и как он будет работать в России [Электронный ресурс]// Информационный портал rg.ru. Электрон. дан. 06.06.2025. URL: <https://rg.ru/2025/06/06/chto-takoe-cifrovoy-rubl-i-kak-on-budet-rabotat-v-rossii.html#7>

⁴ Miguel Benitez Global CBDC Development: First Movers & Progress [Электронный ресурс]. 2023. URL: https://www.coingecko.com/research/publications/global-cbdc-development?utm_campaign=Data%2BVisualization&utm_medium=socia

Тарифная политика США побуждает инвесторов искать альтернативы долларовым инвестициям. В июне 2025 года Глава центрального банка Китая пообещал расширить международное использование цифрового юаня и призвал к созданию многополярной глобальной валютной системы, в которой в мировой экономике будут доминировать несколько валют.

Китай планирует создать международный операционный центр для e-CNY в Шанхае для местных и иностранных руководителей и регулирующих органов финансовой отрасли. Шесть иностранных банков, включая Standard Bank и First Abu Dhabi Bank, договорились об использовании Китайской системы трансграничных межбанковских платежей (CIPS) — будущей международной системы расчетов на основе юаня, сообщила государственная телекомпания CCTV⁶. Этот шаг еще больше расширяет использование юаня в мировой торговле.

Активно внедряют CBDC Южная Корея и ОАЭ. Южная Корея завершила такие функции тестирования, как выпуск и распространение CBDC в смоделированной среде в декабре 2021 года. В июне 2020 года в Южной Корее Центральный банк заявил о намерении начать разработку законодательной и технологической базы для выпуска национальной виртуальной валюты (цифровой вон). В период пандемии коронавирусной инфекции, государство производило выплату пособий в виде криптовалюты, а некоторые провинции Южной Кореи, имеющие свои собственные цифровые деньги, осуществляли выплаты пособий местным гражданам. Местные граждане могли совершать покупки и оплачивать услуги цифровыми деньгами на территории провинции⁷. В 2025 году Южная Корея запустит пилотный проект CBDC с участием 100 тысяч граждан.

Центральный банк ОАЭ объявил, что запустит свою цифровую валюту центрального банка Digital Dirham в четвертом квартале 2025 года. Именно тогда он планирует запустить розничную версию CBDC, которая будет считаться законным платежным средством, требующим от людей принятия ее к оплате. Центральный банк также намерен использовать CBDC для оптовых и трансграничных платежей.

⁶ China talks up digital yuan in push for multi-polar currency system [Электронный ресурс] // Информационный портал Reuters. Электрон. дан. 18.06.2025. URL: <https://www.reuters.com/markets/currencies/chinas-central-bank-says-promote-digital-yuan-multi-polar-currency-system-2025-06-18/>

⁷ Цифровая вон Южной Кореи [Электр. ресурс] // Информационный портал Tadviser. Электрон.дан. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F_%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D0%B2%D0%BE%D0%BD%D0%B0_%D0%AE%D0%B6%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D0%A0%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%B8

Тем временем ЕС все еще изучает и взвешивает свои варианты. Европейский центральный банк в сотрудничестве с европейскими институтами разрабатывает строгую нормативную базу для цифрового евро, включая стандарты защиты данных и кибербезопасности, которые необходимы для поддержания доверия пользователей. В ноябре 2023 года Европейский центральный банк принял решение начать подготовительный этап. Цель подготовительного этапа — заложить основы для потенциального выпуска цифрового евро, что включает в себя доработку свода правил цифрового евро и выбор поставщиков, которые потенциально могли бы разрабатывать платформу и инфраструктуру цифрового евро. Европейский центральный банк может внедрить цифровое евро в октябре 2025 года.

Соединенные Штаты стали единственным государством, в котором введен президентский запрет на цифровой актив. США завершили свои исследования Project Hamilton в конце 2022 года без каких-либо признаков предстоящего пилотного проекта. 21 декабря 2022 года Министерством финансов США заявлено, что торопиться с запуском цифровой версии государственной валюты не является необходимым. В текущей ситуации у США нет необходимости во внедрении цифрового доллара, пишет Bloomberg со ссылкой на заявление заместителя министра финансов США по внутренним финансам Казначейства Нелли Лян⁸. Американским регуляторам необходимо изучить, действительно ли CBDC улучшит скорость или стоимость межбанковских платежей в режиме реального времени. Власти находятся на этапе изучения и говорят, что до введения цифровой валюты США еще далеко⁹. Вместе с тем, в январе 2025 президент США Дональд Трамп запретил цифровую валюту. Новый указ Трампа ссылается на угрозы, которые цифровой доллар может представлять для суверенитета США и стабильности финансовой системы. Теперь он запрещает агентствам США «предпринимать какие-либо действия по созданию, выпуску или продвижению цифровых валют центральных банков»¹⁰.

Банк Японии не планирует в ближайшее время запускать цифровую валюту центрального банка. Выступая

⁸ Цифровой доллар [Электр. ресурс] // Информационный портал Tadviser. Электрон.дан. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F_%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B0%D1%80

⁹ Wayne Duggan Will The U.S. Launch A Digital Dollar? [Электронный ресурс]. 2023. URL: <https://www.forbes.com/advisor/investing/digital-dollar/>

¹⁰ Marc Jones Trump's digital dollar ban gives China and Europe's CBDCs free rein [Электронный ресурс] // Информационный портал Reuters. Электрон. дан. 28.01.2025. URL: <https://www.reuters.com/markets/currencies/trumps-digital-dollar-ban-gives-china-europes-cbdcs-free-rein-2025-01-28/>

на девятом заседании Совета по связям CBDC с партнерами из частного сектора, директор Казунари Камияма назвал основным фактором решения продолжающееся высокое использование наличных денег в Японии¹¹. Взвешенный подход Банка Японии отражает тщательный баланс между стремлением быть в курсе событий в сфере цифровых валют и учетом практических реалий экономики Японии, зависящей от наличных денег.

За последние несколько лет Банк Канады провел значительные исследования с целью понимания последствий цифровой валюты центрального банка для населения, включая изучение последствий цифрового доллара для экономики и финансовой системы, а также особенностей конструкции и технологических подходов к предоставлению цифровой формы государственных денег, которая была бы безопасной и доступной. Банк продолжит следить за развитием розничных CBDC в мире и публиковать некоторые соответствующие исследования, но основное внимание будет уделяться подготовке к эволюции платежей как в Канаде, так и во всем мире посредством политических исследований и анализа.

В России массовый запуск цифрового рубля должен был начаться с 1 июля 2025 года¹². Выступая на Ежегодной встрече кредитных организаций с Банком России, организованной Ассоциацией банков России, председатель Центрального банка России Эльвира Набиуллина рассказала, что ЦБ РФ не введет в оборот цифровой

рубль в июле 2025 года, как планировалось ранее. Перенос срока связан с обеспечением технической готовности всех участников бюджетной системы.

Вместе с тем, с 1 октября 2025 года планируется начать использование цифрового рубля для части расходов федерального бюджета, а с 1 января 2026 года — для всех расходов федерального бюджета. Поэтапное внедрение предполагает, что на начальном этапе будут определены конкретные статьи расходов, которые будут оплачиваться в цифровых рублях. Позднее, с 1 июля 2027 года, планируется распространить использование цифрового рубля на региональные и муниципальные бюджеты, а также на государственные внебюджетные фонды. Данные этапы предложены законопроектом № 924067-8, принятым Государственной Думой в первом чтении.

Таким образом, цифровые валюты центральных банков — тенденция общемировая. Несколько центральных банков развивающихся стран уже выпустили CBDC. Развитые страны наиболее осторожно подходят к внедрению третьей формы национальной валюты и подробно исследуют возможности ее использования. Мировое сообщество осознает важность регулирования нового вида национальной валюты и отвечает на современные вызовы. Вместе с тем, не все страны планируют вводить цифровую валюту центрального банка ввиду сложившейся внутренней государственной политики. Наиболее успешными проектами, по мнению исследователей, являются проекты цифровой валюты центральных банков Китая, Южной Кореи. Ряд стран находятся на этапе пилотирования проектов по введению в обращение CBDC, в том числе и Россия, которая стремится использовать накопленный опыт других стран для эффективно внедрения и регулирования цифрового рубля, учитывая специфику своей экономики и финансовой системы.

¹¹ Bank of Japan says no plans for CBDC, but updates pilot status of digital yen? [Электронный ресурс]// Информационный портал ledgerinsights.com. Электрон. дан. 04.06.2025. URL: <https://www.ledgerinsights.com/bank-of-japan-says-no-plans-for-cbdc-but-updates-pilot-status-of-digital-yen/>

¹² Платежная инфраструктура откроется для цифрового рубля: предложения Банка России// Доступ: cbr.ru: официальный сайт Банка России. Раздел сайта: «Новости». URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=20991>

ЛИТЕРАТУРА

- Орлов Ф.П. Перспективы развития международного рынка цифровых валют: диссертация ... канд. эк. наук.: 08.00.14 [Электр. ресурс] // Электрон. ст. — ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». Москва. — 2022. — 201 с. — URL: http://www.fa.ru/org/div/uank/autorefs/Documents/2022%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4/%D0%9E%D1%80%D0%BB%D0%BE%D0%B2%20%D0%A4.%D0%9F/%D0%9E%D1%80%D0%BB%D0%BE%D0%B2%20103_%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf
- Каштанов К. Что такое цифровой рубль и как он будет работать в России [Электронный ресурс]// Информационный портал rg.ru. — Электрон.дан. — 06.06.2025 — URL: <https://rg.ru/2025/06/06/chto-takoe-cifrovoy-rubl-i-kak-on-budet-rabotat-v-rossii.html#7>
- Платежная инфраструктура откроется для цифрового рубля: предложения Банка России// Доступ: cbr.ru: официальный сайт Банка России. Раздел сайта: «Новости». — URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=20991>
- Цифровая вона Южной Кореи [Электронный ресурс] // Информационный портал Tadviser. — Электрон.дан. — URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D0%B2%D0%BE%D0%BD%D0%B0_%D0%AE%D0%B6%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D0%A9%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%B8
- Цифровой доллар [Электронный ресурс] // Информационный портал Tadviser. — Электрон.дан. — URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B0%D1%80

6. Bank of Japan says no plans for CBDC, but updates pilot status of digital yen? [Электронный ресурс]// Информационный портал ledgerinsights.com. — Электрон. дан. — 04.06.2025. — URL: <https://www.ledgerinsights.com/bank-of-japan-says-no-plans-for-cbdc-but-updates-pilot-status-of-digital-yen/>
7. Chaowei XU, Banggui JIN Digital currency in China: pilot implementations, legal challenges and prospects// Juridical Tribune. — Volume 12. — Issue 2. — June 2022.
8. China talks up digital yuan in push for multi-polar currency system [Электронный ресурс]// Информационный портал reuters.com. — Электрон. дан. — 18.06.2025. — URL: <https://www.reuters.com/markets/currencies/chinas-central-bank-says-promote-digital-yuan-multi-polar-currency-system-2025-06-18/>
9. Marc Jones Trump's digital dollar ban gives China and Europe's CBDCs free rein [Электронный ресурс]// Информационный портал reuters.com. — Электрон. дан. — 28.01.2025. — URL: <https://www.reuters.com/markets/currencies/trumps-digital-dollar-ban-gives-china-europes-cbdcs-free-rein-2025-01-28/>
10. Miguel Benitez Global CBDC Development: First Movers & Progress [Электронный ресурс]. — 2023. — URL: https://www.coingecko.com/research/publications/global-cbdc-development?utm_campaign=Data%2BVisualization&utm_medium=social
11. Wayne Duggan Will the U.S. Launch A Digital Dollar? [Электронный ресурс]. — 2023. — URL: <https://www.forbes.com/advisor/investing/digital-dollar/>

© Чернова Лариса Геннадьевна (l_shobey@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-ИЗРАИЛЬСКИХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-ISRAELI TRADE AND ECONOMIC RELATIONS

**O. Yakovleva
N. Verezubova
A. Savonkina**

Summary. The article explores current trends and prospects for the development of trade and economic cooperation between the Russian Federation and the State of Israel. It analyzes the dynamics of foreign trade over recent years, identifies key sectors of mutual interest, and outlines institutional and infrastructural barriers hindering the growth of bilateral interaction. Special attention is given to the role of scientific and technological collaboration as a vital area of bilateral relations in the context of global economic transformation and sanctions pressure. The study substantiates the need to establish mechanisms for long-term partnership, including the creation of joint funds, research centers, and educational programs. Based on empirical data and expert evaluations, practical measures are proposed to deepen economic ties between the two countries.

Keywords: trade and economic cooperation, Russia, Israel, foreign trade, scientific and technological partnership, investment, free trade zone, R&D, innovation, international relations.

Яковлева Ольга Анатольевна

Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент,
Московская государственная академия ветеринарной
медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
yakovleffo@yandex.ru

Вerezubova Наталья Афанасьевна

Кандидат экономических наук, доцент,
Московская государственная академия ветеринарной
медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
nvez@mail.ru

Савонкина Анна Романовна

Московская государственная академия ветеринарной
медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина

Аннотация. В статье рассматриваются современные тенденции и перспективы развития торгово-экономического сотрудничества между Российской Федерацией и Государством Израиль. Проведен анализ динамики внешне-торгового оборота за последние годы, выявлены ключевые отрасли, представляющие взаимный интерес, а также институциональные и инфраструктурные барьеры, сдерживающие рост взаимодействия. Особое внимание уделено роли научно-технического сотрудничества как важнейшего направления двусторонних связей в условиях глобальной трансформации экономики и санкционного давления. Обоснована необходимость формирования механизмов долгосрочного партнёрства, включая создание совместных фондов, исследовательских центров и образовательных программ. На основе эмпирических данных и экспертных оценок предложены практические меры по углублению экономических связей между двумя странами.

Ключевые слова: торгово-экономическое сотрудничество, Россия, Израиль, внешняя торговля, научно-техническое партнерство, инвестиции, зона свободной торговли, НИОКР, инновации, международные отношения.

Российско-израильские торгово-экономические отношения на протяжении последних десятилетий демонстрируют устойчивый, хотя и неоднородный характер развития, отражающий как историческую специфику взаимодействия двух стран, так и влияние внешнеполитических и макроэкономических факторов. Несмотря на сравнительно скромные объемы товарооборота, наблюдается высокий потенциал в сферах научно-технического сотрудничества, высоких технологий и агроиндустрии. Интерес обеих сторон к углублению партнёрства обусловлен не только прагматическими соображениями, но и наличием институциональных основ и человеческого капитала, способного обеспечить поступательное развитие двусторонней кооперации.

Развитие торгово-экономических связей между Россией и Израилем имеет глубокую историческую осно-

ву. Знаковым событием стало подписание в 1994 году пакета соглашений, заложивших правовую базу сотрудничества. Созданная в 1995 году Смешанная межгосударственная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству (МПК) продолжает свою работу, выступая ключевой площадкой для двустороннего диалога [3]. Значимым шагом стала отмена визового режима в 2008 году, которая способствовала резкому росту туристических и деловых поездок граждан России в Израиль, выведя РФ на второе место по этому показателю. Период конца 1990-х — начала 2000-х ознаменовался попытками реализации совместных проектов в третьих странах, таких как Китай и Индия. В последнее десятилетие отмечались успешные инвестиционные шаги, включая строительство в 2014 году фармацевтическим концерном Teva завода в России и открытие в том же году израильского центра НИОКР российской ИТ-компанией «Яндекс».

Однако анализ динамики товарооборота вплоть до 2022 года указывал на стагнацию двусторонней торговли. Данные за 2021 год показывали, что структура товарооборота оставалась относительно неизменной. Основу российского экспорта в Израиль традиционно составляли топливно-энергетические ресурсы (значительная доля), необработанные алмазы и сельскохозяйственная продукция (зерно) [7]. Израильский экспорт в Россию был представлен продовольствием (фрукты, овощи), продукцией высоких технологий, машиностроения и фармацевтическими товарами. Общий объем товарооборота в предшествующие годы существенно отставал от потенциала двух экономик. В таблице 1 представлена динамика товарооборота между Россией и Израилем, 2019–2024 гг.

Таблица 1.

Динамика товарооборота между Россией и Израилем, 2019–2024 гг.

Год	Экспорт из РФ в Израиль (млн \$)	Импорт из Израиля в РФ (млн \$)	Общий товарооборот (млн \$)
2019	850	620	1470
2020	900	640	1540
2021	780	600	1380
2022	820	630	1450
2023	790	580	1370
2024	765	570	1335

Источник: составлено автором по данным [5, 6, 9].

Длительное время сохранялась характерная диспропорция: экономические связи развивались медленнее, чем политические и культурные контакты. Экономическое сотрудничество часто оказывалось зависимым от политической конъюнктуры. Хотя в последние годы наблюдался прогресс в отделении экономической повестки от политической (например, сохранение деловых контактов после определенных дипломатических осложнений), достижение полной автономии экономических отношений остается задачей [1].

В свете необходимости преодоления стагнации и диспропорций неоднократно обсуждалась инициатива по созданию зоны свободной торговли (ЗСТ) между Россией и Израилем. Переговоры на эту тему активизировались в последние годы. Хотя реализация ЗСТ сама по себе не гарантирует мгновенного решения всех проблем и скачка в объемах торговли, она способна создать мощный импульс для развития сотрудничества. Устранение тарифных и нетарифных барьеров открывает перспективы для интенсификации кооперации в секторах, представляющих взаимный интерес для обеих стран.

Анализ современного состояния и динамики российско-израильского торгово-экономического сотруд-

ничества выявляет ряд структурных проблем, ограничивающих реализацию его значительного потенциала. Ключевыми из них, наряду с уже упомянутыми (дисбаланс политики и экономики, стагнация товарооборота), являются [7]:

1. Сохраняется определенная настороженность в деловой среде, влияющая на готовность к долгосрочным проектам.
2. Российская сторона часто заинтересована в привлечении израильских капиталовложений, тогда как израильские партнеры традиционно фокусируются на экспорте технологий и готовой продукции.
3. Недостаточно развиты институты для объективной оценки и сопровождения совместных проектов на ранних стадиях.
4. Ощущается дефицит специализированных финансовых механизмов (фондов, гарантий, венчурного финансирования), ориентированных именно на поддержку двустороннего сотрудничества, особенно в инновационной сфере.
5. Иногда возникают сложности из-за несоответствия ожиданий и подходов сторон, связанных с национальными деловыми практиками и нормативной средой.
6. Небольшие размеры израильской экономики объективно сдерживают масштабы возможного российского экспорта, помимо традиционных сырьевых товаров.

Несмотря на сложность, эти проблемы поддаются решению. Ключевым фактором здесь является успешная реализация конкретных совместных проектов. Создание авторитетных экспертных площадок могло бы существенно помочь. Инициативы, подобные упомянутому ранее альянсу (Российско-Израильский деловой совет, Институт востоковедения РАН, Научно-технический совет ТПП РФ), а также заинтересованность ведущих вузов в проработке экономических вопросов, являются позитивным сигналом. Израильские отраслевые ассоциации и научно-исследовательские институты также могут выступить в качестве таких платформ для оценки проектов и выработки рекомендаций [11].

Опыт прошлых попыток создания финансовых инструментов сотрудничества (таких как переговоры банка Нароalim в 2007-2008 гг. или попытки венчурных фондов Tamir Fishman и Catalyst в сотрудничестве с РВК и «Роснано») оказался в целом неудачным, часто из-за внешних кризисов или внутренних сложностей. В текущих геополитических и экономических реалиях (особенно после 2022 года) создание традиционных двусторонних финансовых механизмов частного сектора сталкивается с исключительными трудностями. Однако, роль государства в поиске решений становится критически важной.

Наиболее перспективной моделью представляется создание двустороннего межгосударственного фонда поддержки совместных НИОКР, аналогичного успешно действующим фондам Израиля с США, Канадой, Сингапуром, Южной Кореей и Германией. Такой фонд, основанный на государственном финансировании и гарантиях, мог бы стать катализатором для привлечения частного капитала к перспективным проектам, минимизируя риски для участников. Успешная реализация даже нескольких проектов по этой схеме не только дала бы практический результат, но и способствовала бы изменению восприятия возможностей российской научно-технической сферы израильскими партнерами [9].

Открытие российскими компаниями (как это сделал «Яндекс») центров НИОКР в Израиле остается важным каналом кооперации. Такие центры не заменяют, а дополняют исследовательскую деятельность в России, создавая естественные мосты для научно-технического обмена внутри компаний. Успехи в такой внутрикорпоративной кооперации позитивно влияют на общий имидж потенциала сотрудничества, что в современной экономике имеет существенное значение. В таблице 2 представлены преимущества открытия НИОКР-центров в Израиле для российских компаний.

Таблица 2.

Преимущества открытия НИОКР-центров в Израиле для российских компаний

Фактор	Описание
Доступ к западным рынкам	Израиль как канал выхода на рынки ЕС и США
Русскоязычные кадры	Многочисленные репатрианты из СНГ, говорящие на русском языке
Высокая концентрация стартапов	Развитая экосистема инноваций
Государственные субсидии	Программы поддержки научных проектов
Быстрый цикл коммерциализации	Инфраструктура и венчурный капитал ускоряют вывод продуктов на рынок

Источник: составлено автором по данным [1, 3, 8].

Существенным барьером в деловых отношениях между российскими и израильскими компаниями часто становится недостаточное понимание различий в роли государства в экономике и национальной деловой культуре. В России государство традиционно играет значительную, а в стратегических отраслях — определяющую роль. В Израиле же наблюдается тенденция к минимизации прямого государственного участия в бизнесе в пользу регулирующих функций. Предприниматели с обеих сторон иногда неосознанно проецируют привычные им модели на партнера из другой страны, что приводит к недопониманию и конфликту ожиданий.

Преодоление разрыва требует системных усилий [1]:

1. Создание специализированного российско-израильского центра деловой информации могло бы стать эффективным инструментом для своевременного информирования участников рынка о базовых экономических, регуляторных и культурных особенностях партнерской страны.
2. Развитие программ в сфере образования выступает мощным инструментом для долгосрочного улучшения взаимопонимания. Это включает:
 - Привлечение израильских экспертов для преподавания в российских технических и экономических вузах по ключевым темам: технологический трансфер, венчурное финансирование, управление инновациями. Организация стажировок в Израиле для российских студентов и специалистов.
 - Повышение качества и доступности программ по изучению Израиля в России (включая экономику и бизнес-среду) и разработка аналогичных программ по России для израильских специалистов. Глубокое понимание исторически сложившихся политических, экономических и социальных традиций партнера критически важно для эффективного сотрудничества.

Узость израильского рынка является объективным фактором, ограничивающим масштабы сотрудничества, но не отменяет его потенциал в конкретных секторах, где Россия обладает конкурентными преимуществами:

- Открытие значительных запасов природного газа на израильском шельфе Средиземного моря создало спрос на технологии и экспертизу в энергетическом секторе, где у Израиля ранее был ограниченный опыт. Российские компании обладают уникальным опытом в разведке, добыче и транспортировке энергоресурсов, что может представлять ценность для израильских партнеров [4].
- Израиль проявляет растущий интерес к космической деятельности. Россия, обладая признанным опытом и технологиями в этой сфере, может быть привлекательным партнером для совместных проектов или поставок решений.
- Научно-техническое сотрудничество (НИОКР) — это направление остается ключевым драйвером для развития инновационной экономики России. Формы кооперации разнообразны: от совместных исследований и разработок до создания российскими компаниями R&D-центров в Израиле (как в случае с «Яндексом»), что способствует технологическому обмену. (Далее логично следует более подробное рассмотрение НИОКР, как указано в источнике).

Научно-техническое сотрудничество по-прежнему остаётся одной из ключевых и перспективных сфер в рамках российско-израильских торгово-экономиче-

ских отношений. Израиль, признанный мировой лидер в области стартапов, цифровых технологий, медицины и аграрных инноваций, представляет для России не только ценную модель технологического развития, но и реального партнёра в формировании инновационно ориентированной экономики.

Сотрудничество России и Израиля в сфере высоких технологий имеет под собой устойчивую основу, которая включает как совпадающие интересы, так и взаимодополняющие возможности. На фоне западных санкций, введённых против России в последние годы, особенно после 2022 года, возрастает значимость развивающихся и альтернативных направлений сотрудничества, где Израиль занимает особое место [5].

Одним из важных факторов, способствующих развитию двусторонних отношений в научной сфере, остаётся наличие широкой диаспоры русскоязычных учёных и специалистов в Израиле, которые упростили коммуникационные барьеры и обеспечили приток квалифицированных кадров. Это создало условия для создания совместных научных проектов, трансфера технологий и обмена опытом.

На сегодняшний день имеются конкретные примеры плодотворного взаимодействия. Так, продолжается сотрудничество между российскими и израильскими исследовательскими организациями в таких направлениях, как биотехнологии, агротехнологии, телемедицина, искусственный интеллект и информационная безопасность. В таблице 3 представлены основные направления научно-технического сотрудничества России и Израиля (2020–2024 гг.).

Таблица 3.

Основные направления научно-технического сотрудничества России и Израиля (2020–2024 гг.)

Направление	Количество совместных проектов	Ключевые участники
Биотехнологии	12	РАН, Teva, РЭУ им. Плеханова
Агротехнологии	9	Минсельхоз РФ, Технион, Сколково
Информационная безопасность	6	Лаб. Касперского, Check Point
Медицина и фармацевтика	8	Teva, МГУ, НИУ ВШЭ
Искусственный интеллект	7	Сколково, Яндекс, Bar Ilan University
Космические технологии	3	Роскосмос, Израильское космическое агентство

Источник: составлено автором по данным [10, 11].

Несмотря на то, что некоторые проекты, анонсированные ранее (например, открытие НИОКР-центра «Лаб-боратории Касперского» в Иерусалиме), так и не были реализованы, появляются новые формы кооперации. К примеру, в 2021 году Израильский технологический институт (Технион) и российские вузы инициировали совместные исследования в области цифрового моделирования и нейронных сетей.

Ряд крупных российских технологических фондов, таких как «Роснано», Фонд содействия инновациям и «Сколково», продолжают поддерживать контакты с израильскими стартапами и инкубаторами. В частности, на фоне развивающегося интереса к устойчивому сельскому хозяйству и агротехнологиям, были заключены соглашения о совместных пилотных проектах, в том числе в регионах Сибири и Поволжья.

В последние годы наметилось расширение форматов академического сотрудничества: проводятся онлайн-семинары и научные конференции с участием исследователей обеих стран, разрабатываются программы студенческого и аспирантского обмена. Израильские фармацевтические компании, включая Teva, продолжают реализовывать производственные и логистические проекты на территории России, несмотря на геополитические сложности. Теоретически подобные модели могут быть расширены на другие отрасли, в том числе пищевую промышленность, приборостроение и экологические технологии.

Существенным направлением для будущего развития может стать создание совместных инжиниринговых центров и опытных производств в особых экономических зонах России с участием израильского капитала и управленческих технологий. Это позволит обеим странам не только минимизировать издержки, но и повысить конкурентоспособность продукции за счёт сочетания научных достижений и производственной базы.

Израиль, будучи тесно связанным с западными торговыми партнёрами, может служить окном для российской инновационной продукции на рынки ЕС и США. Россия, в свою очередь, может облегчить израильскому бизнесу доступ к рынкам Ближнего Востока и Центральной Азии, где у неё имеются прочные связи.

Вместе с тем необходимо признать, что масштаб и системность научно-технического взаимодействия между двумя странами пока остаются ограниченными. Для реализации существующего потенциала требуется политическая воля, а также структурная поддержка со стороны частного сектора и профильных министерств. Среди мер, способствующих активизации сотрудничества, можно выделить подписание соглашений о защите интеллектуальной собственности, налоговые льготы для

совместных НИОКР, расширение грантовых программ и проработка концепции Зоны свободной торговли (ЗСТ), о которой переговоры ведутся с 2016 года в рамках диалога ЕАЭС — Израиль.

Таким образом, научно-техническое сотрудничество между Россией и Израилем сохраняет высокий потенциал. Несмотря на внешнеполитические сложности, оба

государства заинтересованы в создании устойчивой платформы для обмена знаниями, инновациями и технологиями. Будущее этих отношений зависит от способности обеих сторон перейти от разрозненных инициатив к долгосрочным стратегическим проектам, основанным на взаимных интересах и прагматичном подходе к партнёрству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бажанов Е.П. Геополитика и экономика Ближнего Востока. — М.: Аспект Пресс, 2020. — 320 с.
2. Барабанов О.Н. Российско-израильские отношения: между стратегическим партнерством и прагматикой диалога // Международная жизнь. — 2022. — № 4. — С. 65–78.
3. Воробьев А.В. Торгово-экономическое сотрудничество России и Израиля в современных условиях // Вестник МГИМО. — 2021. — № 6(81). — С. 102–111.
4. Горюнова Л.А., Миронов П.М. Израиль как инновационный партнер России: политико-экономические аспекты // Современная аналитика. — 2023. — № 3. — С. 41–50.
5. Управление инноваций Израиля. Ежегодный отчет об инновациях за 2023 год. — URL: <https://innovationisrael.org.il> (дата публикации: 25.05.2025).
6. Министерство иностранных дел Израиля. Двусторонние отношения: Россия–Израиль. — URL: <https://mfa.gov.il> (дата обращения: 25.05.2025).
7. ОЭСР. Обзор Израиля по стране за 2024 год. — URL: <https://www.oecd.org/israel/> (дата публикации: 25.05.2025).
8. Папоян Г.Р. Научно-техническое сотрудничество России и Израиля: состояние и перспективы // Международная экономика. — 2020. — № 12. — С. 29–36.
9. Российско-израильские отношения: 30 лет дипломатии / Под ред. А. Федорченко. — М.: ИМЭМО РАН, 2021. — 244 с.
10. Российский-израильский деловой совет: проекты, итоги, выводы // Торгово-промышленная палата Республики Беларусь. — URL: <https://tpprf.ru> (дата обращения: 25.05.2025).
11. Фонд «Сколково». Международное технологическое сотрудничество с Израилем // Официальный сайт «Школа». — URL: <https://sk.ru> (дата обращения: 25.05.2025).
12. Таможенная служба Российской Федерации. Экологическая статистика // <url> Россия. — URL: <https://customs.gov.ru> (дата обращения: 25.05.2025).
13. Торгово-промышленное объединение России и Израиля // Министерство экономического развития Республики. — URL: <https://www.economy.gov.ru> (дата обращения: 25.05.2025).
14. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). Переговоры о зоне свободной торговли с Израилем. — URL: <https://eec.eaeunion.org> (дата обращения: 25.05.2025).
15. Банк Израиля. Ежегодная статистика торговли с Россией. — URL: <https://www.boi.org.il> (дата обращения: 25.05.2025).

© Яковлева Ольга Анатольевна (yakovleffo@yandex.ru); Вереzubова Наталья Афанасьевна (nverez@mail.ru);
Савонкина Анна Романовна

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВАРИАТИВНАЯ ПРИРОДА ДУАЛИЗМА СОВРЕМЕННОГО ТРУДОВОГО ПРАВА (ИССЛЕДОВАНИЕ НА ПРИМЕРЕ СТРАН, ЯВЛЯЮЩИХСЯ ОСНОВОПОЛОЖНИКАМИ БРИКС)

Абдуллаев Эльшан Эльшад оглы

кандидат юридических наук, научный консультант

ООО «Образовательные системы», Москва

elshanabdullaevmsu@gmail.com

THE VARIABLE NATURE OF THE DUALISM OF MODERN LABOR LAW (A STUDY ON THE EXAMPLE OF BRICS FOUNDING COUNTRIES)

E. Abdullaev

Summary. The purpose of this article is to study the variable nature of the dualism of labor law on the example of countries that are the founders of BRICS.

Methodology. The methodological basis of this research is a structural-legal approach that allows us to present the dualism of international and national labor law as a set of different models that ensure the harmonization of two levels of legal systems — national and international. As the main method used in the process of working on the article, the formal-legal method was used, as well as the method of comparative analysis.

Results. The author structured current models of harmonization of norms of national and international law based on the dualistic paradigm of the development of the modern legal system, highlighted the differentiated features of these models. The obtained results can be used in the process of further scientific research conducted within the framework of the interaction of international and national legal systems, considering the objective presence of legal dualism.

Conclusion. Despite active participation in international labor law initiatives, the BRICS countries defend their sovereign right to interpret and implement labor standards, which leads to asymmetry of legal integration, which is a complex dynamic system of interaction of national legislation with international standards, where each of the parties strives in some way to maintain a balance between national interests and global international obligations.

Keywords: international labor law, national labor law, dualism, implementation, harmonization, legal regulation.

Аннотация. Целью данной статьи является изучение вариативной природы дуализма трудового права на примере стран, являющихся основоположниками БРИКС.

Методология. Методологической основой данного исследования является структурно-правовой подход, позволивший представить дуализм между-народного и национального трудового права как совокупность различных моделей, обеспечивающих гармонизацию двух уровней правовых систем — национального и международного. В качестве основной методики, используемой в процессе работы над статьей, использовался формально-юридический метод, а также применялась методика компаративного анализа.

Результаты. Автором структурированы актуальные модели гармонизации норм национального и международного права с опорой на дуалистическую парадигму развития современной правовой системы, выделены дифференцированные признаки данных моделей. Полученные результаты могут быть использованы в процессе дальнейшего научного поиска, ведущегося в рамках взаимодействия международной и национальной правовых систем с учетом объективного наличия правового дуализма.

Вывод. Несмотря на активное участие в международных трудовправовых инициативах, страны БРИКС отстаивают суверенное право на интерпретацию и реализацию трудовых норм, что приводит к асимметрии правовой интеграции, представляющей собой сложную динамическую систему взаимодействия национального законодательства с международными стандартами, где каждая из сторон стремится каким-либо образом сохранить баланс между национальными интересами и глобальными международными обязательствами.

Ключевые слова: международное трудовое право, национальное трудовое право, дуализм, имплементация, гармонизация, правовое регулирование.

Введение

В условиях регионализации и трансформации мирового рынка труда, особую актуальность приобретает проблема дуализма национального и международного трудового права, поскольку современные трудовые отношения регулируются одновременно на двух уровнях функционирования правовой системы — на международном и национальном, что порождает противоречивые и сложные проблемы их

взаимодействия, согласования и имплементации международных правовых норм в национальные законодательства. Сложность данной проблемы состоит в том, что национальные правовые системы, как правило, в регуляторном аспекте ориентированы на внутренне социально-экономические реалии, в то время как международные нормы, закреплённые в конвенциях Международной организации труда (МОТ), декларациях ООН и других актах, стремятся к универсализации трудовправовых норм. В тоже время в дуалистической мо-

дели международные нормы, как правило, не являются нормами прямого действия и требуют соответствующих процедур их внедрения в национальное законодательство, что не всегда происходит бесконфликтно и не приводит к возникновению правовых коллизий.

В начале XXI столетия проблемы правового дуализма актуализируются в связи с ростом трудовой миграции, когда работники — мигранты, пересекая границы государств, сталкиваются с несовпадением правовых режимов, что может привести к нарушению прав мигрантов, их дискриминации, отсутствию доступа к социальным гарантиям и правовой защите.

Таким образом, изучение проблемы дуализма трудового права дает возможность выявить ключевые барьеры на пути к формированию справедливой и эффективной правовой системы, регулирующей рынок труда, а также выявить наиболее часто используемые модели дуализма.

В качестве яркого примера дуализма между национальными трудовыми нормами и международными нормами права можно привести примеры регулирования трудовых отношений в странах БРИКС, принадлежащих к различным правовым системам, использующим различные правовые механизмы включения международных правовых норм в национальные законодательства.

К вопросам, касающимся дуалистической природы взаимодействия национальной и международной правовых систем, в последние годы обращались Аджиев А.Х. [1], Никифоров С.В. [3], Самович Ю.В. [4], Сангулия А.Д. [5], Сметанин Н.В. [6], Чимаров Н.С. [8] и др.

Несмотря на наличие глубоких и системных работ, позволивших осмыслить правовую природу дуализма, возможности гармонизации международного и национального права, ограниченность современной системы международного права и его имплементационный потенциал, отдельные вопросы, связанные с данной проблемой не нашли отражения в научной литературе.

В частности, в настоящее время весьма актуальным является осмысление вариативной природы дуализма современного трудового права на примере стран, относящихся к различным правовым системам.

Таким образом, целью данной статьи является изучение вариативной природы дуализма трудового права на примере стран, являющихся основоположниками БРИКС.

Научная новизна данной статьи определяется тем, что автором структурированы актуальные модели гар-

монизации норм национального и международного права с опорой на дуалистическую парадигму развития современной правовой системы, выделены дифференцированные признаки данных моделей.

Методология

Методологической основой данного исследования является структурно-правовой подход, позволивший представить дуализм международного и национального трудового права как совокупность различных моделей, обеспечивающих гармонизацию двух уровней правовых систем — национального и международного. В качестве основной методики, используемой в процессе работы над статьей, использовался формально-юридический метод, а также применялась методика компаративного анализа.

Практическая ценность данной статьи состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в процессе дальнейшего научного поиска, ведущегося в рамках взаимодействия международной и национальной правовых систем с учетом объективного наличия правового дуализма.

Результаты

Дуализм национального и международного регулирования в странах БРИКС может быть отнесен к сложным и многослойным явлениям, которые отражают уровень взаимодействия между универсальными нормами международного трудового права и суверенными национальными правовыми системами. В общенаучном дискурсе дуализм предполагает, что международные нормы (в частности конвенции МОТ) не имеют автоматического воздействия на трудовые нормы национального права, поскольку их включение в национальную систему права предполагает ратификацию международных договоров, их имплементацию через национальное законодательство, а также соответствие процедуры включения норм международного права в национальное законодательство в соответствии с национальными правовыми процедурами.

В целом, анализ научной литературы позволяет говорить о том, что дуализм является отражением объективно существующего конфликта между универсализмом международного права и национальным суверенитетом, усиливаясь в странах БРИКС из-за существующих различий в правовых традициях, отличий политических режимов, а также экономических приоритетов, что на практике приводит к асимметрии правовой интеграции, когда нормы МОТ могут быть ратифицированы, но не реализованы в полной мере, либо таким образом, что смысл правовой нормы теряет свое первоначальное значение. В таблице 1 приведены отличительные черты правового

дуализма, существующего в плоскости трудовых отношений, в странах — основоположниках БРИКС.

Таблица 1.

Отличительные черты правового дуализма, существующего в плоскости трудовых отношений, в странах — основоположниках БРИКС (составлено автором с использованием [1, 2, 11, 14])

Страна	Правовая система	Отношение к международному праву	Примеры дуализма
Россия	Романо-германская	Конституционно признаёт приоритет международного права, но на практике — Выборочная имплементация.	Конвенции МОТ ратифицированы, но не всегда реализуются в трудовой практике
Китай	Социалистическая с элементами континентальной	Международное право применяется через национальные акты	Профсоюзы регулируются государством, несмотря на международные нормы
Индия	Англосаксонская (common law)	Международные нормы требуют имплементации в национальное законодательство	Не ратифицированы ключевые конвенции МОТ №87 и №98
Бразилия	Континентальная	Активно ратифицирует, но сталкивается с проблемами реализации	Трудовые реформы 2017 года ослабили гарантии, несмотря на международные обязательства
ЮАР	Смешанная	Международное право интегрируется через парламентские процедуры	Высокий уровень формальной имплементации, но проблемы с соблюдением

Рассмотрим проблему трудового дуализма более подробно. Обращаясь к современной ситуации, сложившейся в области трудового права в России, можно определенно констатировать, что развитие российского трудового права, по-прежнему происходит в условиях, когда национальные нормы права взаимодействуют с международными обязательствами, что, собственно, и порождает дуализм, связанный с одновременным существованием и применением внутренних и международных норм, часто обладающих разной юридической природой и механизмами реализации.

В общем виде дуализм трудового права России проявляется в Конституционном признании международных норм (ст. 15 Конституции РФ), в необходимости

ратификации и имплементации международных актов, в существовании национальной специфики регулирования труда, не всегда согласующейся с международными стандартами и конвенциями МОТ. Например, в трудовом праве России это проявляется в том, что, несмотря на ратификацию ряда конвенций МОТ, включая Конвенцию № 29 «О принудительном труде» и № 105 «Об отмене принудительного труда», их реализация сталкивается с ограничениями, связанными с особенностями национального регулирования трудовых отношений. Так, положения статьи 56 Трудового кодекса РФ, определяющей трудовой договор как выполнение работником трудовой функции «в интересах, под управлением и контролем работодателя», отражают дуалистическую природу трудового права, где частнопроводные начала договора сочетаются с элементами публичного регулирования, что может нивелировать универсалистский подход МОТ к свободе труда [7].

Такой дуализм создаёт пространство для гибкой правовой политики, но, также, порождает проблемы несоответствия и избирательного применения норм международного права, что характерно не только для России. На уровне институционального взаимодействия Российская Федерация активно участвует в деятельности Международной организации труда (МОТ), ратифицировав ключевые конвенции (№ 87 «О свободе объединения» (1956), № 98 «О коллективных переговорах» (1956)) однако, в тоже время часть конвенций остается не ратифицированными, включая № 131 «О минимальной заработной плате», что сужает прямое воздействие международных стандартов на национальную систему трудового права. При этом имплементация норм международного трудового права в национальную правовую систему происходит через Трудовой кодекс РФ; через Нормативные акты органов исполнительной власти, через судебную практику Конституционного и Верховного суда [2].

В общем виде российская модель дуализма в области трудовых правоотношений демонстрирует стремление сохранить национальный суверенитет в регулировании трудовых отношений, одновременно не отрицая значение международных стандартов. Такой подход позволяет адаптировать международные нормы к внутренним условиям, однако требует постоянного совершенствования механизмов выборочной правовой имплементации норм международного трудового права в национальное законодательство.

Примеры дуализма мы видим, также, когда обращаемся к анализу международных норм и норм национально-трудового права КНР, где, трудовое законодательство содержит нормы, которые формально соответствуют международным стандартам (например, положения о заключении трудового договора, минимальной заработной плате, охране труда), однако, при этом, суще-

ствующая практика правоприменения и институциональная система трудовой деятельности ограничивают реализацию этих норм, особенно в сферах, касающихся коллективных прав и свободы трудовой деятельности. В настоящее время в Китае, несмотря на наличие формальных гарантий, закреплённых в таких актах, как Закон КНР «О труде» (1995 г.) и Закон КНР «О трудовом договоре» (2008 г.), реализация международных трудовых стандартов, включая положения конвенций МОТ, имеет существенные ограничения [13].

Например, Конвенции МОТ № 87 и № 98, раскрывающие основы нормативного регулирования свободы ассоциации и права на ведение коллективных переговоров, не ратифицированы Китаем, а профсоюзная деятельность на практике ведётся исключительно через Всекитайскую федерацию профсоюзов, которая контролируется Коммунистической партией Китая [10].

Соответственно можно говорить о том, что, как и в случае с Россией, в китайском трудовом праве имеет место расхождение между международными обязательствами и практикой их национальной реализации, что является следствием структурного дуализма, существование которого обусловлено политико-правовой спецификой китайской государственности и приоритетом национального суверенитета над универсализмом международного права.

Что касается Индии, то в этой стране дуализм международного и национального трудового права является ярким примером того, каким образом правовая система, основанная на англосаксонской традиции, интегрирует в себе уважительное отношение к международным правовым нормам в сочетании с приоритетом национального суверенитета. Для индийской модели правового дуализма характерно то, что международные нормы не имеют прямого действия внутри страны, их включение в систему национального трудового права требует имплементации в национальное законодательство, судебные органы ориентируются, прежде всего, на Конституцию Индии и внутренние законы, отводя международным правовым нормам второстепенное значение. При этом дуализм проявляется, например, в том, что Индия не ратифицировала ключевые конвенции МОТ №87 («О свободе ассоциации») и №98 («О праве на коллективные переговоры»), что отражает взвешенный подход к включению международных трудовых стандартов в национальное право.

При этом Индия является активным участником МОТ и признаёт важность международных норм, но реализует их через национальные акты, такие как: Factories Act (1948), Industrial Disputes Act (1947), Code on Wages (2019) [11].

В тоже время для Индии характерна расширительная трактовка международных правовых норм, например Верховный суд Индии в деле *Bandhua Mukti Morcha v. Union of India* признал принудительный труд нарушением статьи 21 Конституции — права на жизнь и личную свободу [1].

Обратим внимание на то, что в ряде решений индийские суды ссылаются на международные нормы, но только как интерпретационные источники, но не как обязательные правоприменительные нормы [11].

В целом, можно говорить о том, что дуализм трудового права в Индии является отражением баланса между международными стандартами и национальными приоритетами.

Исследуя проблему существования дуализма международного и национального трудового права в Бразилии, можно, также, констатировать своеобразие дуалистической модели, учитывая, что страна занимает промежуточную позицию между дуалистическим и монистическим подходами в том смысле, что формально Бразилия признаёт нормы международного трудового права, но их применение зависит от внутренней имплементации. Бразильская конституция 1988 года (ст. 5, §2) допускает, что права, признанные международными договорами, могут применяться, однако, международные договоры (в частности договоры в области соблюдения прав человека), ратифицированные Конгрессом, получают статус конституционной законодательной нормы, при условии, что эти нормы одобрены двумя третями голосов в обеих палатах [15].

Соответственно, в данном случае мы имеем гибридную модель, в которой международные нормы могут стать либо частью трудового обычного законодательства (если они и ратифицированы без участия квалифицированного большинства), либо приобрести конституционный статус (при соблюдении особой процедуры их принятия). На практике, же Бразилия ратифицировала большинство основных конвенций МОТ, включая №87 №87 (1948) «О свободе объединения и защите права на организацию» и №98 (1949) «О праве на организацию и ведение коллективных переговоров», однако, в практическом плане реализация этих конвенций сталкивается с трудностями.

Так, в частности трудовая реформа 2017 года (Lei nº 13.467/2017) усилила гибкость найма, ослабив, при этом, коллективные гарантии; также в стране, в сельскохозяйственных регионах, появились формы занятости, такие как *intermittent work* (когда работа выполняется нерегулярно, с перерывами, без фиксированного графика), которые критикуются за нарушение принципов стабильности труда, при признании экономической целесообразности данного подхода.

При этом Верховный суд Бразилии (STF) признаёт международные нормы, однако приоритет отдаётся конституционным нормам, например в деле ADI 5766, касающемся законности трудовой реформы, Верховный суд подтвердил её конституционность, несмотря на критику со стороны профсоюзов и экспертов МОТ. Таким образом, Бразилия в своих отношениях с нормами международного права демонстрирует структурный дуализм, когда международные трудовые нормы признаются, но их применение зависит от политической воли, экономической целесообразности и специфики внутренней правовой процедуры, что формирует асимметрию правовой интеграции, особенно в условиях современной либерализации международного трудового законодательства [12].

Что касается дуализма международного и национального трудового права в Южной Африке (ЮАР), то в этой стране мы имеем пример относительно успешной интеграции международных стандартов в национальную правовую систему, несмотря на сохранившийся правовой дуализм. Конституция ЮАР (1996 г.), статья 39(1) (b), прямо предписывает ориентироваться на международное право при интерпретации норм национального Билля о правах, так в частности Конституция ЮАР требует того, чтобы суды интерпретировали законодательство, согласуя такую интерпретацию с международным правом, если таковая возможна. В области трудового права ЮАР ратифицировала ключевые конвенции МОТ, включая № 87 и № 98, и активно участвует в деятельности МОТ.

Национальное трудовое законодательство, в целом, соответствует нормам международного трудового права, так, например Labour Relations Act (LRA, 1995) является основным актом, регулирующим трудовые отношения, включая право коллективных переговоров, забастовок и профсоюзной деятельности. В свою очередь Basic Conditions of Employment Act (BCEA, 1997) устанавливает минимальные стандарты труда, регулируя рабочее время, отпуск и оплату. Данные нормы гармонизированы с международными нормами, особенно с конвенциями МОТ. Судебная практика также соответствует международно-правовой практике, так, например, в деле NUMSA v Bader Bop (2023) Конституционный суд ЮАР признал право меньшинства работников на ведение коллективных переговоров, ссылаясь на Конвенцию МОТ №98; также в ряде решений суды прямо используют международные нормы как интерпретационные инструменты, даже если эти нормы не имплементированы в национальное законодательство [9].

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что ЮАР демонстрирует прогрессивную модель дуализма, использование которой предполагает, что международные трудовые нормы активно интегрируются в нацио-

нальную систему через: конституционно — правовые механизмы, судебную практику и законодательную гармонизацию.

В тоже время следует признать, что такая модель не имеет под собой существенного воздействия на реальную ситуацию в области труда, в ЮАР имеют место структурные и социальные вызовы (дискриминация, безработица), что объективно затрудняет практическую реализацию международных стандартов [9].

Таким образом, подводя итог данной статье, укажем на то, что модель дуализма международного и национального трудового права является сложным системным, специфическим явлением, характерным для правовых систем стран БРИКС. В России дуализм находит свое выражение в признании приоритета международного права над национальным (статья 15 Конституции РФ) при условии, что соответствующие международные договоры соответствующим образом ратифицированы. При этом нормы МОТ, в том числе и ключевые конвенции № 87 и № 98, имплементируются в российскую правовую систему через положения Трудового кодекса РФ, хотя в практике трудового регулирования имеет место существенная автономность национального регулирования трудовых правоотношений.

В Китае модель дуализма проявляется в менее активной форме. Для китайской модели характерно то, что международные стандарты рассматриваются как внешние ориентиры, но не имеют прямой юридической силы без их соответствующей адаптации. При этом Китай не ратифицировал Конвенцию № 87, что отражает приоритетный характер национального суверенитета в регулировании трудовых отношений. Особенность китайского дуализма проявляется в сочетании централизованного регулирования трудовой деятельности и избирательного применения норм международного права в зависимости от политической и экономической целесообразности.

Индия, также демонстрирует умеренный дуализм, для которого характерно то, что ратифицированные международные нормы достаточно гармонично сосуществуют с развитой системой национального трудового законодательства и активной судебной практикой. В свою очередь Бразилия представляет собой пример высокой степени интеграции международных трудовых стандартов в национальную систему трудового права. Конституция Бразилии закрепляет защиту трудовых прав, а конвенции МОТ активно применяются в правоприменительной практике.

В свою очередь Южно-Африканская Республика сформировала правовую систему, ориентированную на защиту прав человека и равенство. В данной моде-

ли Конвенции МОТ имеют прямую юридическую силу, в том числе и в судебной практике, при том, что дуализм выражается в существенной интеграции международных стандартов в национальное законодательство, при сохранении сложностей в области правоприменения с учетом специфики социально-экономического развития страны.

Выводы

Таким образом, несмотря на активное участие в международных трудовых инициативах, страны БРИКС отстаивают суверенное право на интерпретацию и реализацию трудовых норм, что приводит к асимметрии правовой интеграции, представляющей собой сложную динамическую систему взаимодействия национального законодательства с международными стандартами, где каждая из сторон стремится каким-либо образом сохранить баланс между национальными интересами и глобальными международными обязательствами.

При этом, дуализм международного и национального трудового права в исследуемых странах имеет различные основания и проявляется в различных формах — от конституционного признания норм международного права как части национального законодательства и активной имплементации до выборочной их адаптации в национальные трудовые системы с учетом факторов политико-экономического прагматизма. Эти различия отражают глубину включения страны в международную экономическую систему, степень политической воли в области отстаивания национального суверенитета и уровень институционального развития правовых систем.

Таким образом, можно говорить о том, что проблема, поднятая в данной статье, является актуальной и требующей дальнейшего изучения в контексте определения воздействия дуалистической природы трудового права на состояние трудовой миграции в странах БРИКС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аджиев А.Х. Толкование международных договоров о правах человека: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2025. — 242 с.
2. Зарубин Д.В. Взаимодействие международного и российского права в сфере труда: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2024. — 172 с.
3. Никифоров С.В. Пробелы и их восполнение в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2023. — 231 с.
4. Самович Ю.В. Формирование и развитие доктрин о соотношении международного и национального права // Международное право и международные организации. 2022. №3, С. 25–34
5. Сангулия А.Д. Учение М.Н. Капустина о внутригосударственном и международном праве: методология, история, теория и практика: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2025. — 209 с.
6. Сметанин Н.В. Односторонние акты государств в международном праве: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2022. — 166 с.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации. — М.: Проспект, 2023. — 480 с.
8. Чимаров Н.С. К вопросу о дуалистических и монистических системах: в контексте международного права // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2025. — № 4. — С. 45–52.
9. Andrew Levy. Labour Law in Practice: A Guide for South African Employers. — Penguin Random House South Africa, 2021. — 416 с.
10. Chen Ke. Labour Law in China. 3-е изд. — Wolters Kluwer, 2022. — 336 с.
11. Employment & Labour Laws and Regulations India. — ICLG, 2025. — Режим доступа: <https://iclg.com/practice-areas/employment-and-labour-laws-and-regulations/india>.
12. João Renda Leal Fernandes. Labor Law, CLT and the 2017 Brazilian Labor Reform. — Режим доступа: <https://www.e-publicacoes.uerj.br/pbl/article/view/34654>.
13. Labor Law of China. — China Justice Observer, 2018. — Режим доступа: <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/labor-law-20181229>.
14. Chaudhary T. Changing Scenario of Indian Labour and New Labour Codes: A Critical Analysis // Christ University Law Journal. — 2023. — С. 21–35.
15. Virgílio Afonso da Silva. The Constitution of Brazil: A Contextual Analysis. — Hart Publishing, 2020. — 247 с.

НЕЗАКОННОЕ БАНКРОТСТВО

ILLEGAL BANKRUPTCY

**A. Antoshchenko
I. Prudnikova
M. Sitkina**

Summary. The article discusses issues related to such a negative phenomenon as illegal bankruptcy, which undermines the stability of the economic system and causes significant damage to the state and the financial market. The authors analyze the concepts and forms of illegal bankruptcy, the causes and conditions conducive to their commission, and the legal framework of the Russian Federation governing bankruptcy procedures. In addition, a comparative analysis of the criminal law characteristics of forms of illegal bankruptcy, such as intentional and fictitious bankruptcy, is carried out. The issues of competence and powers of subjects of the system of state bodies, whose activities are aimed at countering the negative phenomenon under consideration, are raised. The means and methods used in the fight against unscrupulous debtors are being considered, and proposals for their improvement are being made.

Keywords: crime, criminal liability, intentional bankruptcy, fictitious bankruptcy, economic system.

Антощенко Алексей Владимирович
к.ю.н., Владивостокский филиал ФГКОУ ВО
«ДВЮИ МВД России имени И.Ф. Шилова»
Kotova-vg@rambler.ru»

Прудникова Ирина Викторовна
старший преподаватель,
МГУ имени адм. Г.И. Невельского
prudnikova-i@list.ru

Ситкина Мария Николаевна
к.ю.н., доцент, Владивостокская таможенная академия
maria_nic_08@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с таким негативным явлением, как незаконное банкротство, которое подрывает стабильность экономической системы, наносит значительный ущерб государству и финансовому рынку. Авторами анализируются понятие и формы незаконного банкротства, причины и условия, способствующие их совершению, нормативно-правовой основы регламентирующей процедуры банкротства. Проводится сравнительный анализ уголовно-правовой характеристики форм незаконного банкротства, таких как преднамеренное и фиктивное банкротство. Ставятся вопросы компетенции и полномочий субъектов системы государственных органов, деятельность которых направлена на противодействие рассматриваемому негативному явлению.

Рассматриваются средства и методы, используемые в борьбе с недобросовестными должниками, вносятся предложения по их совершенствованию.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, экономическая система.

В условиях современной рыночной экономики банкротство является естественным механизмом регулирования финансовых обязательств организаций и физических лиц. Однако в ряде случаев данный институт используется субъектами хозяйственной деятельности для незаконного ухода от исполнения обязательств перед кредиторами. Незаконное банкротство подрывает стабильность экономической системы, наносит значительный ущерб государству и финансовому рынку, а также ведет к потере доверия к процедуре банкротства как законному инструменту финансового регулирования.

Банкротство является неотъемлемой частью рыночной экономики и представляет собой юридически установленную процедуру, которая применяется в случае неспособности должника исполнить свои обязательства перед кредиторами. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ — (далее ФЗ «О банкротстве» [1], определяет банкротство как неспособность юридического или физического лица удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, а также исполнить обязательные плате-

жи. Кроме этого, в нем устанавливается порядок его признания, формы банкротств, а также права и обязанности всех участников процесса (должников, кредиторов, арбитражных управляющих и государственных органов).

Помимо указанного закона, важную роль в регулировании банкротства играют: Гражданский кодекс Российской Федерации, содержащий общие положения о несостоятельности организаций и предпринимателей [2]; Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [3], регламентирующий рассмотрение дел о банкротстве в судах; Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ), содержащий нормы об ответственности за незаконное банкротство [4].

Одним из ключевых нормативных актов, разъясняющих правоприменительную практику, является Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06. 2023 г. № 26 (далее — Постановление Пленума Верховного Суда) [5]. Данный документ содержит рекомендации по рассмотрению дел о банкротстве и устанавливает важные правовые позиции.

Как указывает А.В. Калина, «Постановление Пленума Верховного Суда усиливает защиту кредиторов и позволяет судам более эффективно выявлять случаи незаконного банкротства» [6].

Процедура признания банкротства является одной из ключевых правовых процедур, направленных на установление финансовой несостоятельности должника и обеспечение справедливого распределения его активов между кредиторами.

Признание банкротства может касаться как юридических, так и физических лиц, однако для каждой из этих категорий установлены свои особенности и требования. Должник может быть признан банкротом только после рассмотрения соответствующего заявления арбитражным судом, который оценивает финансовое состояние субъекта, наличие у него долговых обязательств и возможности их исполнения. В большинстве случаев инициатором банкротства может выступать сам должник, если он осознает, что не сможет удовлетворить требования кредиторов, или же кредитор, если должник длительное время уклоняется от исполнения обязательств. Кроме того, в отдельных случаях заявление о банкротстве может подавать государственный орган, например, Федеральная налоговая служба России при выявлении признаков неплатежеспособности.

Недобросовестные должники используют банкротство как способ уклонения от финансовых обязательств, что приводит к значительным потерям для кредиторов и негативно сказывается на инвестиционной привлекательности экономики. В связи с этим особую важность приобретает разработка и совершенствование правовых механизмов выявления и пресечения незаконного банкротства.

Анализ правоприменительной практики показывает, что основные причины роста незаконного банкротства включают:

1. Экономическую нестабильность, способствующую росту задолженности среди предприятий.
2. Правовые лазейки, позволяющие недобросовестным должникам злоупотреблять процедурой банкротства.
3. Недостаточный контроль со стороны правоохранительных органов, который затрудняет выявление незаконного банкротства.

В российском законодательстве различаются два вида незаконного банкротства: фиктивное и преднамеренное. Эти формы несостоятельности различаются по своему характеру, правовым последствиям и степени общественной опасности.

Преднамеренное (фиктивное) банкротство представляет собой серьезное экономическое преступление, которое подрывает стабильность финансовой системы,

нарушает права кредиторов и наносит значительный экономический ущерб государству.

Фиктивное банкротство представляет собой мошенническую схему, в то время как преднамеренное банкротство является механизмом финансового злоупотребления, приводящего к реальным экономическим потерям. Как отмечает А.Б. Иванова, «разграничение фиктивного и преднамеренного банкротства играет ключевую роль в правоприменении, поскольку каждое из этих деяний имеет различную степень общественной опасности» [7].

Преднамеренное банкротство это умышленное создание условий, при которых компания не может заплатить кредиторам или перечислить обязательные выплаты.

Фиктивное банкротство, регламентированное статьей 197 УК РФ, представляет собой «заведомо ложное публичное объявление о несостоятельности юридического лица или индивидуального предпринимателя, если это причинило крупный ущерб».

Преднамеренное банкротство в отличие от фиктивного банкротства связано с реальным ухудшением финансового положения должника, которое является следствием его действий или бездействия.

В первом случае субъект не является действительно неплатежеспособным, но стремится создать ложное впечатление о своей несостоятельности.

По мнению А.Б. Ивановой, «уголовно-правовая характеристика преднамеренного банкротства строится на выявлении умышленных действий, направленных на сокрытие активов или создание искусственной задолженности, что отличает его от объективной финансовой несостоятельности» [8].

Особое внимание в рамках процедуры банкротства уделяется выявлению признаков преднамеренных (фиктивных действий) действий, указанных в Постановлении Пленума Верховного Суда.

При обнаружении таких признаков суд может признать банкротство преднамеренным (фиктивным), что влечет за собой привлечение виновных лиц к уголовной ответственности по ст. ст. 196, 197 УК РФ соответственно.

Уголовно-правовое регулирование преднамеренного и фиктивного банкротства в России в первую очередь направлено на предотвращение злоупотреблений и защиту прав кредиторов. Однако эффективность борьбы с этими преступлениями зависит не только от строгости санкций, но и от своевременного выявления мошеннических схем и активного участия правоохранительных органов в расследовании подобных преступлений.

Противодействие преднамеренному банкротству является одной из ключевых задач государственной политики в области экономической безопасности и правопорядка. В последние годы наблюдается тенденция

к ужесточению контроля за процедурами несостоятельности, что связано с увеличением числа злоупотреблений в данной сфере. Этот рост свидетельствует о том, что недобросовестные должники все чаще прибегают к мошенническим схемам, направленным на уклонение от исполнения обязательств перед кредиторами.

На государственном уровне борьба с преднамеренным банкротством осуществляется через комплексные меры, включающие совершенствование законодательства, усиление контроля со стороны надзорных органов, развитие механизмов раннего выявления финансовых махинаций и повышение ответственности за экономические преступления. Особое значение имеет правоприменительная практика, которая формируется на основе разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, арбитражных решений и аналитики правоохранительных органов.

Одним из ключевых участников системы противодействия преднамеренному банкротству является Федеральная налоговая служба России, которая осуществляет налоговый контроль и мониторинг финансовой деятельности организаций. В случае выявления признаков фиктивного или преднамеренного банкротства налоговые органы могут инициировать проведение внеплановых проверок, а также передавать материалы в правоохранительные органы для возбуждения уголовных дел.

Согласно данным ФНС, в 2023 году по результатам налоговых проверок было выявлено более 1200 случаев преднамеренного доведения предприятий до банкротства с целью уклонения от уплаты налогов [8]. В большинстве таких случаев компании использовали схемы фиктивного перевода активов на счета аффилированных организаций или создавали искусственную кредиторскую задолженность, чтобы скрыть реальные доходы.

Кроме налоговых органов, важную роль в выявлении недобросовестных банкротств играют Центральный банк РФ и Росфинмониторинг, которые анализируют финансовые потоки и проводят мониторинг подозрительных транзакций.

Противодействие незаконному банкротству требует комплексного подхода и координации между различными государственными структурами. Совместные усилия правоохранительных, налоговых и судебных органов позволяют своевременно выявлять мошеннические схемы и предотвращать злоупотребления в сфере несостоятельности.

Как отмечает Г.А. Борисов, «эффективная борьба с преднамеренным банкротством невозможна без тесного взаимодействия государственных органов, объединяющих усилия по выявлению и пресечению экономических преступлений» [9].

Помимо этого, согласно исследованию А.В. Калины, «одним из ключевых направлений в борьбе с рассматриваемым негативным явлением является повышение прозрачности финансовой деятельности предприятий, что достигается за счет цифровизации учета и внедрения автоматизированных систем контроля за платежеспособностью компаний» [10].

Кроме этого, по нашему мнению, одним из перспективных направлений борьбы с незаконным банкротством является разработка единой базы данных о банкротствах, которая позволит государственным органам, банкам и кредиторам получать полную информацию о финансовой деятельности потенциальных должников.

Внедрение указанных мер позволит не только снизить число подобных преступлений, но и повысить доверие к институту банкротства в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС КонсультантПлюс.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СПС КонсультантПлюс.
3. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СПС КонсультантПлюс.
4. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2023 № 26 «Об особенностях применения судами в делах о несостоятельности (банкротстве) норм о поручительстве» // СПС КонсультантПлюс.
6. Калина А.В., Савельева И.П. Формирование пороговых значений индикативных показателей экономической безопасности России и ее регионов // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. — 2024. — № 4. — Т. 8. — С. 15–23 // СПС КонсультантПлюс.
7. Иванова А.Б. Криминологическая оценка преднамеренного и фиктивного банкротства // Вестник экономики, права и социологии. — 2020. — № 2. — С. 83–87.
8. Иванова А.Б. Криминологическая оценка преднамеренного и фиктивного банкротства // Вестник экономики, права и социологии. — 2020. — № 2. — С. 83–87.
9. Единый федеральный реестр сведений о банкротстве [Электронный ресурс]. — URL: <https://fedresurs.ru/> (дата обращения: 16.02.2024).
10. Борисов Г.А., Цуканова Е.Ю., Тонков Е.Е., Синенко В.С., Зиньковский М.А. Место российского законодательства в современных правовых системах // Revista Publicando. — 2024. — № 5 (16). — С. 822–828.
11. Калина А.В., Савельева И.П. Формирование пороговых значений индикативных показателей экономической безопасности России и ее регионов // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. — 2024. — № 4. — Т. 8. — С. 15–23

© Антощенко Алексей Владимирович (kotova-vg@rambler.ru); Прудникова Ирина Викторовна (prudnikova-i@list.ru); Ситкина Мария Николаевна (maria_nic_08@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Барамидзе Светлана Михайловна

кандидат юридических наук,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
baramidzesvetlana@yandex.ru

IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO A FAVORABLE ENVIRONMENT IN THE MODERN RUSSIAN LEGAL SYSTEM: PROBLEMS AND PROSPECTS

S. Baramidze

Summary. The article is devoted to the analysis of problems related to the implementation of citizens' constitutional right to a favorable environment in the modern Russian legal system. It examines the theoretical and legal aspects of environmental rights of individuals and citizens, and explores the difficulties of their practical enforcement. The author analyzes the current environmental legislation of the Russian Federation, including federal laws on environmental protection, radiation safety of the population, sanitary and epidemiological welfare, and the use of atomic energy. Special attention is given to issues of legal regulation and methods of compensating environmental damage. The paper substantiates the need to establish the institution of environmental courts in the Russian Federation as an important element of the system for protecting citizens' environmental rights. It also addresses the development of public participation in environmental protection activities, including support for volunteer initiatives and public environmental organizations.

Keywords: constitutional right, favorable environment, environmental rights, legal regulation, environmental protection, legal system, environmental safety.

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем реализации конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду в современной российской правовой системе. Рассматриваются теоретико-правовые аспекты экологических прав человека и гражданина, исследуются трудности их практической реализации.

Исследователь осуществляет детальное изучение существующей нормативно-правовой базы в сфере экологии РФ, охватывающей федеральные нормативные акты по защите природной среды, обеспечению радиационной защищенности граждан, поддержанию санитарно-эпидемиологической стабильности и регламентации применения ядерных технологий. Приоритетное внимание сосредоточено на недостатках юридического урегулирования и способах возмещения экологического ущерба.

В работе обосновывается необходимость создания института экологических судов в Российской Федерации как важного элемента системы защиты экологических прав граждан. Рассматриваются вопросы развития института общественного участия в природоохранной деятельности, включая поддержку волонтерских инициатив и общественных экологических организаций.

Ключевые слова: конституционное право, благоприятная окружающая среда, экологические права, правовое регулирование, охрана окружающей среды, правовая система, экологическая безопасность.

Проблематика претворения в жизнь конституционного принципа доступа к здоровой природной среде обретает первостепенную значимость в контексте нынешнего этапа эволюции российского социума. Зафиксированный в статье 42 Конституции Российской Федерации [1] указанный принцип является ключевой общественной гарантией, которая обеспечивает надлежащий уровень жизни населения и сбалансированное развитие страны.

Теоретические основы права на благоприятную окружающую среду разрабатываются в отечественной правовой науке достаточно активно. Как справедливо

отмечает М.А. Аливердиева, благоприятная окружающая среда является важнейшей категорией права, поскольку от ее состояния зависит не только здоровье человека, но и возможность полноценной реализации других конституционных прав [8]. Данная правовая категория неразрывно связана с обеспечением экологической безопасности и созданием условий для гармоничного взаимодействия человека и природы.

Конституционное право на благоприятную окружающую среду получило свое развитие в многочисленных федеральных законах, регулирующих различные аспекты экологических отношений. Среди них особое

значение имеют Федеральные законы «Об охране окружающей среды» [3], «О радиационной безопасности» [2], «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [6], «Об использовании атомной энергии» [4] и «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [5]. Экологическая доктрина Российской Федерации определяет стратегические направления государственной политики в области охраны окружающей среды [6].

Однако практическая реализация провозглашенных принципов и норм сталкивается с серьезными препятствиями системного характера. Исследование текущей экологической ситуации в России демонстрирует устойчивое присутствие значительной степени загрязненности воздушного пространства, водоемов и земельных ресурсов в многочисленных субъектах федерации [10]. Это создает реальную угрозу для здоровья населения и требует принятия неотложных мер по улучшению экологической обстановки.

Одной из ключевых проблем является недостаточная эффективность существующих правовых механизмов защиты экологических прав граждан. М.В. Светличная обращает внимание на сложность определения самого понятия «благоприятная окружающая среда», что создает дополнительные трудности при правоприменении [14]. Отсутствие четких критериев оценки состояния окружающей среды затрудняет судебную защиту нарушенных экологических прав и снижает эффективность контрольно-надзорной деятельности государственных органов.

Правовая пассивность граждан представляет собой серьезное препятствие для эффективной защиты экологических прав. Специалисты подчеркивают, что вследствие имеющейся юридической индифферентности лиц при защите их общественной потребности в здоровой природной среде и недостаточной правовой грамотности подобная категория споров в основной массе не доходит до судебного рассмотрения. Данное обстоятельство способствует деградации экологических условий на российской территории. Для решения указанной проблематики требуется укрепить легитимную государственную обязанность обеспечивать реализацию и охрану данного права для каждого человека через функционирование компетентных властных структур. [12].

Существенным препятствием для реализации права на благоприятную окружающую среду является проблема согласования федерального и регионального уровней законодательного регулирования. Как отмечается в научной литературе, обеспечение равенства этих двух уровней требует постоянного внимания не только со стороны правотворцев, но и правоприменителей [9]. Региональные особенности экологической обстановки не всегда находят адекватное отражение в федеральном

законодательстве, что снижает эффективность природоохранных мероприятий на местах.

Другой важной проблемой является недостаточное развитие механизмов общественного участия в решении экологических вопросов. А.Ю. Хворостов справедливо указывает на необходимость преодоления трудностей реализации экологических прав человека и гражданина путем расширения возможностей граждан влиять на принятие решений, затрагивающих состояние окружающей среды [16]. Ограниченные возможности общественного экологического контроля не позволяют в полной мере использовать потенциал гражданского общества в природоохранной деятельности.

Проблемы правового регулирования усугубляются недостатками в организации исполнения принятых правовых актов. Качество исполнения экологического законодательства во многом определяет реальную эффективность правовых норм, однако существующая система контроля и надзора не всегда обеспечивает должный уровень соблюдения установленных требований. Отсутствие систематического прогнозирования действия правовых норм в условиях постоянной модернизации общественных отношений создает дополнительные риски для эффективности правового регулирования.

Необходимость согласования интересов отдельных индивидов и общества в целом особенно ярко проявляется в экологической сфере, где частные интересы хозяйствующих субъектов могут вступать в противоречие с общественными интересами сохранения окружающей среды. Феномен социализации современного частного права находит свое отражение в усилении публично-правового регулирования предпринимательской деятельности в целях обеспечения экологической безопасности.

Проблема определения размера экологического вреда также требует системного решения. Как отмечается в литературе, «практика показывает, что на деле очень сложно рассчитать вред, который был нанесен окружающей среде». Законодательством предусмотрено два способа определения размера вреда, однако «исследователи отмечают, что эти способы недостаточны для формирования и здорового функционирования механизма взыскания с предприятий и организаций нанесенного окружающей среде вреда. Основной проблемой они считают отсутствие на федеральном уровне действующего нормативного правового акта, который закрепил бы такие методики расчета и таксы» [17].

Другой важной проблемой является низкий уровень экологического образования и культуры населения. Опираясь на изучение работ экспертов, возможно определить следующие ключевые трудности: 1) не-

достаточная концентрация усилий государственных структур различных уровней — федерального, регионального и местного — на экологическом воспитании населения; 2) халатное отношение к природным ресурсам, слабая подготовленность граждан в области охраны окружающей среды; решительный отказ от участия в благоустройстве территорий; 3) неправильная система переработки мусора; 4) сокрытие или неполная подача сведений о вредном влиянии производственных объектов на экологическую обстановку. [11].

Перспективы развития правового регулирования в области обеспечения права на благоприятную окружающую среду связаны с комплексным подходом к решению выявленных проблем. Важным направлением является совершенствование системы экологического мониторинга и контроля, развитие современных технологий оценки состояния окружающей среды. Создание эффективной системы раннего предупреждения экологических угроз позволит своевременно принимать меры по предотвращению негативного воздействия на окружающую среду [13].

Значительный потенциал для улучшения экологической обстановки имеет развитие экологически чистых транспортных технологий и создание соответствующей инфраструктуры. Поддержка использования экологически чистого транспорта, включая обеспечение приоритетного движения и парковки, внедрение современных систем управления пассажирским транспортом, может существенно снизить уровень загрязнения атмосферного воздуха в городах.

Особую роль в реализации права на благоприятную окружающую среду должно играть развитие института общественного участия. Поддержка волонтерской деятельности и других гражданских инициатив, направленных на решение экологических проблем регионов, создает дополнительные возможности для моби-

лизации общественных ресурсов в природоохранной деятельности. Развитие экологического образования и просвещения населения способствует формированию экологической культуры и ответственного отношения к окружающей среде.

Важным направлением является также совершенствование судебной защиты экологических прав граждан. Развитие института общественных экологических организаций и расширение их полномочий по представлению интересов граждан в судах может повысить доступность правосудия в экологической сфере. Создание специализированных экологических судов или составов судей, имеющих соответствующую квалификацию, могло бы повысить качество рассмотрения экологических споров [15].

Таким образом, реализация конституционного права на благоприятную окружающую среду в современной российской правовой системе требует комплексного подхода к решению существующих проблем. Несмотря на развитую нормативную базу экологического законодательства, остаются актуальными вопросы совершенствования правового регулирования, создания эффективных механизмов компенсации экологического вреда и формирования института экологических судов. Ключевыми направлениями дальнейшего развития должны стать повышение экологической культуры населения, расширение общественного участия в природоохранной деятельности, внедрение современных технологий экологического мониторинга и развитие экологически чистых транспортных решений. Только системная работа по указанным направлениям, включающая законодательные инициативы, административные меры и активизацию гражданского общества, позволит обеспечить реальную защиту экологических прав граждан и создать основу для устойчивого экологического развития Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 05.08.2025).
2. Федеральный закон от 09.01.1996 № 3-ФЗ (ред. от 18.03.2023) «О радиационной безопасности населения» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 05.08.2025).
3. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 05.08.2025).
4. Федеральный закон от 21.11.1995 № 170-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об использовании атомной энергии» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 05.08.2025).
5. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 24.07.2025).
6. Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2025) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 05.08.2025).
7. Об Экологической доктрине Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 № 1225-р [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 05.08.2025).

8. Аливердиева, М.А. Право человека на благоприятную окружающую среду: теоретико-правовой аспект / М.А. Аливердиева // Вестник Московского университета МВД России. — 2022. — № 5. — С. 12–15. — DOI 10.24412/2073-0454-2022-5-12-15. — EDN HNJIDQ.
9. Ветышева, Э.С. Проблемы и перспективы правовой системы России / Э.С. Ветышева // Инновационные научные исследования: теория, методология, практика: Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции, Кишинев, 05 февраля 2019 года / под общей редакцией А.И. Вострецова. — Кишинев: Научно-издательский центр «Мир науки» (ИП Вострецов Александр Ильич), 2019. — С. 117–120. — EDN YXODJR.
10. Головина, Е.А. Экология в России: современное состояние и актуальные проблемы / Е.А. Головина // Аграрная история. — 2021. — № 8. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologiya-v-rossii-sovremennoe-sostoyanie-i-aktualnye-problemy> (дата обращения: 06.08.2025).
11. Каграманова, С.Э. Проблемы реализации конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду / С.Э. Каграманова // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. — Пенза: Наука и просвещение, 2017. — С. 15–18.
12. Ковальчук, О.П. О некоторых аспектах реализации права граждан России на благоприятную окружающую среду / О.П. Ковальчук // Трансформация правовых институтов и методов обеспечения экологической и продовольственной безопасности в России, странах СНГ и Европейского союза в условиях внедрения генно-инженерных технологий: Материалы VII Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов: Сборник научных статей, Саратов, 09 октября 2020 года / Под редакцией Н.Т. Разгелдеева [и др.]. — Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2021. — С. 80–84. — EDN DZDWAQ.
13. Мокрецов, Ю.В. Совершенствование правового режима и методики компенсации вреда окружающей среде России / Ю.В. Мокрецов, Ю.М. Авдеев, А.А. Тесаловский, В.М. Лукашевич // Право и государство: теория и практика. — 2020. — № 3(183). — С. 197–199. — EDN JBUERQ.
14. Светличная, М.В. К вопросу об определении понятия «благоприятная окружающая среда» / М.В. Светличная // Электронный научно-практический журнал «Политика, государство и право». — 2012. — № 1. — URL: <http://politika.snauka.ru/2012/01/61> (дата обращения: 06.08.2025).
15. Снегирева, М.В. Необходимость создания института экологических судов в Российской Федерации / М.В. Снегирева // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. — 2023. — Т. 1, № 2(104). — С. 70–80. — DOI 10.51965/2076-7919_2023_1_2_70. — EDN PISJQ.
16. Хворостов, А.Ю. Экологические права человека и гражданина: преодоление трудностей реализации / А.Ю. Хворостов // Юридические препятствия в реализации и защите прав и законных интересов: сб. науч. тр. / сост. В.Ю. Панченко, А.А. Петров. — Красноярск: Центр информации, 2015. — С. 245–255.
17. Шидловский, В.А. Некоторые проблемы реализации конституционных прав граждан на благоприятную окружающую среду / В.А. Шидловский // Новая наука и образовательный потенциал как ключевые критерии общественного прогресса: сб. науч. тр. — Казань: ИП Кузьмин С.В., 2017. — С. 362–364.

© Барамидзе Светлана Михайловна (baramidzesvetlana@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВОВЫЕ КОНЦЕПТЫ УЧАСТИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Воронов Алексей Михайлович

доктор юридических наук, профессор, главный научный
сотрудник НИЦ 4, ФГКУ «ВНИИ МВД России»

Alex_voronoff@mail.ru

LEGAL CONCEPTS OF PARTICIPATION OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN THE NATIONAL SECURITY SYSTEM OF MODERN RUSSIA

A. Voronov

Summary. An analysis of the legal regulation of ensuring the security of modern Russia clearly convinces that the legislative framework in the area under study does not meet the realities of today, and therefore serious work is required to improve legislation in the context of amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020, which spell out the fundamental democratic postulates of the development of Russian statehood, including in the field of ensuring national security. The institutions of civil society, the legal status of which was spelled out in Art. 114 of the Constitution of the Russian Federation. Speaking about the institutional sovereignty of Russian civil society, it is necessary first of all to turn to the issues of value consolidation of this phenomenon, which is precisely their foundation and integrates into a single systemic education.

In the National Security Strategy of the Russian Federation in 2021, although timid, but at the same time purposeful steps are being taken to statue civil society institutions as subjects of the national security system. As an argument for these conclusions, the author refers to the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation in 2024, which spells out specific areas of participation of civil society institutions as security actors in the implementation of state policy in the field of countering extremism as a real threat to national security.

Keywords: civil society institutions, value consolidation of civil society institutions, security system, public policy, system actors.

Аннотация. Анализ правового регулирования обеспечения безопасности современной России наглядно убеждает, что законодательная база в исследуемой сфере не отвечает реалиям сегодняшнего дня, требуется серьезная работа по совершенствованию законодательства в контексте поправок к Конституции Российской Федерации 2020 г., в которых прописаны фундаментальные демократические постулаты развития российской государственности, в том числе в сфере обеспечения национальной безопасности. Дальнейший уровень развития получили институты гражданского общества, правовой статус которых был прописан в ст. 114 Конституции Российской Федерации. Говоря об институциональном суверенитете российского гражданского общества, автор обращается к вопросам ценностной консолидации данного феномена, которая составляет именно их фундамент и интегрирует в единое системное образование.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. предпринимаются хотя и робкие, но в тоже время целенаправленные шаги статуйрования институтов гражданского общества в качестве субъектов системы обеспечения национальной безопасности. В качестве аргументации данных умозаключений автор обращается к Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации 2024 г. в которой прописаны конкретные направления участия институтов гражданского общества как субъектов обеспечения безопасности в реализации государственной политики в сфере противодействия экстремизму, как реальной угрозе национальной безопасности.

Ключевые слова: институты гражданского общества, ценностная консолидация институтов гражданского общества, система обеспечения безопасности, государственная политика, субъекты системы.

Защита суверенитета страны, обеспечение безопасности гражданского общества, прав и свобод человека и гражданина представляются актуальными и значимыми для современной России. Однако анализ доктринальных, концептуальных и нормативно-правовых основ национальной безопасности наглядно убеждает, что законодательная база в исследуемой сфере не отвечает реалиям сегодняшнего дня, при этом нуждаются в доработке, в частности закон 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», закон 1994 года № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» и др. Также реализация Концепции общественной безопасности, утвержденной Президентом 14.11.2013 г. № Пр-2685 пред-

полагалась в 2020 г., однако к сожалению ее основные положения были реализованы не в полном объеме.

На базе ВНИИ МВД России осуществлялась разработка новой Концепции общественной безопасности до 2030 г., которая была завершена в установленные сроки, однако Президентом Российской Федерации было принято решение от 21 ноября 2020 г. № Пр-1914 о нецелесообразности подготовки проекта концепции и рассмотрения его на оперативном совещании Совета Безопасности Российской Федерации. На наш взгляд данное решение было принято с учетом ряда объективных причин, тем более многие ее положения в современных реалиях развития российской государственности потеряли

бы свою актуальность и нуждались в существенной корректировке.

Однако здесь следует согласиться с авторитетным мнением профессора С.И. Гирько в том, что «сегодня научное сообщество столкнулось с перспективой возвращения исследований в сфере общественной безопасности на доктринальный этап, оспаривания и дискутирования всего признанного научной общественностью терминологического и сущностного понятийного аппарата. Помимо субъективных факторов, свою роль сыграли и вполне объективные причины, заключающиеся в том, что базовый документ, регламентирующий правовую основу общественной безопасности, уже не соответствовал доктринальному уровню и нуждался в регламентации более высокого правового уровня — федеральном законе.

В настоящее время ситуация еще более обострилась, поскольку сфера общественной безопасности по существу утратила базовый понятийно-сущностный инструментарий и разработка указанного нормативного правового акта является актуальной для современной России» [1].

В своих исследованиях автор приходил к выводу о том, что в современных условиях были бы целесообразны разработка и принятие законодательного акта, регламентирующего не только современную правовую основу общественной безопасности, но и обладающего свойствами нормативного акта. Федеральный закон «Об общественной безопасности в Российской Федерации» должен восполнить пробел в российской правовой системе и лечь в основу законодательных актов по отдельным направлениям и аспектам общественной безопасности [2–4].

Далее в контексте заявленной проблематики представляется целесообразным обратиться к поправкам к Конституции Российской Федерации 2020 г., в которых прописаны фундаментальные демократические постулаты развития российской государственности, в том числе в сфере обеспечения национальной безопасности.

Среди прочих уместно отметить правовой феномен «публичная власть», который характеризует структурную целостность и функциональное единство механизма государства, его политической системы и образующих его звеньев, включающих в себя все уровни власти — федеральный, региональный и муниципальный с целью взаимодействия по решению задач управления общественными делами по охране конституционных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения защищенности личности, общества и государства.

Дальнейший уровень развития получили институты гражданского общества, правовой статус которых был

прописан в ст. 114 Конституции Российской Федерации: «Правительство РФ осуществляет меры по поддержке гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечивает их участие в выработке и проведении государственной политики; осуществляет меры по поддержке добровольческой (волонтерской) деятельности»¹.

В контексте вышеизложенного и в развитие заявленной проблематики представляется уместным обратиться к институтам гражданского общества, составляющим основу негосударственной системы национальной безопасности современной России, обратив внимание на некоторые существенные концепты, характеризующие данный правовой институт.

Говоря об институциональном суверенитете российского гражданского общества необходимо прежде всего обратиться к вопросам ценностной консолидации данного феномена, которая составляет их фундамент и интегрирует в единое системное образование (правовой институт).

Нами предлагается следующая классификация структуры традиционных ценностей, расположенных именно от человека к государству, прописанная в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»² в соответствии с положениями «Стратегии национальной безопасности в РФ»³.

Человек: жизнь; достоинство; права и свободы человека; высокие нравственные идеалы; созидательный труд; приоритет духовного над материальным; гуманизм, милосердие и проч.

Семья: крепкая семья; преемственность поколений; историческая память.

Общество: коллективизм; взаимопомощь; взаимовыдержка; единство народов России.

Государство: патриотизм; гражданственность; служение Отечеству; ответственность за судьбу Отечества.

¹ Конституция Российской Федерации URL: <https://base.garant.ru/10103000/79e1105747e4b4d7487471312237be1c/?ysclid=m5h7rew232763365289>

² Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>.

³ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии и национальной безопасности в РФ» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru 3 июля 2021 г. № 0001202107030001

При таком подходе 1 приоритетом следует выделить — *Патриотизм*: ценность личной сопричастности к судьбе России. Среди прочих следует отметить: любовь к родине, гордости за свою страну, уважение к её истории, традициям, и что более важно — ответственность за её судьбу, преданность и самопожертвования на исторических и современных примерах.

Президент РФ Владимир Путин отмечал «Идеалы патриотизма настолько глубоки и сильны, что никому никогда не удавалось и не удастся перекодировать Россию, переделать под свои форматы. Нас невозможно отлучить, оторвать, изолировать от родных корней и истоков»⁴.

2 приоритетом следует выделить — *Суверенность России в современном мире, героизм участников СВО*. Ценность России как независимого государства, способствующего развитию многополярности и противостоящего диктату западного мира. При этом Россия как уникальная страна, успешное развитие которой возможно только в опоре на собственные силы, свою модель ценностную модель, культурный код, популяризация успехов и преимуществ российской модели развития в сравнении западной.

Ценность воинской доблести на войне и мире, что специальная военная операция (далее — СВО) как справедливая народная борьба, направленная на защиту нашего суверенитета, которая непременно окончится нашей победой, где есть место подвигу и героизму, где своих не бросают, где на высшем уровне проявляются нравственные ценности коллективизм.

По материалам ВЦИОМ⁵, 73 % респондентов считают, что суверенитет является залогом развития страны, при этом 67 % респондентов считают участников СВО такими же героями, как и ветеранов Великой Отечественной войны (далее — ВОВ)

3 приоритет — *Традиционные семейные ценности* определяется значимость семьи и детей как важнейшей части самореализации, многодетности как приоритетной стратегии счастливой семьи, поддержки межпоколенческих связей, социализации детей, уважения поколений.

По материалам ВЦИОМ, 84 % респондентов выступают за сохранение традиционных семейных ценностей, 89 % респондентов считают, что в семье должны быть дети, при этом 51 % считает, что семья должна быть многодетной, 93 % знают о праздновании Дня матери.

⁴ URL: <https://tass.ru/obschestvo/2037902?ysclid=mebxgw29rh697024000>

⁵ Далее в тексте работы будут использоваться материалы за 2024–2025 г. ВЦИОМ — Всероссийский центр изучения общественного мнения

4 приоритет — *Коллективизм*. Вопрос сложный и многоаспектный. Следует отметить, что в связи с распадом Советского Союза в декабре 1991 г., а именно социалистической общественно-экономической системы, в основе которой лежал принцип всеобщего равенства и социальной справедливости. На первое место выходит индивидуальность, приоритет индивидуализм — приоритет личностных интересов. Обществу потребовалось более 30 лет для того, чтобы понять, что все должно быть сбалансировано и сегодня коллективизм — это современный образ идентичности человека, который является одним из базовых приоритетов в социуме.

Современной России характерны такие социологические индикаторы, как участие людей в волонтерской деятельности, благотворительности и проч. Это хороший признак, свидетельствующий о гармоничном и полноценном развитии общества в контексте поправок к Конституции 2020 г., где институт волонтерства получил более высокий уровень развития.

Командность и взаимопомощь, преодоление узости личных интересов, осознания значимости участия в общем деле, создании общего блага, как чувства уважения и доверия в обществе, ориентация на активное участие в общественной жизни через добровольчество, волонтерство, боевое братство, в том числе через примеры совместных побед и достижений (в спорте, бизнесе и производстве, науке, борьбе с преступностью и терроризмом, вооруженных действиях и др.).

По данным ВЦИОМ в «течение последних 4–5 лет 73 % россиян участвовали в благотворительности, что является максимальным показателем за весь период измерений (с 2007 г.); также очевиден значительный рост интереса к данной сфере, особенно по сравнению с 2007, 2009 гг. (46–50 %); при этом доля тех, кто вообще не участвовал в благотворительности, сократилась до 25 %, что вдвое меньше уровня 2007 г. (50 %)»⁶.

5 приоритет — *Многонациональность*. Россия — семья семей. Многонациональность — наша сила, наша уникальность, повод для гордости и источник развития. По данным на 2025 год, в России проживает около 200 народов и этнических групп. Ценность принятия этого разнообразия и совместной заботы о нем является ключом к консолидации нашего общества и формировании мировоззрения, противостоящего нацизму и эгокультуры.

По данным ВЦИОМ подавляющее большинство опрошенных (81 %) не испытывают тревоги или страха по отношению к представителям других национальностей; восемь из десяти россиян (79 %) положительно оцени-

⁶ URL: <https://tass.ru/obschestvo/22616299>

вают состояние межнациональных отношений по месту жительства.

Однако здесь следует отметить негативную тенденцию гастарбайтеров — так называемых трудовых мигрантов на территории современной России. По некоторым данным из различных источников, их количество составляет более 15 млн человек, при этом как свидетельствует криминологическая обстановка в стране, многие из них приехали не только для того, чтобы честно трудиться. Сегодня на повестке дня остро стоит вопрос миграционной безопасности — защищенности коренных россиян от мигрантов, заполнивших многие регионы и города России и диктующие свои исламские традиции и обычаи.

6 приоритет — *Созидательный труд и прогресс*. Общество трудиться вместе во благо и на благо себе, и только так может достичь национальных целей развития на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. утвержденных Указом Президента РФ от 7 мая 2024 г. №309⁷.

Популяризация реализации национальных целей и проектов формирует образ будущего России через продвижение современных достижений в науке, современных технологиях, производстве, социальной сфере, развитии территорий, а также через исторические примеры.

По данным ВЦИОМ на конец 2024 г. самые престижные профессии в России можно представить в следующем виде: ИТ-специалисты — 32 % (+15 п.п. с 2021 г.); врачи — 32 % (+20 п.п. с 2008 г.); военнослужащие, сотрудники полиции, спасатели — 17 % (+14 п.п. с 2008 г.); рабочие специальности — 17 % (+15 п.п. с 2008 г.); педагоги — 16 % (+12 п.п. с 2008 г.); инженеры — 11 % (+11 п.п. с 2008 г.); юристы — 9 % (–19 п.п. с 2008 г.).

7 приоритет — *Духовность*. К традиционным духовным ценностям следует отнести «нравственные ориентиры, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие своё уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»⁸.

⁷ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу 2036 г.» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542>

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

Духовность как ценностный приоритет формируется через произведения культуры, искусства и проч., при этом духовно-нравственную основу человека формируют, прежде всего ценность стремления к реализации нравственных требований к человеку; образ человека, живущего в традиционных нравственных нормах, но при этом способного быть образцом для современности в своем профессиональном деле и в социальной ответственности; оформление ключевых ценностей как позитивных ролевых моделей для подражания; также нетерпимость к религиозному радикализму, сектантству и экстремизму.

По данным ВЦИОМ 90 % респондентов считают «милосердие» важной ценностью; 79 % — «высокие нравственные идеалы» также важной ценностью; также 71 % респондентов считают «приоритет духовного над материальным» важной ценностью.

8 приоритет — *Лидерство России будущего*. Наше государство не сможет быть конкурентоспособным, сильным и суверенным без нового образа лидерства, без нового образа элит. На смену либеральной модели лидеров общества приходят те, кто служит интересам Родины, при этом служение является нравственным основанием новой элиты, способной сформировать доверие у населения.

По информации из официальных источников 20 млн человек из всех регионов страны и 150 стран мира стали участниками платформы «Россия — страна возможностей»; 65 тыс. человек стали победителями в 26 конкурсах платформы «Россия страна возможностей»; более 1500 организаций стали партнерами платформы «Россия — страна возможностей»⁹.

9 приоритет — *Самореализация*. Россия — страна возможностей и самореализации, при этом образ России как мира, открытого для реализации талантов всех людей, их предпринимательские проекты и амбиции, необходимо связать с фронтальными — перспективными, но недостаточно хорошо изученными направлениями развития, которые являются ключевыми для страны. Россия — образ страны, в которой создаются карьерные лифты в самых разных направлениях, где есть огромное пространство выбора жизненных стратегий.

По данным ВЦИОМ абсолютное большинство россиян — 73 % считают страну развитой и передовой; также 73 % граждан России считают свою страну свободной; с этой точки зрения 69 % респондентов уверены, что наша страна воспринимается во всем мире как развитая и передовая страна.

⁹ URL: <https://tass.ru/obschestvo/17811391?ysclid=meixtxji4t406165909>

10 приоритет — *Поддержка и консолидация некоммерческого сектора*. По итогам исследования «Как удалось адаптироваться НКО в условиях проведения СВО, внешнего давления и санкций», проводимого НИУ ВШЭ в 2024 г. получены следующие результаты: 62 % респондентов ответили — да, удалось; 19 % опрошенных ответили — в чем то удалось, в чем то нет; 5 % ответили отрицательно — не удалось и 14 % затруднились ответить. При таком подходе инфраструктура поддержки НКО обеспечила стабильность сектора в условиях СВО и санкций.

Таким образом благодаря государственной политике поддержки некоммерческого сектора, проводимой в последние годы президентским фондом культурных инициатив, фондом президентских грантов, региональных конкурсов получены неплохие результаты, при этом поддержку Фонда президентских грантов в 2024 г. получили 1 559 проектов из 84 регионов РФ на общую сумму 4,365 миллиарда рублей, еще 2 миллиарда рублей выделено на поддержку региональных конкурсов.

Также следует обратить внимание, что против современной России ведется три войны — это экономическая, информационная и непосредственно горячая — боевые военные действия на поражение. При этом уместно отметить, что инструментом информационного противостояния был некоммерческий сектор гражданского общества, посредством которого, в том числе делались и так называемые «цветные революции», как в России, так и на постсоветском пространстве.

Подводя краткие итоги рассмотрения ценностной консолидации гражданского общества современной России, представляется уместным обратиться к сравнительному анализу Российских традиционных ценностей, которые образуют сейчас этот консенсус и американских, в связи с тем, что Америка являлась глобальной державой, которая после распада Советского Союза претендовала на построение однополярного мира. При этом следует отметить, что Россия не только отстояла в условиях противостояния с Западом свою мировоззренческую модель, но и фактически закрепила за собой ценностное лидерство.

Американские ценности: независимость и самостоятельность; равенство; патриотизм; неприкосновенность частной жизни; демократия; рабочая этика и заслуги; вера в прогресс; потребительство; непринужденность; время и эффективность, а также индивидуализм¹⁰.

Российские традиционные духовно-нравственные ценности: жизнь; достоинство; права и свободы челове-

¹⁰ Данный набор американских ценностей был продекларирован предыдущей администрацией президента США Байдена и опубликован на сайте Государственного Департамента.

ка; патриотизм; гражданственность; служение Отечеству и ответственность за его судьбу; высокие нравственные идеалы; крепкая семья; созидательный труд; приоритет духовного над материальным; гуманизм; милосердие; справедливость; коллективизм; взаимопомощь и взаимопомощь; историческая память и преемственность поколений; единство народов России¹¹.

Даже краткий экспресс-анализ вышеперечисленных ценностей позволяет констатировать их глобальную разницу. Конечно, с одной стороны, патриотизм в обеих ценностных категориях присутствует, однако при этом для наших американских оппонентов важен индивидуализм, потребительство и проч., именно на этом они строят свою политику. При таком подходе современная Россия идет своим цивилизационным путем, основанным на приоритете духовного, гуманизма, милосердия и коллективизма. На наш взгляд, приведенные выше сопоставления очень красноречиво показывают, чем мы отличаемся от наших оппонентов, какова сегодня Российская модель развития.

Далее следует отметить, что в различных нормативных правовых актах, в частности Указе Президента РФ, утверждающего Стратегию национальной безопасности Российской Федерации¹² предпринимаются хотя и робкие, но в тоже время целенаправленные шаги статуйирования институтов гражданского общества в качестве субъектов системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. При этом в целях обеспечения дальнейшей реализации государственной политики в сфере противодействия экстремизму в Российской Федерации Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 утверждена «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации»¹³ (далее — Стратегия).

Здесь следует обратить внимание на существенный методологический посыл, который заключается в том, что Стратегия разработана в целях обеспечения дальнейшей реализации государственной политики в сфере противодействия экстремизму в Российской Федерации, а также в целях конкретизации положений Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодей-

¹¹ См. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

¹² Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>

¹³ Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580>

ствии экстремистской деятельности»¹⁴, Указа Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и проч.

В ст. 2 прописаны положения, направленные на консолидацию усилий органов публичной власти, институтов гражданского общества (в том числе социально ориентированных и иных некоммерческих организаций), организаций и граждан в целях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, пресечения экстремистской деятельности, укрепления гражданского единства.

Положения п. «е.¹» ч. 1 ст. 114 Конституции Российской Федерации о «поддержке» третьего сектора со стороны органа государственной власти в лице федерального Правительства и его привлечению к разработке и реализации государственной политики выступает дополнительной гарантией претворения в жизнь конституционно определенных аксиологических ориентиров российского государства.

«Институты гражданского общества наряду с органами публичной власти, реализуют и, что немаловажно, транслируют в массы национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации. Такой статус третьего сектора гражданского общества опосредует дополнительный интерес со стороны государства за его деятельностью и эффективностью, которые должны вписываться в политическую парадигму нашего государства» [5].

Представляется, что различие таких объединений состоит, с одной стороны, в доле активного участия со стороны государства, прежде всего финансового управления, с другой, — в основаниях их создания: общественно-государственные образования формируются с обязательным «участием общественных объединений» (данное положение отражено в уставных документах действующих общественно-государственных образований).

При таком подходе «государственно-общественные и общественно-государственные объединения создаются для совместного решения государством и обществом значимых задач, находящихся на стыке компетенций государства и гражданского общества, являются своеобразным связующим звеном между обществом и государством» [5].

Анализ базовых и уставных документов указанных выше общественно-государственных организаций позволил констатировать, что цели и задачи обществен-

но-государственных организаций коррелируют с государственными установками, отраженными в Стратегии национальной безопасности и нормативных правовых актах России. «Такое целевое сопряжение в подходах деятельности общественно-государственной организации и публичных органов власти, как представляется, связано с рассмотрением первых в качестве, прежде всего, общественных объединений, участвующих в реализации государственной политики в области обеспечения национальной безопасности» [6].

Такой вывод основывается и на содержании нормативных документов (Постановление Правительства от 28.11.2009 № 973¹⁵; указы Президента от 29.12.2012 № 1710¹⁶, 29.10.2015 № 536¹⁷, 11.12.2015 № 617¹⁸), послуживших основой для создания общественно-государственных организаций. Данное обстоятельство позволяет нам рассматривать общественно-государственные организации в качестве института гражданского общества, являющегося особым концептуальным субъектом проведения государственной политики.

Для более четкого понимания статуса общественно-государственной организации представляется необходимым сформулировать краткое определение данного понятия, содержащее наиболее существенные его признаки. Синтезируя легальные и теоретические источники по указанной тематике [7–11], «общественно-государственные объединения и общественные объединения в своей совокупности следует рассматривать как интегральный компонент гражданского общества, цели и задачи их деятельности корреспондируют основным направлениям государственной политики по обеспечению национальной безопасности, где ключевым бенефициа-

¹⁵ Постановление от 28 ноября 2009 года № 973. Об Общероссийской общественно-государственной организации «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России» (с изменениями на 19 декабря 2018 года). Документ с изменениями, внесенными: постановлением Правительства Российской Федерации от 19 декабря 2018 года № 1586. Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 21.12.2018, № 0001201812210016).

¹⁶ Указ Президента РФ от 29 декабря 2012 г. № 1710 «О создании Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество». Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 04.01.2013 г. № 0001201301040034.

¹⁷ Указ Президента РФ от 29 октября 2015 г. № 536 «О создании Общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации «Российское движение школьников». Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 29.10.2015 г. № 0001201510290016.

¹⁸ Указ Президента РФ от 11.12.2015 г. № 617 «О создании Общероссийской общественно-государственной просветительской организации «Российское общество «Знание». Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 11.12.2015 г. № 0001201512110006.

¹⁴ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» URL: <http://government.ru/docs/all/97384/>

ром от деятельности указанных организаций остается личность как высшая конституционная ценность Российского государства. Такой комплексный подход расширяет проблему исследования деятельности третьего сектора гражданского общества как субъекта реализации национальной политики государства» [5].

В заключение следует отметить, что рассмотренные нами правовые концепты участия институтов граждан-

ского общества в системе национальной современной России являются актуальными, несомненно будут способствовать развитию теории безопасности современной России и послужат основой раздела «Институты гражданского общества в системе обеспечения общественной безопасности» разрабатываемого Центром исследования проблем безопасности РАН Федерального закона «Об общественной безопасности в Российской Федерации».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гирько С.И. Концептуальные подходы и поиск вектора совершенствования научного обеспечения проблем национальной безопасности Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2024. №3. С.28–34.
2. Гирько С.И. Понятийный аппарат общественной безопасности — перспективы сохранения доктринальных позиций // Научный портал МВД России. 2023. № 4 (64). С. 27–33.
3. Гирько С.И., Сандугей А.Н., Зубова М.В. Общественная безопасность в системе стратегических национальных приоритетов (теоретико-методологический анализ) // Научный портал МВД России. 2024. № 1 (65). С. 34–44.
4. Гирько С.И. Разработка и регламентация правовых основ национальной безопасности Российской Федерации: хронология и преемственность // Административное право и процесс. 2024. № 4. С. 21–26.
5. Гирько С.И., Безуглая А.А., Мазеин А.В. Общественные объединения, создаваемые с участием государства, как особые субъекты обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Труды академии управления МВД России №2 (74) 2025 г. С. 122–131.
6. Мелихов А.И. Концептуальные основы обеспечения национальной безопасности в процессе оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 5.1.4. Волгоград 2023.
7. Воронов А.М. Институты гражданского общества в негосударственной системе обеспечения общественной безопасности // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: экономика и право. 2023. №8. С. 48–52.
8. Поспехов И.А. Общественно-государственные организации в политической системе Российской Федерации // Марийский юридический вестник 2014. Выпуск 11 С. 87–91.
9. Любутов Н.А. Государственно-общественные объединения: проблемы правового статуса // Научно-практический журнал «Современное право» 2010. №12. С. 21–24.
10. Чеботарев Г.Н. Правовой статус государственно-общественных объединений в сфере образования и науки // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 3. С. 18–23.
11. Кожевников О.А. Государственно-общественные и общественно-государственные объединения и право на объединение: некоторые размышления // Право и государственность 2024. № 2 (3.) С. 20–25.

© Воронов Алексей Михайлович (Alex_voronoff@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О ПРАВЕ НА МАТЕРИНСТВО (ОТЦОВСТВО) В СЕМЕЙНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О THE RIGHT TO MOTHERHOOD (FATHERHOOD) IN THE FAMILY CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

**S. Golikova
T. Semenukha**

Summary. The article is devoted to the analysis of the legal nature of the right to motherhood and fatherhood. It is substantiated that the latter should be defined not as personal non-property rights of spouses, but as personal non-property rights of any person, and should be considered in the context of the right to personal life and be provided for on a general basis by the norms of civil legislation.

Keywords: motherhood, fatherhood, right to motherhood, right to fatherhood, natural rights, personal non-property rights.

Голикова Светлана Витальевна

кандидат юридических наук, доцент, ФГАОУ ВО
«Севастопольский государственный университет»;
старший научный сотрудник ФГНИУ «Институт
законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации»
(Севастопольский филиал)
golikovasv@mail.ru

Семенуха Татьяна Борисовна

кандидат юридических наук, доцент, ФГАОУ ВО
«Севастопольский государственный университет»;
старший научный сотрудник ФГНИУ «Институт
законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации»
(Севастопольский филиал)
tatiana_semenukha@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу правовой природы права на материнство и отцовство. Обосновывается вывод, что последние должны определяться не как личные неимущественные права супругов, а как личные неимущественные права любого человека, должны рассматриваться в контексте права на личную жизнь и обеспечиваться на общих основаниях нормами гражданского законодательства.

Ключевые слова: материнство, отцовство, право на материнство, право на отцовство, естественные права, личные неимущественные права.

В современном праве все больше привлекают внимание законодателя и научного сообщества личность, ее интересы, права, которые неразрывно связаны с ней; к последним, собственно, и относятся все субъективные семейные права.

Право осуществляет специально-юридическое, информационно-психологическое (мотивационное), воспитательное (ценностно-ориентационное, педагогическое), социальное воздействие на поведение участников семейных правоотношений.

Гендерное равенство — составная общего принципа равенства как основы демократического устройства государства и общества. Принцип равенства является универсальной категорией, исключающей дискриминацию по каким-либо признакам: расы, цвета кожи, религии, социального статуса, пола.

Развитие отечественного семейного законодательства в последние годы подчиняется конституционному принципу приоритета личности, всестороннего обе-

спечения ее прав и интересов, защиту от своевольного вторжения в личную и семейную жизнь.

Право на материнство (отцовство) является комплексным, многогранным понятием, включающим в себя как личные, так и социальные аспекты и подразумевающим как право стать родителем ребенка, так и впоследствии иметь права и обязанности по отношению к последнему. От определения правовой природы указанных прав будет зависеть методами какой именно отрасли права будут защищаться эти права.

Заметим, что вопрос, посвященный правовой природе указанных прав в отечественной доктрине является почти не исследованным, что, собственно, и предопределило выбор обозначенной нами темы.

Действующее семейное законодательство не содержит легального определения понятий «материнство», «отцовство», что вызвало их неоднозначную трактовку в научной литературе. Так, к примеру, А.М. Нечаева рассматривает материнство как «положение женщины, ко-

торая имеет ребенка. Оно (это положение) возникает в момент рождения ребенка и прекращается с его гибелью либо смертью самой матери» [10, с. 104]. Подобного определения придерживается и В. Мироненко [9, с. 186].

С указанным определением трудно согласиться, поскольку с точки зрения медицины «женщина становится матерью с момента зачатия» [7], и как она сама, так и зачатый, но еще не рожденный ребенок, с момента зачатия и до момента родов также нуждается в защите со стороны законодательства.

Напротив, в учебнике под редакцией В.И. Борисова и И.В. Жилинковой дается определение данному понятию, как «обеспеченной законом возможности женщины осуществлять репродуктивную функцию — рожать детей, содержать и воспитывать их» [12, с. 78].

Анализируя данное определение, думается важным подчеркнуть, что возможность женщины иметь или не иметь ребенка определяется ее личным выбором и состоянием здоровья, а законодательная поддержка в этой сфере не влияет на данную возможность. В силу чего можно согласиться с мнением Я.И. Пака, что здесь «происходит смешение понятий «право на материнство» и «материнство»» [11, с. 7]. Понятие «материнство» имеет, на наш взгляд, несколько иной смысл: оно включает в себя физиологическое состояние женщины во время беременности, ее социальный статус, а также моральный настрой.

Следовательно, приходим к выводу, что *материнство — это физиологическое и социальное состояние женщины с момента зачатия до смерти ребенка либо смерти самой матери.*

Теперь обратимся к такому понятию как отцовство. Общеизвестно, что в юридическом смысле, под отцовством понимается «установленный факт происхождения ребенка от конкретного мужчины, подтвержденный официальной записью в органах ЗАГС о рождении» [11, с. 7]. Различия в правах мужа и жены обусловлены физиологическими особенностями женщины и мужчины и социальным статусом женщины-матери. Но, следует заметить, что отцовство не ограничивается юридически удостоверенной записью в государственных органах ЗАГС о рождении. Систематический анализ статей 17, 48, 89 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ [3]) дает возможность утверждать, что отцовство также начинается с момента зачатия и является социальным статусом мужа, поскольку он имеет тоже определенные права и обязанности в то время, когда его жена является беременной. Такое понимание права на отцовство, дает нам основание утверждать, что муж с момента зачатия имеет право на защиту своего отцовства, что предполагает получение его согласия на прерывание

беременности. В настоящий момент прерывание нежелательной для женщины беременности происходит исключительно по ее согласию. Отца ребенка ни женщина, ни медицинский работник, осуществляющий эту процедуру, не должны ставить в известность и тем более не должны получать его согласие. Представляется, что в интересах укрепления института семьи, защиты материнства и отцовства, а также, что «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики» (п. 4 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации [1]) в случае прерывания беременности замужней женщины письменное согласие на медицинское вмешательство должно получать и от ее мужа. Указанное условие, безусловно возможно только при внесении изменений в ст. 56 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [5]. До внесения таких изменений нарушение права на отцовство при искусственном прерывании беременности супругой может рассматриваться как нарушение личного неимущественного права супруга, что дает основание для компенсации морального вреда (ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ [2])).

Содержание права на материнство, как и содержание какого-либо субъективного права составляют триединые правомочия:

- 1) возможность осуществлять собственные позитивные действия;
- 2) возможность требовать определенного поведения от обязанных лиц;
- 3) возможность обратиться в компетентные государственные органы за защитой своих нарушенных прав. В то же время заметим, что поскольку должностные лица не являются субъектами семейных правоотношений, то они и не могут быть обязанными лицами в *указанных правоотношениях.*

Возникает вопрос: кто является обязанным лицом при осуществлении женщиной права на материнство? Ответ на этот вопрос скорее всего лежит в определении правовой природы указанного права. Традиционно в правовой литературе личные неимущественные права определяются как абсолютные [8, с. 14]; [13, с. 313]. Из этого делается вывод, что женщина имеет право требовать от каждого лица содействия в реализации права на материнство и воздержаться от действий, которые этому праву препятствуют. Но название главы 6 СК РФ и формулировка п. 2 ст. 31 СК РФ дают основания считать, что право на материнство является относительным правом, и обязанным субъектом относительно жены-матери является ее муж.

Осуществляя право на материнство, женщина также имеет право на защиту своего личного неимущественного права от противоправных посягательств других лиц способами, установленными главой 2 ГК РФ.

Право на отцовство находится в тесной связи с правом на материнство и также складывается из трех уже описанных нами правомочий с известными особенностями.

Рассматривая права на материнство и отцовство в контексте брака, необходимо еще раз обратить внимание на то, что согласно п.2 ст. 31 СК РФ «вопросы жизни семьи решаются супругами совместно исходя из принципа равенства супругов». Это означает, что жена и муж, осуществляя свое право на материнство и отцовство, ограничены соответствующим правом друг друга, то есть, во-первых, вопросы иметь или не иметь ребенка, должны решаться ими совместно, а во-вторых, действия, направленные на осуществление каждым из них своей репродуктивной функции, должны осуществляться ими в отношении друг друга, а не в отношении посторонних лиц.

Право на материнство (отцовство) имеет личный неимущественный характер, поскольку отвечает всем признакам, которые присущи указанным правам в гражданском праве [8, с. 6].

Так, во-первых, оно имеет неимущественный характер, поскольку лишено экономического содержания, то есть не может быть оценено. Но, учитывая современное развитие медицинской науки и возможности искусственного оплодотворения, указанный признак приобрел спорный характер. К примеру, являются ли суррогатной матери право на материнство? Решение указанного вопроса имеет значение для защиты прав суррогатной матери и супругов, которые предоставляют свой генетический материал для имплантации. При положительном ответе на него приоритетное право на материнство следует признать за суррогатной матерью, при отрицательном — родителями следует признать супругов.

Как прямо предусмотрено п. 9 ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» «суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору о суррогатном материнстве, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, половые клетки которых использовались для оплодотворения, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможны по медицинским показаниям (далее — потенциальные родители (генетическая мать и генетический отец) и которые состоят в браке между собой, либо одинокой женщиной, половые клетки которой использовались для оплодотворения и для которой

вынашивание и рождение ребенка невозможны по медицинским показаниям (далее — одинокая женщина (генетическая мать))».

Обратившись к содержанию п. 5 ст. 51 СК РФ, п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» [4], делаем вывод, что необходимым условием для записи генетических родителей в книге записей рождений ребенка, рожденного суррогатной матерью, является наличие согласия суррогатной матери на совершение такой записи.

Однако, суды вправе разрешать споры в пользу генетических родителей о признании отцовства и материнства в отношении детей, рожденных суррогатной матерью, во-первых, если установлен факт злоупотребления суррогатной матерью своими правами, который влечет существенное нарушение прав ребенка. На это обстоятельство было обращено внимание в п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» [6].

Во-вторых, исследуемые права имеют особый объект, которым выступает репродуктивная способность женщины (мужчины).

В-третьих, основанием возникновения права на материнство (отцовство) является событие в виде достижения женщиной или мужчиной половой зрелости. Половая зрелость не касается социальных факторов, в частности, способности воспитывать ребенка и материальной способности содержать его, а является естественным состоянием человека и наступает у каждого лица при достижении определенного возраста. Именно с этого возраста, по нашему мнению, и возникает право у женщины и мужчины осуществлять свои репродуктивные функции, то есть право на материнство (отцовство) в полном объеме.

Обобщая сказанное, отметим, что право на материнство (отцовство) можно определить как личное неимущественное право, которое возникает по поводу выполнения женщиной (мужчиной) своей репродуктивной функции с момента достижения половой зрелости, имеющее гражданско-правовую природу, поскольку является, с одной стороны, личным неимущественным правом женщины (мужчины), а с другой, не зависит от наличия или отсутствия брака между лицами. Оно предшествует родительским правам, которые возникают с момента рождения ребенка и имеют семейно-правовой характер.

Следовательно, права на материнство и отцовство должны определяться не как личные неимущественные права супругов, а как личные неимущественные права

любого человека, рассматриваться в контексте права на личную жизнь и обеспечиваться на общих основаниях нормами гражданского законодательства.

Мы поддерживаем общую концепцию регулирования семейных отношений, определение социаль-

но-правовых приоритетов в семейной сфере и единую государственную политику всесторонней поддержки материнства, отцовства и детства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета от 25 декабря 1993 г. — № 237.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г., с изм. от 31.10.2024 г.). // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025 г.). // Собрание законодательства РФ. — 01.01.1996. — № 1. — Ст. 16.
4. Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025 г.). // Собрание законодательства РФ. — 24.11.1997. — № 47. — Ст. 5340.
5. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2025 г.). // Собрание законодательства РФ. — 28.11.2011. — № 48. — Ст. 6724.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» от 16.05.2017 г. № 16 (ред. от 26.12.2017 г.). // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2017. — № 7.
7. Как протекает нормальная беременность. [Электронный ресурс] — <https://www.mc-euromed.ru/kakprotekaetnormalnayaberemennost>, свободный (дата обращения: 10.07.2025г.).
8. Малеина М.Н. Защита личных неимущественных прав советских граждан (Пособие для слушателей народных университетов). — М.: Знание, 1991. — 126 с.
9. Мироненко В. Охрана семьи, материнства, детства — основа усовершенствования брачно-семейного законодательства Украины. // Украинское право. — 1998. — № 1. — С. 186–187.
10. Нечаева А.М. Семья как самостоятельный объект правовой охраны. // Государство и право. — 1997. — № 12. — С. 99 — 104.
11. Пак Я.И. Установление отцовства и материнства: проблемы теории и практики. // Российская газета. — 2011. — 12 августа. — № 311. — С. 7.
12. Семейное право Украины: Учебник. / Под ред. В.И. Борисовой, И.В. Жилинковой. — К.: Истина, 2009. — 288 с.
13. Хропанюк В.Н. Теория государства и права: Учебное пособие для высших учебных заведений. / Под ред. профессора В.Г. Стрекозова. — М.: Омега-Л, 2011. — 323 с.

© Голикова Светлана Витальевна (golikovasv@mail.ru); Семенуха Татьяна Борисовна (tatiana_semenukha@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕНДЕНЦИИ ПОВЛИЯВШИЕ НА СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА С УЧЕТОМ ВЕДОМСТВЕННОЙ СПЕЦИФИКИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

THE TRENDS THAT INFLUENCED THE FORMATION OF THE HUMAN RIGHTS INSTITUTE, TAKING INTO ACCOUNT DEPARTMENTAL SPECIFICITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

A. Grunin
V. Sundukova

Summary. This retrospective study identifies some key trends that served as a starting point for the implementation of the fundamental ideals of human and civil rights, freedoms and legitimate interests in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. The study is conducted in a theoretical and historical vein, It has a public legal character, touching upon the unique departmental specifics of law enforcement agencies aimed at protecting the life, health, rights and freedoms of citizens. In addition, recommendations are given for optimizing and increasing the effectiveness of individual areas in this area, implying further comprehensive scientific research understanding of this issue.

Keywords: Federal Penitentiary Service, police, human rights, historical trends, law enforcement agencies, Russian Federation, Republic of Kazakhstan.

Грунин Антон Геннадьевич

кандидат юридических наук,

Владимирский юридический институт ФСИН России

grunin-a-g@yandex.ru

Сундукова Виктория Викторовна

кандидат психологических наук,

Самарский юридический институт ФСИН России

sundukovavik@yandex.ru

Аннотация. В настоящем ретроспективном исследовании обозначены некоторые ключевые тенденции, которые послужили отправной точкой для реализации основополагающих идеалов прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в Российской Федерации и Республике Казахстан. Исследование проводится в теоретико-историческом ключе, носит публично-правовой характер, затрагивая уникальную ведомственную специфику правоохранительных органов, направленную на защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан. Кроме того, даются рекомендации по оптимизации и повышению эффективности отдельных направлений в данной сфере, подразумевающие дальнейшее всестороннее научно-исследовательское осмысление указанной проблематики.

Ключевые слова: Федеральная служба исполнения наказаний, полиция, права человека, исторические тенденции, правоохранительные органы, Российская Федерация, Республика Казахстан.

Как в современной Российской Федерации, так и в Республике Казахстан большим значением обладают установления связанные со сферой защиты неотъемлемых прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. В данной парадигме видится, что большинство граждан этих независимых государств давно привыкли к законодательному закреплению данных положений и вряд ли захотели бы от них в обозримой перспективе отказаться. На такое положение дел влияют различные обстоятельства, тем не менее, главенствующую роль играет внутреннее ощущение свободы и безопасности в социуме. Вместе с тем, помимо правотворческой регламентации большое значение имеет непосредственно сама фактическая правовая реализация, обеспечение которой является сферой государственной ответственности перед своими гражданами и осущест-

вляется через исполнительную ветвь власти в тесном взаимодействии с законодательной ветвью и судебной.

Если обращаться к историческим предпосылкам, повлиявшим на возникновение и становление института прав человека, уместно будет принять во внимание роль семьи Рузвельт (Соединенные Штаты Америки — далее США). Вскоре после окончания Второй Мировой войны (1946 год), именно Анна Элеонора Рузвельт, при всесторонней поддержке супруга Франклина Делано Рузвельта, в качестве делегата от США на заседании Генеральной Ассамблеи организации объединенных наций (далее — ООН), выступала с инициативой о принятии Всеобщей декларации прав человека (далее — Декларация). Как результат этого, по итогам заседания была создана комиссия по правам человека.

Впоследствии, пройдя обсуждения на первой и второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН была сформирована юридическая, содержательная часть документа, а на третьей сессии резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 года текст декларации был окончательно выверен и принят, войдя в историю как первый глобальный нормативный правовой акт определяющий неотъемлемые права, которыми наделены все люди, обладающий рекомендательным характером для всех стран-членов ООН. Российская Федерация и Республика Казахстан являются ее членами, а Союз Советских Социалистических Республик (далее — СССР) сыграл значительную роль в его создании с целью гарантирования мира во всем мире для всего человечества.

Не маловажным будет отметить, что СССР, на тот момент, воздержался от голосования за принятие Декларации. Глава Советской делегации Андрей Януарьевич Вышинский отметил несомненные достоинства документа и в тоже время посетовал на отсутствие действенных инструментов для их реализации. Тем не менее, Всеобщей декларации прав человека в 1948 году была принята большинством голосов иных стран членов ООН.

В окончательную редакцию оказались введены следующие установления: достоинство, свобода и равенство (ст. 1–2 Декларации); право на жизнь, запрет рабства и пыток (ст. 3–5 Декларации); фундаментальные права человека с указанием конкретных средств по правовой защите в случае их нарушения (ст. 6–11 Декларации); права человека по отношению к сообществу, включая свободу передвижения, проживания, право собственности и право на гражданство (ст. 12–17 Декларации); «конституционные свободы», а также духовные, общественные, политические свободы, такие как свобода мысли, мнения, их выражения, религии и совести, свобода объединения, а также получения и распространения информации и идей через любые средства массовой информации (ст. 18–21 Декларации); экономические, социальные и культурные права человека, включая право на охрану здоровья, поддержку права на достаточный уровень жизни, дополнительные приспособления в случае физического истощения или инвалидности, заботу о тех, кто находится в материнстве или детстве (ст. 22–27 Декларации); общие способы осуществления этих прав и области, в которых права личности не могут быть применены (ст. 27–30 Декларации) [1]. Они нашли свое законодательное отражение в Российской Федерации и Республике Казахстан. Это продиктовано тем, что начиная с 90-х годов из-за общей геополитической ситуации возрос запрос общества в социальной справедливости.

В.С. Нерсисянц отмечал, что история прав человека — это история очеловечивания людей, история прогрессирующего расширения правового признания в качестве человека тех или иных людей для того или иного круга отношений [2, с. 52].

Права человека — сложное и многообразное общественное явление, прошедшее в своем развитии ряд последовательно сменявших друг друга этапов. В большей или меньшей степени права индивида были присущи всем общественно-экономическим формациям и цивилизациям [3, с. 6].

На сегодняшний день права человека в Казахстане закреплены Конституцией Республики, главным образом во втором разделе «Человек и гражданин». Права человека в Российской Федерации — во второй главе Конституции «Права и свободы человека и гражданина», а также в ратифицированных Российской Федерацией в международных соглашениях. Человек, считающий, что его конституционное право нарушено нормой того или иного федерального закона, вправе после того, как пройдет все судебные инстанции, подать жалобу в Конституционный суд Российской Федерации.

Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» раскрывает и конкретизирует правовую концепцию ограничения прав и свобод человека и гражданина сквозь призму прав и обязанностей сотрудников полиции.

Статья 1 Федерального закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», закрепляя назначение полиции, отмечает, что в первую очередь полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства. Таким образом, конкретизируются положения Конституции РФ, которая закрепляет, что защита прав человека является смыслом создания и деятельности всех органов государственной власти в Российской Федерации [4].

Это указывает на значимую роль иных представителей правоохранительных органов: суды, уголовно-исполнительную систему, прокуратуру и др. Их непосредственные функциональные обязанности не менее сложны и являются звеньями одной единой системы соблюдения необходимого баланса между неотъемлемыми правами и гражданскими обязанностями в глобальном общественном устройстве.

Провозглашение России правовым социальным государством определяет необходимость не только закрепления верховенства права во всех сферах жизнедеятельности общества, но и обеспечение его внедрения в практику общественного и государственного строительства, а также повышение уровня законности и правопорядка. В связи с этим, увеличивается роль государства и права, научных разработок проблем сущности, природы и значения институтов правообразования и правотворчества [5, с. 48].

Деятельность сотрудников правоохранительных органов зачастую осуществляется в условиях, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья. Это может быть связано не только с повышенными фи-

зическими и психическими нагрузками в повседневной служебной деятельности, но и введением специальных правовых режимов (военного положения, чрезвычайного положения, контртеррористической операции, чрезвычайной ситуации и т.д.). Указанные правовые режимы могут быть связаны с различными угрозами природного, техногенного или социального характера, существенно осложняющими работу государственных органов.

Особое значение в защите прав и свобод человека и гражданина в деятельности правоохранительных органов определяют служебные обязанности по решению вопросов противодействия преступности, обеспечению безопасности населения и личности, а также защите его имущественных и иных права от преступных посягательств. Выполняя указанные обязанности, сотрудники обязаны руководствоваться законодательством.

Рассматривать фактор эффективности правотворческой деятельности следует с двух сторон: с одной стороны, эффективность юридическая, которая подразумевает соответствие норм поведения адресата с требуемым поведением, указанным в данной норме; с другой — социальная, которая состоит в эталонной оценке права. Ее цель — не правомерное поведение адресата, она преследует более отдаленную социальную цель, находящуюся вне пределов правового регулирования [6, с. 159].

С данной позицией трудно не согласиться с учетом плодотворной работы различных правоохранительных ведомств. К примеру, в Федеральной службе исполнения наказаний был принят Приказ от 09.08.2021 № 668 «Об утверждении порядка взаимодействия территориальных органов федеральной службы исполнения наказаний с уполномоченным по правам человека в субъекте российской федерации, в том числе порядка оказания содействия уполномоченному по правам человека в субъекте российской федерации в предоставлении необходимой ему для рассмотрения жалобы информации территориальными органами федеральной службы исполнения наказаний» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 23.09.2021 № 65095). Это является еще одним уверенным шагом по оптимизации работы, направ-

ленной на соблюдение прав и свобод граждан, в том числе лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Как верно отмечает А.С. Ахметов: «Можно сделать вывод, что на сегодняшний день современное российское и казахстанское общество со своими сформировавшимися этнонациональными и социокультурными особенностями, с собственным уровнем правовой культуры, правовым менталитетом способно построить действительно гражданское общество лишь в том случае, если будут на практике реализовываться основные параметры соответствующего ему типа и форме правовой культуры, правосознания каждого индивида. Процесс постоянного прогресса в сфере правовой культуры, создание условий для ее реализации и совершенствования, научный подход к решению возникающих проблем, и наконец, демократизация общества, все это является необходимыми условиями для дальнейшего процветания наших государств» [7, с. 42].

Подводя итоги данного общего, короткого ретроспективного обзора, хотелось бы отметить, что права человека и гражданина на сегодняшний день являют собой основу государственности, как в Российской Федерации, так и в Республике Казахстан. Отвечая актуальным запросам общества, начиная с главного закона страны Конституции и далее, как особый ориентир, они пронизывают все законодательство, вплоть до ведомственных локальных нормативных правовых актов и подзаконных актов, наделяя граждан определенными гарантиями. Тем не менее, можно сравнить права человека с аверсом монеты, а обязанности человека с ее реверсом, что наделяет правоохранительные органы регулирующими функциями. Кроме того, в процессе исторических трансформаций права человека видоизменялись. Как можно увидеть, они разительно отличаются на «Западе» и на «Востоке». Мы по-прежнему придерживаемся традиционных ценностей, не признавая уникальное превосходство в привилегиях меньшинств. По нашему мнению — это является нашей государственной идентичностью, которую важно сохранить в дальнейшем для будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Консультант Плюс: Законодательство (дата обращения: 27.08.2025).
2. Нерсисянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. — М.: ИНФРА-М -НОРМА, 1997. С. 52.
3. Сулейманова Г.Ж., Воронина И.А., Максименко Е.И., Саблин Д.А. Права человека — основополагающий фактор формирования правового государства на примере Российской Федерации и Республики Казахстан: Монография. — Актобе-Оренбург: АЮИ МВД РК им. М. Букебаева-ОГУ, 2018. — 232 с.
4. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 08.08.2024): [принят Государственной думой 28 января 2011 года: одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 года] // СЗ РФ. — 2011. — № 7. — ст. 900 // Консультант Плюс: Законодательство (дата обращения: 27.08.2025).
5. Воробьев, С.М. Обеспечение прав и свобод человека на основе соотношения принципов нормотворчества и законности / С.М. Воробьев, В.Е. Лапшин, А.Г. Грунин // Теория государства и права. — 2021. — № 2. — С. 48–56.
6. Грунин, А.Г. Влияние эффективности правотворчества на качество законов / А.Г. Грунин, С.С. Новиков // Вестник Владимирского юридического института. — 2018. — № 1(46). — С. 159–162.
7. Ахметов, А.С. Роль правовой культуры в процессе реализации прав и свобод человека и гражданина (на примере Российской Федерации и Республики Казахстан) / А.С. Ахметов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2014. — № 2-2. — С. 35–43.

© Грунин Антон Геннадьевич (grunin-a-g@yandex.ru); Сундукова Виктория Викторовна (sundukovavik@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ПЕНАЛИЗАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

SOCIAL AND LEGAL DETERMINANTS OF CRIMINALIZATION AND PENALIZATION OF COMPUTER-TERM INFORMATION FRAUD IN MODERN RUSSIA

Yu. Ivanov

Summary. In the modern world, digital technologies affect all spheres of life, which makes criminal liability for fraud in the field of computer information especially relevant. The increase in electronic information transactions expands the possibilities of fraud, which negatively affects Russia's national security.

The purpose of the article is to identify the main factors that have led to criminal liability and punishment for fraudulent actions in the field of computer information in order to improve strategies to combat this type of crime in modern Russia.

The main tasks are to identify and analyze the objective factors that led to the establishment of criminal liability and to identify the determinants that contribute to the emergence of criminal risks.

An integrated approach was used in the work, including: general scientific methods: dialectical, statistical; and specialized methods: comparative analysis, system-structural analysis, sociological analysis and content analysis.

The study identifies and analyzes key factors contributing to the criminalization and criminalization of fraud in the field of digital data, and finds that the rapid development of IT technologies, Internet services, and online platforms expands opportunities for attackers and increases the complexity of law enforcement.

Keywords: fraud, computer information, digital data sphere, social conditioning, penalization, determinants.

Иванов Юрий Владимирович

Аспирант, Юго-Западный государственный
университет (Курск)
Dr.uriy-ivanov@yandex.ru

Аннотация. В современном мире цифровые технологии влияют на все сферы жизни, что делает уголовную ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации особенно актуальной. Увеличение электронных информационных транзакций расширяет возможности мошенничества, что негативно сказывается на национальной безопасности России.

Целями статьи обозначим определение основных факторов, которые обусловили уголовную ответственность и наказание за мошеннические действия в сфере компьютерной информации с целью улучшения стратегий борьбы с этим видом преступности в современной России.

Основными задачами выделим выявление и анализ объективных факторов, которые привели к установлению уголовной ответственности и определение детерминант, способствующих возникновению криминальных рисков.

В работе использовался комплексный подход, включающий: общенаучные методы: диалектический, статистический; и специализированные методы: сравнительный анализ, системно-структурный анализ, социологический анализ и контент-анализ.

В исследовании определены и проанализированы ключевые факторы, способствующие криминализации и установлению уголовной ответственности за мошенничество в сфере цифровых данных, установлено, что быстрое развитие IT-технологий, интернет-сервисов и онлайн-платформ расширяет возможности для злоумышленников и увеличивает сложность правоприменения.

Ключевые слова: мошенничество, компьютерная информация, сфера цифровых данных, социальная обусловленность, пенализация, детерминанты.

Век технологической революции принес изменения во все сферы: Создание самодостаточных и адаптивных программных комплексов (ИИ, автоматизированные системы), Эволюция экономики: глобальные связи, реформа финансовых институтов, расширение инвестиционно-страхового рынка, Появление новых рисков: sophisticated-мошенничество и схемы противоправного присвоения собственности.

Ученые подчеркивают, что современные технологические достижения в сфере электроники, софта и спосо-

бами передачи информативных данных привлекают внимание преступников, активно использующих их в своих целях [1, с. 38]. Считается, что современная киберпреступность переросла в масштабную криминальную сферу, охватывающую «богатый выбор» противозаконных операций, от действий сексуальных извращенцев развращающих подрастающих молодых людей до кибервзломщиков, в том числе и разнообразных типов цифровых мошенников [2, с. 45]. Сегодня мошенничество, совершаемое с использованием компьютерных данных и интернет-сетей, является одним из самых распростра-

ненных преступлений в глобальном масштабе. Оценка масштабов и структуры преступности в сфере информационных технологий в России за период с 2002 по 2012 год выявил более 2800 вредоносных инцидентов в год, включая значительный рост (35 %) эпизодов обманов и злоупотреблений в сфере вычислительной техники и информации [3, с. 175].

Поэтому важно провести полный анализ социальных и правовых причин, влияющих на объективную оценку и выбор меры ответственности за мошенничество, особенно за его особые виды в цифровой сфере. Этот подход продиктован эволюцией экономических преступлений, в частности, увеличением числа и сложности новых видов мошеннических схем, использующих цифровые информационные технологии.

Для исследования проблемы применялись различные методы, в числе которых — диалектический. С его помощью были изучены условия, от которых зависит уголовное наказание за компьютерное мошенничество, а также предпосылки для увеличения таких преступлений в условиях российской системы property relations. Эмпирические и статистические методы, сравнительный анализ, синтез, дедукция и индукция: для изучения, обобщения и интерпретации ключевых обстоятельств, определяющие криминализацию и меру наказания за мошенничество в цифровом информационном пространстве, включая анализ криминальных рисков, связанных с мошенническими схемами в рассматриваемой информационной области.

Мы сравнили собранную информацию с текстом ст. 159.6 УК и схожими преступлениями. Выяснилось, что закон сложно применять на практике, и его формулировки противоречивы. На основе этого мы предложили, как можно улучшить эту статью уголовного кодекса.

В контексте экспоненциального умножения криминальной активности в онлайн-электронном пространстве, характеризующейся активным применением программного обеспечения, сетевых ресурсов и хранилищ информации, российскими правоведами и, впоследствии, законодателями были идентифицированы специфические черты киберпреступлений. Это позволило провести четкую демаркацию между пониманием того, какие действия и иными противоправные поступки с информационными технологиями, совершаемыми посредством цифровых устройств, являются законными, а какие нет.

Было установлено, что любое неправомерное использование компьютерной информации в преступных целях неизбежно приводит к деструктивному воздействию, выходу из строя или сбоям в работе компьютерных систем, а также связанных с ними электронных ре-

сурсов, аппаратного обеспечения и информационных активов. В конечном счете, это подрывает безопасность компьютерной информации на всех этапах ее «жизненного цикла», угрожает её конфиденциальности, целостности и доступности в любое время и не зависимо от какой-либо определенной территории, что критически важно и актуально для предотвращения мошеннических сценариев [4, с. 833].

Для обеспечения безопасности графических пользовательских интерфейсов, программ и хранилищ платформ информационных потоков, 23 сентября 1992 года в Российской Федерации был принят Федеральный закон № 3523-1 «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных». Указанный законодательный акт сформировал базовую правовую структуру, обеспечивающую охрану программного обеспечения и отечественной информационной конфигурации.

Данный закон заложил правовой фундамент для защиты программного обеспечения и информационных систем от несанкционированного доступа и использования.

Помимо этого, он отнес к уголовно наказуемым деяниям хищение компьютерных программ и баз данных, а также их незаконное копирование и распространение, признав такие действия посягательством на интеллектуальную собственность.

В редакции Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года, о которой идет здесь речь, ответственность за рассматриваемые деяния определялась на основании статей, соответствующих родовому и видовому объектам преступного посягательства. При этом компьютерная информация квалифицировалась как орудие или средство совершения преступления.

При определенных условиях противоправная деятельность лица может образовывать объективную сторону нескольких составов. Так, если доступ к охраняемой информации получен с применением вредоносных программ, содеянное подлежит квалификации по совокупности всех трех статей главы 28 УК РФ.

Таким образом, сочетание статей 272-274 УК РФ позволяло более гибко подходить к расследованию преступлений в сфере компьютерной информации, охватывая различные аспекты и уровни вмешательства в информационные системы.

Правовая основа борьбы с IT-мошенничеством в России коренится в конституционных нормах. Конституция закрепляет право на свободный поиск и распространение информации (ст. 29), формирует правовые осно-

вы информационного пространства и разграничивает компетенцию в сфере инфотехнологий (ст. 71), а также обеспечивает равную защиту всех форм собственности, в том числе цифровой (ст. 8). Поправки 2020 года обозначили потребность в модернизации информационного законодательства. В развитие конституционных положений были приняты федеральные законы «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и «О персональных данных», которые детализируют и расширяют конституционные нормы, касающиеся защиты информации и противодействия киберпреступности.

Появление такого понятия обусловлено необходимостью решения проблем, возникающих в связи с ростом киберпреступности, и защищает права граждан и организаций на использование и хранение информации. Это определение стало основой для дальнейшего расширения и уточнения законодательства в сфере защиты информационных технологий. На основе этого определения разрабатывались такие инструменты, как законы о кибербезопасности и защите персональных данных, о которых речь шла выше.

Импульсом к изменению уголовного законодательства послужил поручение Президента РФ, данное Министерству юстиции и Министерству экономического развития. В соответствии с ним требовалось проанализировать и модернизировать статью 159 УК РФ (мошенничество) к 2012 году, а также изучить вопрос о расширении перечня видов обмана. Целью данной инициативы было повышение эффективности правоприменения, обеспечение единообразия в квалификации по ст. 159.6 УК РФ и пресечение злоупотреблений, связанных с проблемами в смежном законодательстве.

Установление более строгих санкций должно было стать сдерживающим фактором для предполагаемых правонарушителей. В рамках проекта был сделан акцент на превентивные меры, позволяющие не только реагировать на уже совершенные преступления, но и предотвращать их с помощью более четких норм и действий правоохранительных органов. Законопроект «О корректировке Уголовного кодекса Российской Федерации и других законодательных актов Российской Федерации» явился важным шагом в адаптации правовой системы к современным вызовам, связанным с мошенничеством. Разграничение видов мошеннических действий и уточнение их правовых характеристик должны повысить эффективность правоохранительной деятельности и усилить защиту прав граждан.

Проект закона также учитывает опыт зарубежного уголовного права, развитых стран и российские судебные решения по мошенничеству за 2011 год (данные ВС РФ). В УК РФ была имплементирована новая глава,

дополненная статьями 159.1–159.6. Законодатель, вводя статью 159.6 УК РФ, стремился адаптировать уголовное законодательство к новым видам мошенничества, связанным с развитием цифровой среды и информационных систем.

Ещё до законодательного закрепления норм, регулирующих компьютерные преступления, и последующего введения статьи о мошенничестве в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ, введенной Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ), академическое сообщество проявляло повышенный интерес к противоправным действиям мошеннического характера, осуществляемым в информационных системах.

В двухтысячных годах учёные-юристы активно обсуждали, что нужно изменить Уголовный кодекс, чтобы подвести под статью «незаконное обогащение в крупных размерах с помощью компьютеров или интернета». [5, с. 10].

В академических трудах того периода предлагалось квалифицировать подобные действия либо как мошенничество в тесном смысле слова (ст. 159 УК РФ), определяя их через призму «получения выгоды с использованием компьютерной техники или ЭВМ» [6, с. 261], либо как неправомерное использование компьютерных данных для получения выгоды обманом, в соответствии с концепцией единства родового объекта деяний, закрепленных в главе 28 УК. [7, с. 85].

Часть научного сообщества указывала, что «противоправное извлечение преимуществ с помощью компьютерных систем» представляет собой неправомерное безвозмездное завладение имуществом в значительном размере, реализуемое при помощи средств вычислительной техники, что позволяет отнести указанные деяния к категории преступлений небольшой тяжести (в случаях, когда размер причиненного вреда не превышает 2500 рублей, имеет место административный проступок). [8, с. 43].

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 48 от 30.11.2017 г. указал на необходимость квалификации мошенничества, совершенного с применением электронно-вычислительной техники, с учетом наличия квалифицирующих признаков, влияющих на тяжесть наказания.

Раньше в главе 28 УК РФ преступления связывали с конкретным «железом» — компьютерами, серверами, сетевым оборудованием. Поэтому, чтобы привлечь к ответственности за мошенничество в цифровой сфере (ст. 159 УК РФ), нужно было доказать использование такого оборудования.

До появления специального закона в 2011 году основой для всех определений служили именно эти «аппаратные» термины, и они подходили только для «обычных» преступлений.

Если понять, почему мошенничество с компьютерной информацией стало отдельным преступлением и какое наказание за него предусмотрели, становятся ясны основные цели законодателей. В контексте современной информационной среды, где информация является критически важным активом, наблюдается экспоненциальный рост киберпреступности. Если ранее подобные инциденты носили спорадический характер, то в настоящее время, считает С.С. Медведев, они интегрированы в структуру современной преступности [9, с. 172].

Таким образом, статья 159.6 УК РФ является необходимой реакцией на изменения в обществе и технологическом окружении, образуя правовую основу для борьбы с мошенническими действиями в условиях современной экономики и цифровизации.

По мнению ряда учёных, постоянное добавление новых норм говорит о стагнации уголовного права и тормозит его адаптацию к новым реалиям, когда предпочтение отдаётся количеству новых статей, а не качеству существующих.

Это даёт основания полагать, что государство стремится к излишнему регулированию. Подобный подход усложняет право, создаёт неопределённость и путает граждан и правоприменителей, особенно в IT-сфере. Исследователи видят в этом не развитие, а чрезмерный контроль, который лишает правовую систему гибкости и подрывает её способность эволюционировать, повышая уязвимость и снижая адаптивность законодательства. [10, с. 5 — 6].

Мы придерживаемся иной точки зрения. По нашему мнению, конкретизация мошенничества — это не причуда, а насущная потребность, вызванная появлением сложных схем преступной деятельности, повсеместной цифровизацией и расширением digital-пространства. Кроме того, она способствует упорядочиванию правоприменительной практики, повышая её эффективность.

Ранее звучали критические замечания о том, что новые формы мошенничества грозят избыточной бюрократизацией [11, с. 29]. Высказывались насчёт сложных формулировок, повторения норм и излишней казуистики [12, с. 61]. Встречалось мнение о бессмысленности таких нововведений из-за риска конфликта правовых норм [13, с. 19].

Тем не менее, утверждение о полной идентичности существующих статей о видах мошеннических действий

и сопредельных с ними уголовно-правовых предписаний, на наш взгляд, выглядит поспешным. Злоумышленники, использующие безграничные возможности цифрового мира, могут вычислять и маскироваться под представителей официальных организаций, вводя в заблуждение всё большее количество граждан.

Ст. 159 УК РФ трактует мошенничество широко — как кражу собственности обманом или введением в заблуждение. Закон не перечисляет все возможные способы, подразумевая стандартные: при встрече, по телефону, через письма. Например, это фальсификация бумаг или недобросовестная сделка.

Мошенничество в традиционном понимании представляет опасность, однако в современных реалиях эта угроза может быть ощутимо ограничена в пространственном и временном аспектах.

В мошенничестве с использованием компьютерной информации (ст. 159.6 УК) могут применяться такие методы, как фишинг, использование вредоносного ПО, взлом аккаунтов, манипуляции с данными и другие формы электронного обмана, что создает совершенно иные риски и угрозы для общества, требующие специального подхода.

Цифровое мошенничество является сверхактуальной угрозой, ведь оно действует без границ, мгновенно и массово. Оно нацелено на хищение критически важной личной и финансовой информации, что влечёт за собой катастрофический ущерб. Совершение основного состава «классического» мошенничества, наказывается максимально, лишением свободы на срок до двух лет, а за мошенничество в сфере компьютерной информации максимальный срок наказания предусмотрен в виде ареста на срок до четырех месяцев.

В этом и содержатся принципиальные отличия, оправдывающие обновления и детализацию уголовного законодательства (криминализацию и пенализацию).

Следовательно, разграничение статей 159 и 159.6 УК РФ акцентирует потребность в применении специализированного подхода к противодействию мошенничеству в контексте динамично развивающегося технологического общества. В условиях трансформации преступных методик, уголовное право призвано адаптироваться для надлежащей защиты прав и интересов граждан.

Сущность рисков, согласующихся с рассматриваемым видом мошенничества, объясняется увеличением числа пользователей интернета и распространением технологий, из-за чего мошенничество в области компьютерных данных стало более распространенной

и опасной угрозой. Такой вид преступления может затрагивать как отдельных граждан, так и крупные компании, нанося ущерб их репутации и финансовым ресурсам.

Введение специальной статьи влечёт особые наказания за такие преступления, ужесточая ответственность за технологически обусловленное мошенничество, особенно его сложные формы, что подчёркивает его повышенную вредоносность.

Для каждого специального состава мошенничества действуют свои оценочные критерии. Так, ст. 159.1 УК РФ касается обмана в кредитной сфере, а ст. 159.6 УК РФ — манипуляций с компьютерной информацией.

Причины введения законодательства о компьютерном мошенничестве вызывают споры, но его актуальность для защиты собственности не оспаривается. Нам представляется, что следует акцентировать внимание на том, что внедрение защиты цифровых технологий в уголовно-правовую сферу привело к увеличению числа и усложнению характера киберпреступлений. Проникновение информационных технологий во все аспекты жизни общества делает эти преступления особенно опасными, а, следовательно, в перспективе, особо специфичные формы и виды деяний будут включены законодателем в УК РФ, как новые нормы.

Мы солидарны с Е.С. Лариной и В.С. Овчинским в том, что преступность — это искажённое зеркало технологических, социально-экономических и политических сдвигов. [14, с. 7].

Федеральный закон № 207-ФЗ разделил мошенничество на три типа: мошенничество в сфере компьютерной информации, которое теперь регулируется статьей 159.6 УК РФ, «обычное» мошенничество (ст. 159 УК) и все остальные виды мошенничества. Последние рассматриваются либо по общей статье 159 УК РФ, либо по специализированным статьям, таким как мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1), при получении выплат (ст. 159.2) и с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3). Иными словами, вышеназванный документ акцентирует внимание на классификации мошеннических действий по видам, что обусловлено необходимостью улучшения эффективности предотвращения таких преступлений, которые стали довольно распространёнными и представляют угрозу как отдельным гражданам, так и обществу в целом, вызывая значительные убытки. В результате, уголовное законодательство было расширено новыми статьями, регулирующими ответственность за мошенничество в специфических областях цифровой деятельности, отличающихся эксклюзивной характеристикой посягательств и методами совершения преступлений.

Ряд юристов продолжает ставить под вопрос создания специальных норм о мошенничестве. По одной из точек зрения, можно было ограничиться модификацией старых статей (ст. 159 или гл. 28 УК РФ) [15, с. 81]. По другой — закон не успел за новыми видами обмана, и его нормы конфликтуют между собой, как, например, ст. 159.3 и 159.6 УК РФ [16, с. 26].

Мы категорически не согласны с этой критикой. На наш взгляд, сложностей в отграничении ст. 159.6 УК РФ от других составов нет. Пересечение со ст. 159.3 УК РФ есть, но развести их достаточно просто.

Более того, введение специализированных составов, особенно в области компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей, продиктовано социально-публичной необходимостью. Целью этих нововведений является не отграничение сфер мошеннической деятельности, а их оптимизация, корректировка, упорядочивание и регулирование.

В рамках рассматриваемой проблемы существуют как приверженцы принятой законодательной модели [17], так и её оппоненты [18], выдвигающие альтернативные предложения по совершенствованию ст. 159.6 УК РФ. Мы полагаем, что данная дискуссия подчёркивает злободневность нашего исследования и стимулирует его дальнейший анализ — как в теоретическом, так и в практическом ключе. Особую значимость этому придаёт тот факт, что правоприменительная практика по данному вопросу остаётся противоречивой. Этот аспект крайне важен, поскольку разрозненность судебных решений обнажает трудности, связанные с толкованием новелл уголовного закона, что, в свою очередь, требует от юристов и правоприменителей глубоких познаний в области цифровых технологий.

Статистика ЦБ за 2023 год показывает резкий скачок числа несанкционированных операций на 11,48 %, сигнализируя о новой волне мошенничества в банковской среде.

При этом на фоне общего роста карточных платежей на 10,54 % прослеживается и рост мошеннических схем, идущий рука об руку с увеличением числа транзакций.

Положительной новостью стало то, что банки вернули жертвам афер уже 8,7 % от всех похищенных сумм — это более чем в полтора раза выше, чем годом ранее (4,4 %).

Однако в 2024 году масштабы бедствия стали еще больше: fraudulent-операции выросли на ошеломляющие 74 %, заставляя регуляторов и банки срочно усиливать защиту и работать над возвратом денег гражданам и бизнесу.

По данным МВД, уже 40% всех преступлений в России — ИТ-преступления, то есть каждое четвертое правонарушение происходит в digital-пространстве. Увеличение на 13,1 % в сопоставлении с годом ранее показывает, что цифровые технологии становятся ключевым инструментом для совершения уголовных деяний. Более того, доля таких преступлений в общем количестве зарегистрированных случаев достигает 25 %, что акцентирует внимание на значимости и серьезности данной проблемы.

Согласно данным, представленным Банком России, в 2023 году наблюдался 11,48 %-ный рост несанкционированных операций, произведенных без ведома клиентов банков, по сравнению с 2022 годом. Это увеличение произошло на фоне общего роста оборота карточных денежных переводов, который составил 10,54 %, достигнув внушительной суммы в 136,38 триллиона рублей.

В 2023 году финансовые учреждения вернули своим клиентам лишь 1 378,8 миллиона рублей, что составляет 8,7 % от всей суммы несанкционированных денежных переводов, совершенных как физическими, так и юридическими лицами. Этот показатель значительно выше, чем в 2022 году, когда гражданам и юридическим лицам было возвращено всего 618,4 миллиона рублей, что составило 4,4 % от общего количества мошеннических случаев.

В 2024 году наблюдается значительный рост несанкционированных операций, осуществленных без ведома клиентов, который составил 74,36 % по сравнению с 2023 годом. Однако, несмотря на это увеличение, доля таких операций в общем объеме денежных переводов составила лишь 0,00066 %, что является снижением по сравнению с 2023 годом, при достижении этим показателем 0,00119 %.

В 2024 году был зафиксирован заметный увеличенный уровень преступлений, осуществляемых с применением информационных технологий и коммуникационных средств, а также в области компьютерных данных.

В минувшем году киберпреступность составила более двух пятых (40 %) всех зарегистрированных преступлений, что на 13,1 % больше, чем в 2023 году. Особенно тревожным является рост тяжких и особо тяжких киберпреступлений, который составил 7,8 %. Данный фактор оказал значительное влияние на общую статистику серьезных (особо опасных) преступлений в стране, увеличив их число на 4,8 % в 2024 году.

Заключение

Подводя итоги социально-правового обоснования введения в УК РФ специальной статьи о компьютерном мошенничестве, необходимо отметить ключевую роль информационных систем и digital-пространства в современном обществе. Они гарантируют высокоскоростной обмен данными, что обуславливает особую важность их защиты. В то же время, повсеместное проникновение digital-технологий во все сферы жизни создаёт плодотворную почву для разнообразных форм противоправной деятельности. К их числу относится и мошенничество, осуществляемое путём несанкционированного доступа к персональным данным граждан, что формирует серьёзную угрозу национальной безопасности.

Эксперты считают, что нынешний курс уголовной политики нуждается в создании актуальных концепций и нормативных предложений, нацеленных на охрану компьютерных данных, которые должны быть согласованы с global-тенденциями, но при этом опираться на национальные приоритеты [19, с. 78].

Важно избегать недооценки растущей опасности имущественных преступлений, совершаемых в digital-среде. В некоторых случаях целесообразно ввести уголовную ответственность за действия, создающие серьёзные риски в контексте ускоренной digital-трансформации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чекунов И.Г. Киберпреступность: понятие и классификация // Российский следователь. 2012. № 2. С. 37–44.
2. Рассолов И.М. Киберпреступность: понятие, основные черты, формы проявления // Юридический мир. 2008. № 2. С. 44–46.
3. Комаров А.А. Компьютерное мошенничество в России и США: анализ количественных показателей за 2002–2012 гг. // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016 № 1 (35). С. 172–177.
4. Учебный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Отв. ред. Жалинский А.Э. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. 1088 с.
5. Безверхов А.Г. Развитие понятия мошенничества в отечественном праве // Уголовное право. 2001. № 4. С. 9–12.
6. Безверхов А.Г. Имущественные преступления. — Самара: Самар. ун-т, 2002. 359 с.
7. Бражник С.Д. Проблемы совершенствования норм об ответственности за преступления, связанные с компьютерной техникой // Налоговые и иные экономические преступления. Сборник научных статей. — Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 2000. Вып. 2. С. 78–86.
8. Лопатина Т.М. Компьютерная преступность. Монография. — Смоленск: Универсум, 2006. 184 с.
9. Медведев С.С. Характеристика лица, совершающего компьютерное мошенничество // Экстремизм и другие криминальные явления. — М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008. С. 171–174.
10. Болдырев В. Мошенничество с целью получения социальных выплат: предмет преступления // Уголовное право. 2014. № 3. С. 4–12.

11. Кленова Т.В. О разграничении смежных и конкурирующих составов преступлений (на примере мошенничества) // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1. С. 25–30.
12. Шарапов Р.Д. Новые уголовно-правовые нормы об ответственности за мошенничество: инструмент реальной борьбы или бутафория закона? // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. № 3. С. 60–66.
13. Маркунцов С.А. О масштабах перманентной новеллизации Уголовного кодекса РФ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 18–26.
14. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Криминал будущего уже здесь. М.: Кн. мир, 2018. 505, [2] с.
15. Перетолчин А.П. Актуальные способы мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Иркутск, 2021. С. 79–83.
16. Гладких В.И. Компьютерное мошенничество: а были ли основания его криминализации? // Российский следователь. 2014. № 22. С.25–31.
17. Абдульмянова Т.В., Асанова И.П., Данилов В.В. Мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ): понятие, уголовно-правовая характеристика и некоторые особенности расследования // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 1-1. С.134–145.
18. Гладких В.И. Эволюция норм об ответственности за мошенничество в российском уголовном законодательстве // Deutsche Internationale Zeitschrift für zeitgenössische Wissenschaft. 2021. № 10-2. С. 21–23.
19. Батурин Ю.М., Полубинская С.В. Совершенствование законодательных норм уголовно-правового цикла в контексте высокотехнологического будущего. В кн.: Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия: монография / под ред. А.Н. Савенкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020. 559 с.

© Иванов Юрий Владимирович (Dr.uriy-ivanov@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

ON THE NEED TO IMPROVE THE LEGISLATIVE MODEL OF THE LEGAL REGIME OF EMERGENCY

O. Karpov

Summary. This article analyzes the content and significance of one of the types of special legal regimes, the state of emergency. The article uses the opinions and conclusions of various authors, as well as the provisions of domestic and foreign legislation, as a theoretical basis. The article highlights the historical aspects of the formation and development of this legal regime and concludes that it needs further legislative improvement to meet the current realities.

Keywords: security, emergencies, legal regime, restriction of rights and freedoms, national security.

Карпов Олег Вячеславович

старший преподаватель,
Владимирский филиал РАНХиГС
okarp67@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу содержания и значения одного из видов специальных правовых режимов — чрезвычайного положения. В качестве теоретической основы были использованы мнения и выводы различных авторов, а также положения отечественного и зарубежного законодательства. В статье отмечены исторические аспекты становления и развития данного правового режима и делается вывод о необходимости его дальнейшего законодательного совершенствования с учетом складывающихся современных реалий.

Ключевые слова: безопасность, чрезвычайные ситуации, правовой режим, ограничение прав и свобод, национальная безопасность.

В современном мире государства сталкиваются с различными чрезвычайными ситуациями, которые могут угрожать общественному порядку, безопасности граждан, функционированию государственных институтов и даже территориальной целостности. В таких условиях возникает необходимость в правовом регулировании особого режима, позволяющего оперативно и эффективно реагировать на кризисные события. Одним из ключевых инструментов для обеспечения безопасности общества и государства в экстремальных условиях является режим чрезвычайного положения.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что режим чрезвычайного положения является важным механизмом для обеспечения безопасности государства, но в то же время его введение связано с ограничением прав и свобод граждан. Это требует четкого законодательного регулирования, которое должно учитывать как интересы государственной безопасности, так и защиту конституционных прав граждан. Кроме того, в условиях глобальных вызовов, таких как пандемии, природные катастрофы, социальные и политические кризисы, возрастает необходимость создания эффективной системы правового регулирования чрезвычайных ситуаций.

Режим чрезвычайного положения представляет собой особый правовой режим, который вводится в условиях угрозы национальной безопасности, общественному порядку, жизни и здоровью граждан или

территориальной целостности государства. Этот институт направлен на предотвращение или ликвидацию чрезвычайных ситуаций, требующих оперативного вмешательства со стороны государства. Несмотря на его очевидную значимость, понятие и сущность режима чрезвычайного положения остаются предметом дискуссий среди ученых и специалистов, что обусловлено многообразием аспектов, связанных с этим правовым институтом.

Согласно Федеральному конституционному закону «О чрезвычайном положении», режим чрезвычайного положения вводится в случаях, когда возникновение чрезвычайных ситуаций угрожает безопасности граждан и государства, и для их устранения требуются меры, выходящие за рамки обычных правовых механизмов [1]. Это определение отражает ключевую идею режима чрезвычайного положения — обеспечение защиты общества и государства в условиях кризиса при сохранении правопорядка.

Многие ученые подчеркивают особую правовую природу чрезвычайного положения. Например, Е.А. Кутафин определяет чрезвычайное положение как временный правовой режим, вводимый в исключительных обстоятельствах для восстановления общественного порядка и обеспечения безопасности. Он акцентирует внимание на временном характере режима и его использовании исключительно в экстраординарных ситуациях. Времен-

ность режима чрезвычайного положения также подчеркивается в Конституции РФ (ст. 56), которая ограничивает сроки действия таких мер [2].

С другой стороны, В.В. Лазарев указывает, что чрезвычайное положение — это не только правовой инструмент, но и важный политико-правовой механизм, который позволяет государству мобилизовать ресурсы для преодоления кризиса. По его мнению, чрезвычайное положение связано с необходимостью временного ограничения прав и свобод граждан, что вызывает необходимость строгого контроля за соблюдением принципа соразмерности таких ограничений.

Некоторые специалисты, например С.В. Пчелинцев, делают акцент на двойственной природе чрезвычайного положения. С одной стороны, оно направлено на защиту населения и территориальной целостности страны, а с другой — связано с определенным риском для демократических институтов. Он отмечает, что введение режима чрезвычайного положения должно сопровождаться четкими гарантиями защиты прав граждан, чтобы избежать злоупотреблений со стороны властей [3].

Особое внимание уделяется вопросу ограничений прав и свобод граждан в условиях чрезвычайного положения. По мнению М.Н. Кузнецова, такие ограничения являются неизбежными, но должны быть минимально необходимыми для достижения целей режима. Он подчеркивает, что любые меры, принимаемые в рамках чрезвычайного положения, должны быть пропорциональны существующей угрозе и не должны нарушать основные конституционные принципы.

Анализируя зарубежный опыт, можно отметить, что в международной практике чрезвычайное положение часто рассматривается как средство защиты государства в условиях кризиса. Например, во Франции режим чрезвычайного положения регулируется законом от 3 апреля 1955 года и предусматривает возможность временного ограничения определенных прав и свобод. В США чрезвычайное положение вводится на основании различных федеральных и штатных законов, что позволяет гибко реагировать на кризисные ситуации.

Таким образом, понятие и сущность режима чрезвычайного положения заключаются в его временном характере, направленности на защиту общества и государства и необходимости строгого соблюдения принципов законности и соразмерности принимаемых мер. Несмотря на его определенность в законодательстве, данный институт продолжает оставаться предметом дискуссий, особенно в части соотношения обеспечения безопасности и защиты прав человека. Важным остается баланс между необходимостью оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации и соблюдением демократи-

ческих ценностей, что требует постоянного совершенствования правового регулирования и контроля за его реализацией.

Историческое развитие режима чрезвычайного положения (ЧП) в России представляет собой сложный процесс, связанный с преобразованием государственного устройства, сменой политических режимов и эволюцией правового регулирования в ответ на вызовы, возникавшие перед государством в различные исторические периоды. Нормы, регулирующие чрезвычайное положение, всегда находились на стыке права и политики, что вызывало дополнительные сложности в их разработке и применении. Ученые и специалисты сходятся во мнении, что режим ЧП в России эволюционировал от произвольных мер государственного управления к систематизированному правовому регулированию, но сохраняет ряд нерешенных проблем.

Правовое регулирование чрезвычайного положения в дореволюционной России началось с норм, закрепленных в актах имперского законодательства. Впервые о необходимости введения особых мер в кризисных ситуациях упоминалось в «Учреждении о губерниях» 1775 года, которое предусматривало возможность введения особого порядка управления в случае угрозы безопасности. Однако наиболее полно нормы о чрезвычайном положении были закреплены в «Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» 1881 года. Этот акт вводил два вида чрезвычайного режима: «усиленную охрану» и «чрезвычайную охрану».

По мнению историка и правоведа С.С. Юшкова, данный акт стал первым системным нормативным документом, регламентирующим меры государственного реагирования на кризисные ситуации. Однако его применение было связано с произвольными решениями властей, что порождало критику как внутри страны, так и за рубежом. Юшков отмечает, что введение чрезвычайного положения в этот период сопровождалось серьезными ограничениями прав граждан, включая свободу слова, собраний и передвижений, что подрывает баланс между обеспечением безопасности и соблюдением принципов законности.

После Октябрьской революции 1917 года правовое регулирование чрезвычайного положения в России претерпело значительные изменения. Новый политический режим, основанный на диктатуре пролетариата, определил особый характер чрезвычайных мер. Декреты Совета Народных Комиссаров предусматривали введение чрезвычайных мер для подавления контрреволюции и обеспечения революционного порядка. Например, Декрет о «красном терроре» 1918 года фактически вводил элементы чрезвычайного положения, но без системного правового регулирования.

Как отмечает В.В. Лазарев, в советский период чрезвычайное положение рассматривалось не только как способ реагирования на кризисы, но и как инструмент политического контроля. Основной задачей таких мер было сохранение власти правящей партии, что часто сопровождалось массовыми репрессиями и нарушениями прав граждан. Лазарев подчеркивает, что в этот период чрезвычайное положение потеряло юридическую природу и стало частью политической практики [4].

После окончания Гражданской войны и стабилизации положения в стране нормативное регулирование чрезвычайного положения постепенно стало систематизироваться. Конституция СССР 1936 года и последующие нормативные акты предусматривали возможность введения военного или чрезвычайного положения, однако конкретные механизмы их реализации оставались неразработанными. Это, по мнению С.В. Пчелинцева, явилось одной из причин произвольного применения чрезвычайных мер в советский период.

С распадом Советского Союза и формированием Российской Федерации как независимого государства начался новый этап в истории правового регулирования режима чрезвычайного положения. Конституция РФ 1993 года закрепила правовые основы введения ЧП, установив, что ограничения прав и свобод граждан допускаются только в условиях чрезвычайного или военного положения (ст. 56). В 2001 году был принят Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении», который стал базовым нормативным актом, регулирующим данный институт.

По мнению А.Г. Братко, принятие закона 2001 года позволило устранить многие пробелы в регулировании чрезвычайного положения, оставшиеся со времен СССР. Закон четко регламентирует основания, порядок введения, сроки и меры, которые могут приниматься в условиях ЧП. Особое внимание уделено защите прав и интересов граждан, что отражает стремление к соблю-

дению демократических принципов. Однако Братко А.Г. отмечает, что на практике остаются проблемы, связанные с реализацией закона, включая недостаточное взаимодействие между различными уровнями власти.

В условиях современных угроз, таких как терроризм, пандемии, природные катастрофы и политические кризисы, институт чрезвычайного положения продолжает развиваться. Многие специалисты, включая М.Н. Кузнецова, подчеркивают необходимость совершенствования нормативной базы для учета новых вызовов, отмечая при этом, что особое внимание должно быть уделено цифровизации процессов управления в условиях ЧП, что позволит повысить оперативность реагирования и минимизировать негативные последствия для граждан [5].

Зарубежный опыт также представляет интерес для совершенствования режима чрезвычайного положения в России. Например, в Германии и Франции законы о ЧП предусматривают строгий контроль со стороны парламента, что обеспечивает баланс между исполнительной властью и защитой прав граждан. По мнению некоторых специалистов внедрение подобных механизмов контроля в российское законодательство может способствовать повышению эффективности и законности применения чрезвычайного положения.

История правового регулирования режима чрезвычайного положения в России показывает, что этот институт прошел сложный путь эволюции — от произвольных мер до систематизированного регулирования, закрепленного в Конституции РФ и федеральных законах. Несмотря на значительные достижения, проблемы остаются, включая пробелы в законодательстве и трудности правоприменения. Современные вызовы требуют дальнейшего совершенствования нормативной базы, учета международного опыта и разработки новых механизмов, обеспечивающих баланс между защитой национальной безопасности и соблюдением прав человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. О чрезвычайном положении: федер. конст. закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ // Рос. газ. — 2001. — 2 июня.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ, от 14.03.2020 N 1-ФКЗ, от 04.10.2022 N 5-ФКЗ, от 04.10.2022 N 6-ФКЗ, от 04.10.2022 N 7-ФКЗ, от 04.10.2022 N 8-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/>, 6 октября 2022 г., № 0001202210060013.
3. Бондарь, Н.С., Кравец, И.А. Конституционные основы правового регулирования чрезвычайных ситуаций в России и зарубежных странах. Ростов-на-Дону: Феникс, 2022. — 256 с.
4. Алексеев С.С. Теория права и государства. М.: Норма, 2022. 512 с.
5. Лазарев, В.В., Липень, С.В. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О чрезвычайном положении» / под ред. В.В. Лазарева. М.: Проспект, 2022. 352 с.

© Карпов Олег Вячеславович (okarp67@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ ОТВЕТЧИКА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

MEANS OF PROTECTION OF THE DEFENDANT IN CIVIL PROCEEDINGS

N. Orekhova

Summary. The article considers the main means of defense of the defendant in civil proceedings, among which are highlighted: the defendant's objections to the claim, counterclaims, denial, settlement agreement as a means of protecting the defendant, involvement of a third party as a way to protect the defendant, filing comments on the minutes of the court session.

The legal analysis of the nature of the defendant's remedies in civil proceedings is carried out, the problems of their application are identified, and the possibilities of improving this institution are presented.

Keywords: remedies, defendant, civil proceedings, objections, statements of claim, settlement agreement.

Орехова Наталья Леонидовна

кандидат юридических наук, доцент,
Северо-Западный институт управления — филиал
РАНХиГС при Президенте РФ (г. Санкт-Петербург)
nataliaorekhova@bk.ru

Аннотация. В статье рассмотрены средства защиты ответчика в гражданском судопроизводстве. Автором выделены: возражения ответчика против иска, встречные исковые заявления, отрицание, мировое соглашение, как средство защиты ответчика, привлечение третьего лица, как способ защиты ответчика, подача замечаний на протокол судебного заседания.

Проведен правовой анализ природы судебной практики ответчика в гражданском судопроизводстве, определены проблемы ее использования, представлены возможности совершенствования данного института.

Ключевые слова: судебная практика, средства защиты, ответчик, гражданское судопроизводство, возражения, исковые заявления, мировое соглашение.

Судебная практика играет значимую роль в системе источников гражданского права. Она представляет собой совокупность решений и разъяснений судов по гражданским делам, способствуя формированию правоприменительной практики и развитию гражданского законодательства в целом. По сути, это система решений судов, которая формируется в процессе рассмотрения практики гражданских дел. В состав таких решения входят конкретные судебные акты либо обобщения из судебной практики.

Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2024 году основная часть дел, рассмотренных в порядке гражданского судопроизводства, составила 76,2 % от всех судебных решений. Это 2 млн 944 дел. В свою очередь, гражданские дела искового производства составили 92,6 %, или 2 млн 727 тыс. от всех гражданских дел [1].

Во многих делах при этом гражданские лица выступают в процессуальном статусе не только истца, но и ответчика. В этой связи ключевое значение имеет принцип равенства сторон, предусматривающий, что истец и ответчик обладают равными возможностями в обеспечении защиты собственных интересов. Справедливое правосудие направлено на обеспечение такого равноправия. Однако в современном гражданском судопроизводстве имеет место асимметрия в положении

сторон, так как в ряде дел ответчик оказывается в более уязвимом положении по сравнению с истцом, поскольку последний являясь инициатором судебного процесса, изначально находится в более выгодном положении.

С учетом систематических изменений в законодательстве необходима постоянная адаптация научных подходов к защите ответчика, поскольку анализ тенденций и проблем в данной сфере позволит создать более эффективные юридические инструменты для защиты прав ответчика.

Все эти факторы делают исследование проблем защиты ответчика в гражданском процессе актуальным.

Рассмотрим основные средства защиты ответчика в гражданском судопроизводстве.

Первым способом является возражение против иска, которое представляет собой процессуальный инструмент, посредством чего происходит выражение своего несогласия с предъявленными требованиями. Возражения могут касаться как фактических, так и правовых аспектов дела.

Возражения ответчика касаются не только отрицания фактов, но и указания на такие обстоятельства, которые парализуют исковое требование. Возражения относятся,

как к процессуальным, так и к материально-правовым аспектам дела. Они позволяют ответчикам использовать признание фактов для устранения правовых оснований и добиться отказа в удовлетворении иска, как на временной, так и на постоянной основе [2].

Наиболее часто материально-правовые возражения против иска в системе гражданского права ориентированы на опровержение фактов, стоящих в основе исковых претензий и обосновывают незаконный или необоснованный характер требований истца, которые он предъявляет ответчику. Это доказывает широкая судебная практика.

Так, И. обратился в суд с иском к А. с требованиями по взысканию ущерба с последнего в сумме 245145 рублей, процентов за пользование денежными средствами в период с 11.03.2024 г. по 22.05.2024 г. в размере 3677,18 рублей. Свои требования он мотивировал тем, что они заключили договор аренды автомобиля, согласно которого ответственность за его состояние несет ответчик. При этом он попал в ДТП по собственной вине. Однако ответчик не согласился с иском, ссылаясь на незаконность требований о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами в размере 3 677,18 рублей. А. обратил внимание на закон, согласно которого не предусмотрено начисление процентов, которые могут быть начислены согласно статье 395 ГК РФ, так как обязанность причинителя вреда по уплате процентов, в соответствии с указанной статьей, наступает со дня вступления в силу решения суда. А значит, обязанность на дату вынесения решения суда у ответчика отсутствует, а требование заявлено истцом преждевременно. На основании последнего возражения ответчика судом были признаны обоснованными, а исковые требования о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами оставлены без удовлетворения [3]. Данное решение стало в основе прецедентов в судебной практике и на него ссылались и другие суды.

Судебная практика находится и в основе принятия решений в случаях предъявления встречных исковых заявлений. Такой иск выступает средством защиты и как правило нацелен на отклонение либо ослабление требований истца. Подав встречный иск, ответчик пытается донести до суда своим требованием и доказать ему на необходимость в удовлетворении исковых требований истца. В этом контексте встречный иск выполняет защитную функцию, поскольку позволяет ответчику противостоять претензиям истца, обосновывая неправомерность или необоснованность предъявленных к нему требований.

Условия принятия встречного иска закреплены в ст. 138 ГПК РФ, согласно которой судья принимает встречный иск в случае, если:

- представленное требование направлено на зачет первоначально предъявленного;

- удовлетворение встречного иска полностью или частично должно исключить удовлетворение первоначального иска;
- между исками обладает взаимная связь и совместное их рассмотрение позволит более быстро и правильно рассмотреть данный судебный спор.

Зачёт взаимных требований приводит к погашению обязательств полностью или частично в зависимости от их размера, что в свою очередь дает положительный результат для ответчика.

Так, если размер взаимных требований одинаков, то после зачёта оба обязательства считаются погашенными. В данном случае, ответчик полностью освобождается от своего обязательства перед истцом, и, соответственно, истец теряет право на первоначальное требование. Если встречное требование ответчика меньше, чем первоначальное требование истца, зачёт приведет к частичному прекращению обязательств. Обязательство ответчика уменьшается на сумму встречного требования, и он остается должен истцу разницу между этими суммами. Рассмотрим пример из судебной практики.

ПАО «Совкомбанк» обратилось в суд с иском к Ф., в котором было указано требование о взыскании с истца в пользу ПАО «Совкомбанк» задолженность в сумме 597193,98 рублей, которая возникала в период с 01.11.2022 по 31.01.2023 гг., а также сумму государственной пошлины, которую уплатил банк в сумме 9171,94 рублей.

Ф. обратилась в суд со встречным иском к ПАО «Совкомбанк», согласно которого просила взыскать с ПАО «Совкомбанк» в свою пользу плату за услугу «Гарантия минимальной ставки» в размере 29400 рублей, за услугу пакет расчетно-гарантийных услуг Премиум в размере 24999 рублей, компенсацию морального вреда в размере 100000 рублей, штраф за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя в размере 77199,50 рублей, а всего 231598,50 рублей.

В обоснование своих требований Ф. пояснила, что при заключении договора с Банком ей незаконно навязали услуги «Гарантия минимальной ставки», «Возврат в график», «Комиссия за открытие и ведение карточных счетов». При этом она не была введена в известность, а данные по услугам были прописаны в договоре мелким шрифтом. В итоге за услугу «Гарантия минимальной ставки» было списано 29 400 рублей, за услугу «Комиссия за открытие и ведение карточных счетов» списана сумма в размере 24 999 рублей. При этом в заявлении на открытие банковского счета следует, что Ответчик поставил подпись именно под текстом, в котором были приведены условия открытия банковского счета и в гра-

фе, в которой она просит подключить ей пакет расчетно-гарантийных услуг «Премиум».

Суд установил незаконность навязывания дополнительных услуг банком и нашел основания для зачета встречных однородных требований. Согласно решению суда установлено, что необходимо произвести зачет встречных однородных требований ПАО «Совкомбанк» и Ф., и с учетом зачета взыскать с Ф. в пользу ПАО «Совкомбанк» 508668,08 руб. (605167,58 — 96499,50). Взыскать с ПАО «Совкомбанк» в пользу Ф., денежные средства, составляющие плату за услугу «Гарантия минимальной ставки» в размере 29400 рублей, за услугу пакет расчетно-гарантийных услуг «Премиум» в размере 24999 рублей, компенсацию морального вреда в размере 10000 рублей, штраф за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя в размере 32199,5 рублей, а всего 96589,50 рублей.

Еще один аспект судебной практики — отрицание иска со стороны ответчика. Оно может рассматриваться как несогласие с предъявляемыми истцом требованиями. В отличие от встречного иска, который является самостоятельным заявлением с новыми требованиями, отрицание иска является защитным процессуальным действием, при котором ответчик не предлагает никаких альтернативных требований, а просто опровергает позицию истца.

Ответчик в этом случае использует данное действие, не применяя иные средства защиты, в трех случаях:

- при отсутствии желания принимать личное участие в процессе и отстаивать собственный интерес. Возможно письменно заявить, что ответчик не признает иски требования;
- ответчик применяет простое отрицание, в ситуации, когда сам истец имеет достаточных доказательств, а значит суд, скорее всего, перейдет на сторону ответчика в виду недостаточности оснований в удовлетворении требований;
- суд требует от ответчика выразить его отношение к иску.

Непризнание ответчиком исковых требований возможно, как в устной, так и в письменной форме. Подобное непризнание иска приводится в заявлениях к суду. К примеру, в электронном сообщении к суду ответчик может указать, что иск не признает. Или в процессе выяснения позиций сторон при подготовке дела к судебному разбирательству, в самом судебном заседании, ответчик в устной форме сообщает данный факт. Отрицание ответчиком иска в виде непризнания исковых требований не препятствует дальнейшему рассмотрению дела. При решении вопроса об удовлетворении требований истца суд будет рассматривать имеющиеся доказательства и принимать решение, учитывая их.

В состав дополнительных средств защиты ответчика против иска входит мировое соглашение.

Несмотря на значимость института мирового соглашения, законодатель в нормах ГПК РФ не включил данное понятие, что повлекло в правовой науке формирование различных позиций, касающихся данной дефиниции, которые сводятся к следующему:

- сделка, заключенная на условиях возмездности и взаимности между участниками судебного спора, порождающая для них определенные последствия гражданско-правового характера [4];
- утвержденный судом взаимовыгодный договор участников гражданского судопроизводства, касающийся его завершения [5]; взаимный, возмездный гражданско-правовой договор, устраняющий неясности сторон гражданского спора с помощью взаимовыгодных для них уступок [6];
- договор, утвержденный судом в целях совершения сторонами гражданского конфликта процессуальных действий, порождающий для них определенные правовые последствия [7].

При заключении мирового соглашения стороны спора распоряжаются принадлежащими им субъективными правами по своему усмотрению. Это обосновывает диспозитивность данного института. Публичность мирового соглашения состоит в том, что оно утверждается судом. Данный факт показывает императивность судебных решений [8].

Мировое соглашение может быть заключено по вопросу распределения судебных расходов. Так, ООО обратилось к соответчикам с требованиями о взыскании задолженности по договорам поставки обрезной доски. В суде ООО и ответчики заключили мировое соглашение, по которому последние обязуются выплатить ООО долг. В свою очередь, ООО отказалось от остальных требований, а также от взимания с ответчиков понесенных судебных расходов [9].

Привлечение третьего лица, как способ защиты ответчика предполагает возможность того, что решение суда по делу между основными сторонами может оказать влияние на права или обязанности третьего лица. Если такое влияние возможно, то участие третьего лица обоснованно [10].

Подача замечаний на протокол судебного заседания — еще одна дополнительная форма защиты ответчика в гражданском суде. Замечания предъявляются, как на весь протокол, так и его отдельные части в срок 5 дней после подписания. Для обеспечения своевременности подачи замечаний на протокол, председатель суда обязан разъяснять всем участникам разбирательства и представителям их право на ознакомление с протоко-

лом судебного заседания и возможность предъявления замечаний к нему в установленный законом сроки.

Замечания на протокол судебного заседания предоставляют участникам процесса, включая ответчика, возможность вносить поправки и уточнения для достижения объективного и справедливого решения. Данный процессуальный инструмент дает возможность исправить ошибки и неточности, обеспечивая правильное представление событий, способствуя объективности и справедливости в судебном разбирательстве и служит важным элементом контроля за точностью и полнотой протокола.

Таким образом, приведенные примеры доказывают значимость использования института судебной практики в системе гражданского права. Однако следует его развивать и систематизировать в законодательном порядке.

Целесообразно предусмотреть правила о совместном рассмотрении и разрешении требований, дополнив статью 43 ГПК РФ частью 1.1. следующими аспектами:

«Суд, с согласия истца, рассматривает и разрешает регрессное требование ответчика к третьему лицу, которое не заявляет самостоятельных требований по предмету спора, совместно с основным требованием. В ре-

зультате возможно вынести одно судебное решение по обоим требованиям. Если третье лицо выдвинуло самостоятельные требования, а суд принял это признание, то следует удовлетворить требования истца с возложением на третье лицо обязанности по их выполнения».

Для совершенствования процесса реализации права ответчика на предъявление встречного иска необходимо внести изменения в ст. 137 ГПК РФ, закрепив его право в проведения предварительного заседания предъявить истцу встречный иск совместно с первоначальным иском до окончания подготовительного заседания по делу. Это временное ограничение позволит исключить возможность предъявления встречного иска с целью затягивания рассмотрения первоначального иска.

Необходимо систематизировать разные типы судебных решений в гражданской практике, разделяя их на первичные и вторичные иски. А также типы ситуации, которые свойственны гражданскому процессу. Целесообразно разделить их и по типам ответчиков, разделяя банковскую, нотариальную, юридическую практики, которые содержат наиболее значимые решения. Это позволит выстроить максимально прозрачную судебную систему, в которой практика будет находиться в центре внимания и доказывать её действенность и справедливость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2023/Obzor_sudebnoy_statistiki_SOYU_2024.pdf (дата обращения 21.04.2025).
2. Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М.: Юрайт, 2016. С. 111.
3. Решение Подольского городского суда Московской области от 4 марта 2024 г. по делу № 2-8193/2023 // СПС Консультант Плюс
4. Яминов К.Г. Соотношение понятий «мировое соглашение» и «мировая сделка» // Мировой судья. 2021. № 3. С. 30–33.
5. Хохлова Е.М., Третьякова Ю.С. Мировое соглашение как способ урегулирования юридического конфликта // В сборнике: Проблемы развития государства и права на современном этапе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Редколлегия: С.М. Плешаков (отв. ред.). 2018. С. 54–56.
6. Петаева М.Н. Мировое соглашение в гражданском процессе: понятие, значение // E-Scio. 2020. № 1 (40). С. 471–476.
7. Ватаманюк В.О. Правовая природа мирового соглашения в гражданском судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 8. С. 27–37.
8. Криндач А.Г. Мировое соглашение в рамках гражданского судопроизводства // Правовая позиция. 2021. № 11 (23). С. 66–69.
9. Определение Туринского районного суда Свердловской области № 2-13/2022 2-710/2022 от 10 января 2022 г. по делу № 2-13/2022 // Консультант Плюс.
10. Велиметова А.М. Особенности участия третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования, в гражданском судопроизводстве // В сборнике: Современная наука: инновационный взгляд молодежи. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. 2021. С. 27–31.

© Орехова Наталья Леонидовна (nataliaorekhova@bk.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СИСТЕМА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ

A SYSTEM OF CIVIL LAW WAYS TO PROTECT INFORMATION RIGHTS

N. Orekhova

Summary. The article examines the civil law methods of protecting information rights in the Russian Federation from the perspective of the state, citizens and legal entities. It is determined that the regulatory framework in the field of information protection is presented in the context of personal data protection, information, electronic interaction between different entities, as well as compliance with confidential information. In addition, the article presents an analysis of digital risks and protection of digital information in modern conditions, its development in the context of ongoing changes. Problems in risk management in the online environment have been identified, as well as the need to improve and tighten legislation regulating sources of digital relationships.

Keywords: protection of information rights, digital rights, civil law methods, information, problems.

Орехова Наталья Леонидовна

кандидат юридических наук, доцент,
Северо-Западный институт управления — филиал
РАНХиГС при Президенте РФ (г. Санкт-Петербург)
nataliaorekhova@bk.ru

Аннотация. В статье рассмотрены гражданско-правовые способы защиты информационных прав в Российской Федерации с позиции государства, граждан и юридических лиц. Определено, что нормативно-правовая база в области защиты информации представлена в контексте защиты персональных данных, информации, электронного взаимодействия между разными субъектами, а также соблюдения конфиденциальной информации. Кроме того, представлен анализ цифровых рисков и защиты цифровой информации в современных условиях, её развитие в контексте происходящих изменений в экономической среде и правовом поле. Выявлены проблемы в регулировании рисков в онлайн-среде, а также необходимость совершенствования и ужесточения законодательства, регулирующего источники цифровых взаимоотношений.

Ключевые слова: защита информационных прав, цифровые права, гражданско-правовые способы, информация, проблемы.

Современная жизнедеятельность общества сопровождается использованием новейших технологий, которые порождают и расширяют информационные угрозы. При этом, чем более активно цифровизация интегрируется в общественное пространство, тем более значимыми становятся угрозы целостности, конфиденциальности и достоверности данных. Поэтому необходима комплексная система методов, способствующих недопущению утечки информации, а также препятствованию не санкционируемому доступу к разным источникам информации.

Кроме того, необходима правовая гарантия защиты информационной безопасности, которая разделяется на государственную политику в этой области, регулирование персональных данных граждан, и защиту конфиденциальных сведений организаций от посягательств извне.

Основные нормативные правовые документы в области защиты информации на уровне государства:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [1];
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2];
3. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [3]

4. Указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» [4];
5. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [5].

Рассмотрим их подробнее. Так Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [1] регулирует обработку персональных данных, определяет права субъектов и обязанности операторов, меры по защите персональной информации. Данный закон защищает частную жизнь граждан от несанкционированного доступа к их личным данным.

Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» регулирует общественные отношения в сфере информации и информационных технологий [2]. Им установлены принципы и требования к защите информации, определена ответственность за нарушения законодательства в области нарушения информационной безопасности. В законе рассмотрено множество вопросов, в том числе защита информации от несанкционированного доступа, утрату и повреждение данных.

Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» регулирует использование элек-

тронной подписи в юридических и коммерческих отношениях. Законом установлены правовые аспекты формирования, использования и проверки электронной подписи, а также требования к квалифицированным сертификатам ключей их проверки [3].

Указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» определяет перечень информации, подлежащей защите в области конфиденциальности. Данный указ обеспечивает безопасность государственной тайны и защиты информации, которая наносит ущерб интересам государства или граждан в случае ее раскрытия [4].

Кроме того, Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» формулирует стратегические цели и задачи в области информационной безопасности страны. Доктрина является основой в разработке и реализации государственной политики в области защиты информации, в том числе критической информационной инфраструктуры, противодействия киберугрозам и обеспечения безопасности в кибер пространстве [5].

Система гражданско-правовых способов защиты информационных прав граждан РФ выстраивается на Законе о персональных данных.

Закон определяет права субъектов персональных данных. Согласно закона, граждане имеют право дать согласие на обработку данных, а значит оператор должен получить согласие лица на это, за исключением случаев, в которых обработка производится на основании других законных оснований. Согласие должно быть информированным, субъект осведомлен о целях обработки и о том, какие данные будут обработаны.

Кроме того, субъекты обладают правами на доступ к личным данным, что позволяет им запрашивать информацию о том, какие персональные данные обрабатываются, и получать копии их в разумный срок [6].

В тоже время граждане вправе требовать внесения исправлений в свои персональные данные, если выявляются неточности или неполнота, а также удаление данных, если они обработаны с нарушением законодательства.

Закон предоставляет гражданам возможность защиты своих прав в судебном порядке. Если их права нарушены, они вправе обратиться в суд для защиты своих интересов, включая требование о возмещении убытков, причиненных незаконной обработкой персональных данных. Кроме того, граждане могут обжаловать действия или бездействие операторов в уполномоченные органы, а именно Роскомнадзор, который является ответственным за соблюдение законодательства в области защиты персональных данных.

На уровне юридических лиц, состав субъектов, которые включены в эту защиту приведен на рисунке 1 [7].

Коммерческая информация содержит сведения о способах производства и технологиях, которые касаются производственных процессов, уникальных методиках, применяемых в создании товаров. Сохранность конфиденциальности таких данных дает возможность компании формировать конкурентные преимущества на рынке. Значимыми при этом являются данные о материалах, используемых в производстве товаров, которые содержат информацию о поставщиках, характеристиках сырья, а также уникальных спецификациях, рецептуре из делений, обеспечивающих конкурентоспособность продукции на рынке и поддержание качества продукции с оптимальным уровнем затрат [8].

Конструкторская документация содержит чертежи и схемы, технические детали и спецификации, которые являются основой или лекалом производственного цикла. Защита этих данных нужна для предотвращения возможностей копирования и подделки продукции конкурентами.

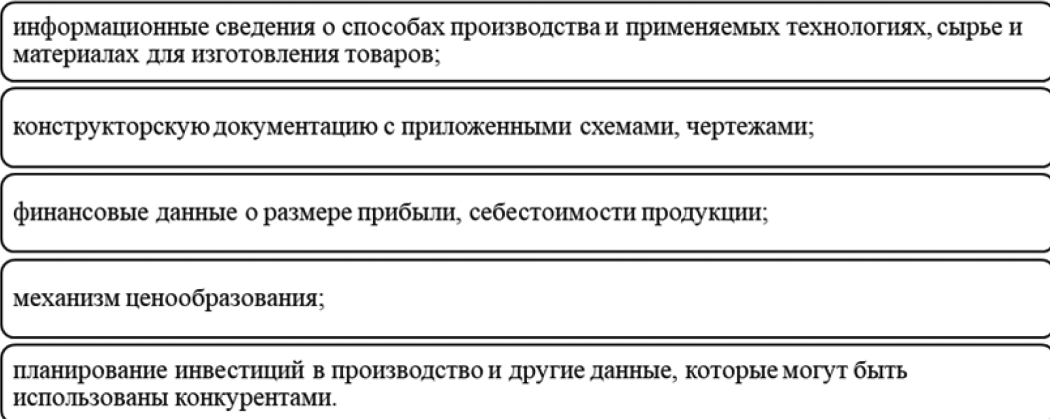

Рис. 1. Состав субъектов, которые включены в эту защиту

В состав финансовой информации входят данные о размере прибыли и себестоимости продукции, который представляют источники для анализа финансового состояния и эффективности финансово-производственной деятельности.

Утечка такой информации приводит к финансовым потерям и негативному влиянию на репутацию фирмы. Стратегическую роль играет и механизм ценообразования, поскольку является источником для недобросовестной конкуренции.

Инвестиционные планы в области планирования развития производств, внедрения новых проектов содержат информацию о возможном развитии бизнеса и также могут быть использованы конкурентами в создании аналогичных предложений. Защита подобных данных не допускает потери стратегических преимуществ конкурентов и не допускает возможностей их использования в целях, которые повлекут за собой негативные результаты работы компаний [9].

Маркетинговая информация, в том числе стратегии продвижения и исследования рынков, содержит данные о целевых аудиториях и результатах исследований, которые дают конкурентам представление о бизнес-стратегиях и возможных направлениях конкурентного давления на бизнес.

В Российской Федерации установлено несколько норм и требований законов, которые способствуют устранению возможности утечки данных, нарушение персональной информации граждан, а также внутренних актов предприятий, которые представляют собой коммерческую тайну. В целом, законы и другие нормативные акты регулирующие вопросы нормативного правового обеспечения информационной безопасности в РФ разделены на несколько категорий. Они систематизированы в таблице 1.

Приведённые нормативные акты определяют природу гражданско-правового обеспечения защиты информационных прав граждан, в области распространения сведений о них, использования информационных технологий, обработки персональных данных и соблюдения коммерческой тайны предприятий. В целом данные нормативные акты формируют систему гражданско-правовых способов защиты информационных прав граждан РФ.

В последние годы отдельную категорию защиты информации получили цифровые права, состав которых приведен на рисунке. Состав таких прав приведен на рисунке 2.

Право на защиту конфиденциальности личных данных и контроль над их использованием регулируется за-

Таблица 1.

Нормативные акты, регулирующие вопросы правового обеспечения информационной безопасности

Законы и нормативные акты	Регулируемые вопросы
Ст. 7 Закона РФ 5485-1 «О государственной тайне» в редакции от 29.07.2018	Приведены сведения, не подлежащие засекречиванию: объявления ЧП, экологическая обстановка, льготы и компенсации, нарушения закона высшими должностными лицами.
Ст. 10 ФЗ № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в редакции от 03.04.2020	Право предоставления и распространения сведений средствами массовой информации, запрет на распространение информации для разжигания ненависти.
Ст. 8 ФЗ № 395-1 «О банках и банковской деятельности» с изменениями, вступившими в силу с 08.01.2020	Обязанность кредитных организаций предоставлять копии лицензий и разрешений по требованию.
Федеральный закон № 390 «О безопасности» в редакции от 06.02.2020	Основные принципы безопасности и полномочия государственных органов.
Закон РФ 5485-1 «О государственной тайне»	Определение государственной тайны и процедуры доступа к секретным данным.
Указ Президента РФ № 1203 от 30.11.1995 в редакции от 08.08.2019	Утвержден перечень сведений, относящихся к государственной тайне.
Федеральный закон № 152 «О персональных данных» в редакции от 31.12.2017	Определение персональных данных и принципы их обработки.
Указ Президента РФ № 188 от 06.03.1997, актуальная редакция от 13.07.2015	Утвержден перечень конфиденциальных сведений.
Постановление Правительства № 1119 от 01.11.2012	Требования к обработке персональных данных.
Приказ Роскомнадзора № 996 от 05.09.2013	Методика по обезличиванию персональных данных.
Кодекс об административных правонарушениях ст. 13.14	Штрафы за распространение информации ограниченного доступа.
Федеральный закон № 98 «О коммерческой тайне» в редакции от 18.04.2018	Определение коммерческой тайны и требования к ее защите.

коном 152-ФЗ «О персональных данных». Персональные данные при этом являются совокупностью информации в отношении конкретного физического лица, и предназначены для его идентификации. Как правило, сбор

право на конфиденциальность личных данных и контроль над тем, как они используются

свободное выражение мнений, публикацию информации и доступ к информации онлайн; доступ к сети «Интернет» без цензуры или ограничений

интеллектуальная собственность авторов и владельцев контента в цифровом формате, такие как авторские права и патенты; безопасность в сети, на защиту от кибератак, мошенничества и других угроз в онлайн-среде и т. д.

Рис. 2. Виды цифровых прав, как объектов информационных правоотношений

таких данных производится автоматически и включает сведения о местоположении устройства, а также личные данные, номер телефона владельца. К тому же, персональные данные в интернете часто содержат информацию о посещенных страницах, поисковых запросах и активности в социальных сетях. Они помогают выявлять предпочтения пользователей и дают возможность заинтересованным сторонам определять целевую аудиторию.

Еще одна категория гражданско-правовых способов защиты информационных прав касается интеллектуальной собственности авторов и владельцев контента в цифровом формате. Это авторские права и патенты, вопросы безопасности в сети, защита от кибератак, мошенничества и других угроз в онлайн-среде [10].

Более полный перечень охраняемых результатов интеллектуальной деятельности приведен в статье 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации. В состав таких результатов включены произведения науки, литературы и искусства; программы для электронных вычислительных машин; базы данных; исполнения; фонограммы; сообщения в эфир или по кабелю, а также радио- и телепередачи, осуществляемые организациями эфирного или кабельного вещания; изобретения; полезные модели; промышленные образцы; селекционные достижения; топологии интегральных микросхем и секреты производства (ноу-хау).

Таким образом, стоит отметить, что нормативная база в области защиты информационных прав граждан является широкой и охватывает все объекты их возникновения. При этом все цифровые взаимодействия основаны на технологии «блокчейн», которая в настоящее время не обладает четкой правовой базой, что ощутимо ослабляет защиту прав участников информационного процесса.

Поэтому требуется разработка системы правового регулирования источников цифровых правоотношений, среди которых цифровые договоры, а также правовые нормы для практического использования технологий. Еще одна проблема заключается в возможности использования мошеннических схем в цифровых отношениях, что связано с недостатком эффективности защиты и правового обеспечения информационных систем.

При этом следует учитывать баланс интересов между защитой прав граждан и порядком ведения деятельности в цифровом пространстве. С этой целью необходимо внедрение механизма защиты более качественной защиты персональных данных граждан в цифровой среде, а также механизма деятельности интернет-провайдеров и интернет-платформ, которые должны быть защищены от незаконного вторжения в личный контент пользователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) О персональных данных // <https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-27072006-n-152-fz-o/>
2. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) Об информации, информационных технологиях и о защите информации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // <https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-27072006-n-149-fz-ob/>
3. Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) Об электронной подписи // <https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-06042011-n-63-fz-ob/>
4. Указ Президента РФ от 06.03.1997 N 188 (ред. от 13.07.2015) «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13532/0179b6b5a612a4e6b17de579e3589aa0526bfe79/
5. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 25 декабря 2023 г., № 52 (1 ч.), ст. 5496.

7. Дядькин Д.С., Усольцев Ю.М., Усольцева Н.А. Смарт-контракты в России: перспективы законодательного регулирования // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2018. №5 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakty-v-rossii-perspektivy-zakonodatel'nogo-regulirovaniya> (дата обращения: 29.04.2025).
8. П.А. Тарасов. Гражданско-правовые формы, способы и средства защиты прав субъектов на информацию // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки*. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovye-formy-sposoby-i-sredstva-zaschity-prav-subektov-na-informatsiyu> (дата обращения: 11.05.2025).
9. Латыпов Д.Н. Система способов защиты гражданских прав в Российской Федерации: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук: 5.1.3 / Ульян. гос. ун-т. — Ульяновск, 2022. — 38 с.
10. Тарасов П.А. К вопросу о гражданско-правовых способах и средствах защиты прав потребителей на информацию // *Правовая политика, наука, практика* — 2024: сб. материалов Респ. науч. практ. конф., Минск, 10 окт. 2024 г. / Нац. центр законодательства и правовой инфор. Респ. Беларусь; редкол.: Е.В. Семашко и др. — Минск, 2024. — С. 370–374.

© Орехова Наталья Леонидовна (nataliaorekhova@bk.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ФИНАНСОВОМ ПРАВЕ ВО ФРАНЦИИ И ШВЕЙЦАРИИ

EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION AND APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN FINANCIAL LAW IN FRANCE AND SWITZERLAND

E. Ryzhkova

Summary. The global challenges of the 21st century have led to increased growth and a stronger position of digital technologies in financial law. Traditional forms of relations in the field of public finance are being encoded and digitized, which leads to the fact that states are able to use modern digital technologies in financial control and audit. The article examines the experience of using artificial intelligence in financial law in France and Switzerland.

Keywords: artificial intelligence, financial law, digitalization, financial control, financial supervision, financial audit.

Рыжкова Евгения Константиновна

Аспирант, МГИМО МИД России

ryzhkova_e_k@my.mgimo.ru

Аннотация. Глобальные проблемы XXI века привели к увеличению роста и усилению позиции цифровых технологий в финансовом праве. Традиционные формы отношений в сфере публичных финансов подвергаются кодировке и переводу в цифровую среду, что приводит к тому, что государства получают возможность использования современных цифровых технологий в финансовом контроле и аудите. В статье рассмотрен опыт применения искусственного интеллекта в финансовом праве во Франции и Швейцарии.

Ключевые слова: искусственный интеллект, финансовое право, цифровизация, финансовый контроль, финансовый надзор, финансовый аудит.

С учетом того, что системы искусственного интеллекта представляют собой системы с различным уровнем автономии, которые могут для заданного набора целей, определенных человеком, делать прогнозы, рекомендации или принимать решения, его использование находит сегодня широкое применение в сфере финансов как частными лицами, так и финансовыми органами¹.

Искусственный интеллект в финансах следует рассматривать как технологию, которая расширяет человеческие возможности, а не заменяет их. Комбинация «человека и машины», где искусственный интеллект лишь информирует человеческое суждение (помощь в принятии решений вместо лица, принимающего решения), может позволить реализовать преимущества технологии, сохраняя при этом гарантии подотчетности и контроля в отношении окончательного принятия решений. Регулирующие органы играют определенную роль в обеспечении того, чтобы использование искусственного интеллекта в финансах соответствовало целям регулирования, направленным на обеспечение финансовой стабильности, защиту потребителей финансовых услуг и содействие целостности рынка и конкуренции. Для

этой цели может потребоваться уточнение и корректировка существующих требований, в первую очередь, с позиции защиты потребителей во всех приложениях искусственного интеллекта в финансах в отношении, например, использования и раскрытия персональных данных, а также отчетности².

Растущее внедрение искусственного интеллекта в финансовой сфере, в таких областях, как управление активами, алгоритмическая торговля, кредитный андеррайтинг или финансовые услуги на основе блокчейна, обеспечивается достаточным уровнем доступных данных и увеличением вычислительной мощности. Технология искусственного интеллекта позволяет реализовывать проекты, которые ранее были невозможны, но при этом должны оставаться лишь инструментом, отвечающим потребностям, стратегии или политике модернизации.

Так, в рамках публичных финансов искусственный интеллект уже применяется во Франции.

В частности, в рамках своей миссии по борьбе с уклонением от уплаты налогов Главное управление государ-

¹ Карцхия А.А. Искусственный интеллект как средство управления в условиях глобальных рисков // Мониторинг правоприменения. 2020. №1 (34). С.45–50. — С.47.

² Gensler, Gary and Bailey, Lily, Deep Learning and Financial Stability, 1.11.2020. // Available at SSRN: URL: <https://ssrn.com/abstract=3723132> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3723132> (дата обращения: 15.03.2025)

ственных финансов Франции (DGFIP) уже несколько лет использует искусственный интеллект, чтобы лучше ориентировать свои контрольные операции.

В 2017 году DGFIP приступила к процессу модернизации своего механизма анализа рисков, основанного на раскрытии данных, обогащении методов анализа за счет использования статистических методов и усилении организации работы различных субъектов. В настоящее время внедренный механизм охватывает около 200 тем, связанных с налоговыми рисками специалистов, и около пятидесяти — с налоговыми рисками физических лиц.

Этап таргетирования операций, предшествующий процессу аудита, во многом определяет результаты всей цепочки налоговых проверок. Исходя из того факта, что у DGFIP есть большой объем данных в различных областях, касающихся как юридических, так и физических лиц, DGFIP приступила к модернизации своих аналитических технологий с помощью искусственного интеллекта и интеллектуального анализа данных, который состоит из анализа и перекрестной проверки всей информации, доступной DGFIP, с целью выявления в ней профилей мошенничества. Методы машинного обучения позволяют с помощью статистических или математических методов определить критерии, характеризующие мошенника, и, таким образом, составить профиль мошенничества, который будет применяться к целевой группе.

Наряду с этими технологиями используются эффекты раскрытия, которые стали возможными благодаря существованию единого хранилища данных, для обнаружения простых аномалий (несоответствий между различными декларациями, ошибками и т.д.) или для обогащения и автоматизации определенных запросов, разработанных на местном уровне. Преимущество этого единого хранилища заключается не только в том, что данные появляются в обычно используемых приложениях программирования, но и в возможности выйти за пределы этих приложений, сопоставляя их информацию с более многочисленными и более свежими данными.

Эта работа осуществляется в тесном сотрудничестве с центрами программирования. Что касается мошенничества, связанного с профессионалами, это сотрудничество позволило построить более сотни статистических моделей или запросов, соответствующих такому же количеству налоговых рисков.

Рост масштабов контроля, направленного на интеллектуальный анализ данных, был основан на увеличении использования данных, не связанных с налоговыми декларациями, с тем чтобы получить более целостное представление о компаниях и частных лицах, учитывающее контекстные элементы (активы и поведение руково-

дителей, налоговая история, и т.д.). Также используются данные с платформ для совместной работы, полученные DGFIP, и данные, собранные в социальных сетях. Доля контроля, основанного на искусственном интеллекте, достигла почти 45 % в 2021 году³ и продолжает увеличиваться.

В середине 2017 года Государственное агентство финансовых информационных технологий (AIFE)⁴ изучила возможность применения методов искусственного интеллекта для иерархического контроля расходов для оптимизации проверок, проводимых бухгалтерами⁵. На основе проверок прошлых лет использование искусственного интеллекта позволяет автоматизировать обнаружение запросов на оплату с наибольшим риском. В настоящее время происходит замена существующей информационно-базовой системы на ИБС нового поколения, основанной как на нескольких бизнес-правилах, так и на прогностической модели с использованием методов искусственного интеллекта, основная задача которого сводится к сокращению количества проверок с одновременным ростом уровня выявления нарушений, что призвано повысить эффективность ИБС. Другими словами, речь идет о том, чтобы за счет улучшения таргетинга искусственного интеллекта на счета, которые необходимо контролировать, например, с помощью контроля над периметрами расходов, которые никогда не контролировались в прошлом, предоставить бухгалтерам возможность выявить и исправить причины нарушений и, таким образом, в конечном итоге снизить финансовый риск.

Приказом Министра бюджета, государственных счетов и гражданской администрации от 28 июля 2008 г. было создано компьютерное приложение для бюджетно-финансового и бухгалтерского управления Государства «Chorus»⁶, целью которого является управление расходами, неналоговыми доходами и государственным учетом в соответствии с положениями Органического закона № 2001-692 от 1 августа 2001 г. о финансовом законодательстве.

³ DGFIP : les contrôles fiscaux s'appuient de plus en plus sur l'Intelligence Artificielle et le data-mining // URL: <https://www.actuia.com/actualite/dgip-les-contrôles-fiscaux-sappuient-de-plus-en-plus-sur-lintelligence-artificielle-et-le-data-mining/> (дата обращения: 19.03.2025)

⁴ Décret n°2005-122 du 11 février 2005 portant création d'un service à compétence nationale dénommé "Agence pour l'informatique financière de l'Etat" // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000239773> (дата обращения: 19.03.2025)

⁵ L'IA et la datascience pour un meilleur contrôle des dépenses de l'État // URL: <https://www.economie.gouv.fr/aife/lia-et-datascience-pour-meilleur-contrôle-des-dépenses-letat> (дата обращения: 19.03.2025)

⁶ Arrêté du 28 juillet 2008 portant création d'une application informatique pour la gestion budgétaire, financière et comptable de l'Etat dénommée « CHORUS » // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000019295579/> (дата обращения: 19.03.2025)

В сентябре 2018 года была создана многопрофильная проектная команда, состоящая из бизнес-экспертов DGFIP, экспертов по искусственному интеллекту, экспертов SAP (программный пакет, на котором основан Chorus), архитекторов данных и ученых, которые на базе регионального Управления государственных финансов Бретани сформировали платформу искусственного интеллекта, призванного выявлять нарушения в сфере публичных финансов.

Приказом Министра бюджета, государственных счетов и гражданской администрации Франции от 29 января 2019 года был создан процесс автоматизированной обработки прогнозного анализа, связанной с контролем государственных расходов⁷. В соответствии с Приказом автоматизированная обработка основана на методах искусственного интеллекта и на наборе правил, определенных Генеральным директором государственных финансов. Автоматизированная обработка анализирует результаты контроля расходов, проведенного бухгалтерами, назначенными государству, в соответствии с характеристиками операций. Эти характеристики, в частности, включают данные, касающиеся поставщиков, организации цепочки расходов и бюджетных и бухгалтерских ассигнований. Автоматизированная обработка периодически дополняется результатами контроля бухгалтеров, назначенных государству. Данная система предназначена для выявления возможных нарушений всех видов.

Чат-боты, или разговорные помощники — еще один пример использования искусственного интеллекта в финансовом праве. Этой технологии уже более пятидесяти лет, первый чат-бот под названием «Элиза» был разработан в 1966 году и имитировал общение с терапевтом⁸. Цель чат-бота — взаимодействовать с пользователем, помочь в поиске необходимой информации в отличие от поисковой системы, лишь предоставляющей большой объем данных, в которых пользователь должен сам отобрать нужные ему сведения. Преимущество чат-ботов в том, что они способны понимать естественный язык пользователя и, что более важно, учиться на каждом разговоре. Они обогащают свою базу знаний и способны понимать, несмотря на орфографические ошибки или неточные выражения. Использование чат-ботов в сфере финансовых отношений и финансового контроля могло бы существенно оптимизировать взаимоотношения хозяйствующих субъектов и надзорных органов.

⁷ Arrêté du 29 janvier 2019 portant création d'un traitement automatisé d'analyse prédictive relatif au contrôle de la dépense de l'Etat // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000038094214/> (дата обращения: 19.03.2025)

⁸ ELIZA: a very basic Rogerian psychotherapist chatbot // URL: <https://web.njit.edu/~ronkowitz/eliza.html> (дата обращения: 20.03.2025)

Таким образом, основная задача использования искусственного интеллекта в сфере публичных финансов — повышение эффективности борьбы с уклонением от уплаты налогов и обработки государственных расходов, обеспечение качества прогнозов, представленных в проекте закона о бюджете, содействие доступности и ясности налогового стандарта. Борьба с уклонением от уплаты налогов направлена на выявление всех нарушений налогового законодательства, которые наносят ущерб как конкуренции между экономическими субъектами, так и государственным доходам. Действия налоговых органов включают в себя выявление и наказание за поведение, выявляющее характерное отношение к мошенничеству со стороны налогоплательщиков, которые намеренно отказываются от выполнения своих обязательств в этом отношении, а также передачу ряда таких дел судебным органам. Мошенническое поведение постоянно адаптируется к окружающей среде, и развиваются более сложные, более изощренные мошенничества. В этом контексте разработка программ управления искусственным интеллектом и интеллектуального анализа данных направлена на то, чтобы путем более эффективного таргетинга увеличить количество обнаруженных, исправленных и восстановленных случаев мошенничества. Контроль за международными операциями является важным направлением налогового контроля. Эффективность борьбы с мошенничеством также требует повышения качества и профессионализации системы налогового контроля. Она направлена на то, чтобы путем усиления синергизма между всеми заинтересованными сторонами активизировать процесс взыскания просроченной задолженности, который является важной целью процедур налогового контроля.

В Российской Федерации вспомогательным инструментом в вопросах налогового контроля является технология «АСК НДС-2»⁹, которая аккумулирует в себе информацию о плательщиках налога на добавленную стоимость, позволяя проследить процесс уплаты налога на всех стадиях реализации товаров, работ и услуг. Внедрение такого автоматизированного риск-ориентированного подхода при контроле за возмещением НДС стало одним из факторов, позволивших достичь роста поступлений НДС. Глобальной системой налогового мониторинга является введенная в эксплуатацию Приказом ФНС от 14 марта 2016 г. N ММВ-

⁹ Приказ ФНС России от 16.11.2016 № ММВ-7-12/622@ «О вводе в промышленную эксплуатацию модернизированного программного обеспечения подсистемы «Визуальный сетевой анализ объектов и связей» АИС «Налог-3» в части интеграции с программными средствами, обеспечивающими автоматизацию перекрестных проверок, реализующих функции камеральной налоговой проверки налоговых деклараций по НДС на основе сведений из книг покупок, книг продаж и журналов учета выставленных и полученных счетов-фактур («АСК НДС-2»)» // Документ официально не опубликован. СПС «КонсультантПлюс».

7-12/134@ «Об утверждении Положения об автоматизированной информационной системе Федеральной налоговой службы (АИС «Налог-3»)» технология АИС «Налог-3»¹⁰. Согласно Положению, эта технология представляет собой единую информационную систему ФНС России, обеспечивающую автоматизацию деятельности ФНС России по всем выполняемым ФНС функциям, в том числе прием, обработку, предоставление данных и анализ информации, формирование информационных ресурсов налоговых органов, статистических данных, сведений, необходимых для обеспечения поддержки принятия управленческих решений в сфере полномочий ФНС России и предоставления информации внешним потребителям.

К вопросу цифровизации в сфере публичных финансов серьезно относится и Швейцария. Актуальность проблемы для страны определяется коллизией между традиционными устоями финансового рынка страны, такими, как стабильность, безопасность и доверие, и использованием новых цифровых технологий с сфере сотрудничества и предоставления финансовых услуг, создающее беспрецедентные возможности и риски. Так, в 2017 году в банковском праве был введен принцип «песочницы», в 2019 году — новую лицензию на Fintech¹¹, а в 2021 году был принят Федеральный закон об адаптации федерального законодательства к разработкам в области технологий распределенных электронных реестров¹².

В июне 2018 года Парламент Швейцарии утвердил включение положений о содействии инновациям в Закон о банковской деятельности и создал дополнительную категорию разрешений (разрешение Fintech) для учреждений, которые принимают депозиты от населения до 100 миллионов франков, без проведения активных операций, то есть без инвестирования или возмещения вкладов. Условия авторизации финансовых технологий были конкретизированы Федеральным советом в контексте частичного пересмотра Постановления о банковской деятельности¹³. В отличие от Fintech-разрешения, нерегулируемое пространство песочницы уже действу-

ет в стране с августа 2017 года. В рамках так называемого исключения «песочницы» депозиты от населения могут приниматься без разрешения Органа по надзору за финансовыми рынками Швейцарии (FINMA) в размере до 1 миллиона франков. При этом обязательства закона об отмывании денег должны соблюдаться, и членство в саморегулируемой организации является необходимым.

Новое разрешение направлено на продвижение инновационных бизнес-моделей. В зависимости от организации бизнес-модели, Fintech-авторизация может быть рассмотрена для поставщиков платежных услуг, хранителей криптовалюты или краудлендеров. Принципиальная структура лицензирования Fintech соответствует швейцарскому подходу к регулированию. FINMA опубликовала на своем веб-сайте практическое руководство, в котором изложены требования к соответствующим запросам на авторизацию, чтобы обеспечить их максимально быструю обработку¹⁴.

Поскольку использование и защита данных, облачность, кибербезопасность, искусственный интеллект, технологии распределенных реестров (TRD) и устойчивое развитие преобразуют финансовый рынок, государственному Секретариату по международным финансовым вопросам (MFI) необходимо заняться этими темами, чтобы открыть новые возможности для создания новых систем.

Одним из направлений, в котором Конфедерация играет роль координатора и катализатора, являются «открытые финансы» — совместное использование финансовых данных по запросу клиента с помощью безопасных и стандартизированных интерфейсов, что предоставляет клиенту возможность осуществлять контроль над своими данными и способствует появлению новых моделей сотрудничества (управление картами, страховыми полисами или подпиской на приложение). Второй проект — «открытая фортуна», которая предлагает программные интерфейсы, предназначенные для управления капиталом.

Технология распределенных регистров (TRD) представляет собой еще одну перспективное направление. Что касается этого метода, то был выбран так называемый восходящий подход: рынки и общество выбирают технологии, в то время как политики стремятся создать оптимальную и благоприятную среду для инноваций. Кроме того, Конфедерация выступает в международных организациях, таких как Совет по финансовой стабиль-

¹⁰ Приказ ФНС России от 14.03.2016 № ММБ-7-12/134@ «Об утверждении Положения об автоматизированной информационной системе Федеральной налоговой службы (АИС «Налог-3»)» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195780/ (дата обращения: 23.03.2025)

¹¹ Loi fédérale sur les banques et les caisses d'épargne // URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/51/117_121_129/fr (дата обращения: 23.03.2025)

¹² Loi fédérale sur l'adaptation du droit fédéral aux développements de la technologie des registres électroniques distribués // URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/oc/2021/33/fr> (дата обращения: 24.03.2025)

¹³ Ordonnance du 17 mai 1972 sur les banques et les caisses d'épargne (Ordonnance sur les banques, OB) // URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1972/821_832_752/fr (дата обращения: 24.03.2025)

¹⁴ Guide pratique pour les demandes concernant une autorisation en tant que personne au sens de l'art. 1b de la loi sur les banques (autorisation Fintech) // URL: https://www.finma.ch/~media/finma/dokumente/dokumentencenter/myfinma/1bewilligung/fintech/w_bewilligungfintech_20210802_de.pdf?sc_lang=fr&hash=1D6233BEC133077D0D6B8C3A82E2C52D (дата обращения: 23.03.2025)

ности, за идею регулирования, благоприятного для инноваций.

Таким образом, в вопросе цифровизации в финансовом праве Швейцарская конфедерация на сегодняшний день сделала основной акцент на регулировании банковского сектора, предложив модель симбиоза традиций и инноваций.

Подводя итог, можно сделать вывод, что цифровые технологии успешно применяются государством в сфере финансового контроля и надзора, в первую очередь, с целью максимального охвата необходимых данных, в том числе через подключение к внешним источникам информации, снижения издержек и трудозатрат, сокращения времени проведения контрольно-надзорных мероприятий, оптимизации и эффективности финансового контроля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карцхия А.А. Искусственный интеллект как средство управления в условиях глобальных рисков // Мониторинг правоприменения. 2020. №1 (34). С.45–50.
2. DGFiP : les contrôles fiscaux s'appuient de plus en plus sur l'Intelligence Artificielle et le data-mining // URL: <https://www.actuia.com/actualite/dgfip-les-contrôles-fiscaux-sappuient-de-plus-en-plus-sur-lintelligence-artificielle-et-le-data-mining/>
3. ELIZA: a very basic Rogerian psychotherapist chatbot // URL: <https://web.njit.edu/~ronkowit/eliza.html>
4. Gensler, G., Bailey, L. Deep Learning and Financial Stability, 1.10.2020 // URL: <https://ssrn.com/abstract=3723132>
5. Guide pratique pour les demandes concernant une autorisation en tant que personne au sens de l'art. 1b de la loi sur les banques (autorisation Fintech) // URL: https://www.finma.ch/~media/finma/dokumente/dokumentencenter/myfinma/1bewilligung/fintech/w_bewilligungfintech_20210802_de.pdf?sc_lang=fr&hash=1D6233BEC133077D0D6B8C3A82E2C52D
6. L'IA et la datascience pour un meilleur contrôle des dépenses de l'État // URL: <https://www.economie.gouv.fr/aife/lia-et-datascience-pour-meilleur-control-des-depenses-letat>

© Рыжкова Евгения Константиновна (ryzhkova_e_k@my.mgimo.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СИСТЕМЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Степаненко Дмитрий Михайлович

кандидат экономических наук, кандидат юридических наук, Белорусско-Российский университет (Могилев)
erstesieger@mail.ru

THE STATE SUPPORT FOR SMALL AND MEDIUM ENTREPRENEURSHIP IN THE SYSTEM OF THE ECOLOGICAL POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS: PROBLEMS OF THE LEGISLATIVE REGULATION

D. Stepanenko

Summary. The purpose of the research is to develop recommendations for improving the legislative framework of the Republic of Belarus regulating the realization of the state support for the development of the small and medium entrepreneurship in the context of the realization of the ecological policy of the state. The following were used in the course of the research: scientific works on the issues of the state support for the development of the small and medium entrepreneurship; regulatory legal acts of the Republic of Belarus regulating public relations related to the realization of the state support for the development of the small and medium entrepreneurship, the formation and realization of the ecological policy of the state. The role and place of the state support for small and medium entrepreneurship in the context of the system integration of the ecological and innovation policies of the state are researched. The legal prerequisites for the realization of the ecological policy of the state related to the development of the small and medium entrepreneurship are identified. The author's recommendations for improving the legislative framework of the Republic of Belarus regulating the realization of the state support for the development of the small and medium entrepreneurship in the context of the realization of the ecological policy of the state are formulated. The results of the research can be applied in lawmaking activity and in the course of further scientific research on the role of the small and medium entrepreneurship in the system of the realization of the state ecological policy.

Keywords: small entrepreneurship; medium entrepreneurship; state; ecological policy of the state; law; innovation policy of the state; ecological innovation; environmental protection.

Аннотация. Целью исследования является разработка рекомендаций по совершенствованию законодательной базы Республики Беларусь, регулирующей осуществление государственной поддержки развития малого и среднего предпринимательства в контексте реализации экологической политики государства. В ходе проведения исследования использовались: научные труды по проблематике государственной поддержки развития малого и среднего предпринимательства; нормативные правовые акты Республики Беларусь, регулирующие общественные отношения, связанные с реализацией государственной поддержки развития малого и среднего предпринимательства, формированием и реализацией экологической политики государства. Исследованы роль и место государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в контексте системной интеграции экологической и инновационной политики государства. Выявлены юридические предпосылки реализации экологической политики государства, связанные с развитием малого и среднего предпринимательства. Сформулированы авторские рекомендации по совершенствованию законодательной базы Республики Беларусь, регулирующей осуществление государственной поддержки развития малого и среднего предпринимательства в контексте реализации экологической политики государства. Результаты исследования могут быть применены в нормотворческой деятельности и в ходе проведения дальнейших научных исследований роли малого и среднего предпринимательства в системе реализации государственной экологической политики.

Ключевые слова: малое предпринимательство; среднее предпринимательство; государство; экологическая политика государства; закон; инновационная политика государства; экологическая инновация; охрана окружающей среды.

Развитие малого и среднего предпринимательства является важной сферой приложения экологической политики государства. Это связано с тем, что в современных условиях любой бизнес должен осознавать всю полноту своей ответственности за сохранение надлежащего качества окружающей природной среды. В то же время обеспечение достойных условий жизни

членов общества объективным образом предполагает деятельность государства по установлению соответствующих норм экологического законодательства, задающих общественно необходимые рамки развития бизнеса.

Поддержка со стороны государства развития малого и среднего предпринимательства является важ-

ным фактором системной интеграции инновационной и экологической политики государства, становления государственной инновационной политики в области охраны окружающей среды и природопользования. Учет данного обстоятельства объективным образом обуславливает необходимость нормативного закрепления в законодательной базе государства, регулирующей осуществление инновационной и экологической политики государства, норм и положений, целевым образом ориентированных на то, чтобы задействовать на практике соответствующий потенциал малого и среднего предпринимательства. В свою очередь, нормы законодательства государства, регулирующие деятельность субъектов малого и среднего бизнеса и ее поддержку со стороны государства, призваны содержать в себе меры и стимулы, ориентированные на поддержку новаторской активности малых и средних организаций, а также их участия в природоохранной деятельности.

Экологизация деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, предполагающая устранение (минимизацию) негативного воздействия соответствующей антропогенной хозяйственной деятельности на окружающую природную среду и достижение максимальной эффективности использования природных ресурсов, призвана выступать в качестве важного целевого ориентира воздействия на деятельность субъектов малого и среднего бизнеса в рамках осуществления экологической политики государства.

Эффективная реализация на практике в законодательной базе государства обозначенного целевого ориентира является важным фактором как повышения эффективности реализации государственной экологической политики, так и обеспечения системной интеграции инновационной и экологической политики государства.

Законом Республики Беларусь «О поддержке малого и среднего предпринимательства» поддержка малого и среднего предпринимательства определена как реализация государственными органами и иными организациями правовых, экономических, социальных, информационных, консультационных, образовательных, организационных и иных мер по созданию благоприятных условий для развития субъектов малого и среднего предпринимательства и субъектов инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства. К субъектам малого предпринимательства в Беларуси относятся: 1) физические лица, осуществляющие индивидуальную предпринимательскую деятельность; 2) малые организации — коммерческие организации со средней численностью работников за календарный год до 100 человек включительно. В свою очередь, к субъектам среднего предпринимательства в Республике Беларусь относятся коммерческие организации со средней

численностью работников за календарный год от 101 до 250 человек включительно [1].

Малое и среднее предпринимательство играет важную роль в экономике страны. В частности, малое и среднее предпринимательство, активно реагируя на изменение рыночных отношений, придает экономике максимальную гибкость, позволяет ей очень быстро адаптироваться к вызовам внешней среды [2]. Специализация и небольшие объемы производства, гибкость и оперативность позволяют малым и средним предприятиям легко встраиваться в производственно-сбытовые цепочки многонациональных предприятий в качестве производителей комплектующих и услуг и тем самым получать доступ на международные рынки [3].

Вместе с тем, Н.В. Седова и А.Н. Назаренко обращают внимание на то, что развитие малого и среднего предпринимательства является одним из ключевых направлений компенсации угроз экономической безопасности в социальной, производственной и иных сферах [4].

Важная роль малого и среднего предпринимательства в обеспечении гибкости экономики страны, развития ее экспортных возможностей, экономической безопасности государства объективным образом обуславливает необходимость активной инфраструктурной поддержки малого и среднего бизнеса и эффективного законодательного регулирования такой поддержки.

Субъектами инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь являются центры поддержки предпринимательства и инкубаторы малого предпринимательства, основной целью деятельности которых является оказание субъектам малого и среднего предпринимательства содействия в организации и осуществлении предпринимательской деятельности [1].

В настоящий момент на территории Республики Беларусь функционируют 75 центров поддержки предпринимательства и 18 инкубаторов малого предпринимательства. В региональном разрезе функционирующие в Беларуси субъекты инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства распределены следующим образом: 1) Брестская область — 6 центров поддержки предпринимательства и 2 инкубатора малого предпринимательства; 2) Витебская область — 7 центров поддержки предпринимательства и 3 инкубатора малого предпринимательства; 3) Гомельская область — 7 центров поддержки предпринимательства и 3 инкубатора малого предпринимательства; 4) Гродненская область — 17 центров поддержки предпринимательства; 5) Минская область — 15 центров поддержки предпринимательства и 3 инкубатора малого предпринимательства; 6) Могилевская область — 8 центров поддержки

предпринимательства и 4 инкубатора малого предпринимательства; 7) город Минск — 15 центров поддержки предпринимательства и 3 инкубатора малого предпринимательства [5].

В Республике Беларусь реализуется Государственная программа «Малое и среднее предпринимательство» на 2021–2025 годы, в качестве одного из приоритетов которой обозначено стимулирование субъектов малого и среднего предпринимательства к созданию высокопроизводительных, экспортоориентированных и инновационных организаций. При этом в указанной программе отмечается, что ее реализация призвана способствовать достижению Цели 9 «Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям» из числа целей в области устойчивого развития, сформулированных в Декларации «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», утвержденной Резолюцией Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 25 сентября 2015 года [6; 7].

Анализируя особенности законодательного регулирования предпринимательской деятельности в Беларуси в контексте реализации экологической политики государства, необходимо акцентировать внимание на формулировке определения термина «охрана окружающей среды (природоохранная деятельность)» в тексте Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды». Охрана окружающей среды (природоохранная деятельность) определена в указанном нормативном правовом акте как деятельность государственных органов, общественных объединений, органов территориального общественного самоуправления, иных юридических лиц, физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, направленная на сохранение и восстановление природной среды, рациональное (устойчивое) использование природных ресурсов и их воспроизводство, предотвращение вредного воздействия на окружающую среду и ликвидацию его последствий [8].

Особенностью дефиниции термина «охрана окружающей среды (природоохранная деятельность)» в Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» является то, что смысловое содержание охраны окружающей среды не исчерпывается только деятельностью государственных органов, осуществляемой ими в рамках реализации экологической политики государства. Природоохранная деятельность в данном случае включает в себя деятельность и иных субъектов (в общей совокупности которых подразумеваются в том числе субъекты предпринимательской деятельности), ориентированную на сохранение и восстановление окружающей природной среды и рационализацию использования имеющегося природно-ресурсного потенциала.

Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» устанавливает в качестве одного из основных принципов регулирования отношений в области охраны окружающей среды обязательность участия в деятельности по охране окружающей среды государственных органов, общественных объединений, органов территориального общественного самоуправления, иных юридических лиц, физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей [8].

Тем самым на законодательном уровне на субъектов малого и среднего бизнеса возлагается обязанность осуществлять свою деятельность с учетом экологического фактора, обеспечивать минимизацию (а в идеале — полное устранение) негативных последствий предпринимательской деятельности для окружающей природной среды. При этом основополагающей предпосылкой осуществления предпринимательской деятельности с учетом обозначенного экологического фактора является создание и внедрение инноваций, осуществление субъектами хозяйствования инновационной деятельности в ее всевозможных проявлениях.

Законодательная норма, устанавливающая обязанность субъектов предпринимательства принимать участие в природоохранной деятельности, является важной юридической предпосылкой системной интеграции инновационной и экологической политики государства. Указанная норма косвенным образом стимулирует субъектов малого и среднего бизнеса проявлять инновационную активность, производить экологически чистую инновационную продукцию, внедрять экологически чистые технологии прогрессивного шестого технологического уклада.

В качестве еще одного из основных принципов регулирования отношений в области охраны окружающей среды Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» устанавливает финансирование юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими хозяйственную и (или) иную деятельность, которая приводит или может привести к вредному воздействию на окружающую среду, мер по предотвращению и (или) уменьшению вредного воздействия на окружающую среду, устранению последствий этого воздействия [8].

Обозначенная норма также вписывается в контекст интеграции экологической и инновационной политики государства, поскольку именно внедрение субъектами предпринимательской деятельности инноваций может выступать во многих случаях в качестве мер по предотвращению и (или) уменьшению вредного воздействия на окружающую среду, устранению последствий этого воздействия.

На стимулирование субъектов малого и среднего предпринимательства внедрять экологические инновации ориентировано и установление в Республике Беларусь на законодательном уровне нормативов допустимого воздействия на окружающую среду. Указанные нормативы устанавливаются в целях предотвращения вредного воздействия на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Нормативы допустимого воздействия на окружающую среду в Беларуси охватывают собой: нормативы допустимой антропогенной нагрузки на окружающую среду; нормативы допустимых выбросов и сбросов химических и иных веществ; нормативы допустимых физических воздействий; нормативы образования отходов производства; нормативы допустимого изъятия (добычи) природных ресурсов; нормативы допустимой нагрузки на особо охраняемые природные территории [8].

Инновационная активность субъектов малого и среднего бизнеса, реализация ими на практике перспективных достижений научно-технического прогресса являются важнейшими предпосылками высокой эффективности осуществляемой малыми и средними организациями производственной деятельности при строгом соблюдении при этом нормативов допустимого воздействия на окружающую среду.

Стимулирующее воздействие на субъекты малого и среднего предпринимательства с целью создания у них побудительных мотивов к реализации на практике экологических инноваций осуществляется в том числе посредством закрепления в Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» необходимости использования организациями, осуществляющими хозяйственную деятельность, наилучших доступных технических методов. В частности, законодатель устанавливает, что одним из основных принципов регулирования отношений в области охраны окружающей среды является снижение вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду на основе использования наилучших доступных технических методов, обеспечивающих выполнение требований в области охраны окружающей среды, с учетом экономических и социальных факторов. Кроме того, законодатель обязывает юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих хозяйственную и иную деятельность, оказывающую вредное воздействие на окружающую среду, планировать, разрабатывать и проводить мероприятия по охране окружающей среды, рациональному (устойчивому) использованию природных ресурсов [8].

Юридическим инструментом стимулирования субъектов бизнеса внедрять в ходе своей деятельности

экологические инновации выступает и установленная в Беларуси на законодательном уровне норма о том, что юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие хозяйственную и иную деятельность, связанную с выбросами парниковых газов в атмосферный воздух, обязаны сокращать объемы выбросов этих газов и (или) веществ, способствующих их образованию, накопление которых в атмосфере может привести к изменению климата, путем внедрения наилучших доступных технических методов [8].

Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» нормативно закрепляет ряд важных экологических прав субъектов предпринимательской деятельности, реализация которых на практике способна иметь существенное значение в контексте системной интеграции экологической и инновационной политики государства. Речь идет о таких экологических правах субъектов предпринимательства, как: 1) право на разработку, пропаганду и реализацию программ рационального (устойчивого) использования природных ресурсов и охраны окружающей среды, защиту прав и законных интересов физических лиц в области охраны окружающей среды, привлечение на добровольной основе физических лиц к осуществлению деятельности в области охраны окружающей среды; 2) право на участие в разработке проектов государственных и иных программ рационального (устойчивого) использования природных ресурсов и охраны окружающей среды, региональных комплексов соответствующих мероприятий; 3) право на проведение за счет собственных и привлеченных средств мероприятий по восстановлению природной среды и обеспечению экологической безопасности; 4) право на внесение в государственные органы и направление должностным лицам предложений по вопросам охраны окружающей среды и рационального (устойчивого) использования природных ресурсов; 5) право на участие в общественных обсуждениях проектов экологически значимых решений, отчетов об оценке воздействия на окружающую среду, экологических докладов по стратегической экологической оценке; 6) право на доступ к экологической информации [8].

Разработка, пропаганда и реализация программ рационального (устойчивого) использования природных ресурсов и охраны окружающей среды объективным образом предполагают использование в экологических целях перспективных достижений научно-технического прогресса, внедрение в деятельность субъектов предпринимательской деятельности и реализацию на практике прогрессивных экологических нововведений. Такого рода экологические инновации могут быть одновременно ориентированы на достижение как сугубо коммерческих целей субъектов бизнеса (экологически чистая продукция может быть фактором повышенного спроса на нее со стороны потребителей), так и обще-

ственно значимых целей сохранения окружающей природной среды и рационализации природопользования.

Законодательное закрепление права коммерческих юридических лиц на привлечение на добровольной основе физических лиц к осуществлению деятельности в области охраны окружающей среды является юридической предпосылкой создания и функционирования в рамках соответствующих организаций структурных подразделений, занятых разработкой и внедрением наилучших доступных технических методов, иных экологических инноваций, научными исследованиями экологической направленности.

В свою очередь, нормативное закрепление на законодательном уровне права субъектов предпринимательской деятельности на участие в разработке проектов государственных и иных программ рационального (устойчивого) использования природных ресурсов и охраны окружающей среды является юридической предпосылкой учета со стороны государства мнений, позиций и предложений бизнеса в рамках соответствующих экологических программ. Соответствующие предложения субъектов предпринимательства могут включать в себя новаторские идеи в области охраны окружающей среды и рационализации природопользования, требующие для их реализации на практике консолидации усилий и кооперации государства и бизнеса. На обеспечение необходимой кооперации государства и субъектов предпринимательской деятельности в деле охраны окружающей среды и обеспечения рационального природопользования ориентировано и право указанных субъектов на внесение в государственные органы предложений по вопросам совершенствования экологической политики государства. При этом следует учитывать, что кооперация деятельности государства и бизнеса и законодательное закрепление возможностей для ее осуществления являются важными факторами эффективной реализации инновационной политики государства в области охраны окружающей среды и природопользования.

Важными юридическими предпосылками реализации субъектами хозяйствования инновационных проектов экологической направленности, внедрения и использования ими передовых технологий перспективного шестого технологического уклада являются нормативно закрепленные права субъектов предпринимательства на доступ к экологической информации, участие в общественных обсуждениях проектов экологически значимых решений, проведение мероприятий по восстановлению природной среды и обеспечению экологической безопасности.

Экономическое стимулирование создания и внедрения экологических инноваций выступает в роли систем-

ной составляющей как экономического стимулирования охраны окружающей среды в целом, так и государственной инновационной политики в соответствующей области.

Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» в рамках экономического стимулирования охраны окружающей среды нормативно закрепляет возможность установления Президентом Республики Беларусь и (или) законами льгот отдельным категориям юридических лиц и индивидуальным предпринимателям. Необходимыми условиями для предоставления субъектам предпринимательской деятельности соответствующих льгот являются: 1) соблюдение субъектами предпринимательства режимов охраны и использования особо охраняемых природных территорий, природных территорий, подлежащих специальной охране; 2) рациональное (устойчивое) использование субъектами бизнеса природных ресурсов на территории переходных зон биосферных резерватов; 3) внедрение юридическими и физическими лицами, в том числе индивидуальными предпринимателями, наилучших доступных технических методов, малоотходных, энергосберегающих и ресурсосберегающих технологий; 4) использование субъектами предпринимательства специального оборудования, снижающего вредное воздействие на окружающую среду; 5) использование субъектами бизнеса отходов в качестве вторичных материальных ресурсов [8].

Установленные законодателем условия для предоставления льгот субъектам предпринимательской деятельности в рамках экономического стимулирования охраны окружающей среды являются важными юридическими предпосылками системной интеграции экологической и инновационной политики Белорусского государства. Поскольку наилучшие доступные технические методы, малоотходные, энергосберегающие и ресурсосберегающие технологии являются разновидностями экологических инноваций, то их внедрение коммерческими организациями и индивидуальными предпринимателями выступает в качестве целевого ориентира как экологической политики государства, так и его инновационной политики. Специальное оборудование, снижающее вредное воздействие на окружающую среду по сравнению с оборудованием, использовавшимся ранее, очевидным образом также будет являться инновационным. В свою очередь, использование субъектами предпринимательства отходов в качестве вторичных материальных ресурсов предполагает совершенствование технологической базы субъектов хозяйствования, внедрение организациями и индивидуальными предпринимателями передовых инновационных технологий.

Необходимо принимать во внимание, что ускорение темпов научно-технического прогресса имеет своим следствием сокращение сроков, в течение которых то или иное оборудование будет являться как конкурен-

тоспособным с экономической точки зрения, так и приемлемым для общества с экологической точки зрения. Новые научные разработки и их реализация на практике объективным образом обуславливают увеличение скорости морального устаревания оборудования, которое в современных условиях следует оценивать не только с экономических, но и экологических позиций. В рамках реализации своей экологической политики государство объективно заинтересовано в том, чтобы оборудование с более высокими экологическими характеристиками внедрялось действующими на его территории субъектами предпринимательства в как можно более короткие сроки после его появления на рынке. Поскольку такое оборудование будет являться инновационным, стимулирование его использования вписывается и в контекст инновационной политики государства.

В соответствующем контексте следует отметить нормативное закрепление в Республике Беларусь на законодательном уровне ускоренной амортизации оборудования и других объектов, предназначенных для охраны и восстановления окружающей среды в качестве инструмента экономического стимулирования охраны окружающей среды [8].

Амортизационное стимулирование инновационной деятельности субъектов хозяйствования, использующих оборудование, предназначенное для охраны и восстановления окружающей среды, является в данном случае важной составляющей государственной инновационной политики в области охраны окружающей среды и природопользования, опосредующей системную интеграцию экологической и инновационной политики государства.

Закон Республики Беларусь «О поддержке малого и среднего предпринимательства» устанавливает следующие основные цели государственной политики Беларуси в сфере поддержки малого и среднего предпринимательства: 1) создание благоприятных условий для развития субъектов малого и среднего предпринимательства и конкуренции; 2) оказание содействия субъектам малого и среднего предпринимательства в продвижении производимых ими товаров (выполняемых работ, оказываемых услуг) на рынок Республики Беларусь и рынки иностранных государств; 3) увеличение количества субъектов малого и среднего предпринимательства; 4) увеличение доли производимых субъектами малого и среднего предпринимательства товаров (выполняемых работ, оказываемых услуг) в объеме валового внутреннего продукта [1].

Вместе с тем, встраивание государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в систему реализации экологической политики государства объективным образом обуславливает необходимость дополнения обозначенных целевых ориентиров соот-

ветствующей государственной деятельности. К числу основных целей государственной политики в сфере поддержки малого и среднего бизнеса, закрепленных в законодательной базе государства, следует также отнести оказание содействия субъектам малого и среднего предпринимательства в их деятельности, направленной на сохранение и восстановление природной среды, рациональное (устойчивое) и эффективное использование природных ресурсов и их воспроизводство, предотвращение вредного воздействия на окружающую среду и ликвидацию его последствий.

Установление в Беларуси на законодательном уровне обозначенного целевого ориентира государственной политики в сфере поддержки малого и среднего предпринимательства призвано сфокусировать внимание государства и общества не просто на поддержке деятельности субъектов малого и среднего бизнеса как таковой, но и на том, чтобы направить деятельность соответствующих субъектов в необходимое для общества русло. Речь в данном случае идет о том, чтобы государство системно способствовало тому, чтобы субъекты малого и среднего предпринимательства максимальным образом были ориентированы на учет экологического фактора в своей деятельности. Внедрение и использование субъектами малого и среднего бизнеса инновационных технологий, обеспечивающих сохранение и восстановление окружающей природной среды, наиболее рациональное и эффективное использование природных ресурсов, будет способствовать качественному совершенствованию всех сфер и областей общественной жизни.

В Республике Беларусь на законодательном уровне необходимо предусмотреть положения о том, что содействие деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, направленной на сохранение и восстановление природной среды, рациональное (устойчивое) и эффективное использование природных ресурсов и их воспроизводство, предотвращение вредного воздействия на окружающую среду и ликвидацию его последствий, может осуществляться путем: 1) содействия внедрению и использованию субъектами малого и среднего предпринимательства наилучших доступных технических методов; 2) содействия внедрению и использованию субъектами малого и среднего предпринимательства безотходных, малоотходных, энергосберегающих и ресурсосберегающих технологий; 3) оказания помощи при создании субъектами малого и среднего предпринимательства безотходных и малоотходных производств; 4) содействия участию субъектов малого и среднего предпринимательства в создании безотходных и малоотходных производств на условиях государственно-частного партнерства; 5) оказания помощи в продвижении экологически чистой продукции (товаров, работ, услуг) субъектов малого и среднего предпринимательства на зарубежные рынки; 6) содействия

участию субъектов малого и среднего предпринимательства в реализации программ и проектов по восстановлению и улучшению качества окружающей природной среды; 7) содействия субъектам малого и среднего предпринимательства в деятельности по переработке и использованию в производственных процессах производственных и потребительских отходов; 8) содействия субъектам малого и среднего предпринимательства в использовании специального оборудования, устраняющего или снижающего вредное воздействие на окружающую среду.

По результатам проведенного исследования могут быть сделаны следующие выводы:

- 1) в Республике Беларусь на законодательном уровне на субъектов малого и среднего предпринимательства возлагается обязанность осуществлять свою деятельность с учетом экологического фактора, обеспечивать минимизацию (а в идеале — полное устранение) негативных последствий предпринимательской деятельности для окружающей природной среды. Законодательная норма, устанавливающая обязанность субъектов предпринимательства принимать участие в природоохранной деятельности, стимулирует субъектов малого и среднего предпринимательства проявлять инновационную активность, производить экологически чистую инновационную продукцию, внедрять экологически чистые технологии прогрессивного шестого технологического уклада;
- 2) на стимулирование субъектов малого и среднего предпринимательства внедрять экологические инновации ориентировано установление в нормативно-правовой базе Республики Беларусь нормативов допустимого воздействия на окружающую среду, необходимости использования

наилучших доступных технических методов, разработки и проведения мероприятий по охране окружающей среды и рациональному (устойчивому) использованию природных ресурсов;

- 3) реализация на практике экологических прав субъектов малого и среднего предпринимательства, нормативно закрепленных в Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», способна иметь существенное значение в контексте системной интеграции экологической и инновационной политики Белорусского государства;
- 4) важными юридическими предпосылками системной интеграции экологической и инновационной политики Белорусского государства являются установленные в Республике Беларусь на законодательном уровне в рамках экономического стимулирования охраны окружающей среды условия для предоставления льгот субъектам предпринимательской деятельности, а также возможность применения ускоренной амортизации оборудования и других объектов, предназначенных для охраны и восстановления окружающей среды;
- 5) перечень основных целей государственной политики в сфере поддержки малого и среднего предпринимательства, нормативно закрепленных в Законе Республики Беларусь «О поддержке малого и среднего предпринимательства», следует дополнить такой целью, как оказание содействия субъектам малого и среднего предпринимательства в их деятельности, направленной на сохранение и восстановление природной среды, рациональное (устойчивое) и эффективное использование природных ресурсов и их воспроизводство, предотвращение вредного воздействия на окружающую среду и ликвидацию его последствий.

ЛИТЕРАТУРА

1. О поддержке малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 1 июля 2010 г., № 148-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь. — Минск, 2025.
2. Веригина А.В. Перспективы развития малого и среднего предпринимательства в России с учетом адаптации зарубежного опыта / А.В. Веригина, А.Н. Никифорова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и Право. — 2023. — № 12. — С. 5–8.
3. Ключня В.Л. Институциональная поддержка интернационализации малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь: текущее состояние и направления совершенствования / В.Л. Ключня, В.Н. Козловская // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. — 2020. — № 14. — С. 55–61.
4. Седова Н.В. Развитие малого и среднего предпринимательства как фактор обеспечения экономической безопасности Российской Федерации / Н.В. Седова, А.Н. Назаренко // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2019. — Т. 15. — № 8. — С. 1424–1439.
5. Официальный сайт Министерства экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — URL: <https://economy.gov.by/ru> (дата обращения 05.06.2025).
6. О Государственной программе «Малое и среднее предпринимательство» на 2021 — 2025 годы [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 29 января 2021 г., № 56 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь. — Минск, 2025.
7. Декларация «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [Электронный ресурс]: Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, 25 сентября 2015 г., № 70/1 // Docs.cntd.ru — электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». — URL: <https://docs.cntd.ru/document/420355765> (дата обращения 05.06.2025).
8. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 26 ноября 1992 г., № 1982-XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь. — Минск, 2025.

© Степаненко Дмитрий Михайлович (erstesieger@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТАВСЕЛЕННЫЕ: ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ И МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЦИФРОВОЙ ЭПОХЕ

METAVERSES: LEGAL CHALLENGES AND REGULATORY MECHANISMS IN THE DIGITAL AGE

D. Chaikovsky

Summary. This article provides a comprehensive analysis of the legal problems arising in connection with the development of metaverses and virtual worlds. The author examines key issues of digital asset regulation, the legal status of virtual property, user identification mechanisms, as well as issues of jurisdiction and responsibility in digital spaces. Particular attention is paid to the comparative analysis of regulatory approaches in various legal systems and the development of proposals for improving legislation in this area. The article is based on an analysis of modern scientific research and regulatory legal acts.

Keywords: metaverse, virtual reality, digital property, NFT, blockchain, digital rights, regulation of virtual worlds.

Чайковский Дмитрий Станиславович

кандидат физ.-мат. наук, доцент,
Саратовская государственная юридическая академия
chaikovskyds@gmail.com

Аннотация. В данной статье проводится комплексный анализ правовых проблем, возникающих в связи с развитием метавселенных и виртуальных миров. Автор рассматривает ключевые вопросы регулирования цифровых активов, правового статуса виртуальной собственности, механизмов идентификации пользователей, а также проблем юрисдикции и ответственности в цифровых пространствах. Особое внимание уделяется сравнительному анализу подходов к регулированию и разработке предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере. Статья основана на анализе современных научных исследований и нормативно-правовых актов.

Ключевые слова: метавселенная, виртуальная реальность, цифровая собственность, NFT, блокчейн, цифровые права, регулирование виртуальных миров.

Феномен метавселенных, представляющих собой устойчивые, интерактивные трехмерные виртуальные пространства, объединяющие элементы виртуальной (VR) и дополненной реальности (AR) [1], блокчейн-технологий [2] и искусственного интеллекта, стал одним из наиболее значимых технологических трендов последних лет. По данным аналитического агентства McKinsey, глобальные инвестиции в развитие метавселенных в 2021-2022 годах превысили 120 миллиардов долларов США, что свидетельствует о серьезных экономических перспективах данного направления [3].

Однако стремительное развитие технологий виртуальных миров создает значительные вызовы для правовых систем различных государств. Как отмечает профессор Гарвардской школы права Лоуренс Лессиг, «виртуальные пространства развиваются гораздо быстрее, чем способность законодателей осмыслить и урегулировать возникающие в них правовые отношения» [4]. Это утверждение особенно актуально для российской правовой системы, где вопросы регулирования метавселенных пока не нашли комплексного отражения в законодательстве.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки научно обоснованных подходов к правовому регулированию отношений в метавселенных, что соответствует приоритетным направлениям

развития цифрового права, обозначенным в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [5].

Целью настоящей статьи является выявление ключевых правовых проблем, связанных с развитием метавселенных, и разработка предложений по совершенствованию правового регулирования в данной сфере.

Правовая природа метавселенных: теоретические подходы

В современной юридической литературе отсутствует единое понимание правовой природы метавселенных. Можно выделить несколько основных подходов к их правовой квалификации:

- Технологическая платформа (М. Болл, 2021) [6]. Согласно этому подходу, метавселенная представляет собой прежде всего технологическую инфраструктуру, объединяющую различные цифровые сервисы и платформы.
- Цифровая экономическая экосистема (А. Арора, 2022) [7]. В рамках данного подхода акцент делается на экономических аспектах метавселенных, их роли как площадки для создания, обмена и монетизации цифровых активов.
- Новая форма социального взаимодействия (О.Ю. Ангел, 2023) [8]. Этот подход подчеркивает

социальную природу метавселенных как пространства для коммуникации, творчества и самовыражения пользователей.

В российском правовом поле начинает формироваться понимание метавселенных как сложного цифрового объекта, требующего комплексного правового регулирования. Метавселенная представляет собой не просто совокупность технологий, а новую правовую реальность, требующую разработки специальных регуляторных подходов [9].

Особую сложность представляет вопрос о правосубъектности метавселенных. В отличие от традиционных интернет-платформ, многие современные метавселенные строятся на принципах децентрализации и функционируют на основе блокчейн-технологий, что ставит вопрос о возможности их квалификации как субъектов права.

Правовой статус виртуальных активов и цифровой собственности

Одной из центральных правовых проблем метавселенных является вопрос о статусе виртуальных активов. В современных метавселенных пользователи могут приобретать, продавать и обменивать различные цифровые объекты: виртуальные земельные участки, предметы интерьера, одежду для аватаров и т.д. Эти активы часто оформляются в виде невзаимозаменяемых токенов (NFT), что создает новые вызовы для правовых систем.

В зарубежной практике прослеживается несколько подходов к регулированию виртуальных активов:

Признание имущественного характера (США). В 2022 году в Единый торговый кодекс США были внесены изменения, прямо признающие цифровые активы, включая NFT, объектами имущественных прав [10].

Контрактный подход (ЕС). Европейское законодательство пока не содержит специальных норм о виртуальных активах, оставляя регулирование соглашениям между пользователями и платформами.

Ограничительная модель (Китай). Регулирование оборота виртуальных активов (прежде всего криптовалют и NFT) в Китае является одним из самых жестких в мире. В 2024 году Китай ввёл полный запрет на криптовалютные операции.

В российской правовой системе вопрос о статусе виртуальных активов остается дискуссионным. Некоторые исследователи, в том числе Ю.В. Брисов и А.А. Победин, предлагают относить невзаимозаменяемые токены (NFT) к категории «иного имущества» по статье 128

Гражданского кодекса РФ [11]. Другие авторы (М.А. Рожкова) указывают на необходимость разработки специального правового режима для цифровых активов [12].

Особую сложность представляет вопрос о защите прав на виртуальную собственность. Традиционные механизмы гражданско-правовой защиты часто оказываются неприменимыми к цифровым активам, что требует разработки специальных процедур.

Проблемы идентификации и аутентификации в виртуальных мирах

Анонимность пользователей создает значительные сложности для правоприменительной практики. Можно выделить несколько ключевых проблем:

- Установление личности правонарушителей. В случае совершения противоправных действий в виртуальном пространстве (мошенничество, клевета и др.) возникает проблема идентификации виновного лица.
- Заключение сделок. Отсутствие надежных механизмов идентификации осложняет процесс заключения и исполнения договоров в метавселенных.
- Разрешение споров. Неясность относительно личности участников конфликта затрудняет процесс доказывания и разрешения споров.

В качестве возможных решений этих проблем можно рассматривать:

- Использование государственных систем цифровой идентификации (например, ЕСИА в России);
- Развитие репутационных систем на основе блокчейна;
- Внедрение механизмов цифровых подписей для значимых юридических действий.

Вопросы юрисдикции и ответственности

Отсутствие четких правил определения юрисдикции приводит к значительным правовым коллизиям. Особую сложность представляют случаи, когда:

- участники конфликта находятся в разных юрисдикциях;
- серверы платформы расположены в третьей стране;
- правонарушение совершено в виртуальном пространстве, но имеет последствия в реальном мире.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

Метавселенные представляют собой качественно новую правовую реальность, требующую разработки специальных подходов к регулированию. Наиболее актуальными правовыми проблемами являются: определение статуса виртуальных активов, вопросы идентификации пользователей и проблемы юрисдикции.

Для решения этих проблем необходимо:

- Разработать специальное законодательство о цифровых активах;
- Создать международные стандарты регулирования метавселенных;

- Внедрить эффективные механизмы цифровой идентификации;
- Развивать системы альтернативного разрешения споров в виртуальных мирах.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется анализ возможностей применения технологий блокчейна и смарт-контрактов для создания систем саморегулирования в метавселенных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чайковский Д.С., Изотова В.Ф. Влияние технологий AR и VR на образовательный процесс // Информационные технологии в образовании. 2020. № 3. С. 316–319.
2. Чайковский Д.С., Изотова В.Ф. Аспекты правового статуса технологии блокчейн // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2023. № 6. С. 190–192.
3. McKinsey & Company. The Metaverse: What It Is and Why It Matters. 2022.
4. Lessig L. The Law of the Virtual Worlds // California Law Review. VOL. 92. JANUARY 2004. No. 1.
5. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».
6. Ball M. The Metaverse: And How It Will Revolutionize Everything. N.Y., 2021.
7. Arora A. Legal Dimensions of the Metaverse Economy // Stanford Law Review. 2022. Vol. 74.
8. Ангел О. Ю. Метавселенная как новый медиафеномен социума: перспективы создания и социальные последствия // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 221–226. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-221-226>. EDN LHYKCG
9. Ковалева, Н.Н. Метавселенные: проблемы правового регулирования / Н.Н. Ковалева, В.Ф. Изотова, Д.С. Чайковский, И.В. Шахновская [и др.] // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. — 2024. — № 4(69). — С. 119–123. — DOI: 10.52928/2070-1632-2024-69-4-119-123
10. Uniform Commercial Code. Article 12. 2022.
11. Ю.В. Брисов, А.А. Победкин. Правовой режим NFT (non-fungible token) в России // Цифровое право. Том 3, № 1, 2022, с. 44–66.
12. М.А. Рожкова. Проблемы установления самостоятельного правового режима для цифровых объектов // Суд по интеллектуальным правам <http://ipc magazine.ru/articles/1816485/>.
13. Ковалева Н.Н., Изотова В.Ф., Чайковский Д.С. Умный город и искусственный интеллект: правовые аспекты // Информационное право. 2022. № 3 (73). С. 3–9.
14. Чайковский Д.С., Изотова В.Ф. Проблемы информационной безопасности больших данных // Взаимодействие власти, бизнеса и общества при формировании информационно-коммуникативной культуры граждан. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2021. С. 253–256.
15. Ересько П.В. Создание и модификация шаблонов типовых юридических документов компьютерными программными средствами // Вестник Саратовской государственной академии права. — 2008. — № 6(64). — С. 135–139

© Чайковский Дмитрий Станиславович (chaikovskyds@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УРОВНЕВЫЙ РЯД КАТЕГОРИИ «КОНТРОЛЬ»

LEVEL SERIES OF THE «CONTROL» CATEGORY

**E. Shabalina
S. Sherstyuk**

Summary. The article examines the level series of the category «control» based on the methodology of system analysis, which is important for building a modern control paradigm. The purpose of the study is to systematize and supplement the existing knowledge about control in law. The article consistently argues that the level series of the category «control» includes two elements. In conclusion, it is concluded that the level series of the category «control» is a combination of public and state control, with a focus on the significance of each level and their structural composition, which is determined by the characteristics of society and the state.

Keywords: level, control, public control, state control, legal institution, characteristics of control levels, classification bases for levels.

Шабалина Евгения Ивановна

кандидат юридических наук, доцент,
Автономная некоммерческая организация
высшего образования Белгородский университет
кооперации, экономики и права
evish13@yandex.ru

Шерстюк Сергей Алексеевич

Аспирант, Автономная некоммерческая организация
высшего образования Белгородский университет
кооперации, экономики и права
evish13@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается уровневый ряд категории «контроль» на основе методологии системного анализа, имеющий значение для выстраивания современной парадигмы контроля. Целью исследования является систематизация и дополнение имеющихся знаний о контроле в юриспруденции. В статье последовательно тезис о том, что уровневый ряд категории «контроль» включает в себя два элемента. В заключении сделан вывод — уровневый ряд категории «контроль» представляет собой совокупность общественного и государственного контроля, особо обращая внимание на значимость каждого уровня и их структурный состав, определяемый свойствами общества и государства.

Ключевые слова: уровень, контроль, общественный контроль, государственный контроль, правовой институт, характеристики уровней контроля, основания классификации уровней.

Категория «контроль» вызывает широкий научный интерес в рамках различных гуманитарных исследований. Это подтверждается обширным количеством публикаций в рамках социологии, политологии, экономики и конечно же юриспруденции. Исследования имеют узко отраслевое направление, что актуализирует систематизацию накопленных знаний в контексте выстраивания парадигмы контроля, включающий в себя и уровневый ряд категории «контроль».

В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой указано несколько значений «уровня»: от степени величины, развития, значимости чего-либо, до подразделения чего-либо целого, получаемое при его расчленении [1]. Большой бухгалтерский словарь определяет «уровень» как степень величины, значимости чего-либо [2]. В словаре лингвистических терминов Д.Э. Розенталя «уровень» — это одна из фаз научного изучения языка, определяемая свойствами единиц, выделяемых при последовательном членении речевого потока от низших единиц к высшим [3]. В Большом юридическом словаре термин «уровень» не представлен, однако имеется определение термина «уровень раскрываемости», под которым понимается выраженное в процентах соотно-

шение раскрытых и ставших известными преступлений за отчетный период [4, С. 788]. Имеющееся количество определений термина «уровень» позволяют теоретико-правовой науке, а именно теории государства и права синтезировать категорию «уровень» применительно к контролю.

Конечно же на проведение исследования значимое влияние оказывают цель, задачи, ожидания и мировоззрение самого исследователя, вместе с тем уровень контроля определяется системой, в которой он используется и формой деятельности, посредством которой он реализуется. Сюда же следует отнести и методологию, особо обращая внимание на методологию системного анализа. По справедливому замечанию И.П. Павлова «метод — самая первая, основная вещь. От метода, от способа действия зависит вся серьезность исследования» [5, С. 21].

Уровневый ряд категории «контроль» включает в себя два элемента: общественный контроль и государственный контроль. Оба уровневых элемента имеют внутреннее деление.

Резонно возникает вопрос: почему только два уровня: общественный и государственный? Ответ на него кроится в историческом прошлом, а конкретно в периоде становления Советского государства.

Советская власть, по В.И. Ленину, это аппарат для того, чтобы масса начала немедленно учиться управлению государством и организации производства в общенациональном масштабе [6, С. 110].

В.И. Ленин неоднократно в своих трудах указывал на необходимость строить собственную систему государственного управления, заменяя «начальствование» чиновников простыми функциями «надсмотрщиков и бухгалтеров», функциями, которые ... вполне доступны уровню развития горожан вообще и вполне выполнимы за заработную плату рабочего» [7, С. 397]. Учет и контроль, по мнению В.И. Ленина, максимально упрощен самими капиталистами и сводится «до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания простых четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок» [8, С. 101].

Конституирование института общественного контроля базируется на ленинской модели рабочего контроля. Рассматривая рабочий контроль как институт политической системы общества через призму теории государства и права, разделяем точку зрения В.Н. Корнева о том, что феномен политического произведен от государства, одним из важнейших атрибутов которого является власть, и именно государственная власть придает политический характер институтам, отношениям и иным составляющим политическую систему общества [9, С. 164].

Под правовым институтом современная юридическая наука понимает единую структурно взаимосвязанную систему норм права, регулирующих общественные отношения, схожие по содержанию и предмету регулирования, а также связанные общим законодательным замыслом [10, С. 23], именно в указанном ключе происходит дескрипция общественного контроля как социального явления, сочетающая в своем начале народный контроль и контроль общественных объединений, который в своем существовании проходит несколько этапов, таких как зарождение, развитие, упадок с последующей гибелью или трансформацией.

Общественный контроль — это «борьба» с низу, т.е. институт непосредственной демократии, позволяющей оперативно доносить до государственной власти реакцию на механизм и инструменты реализации государственно-властных полномочий.

Идея общественного (народного) контроля стала авангардом для создания советской демократии, в соот-

ветствии с которой все население обязано участвовать в управлении государством, таким образом вовлекаясь в политическую жизнь посредством организации социалистической системы хозяйства, организации учета и контроля над трудом и распределением продуктов.

Объективация как акт обретения внешней формы существования института государственного контроля соответствует реализации функций государства.

Государственный контроль — это контроль с верху, т.е. высший уровень контроля в системе управления, поскольку осуществляется он органами государственной власти для обеспечения соблюдения законов, нормативных актов и реализации государственной политики.

Обоим уровням контроля (общественному и государственному) присущи определенные характеристики: всеобщность (контроль распространяется на все сферы жизнедеятельности общества и государства), публичность (осуществляется в интересах всего общества), иерархичность (оба уровня контроля имеют внутреннюю структуру), обязательность (оба уровня контроля имеют соответствующее нормативное закрепление).

Уровневый ряд категории «контроль» имеет различные основания для классификации. Синтезируя из имеющихся данных в различных отраслях научного познания, выделяем четыре основания:

1. По степени погруженности в оперативную деятельность и управление: полный, частичный, минимальный, отсутствие контроля. Полный контроль предполагает абсолютное управление как процессами внутри системы, так и всей системой в целом. Частичный — заключается в регулировании отдельных системообразующих элементов. Минимальный — минимум воздействия при значительной автономии объекта контроля. Отсутствие контроля, скорее абстрактная конструкция, предполагающая функционирование системы без какого-либо вмешательства.
2. В зависимости от целей контроля: стратегический, тактический, операционный. Стратегический — связан с долгосрочным мониторингом целей [11]. Тактический — управление структурными элементами чего-либо целого. Операционный — плановое, систематическое регулирование внутрисистемных процессов.
3. В зависимости от спектра воздействия: внешний и внутренний. Внешний — в соответствии с нормативно-правовым обеспечением. Внутренний — саморегуляция.
4. В зависимости от уровня цифровизации: жесткий, гибкий, автономный. Жесткий контроль предполагает строгое следование схемам и алгоритмам. Гибкий — адаптивное управление с обратной

связью, в рамках которого система приспосабливается к меняющимся условиям, корректируя стратегии и действия в ответ на новые вызовы и возможности. Автономный — использование искусственного интеллекта с возможностью самообучения.

Уровневый ряд категории «контроль» представляет собой совокупность общественного и государственного

контроля, особо обращая внимание на значимость каждого уровня и их структурный состав, определяемый свойствами общества и государства.

Конечной целью общественного и государственного контроля является достижение гомеостаза как совокупности механизмов, поддерживающих постоянство внутренней среды, внешнее выражение, получающее в достижении правопорядка и общественного порядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уровень — Толковый словарь С.И. Ожегова. — URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/уровень> (дата обращения 15.07.2025).
2. Уровень — Большой бухгалтерский словарь — URL: <https://gufo.me/dict/accounting/уровень> (дата обращения 15.07.2025).
3. Уровень — Словарь лингвистических терминов Д.Э. Розенталя — URL: https://gufo.me/dict/linguistics_rosenthal/уровень (дата обращения 15.07.2025).
4. Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и прераб. / Под ред. проф. А.Я. Сухарева. — М.: ИНФРА-М, 2009. — VI, 858 с.
5. Павлов И.П. Лекции по физиологии. — Москва: изд-во Академии наук СССР, 1952. — 482 с.
6. Ленин В.И. Полное собрание сочинений, Т. 27. — Москва: Госполитиздат, 1961 — 668 с.
7. Ленин В.И. Полное собрание сочинений, Т. 25. — Москва: Госполитиздат, 1961. — 646 с.
8. Ленин В.И. Полное собрание сочинений, Т. 33. — Москва: Госполитиздат, 1962. — 466 с.
9. Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.Н. Корнева. — Москва: РАП, 2013. — 559 с.
10. Джалилова Е.А. Проблемы определения понятия и сущности института права // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. — 2018. — № 2, том 1. — С. 22–31.
11. Шабалина Е.И., Крылов П.С. Контроль как стратегический инструмент государственного строительства // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». — 2024. — № 11. — С. 129–132.

© Шабалина Евгения Ивановна (evish13@yandex.ru); Шерстюк Сергей Алексеевич (evish13@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СУЩНОСТНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ КОНТРОЛЯ КАК ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

THE ESSENTIAL AND SUBSTANTIVE ASPECT OF CONTROL AS A FUNCTION OF THE STATE

**E. Shabalina
S. Kurilov**

Summary. The article explores the essential and substantive aspect of control as a state function based on the philosophical foundation of legal theory. The article consistently argues that the essential and substantive aspect of control as a state function consists of essence, content, and function. In conclusion, the authors conclude that the relevance of the essential and substantive aspect of control as a state function corresponds to the dynamically developing scientific world, the specific state, and, consequently, the way of thinking about it. It is the categorical structure — essence, content, and function — that acts as both a prerequisite and a condition for cognition, allowing a priori characteristics or aspects to become a posteriori, defining the scope and direction of vision for the social form of existence.

Keywords: control, essence, content, function, dialectics, methods of theoretical knowledge, cumulative characteristics, and organic characteristics.

Шабалина Евгения Ивановна

кандидат юридических наук, доцент,
Автономная некоммерческая организация
высшего образования Белгородский университет
кооперации, экономики и права
evish13@yandex.ru

Курилов Сергей Николаевич

Аспирант, Автономная некоммерческая организация
высшего образования Белгородский университет
кооперации, экономики и права
evish13@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется сущностно-содержательный аспект контроля как функции государства опираясь на философское основание теории права. В статье последовательно аргументируется тезис о том, что сущностно-содержательный аспект контроля как функции государства складывается из сущности, содержания и функции. В заключении авторами сделан вывод о том, что актуальность сущностно-содержательного аспекта контроля как функции государства соответствует динамично развивающемуся научному миру, конкретному государству, а соответственно и мышлению о нем. Именно категориальный строй — сущность, содержание, функция — выступают одновременно предпосылкой и условием познания, предоставляя возможность априорным характеристикам или аспектам стать апостериорными, определяя зону и направленность видения социальной формы данности.

Ключевые слова: контроль, сущность, содержание, функция, диалектика, методы теоретического познания, суммативные характеристики, органические характеристики.

Сущностно-содержательный аспект контроля как функции государства складывается из нескольких составляющих. Сущность, содержание, функция — категории философские, следовательно, и методология исследования нужна соответствующая — диалектика и конечно же методы теоретического познания правового явления.

Контроль представляет собой государственно-правовое явление и к его познанию применимы восхождение от конкретного к абстрактному (так образуется понятие); системно-структурный подход, синтезирующий выявленные отдельные особенности контроля в целостное образование. Целостность контроля как объекта исследования предполагает наличие описательных общих понятий (в нашем случае — это сущность, содержание, функция), которые также обладают свойством интегративности. Через характеристику автономных качеств контроля выстраивается его система, обладающая суммативными и органическими характеристиками [1, С. 124].

В этом аспекте очень важно соотношение контроля как органической системы и элементов этой системы с позиции диалектики. Контроль как система по отношению к компонентам (сущность, содержание, функция) играет главенствующую роль. Она модифицирует их применительно к собственной природе, наделяет специфическими свойствами. С другой стороны, ее элементы, обладают относительной самостоятельностью, некоторыми специфическими свойствами и могут оказывать обратное влияние на систему [2, С. 49–64].

Метод восхождения от абстрактного к конкретному при исследовании сущностно-содержательного аспекта контроля дает результат в силу того, что в теории права сложилась достаточно развитая система абстракций, вычленены составляющие объект исследования элементы и изучены их свойства и отношения.

Конкретное в контроле как государственно-правовом явлении, представляет собой систему взаимосвя-

занных категорий и абстракций, отражающих закономерности функционирования и развития контроля как неотъемлемой части человеческого общества [1, С. 139].

В настоящее время одна из проблем определения сущности контроля состоит в том, что тесная связь между контролем и управлением никем не оспаривается, но нет комплексных исследований, находящих грань, разделяющую управление и контроль, при которой они эффективно взаимодействуя, не заменяют и не дублируют друг друга [3, С. 39]. Следующей проблемой является наполнение категории «сущность контроля», т.е. выяснение что же является главным и закономерным в контроле как объекте науки.

Обобщая имеющиеся материалы и основываясь на предыдущих научных исследованиях, считаем, что сущность контроля проявляется в принципах, субъекте и объекте [4], предмете, сфере правового воздействия и классификации [5].

Сущность контроля как государственно-правового явления выражается через понятийно-категориальный аппарат, концентрирующийся в определении категории «контроль». Таким образом, под контролем в указанном смысле следует понимать целенаправленное, структурированное нормативно-институциональное воздействие на государственные системы в их совокупности объединяющие процессы преобразования государственно-правовой действительности, объединяющие субъекты и объекты контроля, механизм реализации контрольных полномочий в соответствии с целями, на основании нормативно определенных принципов, направленных на достижение конечного результата в целом с учетом соблюдения интересов народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации.

В рамках диалектического способа познания — содержание — это то, из чего состоит предмет, совокупность существенных свойств и внутренних процессов, которые составляют его основу [6, С. 196].

Комплексный подход к анализу содержания контроля связан с нормативно определенным выполнением задач и реализацией норм материального права.

Содержание контроля как объекта научного познания, по нашему мнению, имеет следующее наполнение: процессуальная форма, процедура, контрольное мероприятие и юридические средства в привязке к компетенции субъекта контроля.

В федеральном законе «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» не используется конструкции «содержание

контроля», при этом определяется, что при осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля взаимодействием контрольных (надзорных) органов, их должностных лиц с контролируемыми лицами являются встречи, телефонные и иные переговоры (непосредственное взаимодействие) между инспектором и контролируемым лицом или его представителем, запрос документов, иных материалов, присутствие инспектора в месте осуществления деятельности контролируемого лица (за исключением случаев присутствия инспектора на общедоступных производственных объектах) [7].

В соответствии с диалектической методологией исследования определенной функции всегда соответствует определенная структура. Именно динамика, связанная с эволюционированием контроля как объекта правовой науки, начинается с трансформации функции или функций под влиянием существующей социально-политической действительности, имеющей соответствующее нормативное закрепление.

Поскольку контроль возможен в рамках социальной организации и структурирования социума на каждой ступени его развития, функции контроля как объекта правовой науки целесообразно рассматривать через призму внешних и внутренних (собственных) функций [8].

Для того, чтобы комплексно исследовать контроль в контексте реализации функций государства представляется научно обоснованным определить с точки зрения теории государства и права смысл и содержание категории «функция» применительно к предмету научного поиска.

Так, в частности ряд ученых-правоведов, таких как М.Б. Смоленский, М.В. Мархгейм, Е.Е. Тонков, под функцией государства понимают основные направления внутренней и внешней деятельности государства, в которых выражаются его сущность, социальное назначение, цели и задачи по управлению обществом посредством соответствующих форм и методов [9, С. 83].

Государственная функция контроля как функция социального управления последовательно аргументируется В.Г. Афанасьевым в монографии «Научное управление обществом», т.к. контроль как функцию государственного управления можно рассматривать через призму элементов научного управления обществом, поскольку контроль в функциональном аспекте отражает одну из сторон управления социальными процессами, в том числе выраженных посредством государственной деятельности [10, С. 240].

Разделяя позицию Ю.А. Тихомирова, считаем, что государственное управление есть организованный

процесс руководства, регулирования и контроля государственных органов за развитием всех сфер государственной жизни, который осуществляется специальными органами в лице государственных служащих. Любой процесс, как ординарный, так и неординарный в жизни человека, государства и общества не мыслим без управления. В указанном смысле управление означает целенаправленное воздействие субъекта на объект с целью перевода объекта управления в новое состояние. Таким образом, в любых системах и процессах, происходящих как в природе, так и в обществе, обнаруживаются те или иные проявления управленческого воздействия, прямых и обратных связей [11, С. 102]. Данная позиция полностью вписывается в сущностные характеристики контроля, позволяя его характеризовать как целостную органическую систему.

Научное познание и использование объективных закономерностей контроля как функции государства предотвращает стихийность в развитии механизма государства, минимизирует, либо устраняет отрицательные воздействия социально-экономической действительности в конкретном государстве и направлено на формирование общественного сознания в целом, и в том числе — правосознания. Следовательно, функция контроля планомерно, системно и последовательно формирует социально полезные конкретному государственно-правовому режиму общественные процессы, тем самым стимулируя прогрессивное либо регрессивное развитие общества и государства. Так, Ф. Энгельс в своем научном произведении «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом», указывал, что условия жизни, окружающие людей, до сих пор над ними господствовавшие, теперь попадают под власть и контроль людей, которые становятся господами своего собственного объединения в общество. Объективные силы поступают под контроль самих людей [12].

Придерживаясь классического подхода, сложившегося в юридической науке, к пониманию контроля как функции государства, считаем, что особенность государственной контрольной функции заключается в выделении в самостоятельное направление государственной деятельности с целью систематизации юридической практики по воздействию субъектов контроля на объекты контроля, причин отклонения от поставленной цели и способов возврата к ее достижению. Основная задача контроля как функции государства заключается в своевременном выявлении отклонений от заданных нормами права параметров в процессе функционирования механизма государства. Следовательно, указанная специфика контроля как функции государства позволяет отделять ее от других функций государства в научном, организационном и нормативном аспектах.

Глубина правового регулирования контроля, определяется его сущностью и явлением, а также социально-политической действительностью. Исходя из объективных характеристик права в целом, правовые нормы, обеспечивающие правовое регулирование функций контроля, являются идеальными моделями такого поведения субъектов и объектов контроля, которое обеспечивает его эффективность и достижение целей.

Актуальность сущностно-содержательного аспекта контроля как функции государства соответствует динамично развивающемуся научному миру, конкретному государству, а соответственно и мышлению о нем. Именно категориальный строй — сущность, содержание, функция — выступают одновременно предпосылкой и условием познания, предоставляя возможность априорным характеристикам или аспектам стать апостериорными, определяя зону и направленность видения социальной формы данности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сырых В.М. Метод правовой науки: (Основные элементы, структура). — Москва: Юрид. лит., 1980. — 176 с.
2. Проблемы методологии системного исследования / Ред. коллегия: И.В. Блауберг [и др.]. — Москва: Мысль, 1970. — 454 с.
3. Куныкина О.В. Система контроля в кредитной организации и ее модернизация: монография / О.В. Куныкина; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Оренбургский гос. ун-т». — Оренбург: ОИК ГОУ ОГУ, 2010. — 156 с.
4. Шабалина Е.И., Морозова Ж.Ю. Субъекты и объекты контрольных правоотношений // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». — 2023. — № 10. — С. 161–163.
5. Шабалина Е.И., Легкодимов А.А. Систематизация теоретических представлений о контроле как правовой форме деятельности // Юридическая наука. — 2023. — № 9 — С. 28–31.
6. Спиркин А.Г. Курс марксистской философии. — Москва: Мысль, 1964. — 503 с.
7. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31 (часть I). — Ст. 5007.
8. Шабалина Е.И., Анохин А.В. Функции контроля // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». — 2024. — №. 9. — С.177–179.
9. Теория государства и права: учебник / М.Б. Смоленский [и др.]. — Ростов н/Д: Феникс, 2011. — 478 с.
10. Афанасьев В.Г. Научное управление обществом: (Опыт системного исследования). — Москва: Политиздат, 1968. — 384 с.
11. Тихомиров Ю.А. Публичное право. — Москва: БЕК, 1995. — 496 с.
12. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом / Фридрих Энгельс. — Москва: Политиздат, 1983. — 482 с.

© Шабалина Евгения Ивановна (evish13@yandex.ru); Курилов Сергей Николаевич (evish13@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

YOUTH SOCIALIZATION THROUGH THE PRISM OF STATE YOUTH POLICY

V. Garkusha

Summary. Youth, because of its passion, is the driving force behind the development of any society. In this regard the study of the mechanisms of socialization of the younger generation is of particular relevance. Effective youth policy, as a set of government measures aimed at creating conditions for successful socialization of young people, is a key factor in the formation of active citizens who are able to contribute to the socio-economic development of the country. The article examines the role of the state youth policy in the civic and political socialization of youth, as well as in developing the potential of youth and their successful social adaptation. The study developed recommendations for improving the mechanisms of the state youth policy implementation to increase the effectiveness of social adaptation of the younger generation, including the formation of a civic position, increased political activity and the development of value orientations. The article is of interest to a wide range of specialists, including sociologists, economists, political scientists, representatives of public authorities and local governments, as well as teachers and students studying youth issues and youth policy.

Keywords: civic socialization, youth policy, youth, political socialization, youth potential, social adaptation, social activity, socialization, youth socialization, value orientation.

Гаркуша Виктория Михайловна

Преподаватель,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина», г. Краснодар, Россия
viktoriyagarkusha@mail.ru

Аннотация. Молодежь, в силу ее пассионарности, является движущей силой развития любого общества. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование механизмов социализации молодого поколения. Эффективная молодежная политика как комплекс государственных мер, направленных на создание условий для успешной социализации молодежи, является ключевым фактором формирования активных граждан, способных внести вклад в социально-экономическое развитие страны. В статье рассматривается роль государственной молодежной политики в гражданской и политической социализации молодежи, а также в развитии потенциала молодежи и ее успешной социальной адаптации. В рамках исследования разработаны рекомендации по совершенствованию механизмов реализации государственной молодежной политики для повышения эффективности социальной адаптации молодого поколения, включая формирование гражданской позиции, повышение политической активности и развитие ценностных ориентаций. Статья представляет интерес для широкого круга специалистов, включая социологов, экономистов, политологов, представителей органов государственной власти и местного самоуправления, а также преподавателей и студентов, изучающих проблемы молодежи и молодежной политики.

Ключевые слова: гражданская социализация, молодежная политика, молодежь, политическая социализация, потенциал молодежи, социальная адаптация, социальная активность, социализация, социализация молодежи, ценностная ориентация.

Введение

Молодежь, представляя собой наиболее динамичную и перспективную часть населения, является ключевым ресурсом для обеспечения устойчивого развития страны. От того, насколько успешно будет происходить социализация молодого поколения, во многом зависит будущее общества, его способность к адаптации к меняющимся условиям, инновационному развитию и сохранению культурного наследия. В связи с этим молодежная политика как система государственных мер, направленных на поддержку и развитие молодежи, приобретает стратегически важное значение.

Несмотря на значительное внимание, уделяемое молодежной политике в последние годы, в научной литературе наблюдается недостаточная изученность механизмов ее влияния на процесс социализации молодежи, особенно в контексте формирования гражданской и по-

литической активности, развития ценностных ориентаций и обеспечения успешной социальной адаптации.

В современных научных исследованиях молодежная политика рассматривается как механизм развития потенциала молодежи (Алексеев С.В. [2]), как средство формирования социальной активности молодежи в целом (Михайлова С.А. [10]) и активизации ее политического участия в частности (Громов В.В. [4]), а также как фактор гражданской социализации (Звездин Н.М. [7], Лубский А.В., Вагина В.О., Мамина Д.А. [9]). Интерес представляют исследования, содержащие новаторские подходы к молодежной политике. Например, Семенова И.Ю. предлагает рассматривать молодежную политику как важнейшее направление политики народосбережения в современной России [14]. Плугарь О.А., Кононова Т.М., Горева О.М., Ситева С.С. пишут о молодежной политике как о факторе формирования ценностных ориентаций в процессе социализации личности [12]. Щербакова В.П.

рассматривает молодежную политику как фактор оптимизации социальной адаптации молодежи [16]. Гріднева С.А. [3], Катуніна А.И. [8], Труханова Д.А. [15] оценивают современную молодежную политику как фактор социализации молодежи.

Целью данного исследования является определение роли и места государственной молодежной политики в процессе социализации молодежи, а также разработка рекомендаций по совершенствованию механизмов реализации государственной молодежной политики для повышения эффективности социальной адаптации молодого поколения, включая формирование гражданской позиции, повышение политической активности и развитие ценностных ориентаций.

Материалы и методы

Исследование выполнено на основе систематизации теоретических и эмпирических источников, посвященных проблемам разработки и реализации направлений молодежной политики в контексте обеспечения социализации молодежи. В процессе проведения исследования на портале ELIBRARY.ru 13 августа 2025 г. было сформулировано два поисковых запроса: «молодежная политика» и «социализация молодежи». Далее каждый поисковой запрос был ограничен поиском термина только в названии публикаций. В результате для целей дальнейшего исследования было получено две подборки публикаций: 1) 7762 публикации, в названии которых содержится термин «молодежная политика»; 2) 3420 публикаций, в названии которых содержится термин «социализация молодежи». В процессе исследования использованы методы анализа, синтеза, обобщения и систематизации данных.

Результаты и обсуждение

Современные тенденции социально-экономического развития характеризуются существенными изменениями в возрастной структуре населения и, в частности, в понимании границ категории «молодежь». Традиционно, молодежью считалась группа лиц в возрасте от 14 до 30 лет. Однако увеличение продолжительности жизни, позднее вступление в брак, отсрочка рождения детей и более длительное получение образования привели к тому, что границы молодости значительно размылись. Все чаще в научных исследованиях и нормативных документах можно встретить расширение возрастного диапазона молодежи до 35 лет, а в некоторых случаях и до 40 лет. Это обусловлено тем, что многие люди в возрасте 30–35 лет продолжают находиться в процессе профессионального становления, формирования семьи и поиска своего места в обществе, то есть, по сути, проходят те же этапы социализации, что и более молодые люди.

В таблице 1 систематизированы данные об отнесении граждан к категории «молодежь» в разных странах мира, а также в соответствии с критериями различных международных организаций.

Таблица 1.

Возрастные критерии отнесения населения к категории «молодежь» в разных странах мира, а также в соответствии с критериями различных международных организаций

№ п/п	Страна и/или документ	Возрастные критерии отнесения населения к категории «молодежь»
1	Российская Федерация, Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»	14–35 лет
2	Организация Объединенных Наций (ООН)	15–24 лет
3	Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)	18–44 лет
4	США	13–29 лет (но возраст может различаться в разных штатах)
5	Япония	15–29 лет
6	Китай	14–28 лет
7	Германия	14–24 лет
8	Швеция	13–25 лет
9	Испания	14–30 лет (может отодвигаться до 32–34 лет)
10	Люксембург	15–25 лет
11	Нигерия	18–35 лет

Источник: составлено автором по данным [1, 6, 11, 13].

Такое изменение возрастных рамок категории «молодежь» предъявляет новые требования к содержанию и направлениям молодежной политики. Традиционные подходы, ориентированные на поддержку школьников и студентов, становятся недостаточными для охвата всей целевой аудитории. Необходима разработка новых механизмов, учитывающих потребности и интересы более зрелой молодежи, включая вопросы трудоустройства, профессиональной переподготовки, обеспечения жильем, поддержки молодых семей и вовлечения в общественно-политическую жизнь. Важно понимать, что молодежь — это не однородная группа, а сложная и многообразная категория населения, требующая дифференцированного подхода и учета специфики различных возрастных и социальных групп.

Молодежная политика, будучи системой целенаправленных мер государства и общества, играет ключевую

роль в процессе социализации молодежи. Социализация — это процесс усвоения индивидом социальных норм, ценностей, установок и образцов поведения, позволяющих ему успешно функционировать в обществе. Государственная молодежная политика выступает в качестве важного инструмента, формирующего условия для успешной социализации, обеспечивая возможности для образования, профессионального развития, трудоустройства, участия в общественной жизни и реализации своего потенциала.

В рамках процесса социализации молодежи можно выделить несколько ключевых направлений, на которые оказывает влияние государственная молодежная политика.

Во-первых, это гражданская социализация. Государственная молодежная политика способствует формированию гражданской идентичности, чувства патриотизма и ответственности за судьбу страны [7, 9]. Поддержка молодежных инициатив, направленных на развитие гражданского общества, участие в выборах и референдумах, волонтерская деятельность — все это способствует формированию активной гражданской позиции и вовлечению молодежи в решение общественно значимых проблем.

Во-вторых, это политическая социализация. Государственная молодежная политика играет важную роль в формировании политических взглядов и убеждений молодежи, а также в развитии политической активности [4]. Поддержка молодежных политических организаций, проведение образовательных программ по вопросам политики и государственного управления, вовлечение молодежи в деятельность органов власти — все это способствует формированию политической культуры и повышению уровня политической грамотности молодежи.

В-третьих, это социальная адаптация. Государственная молодежная политика направлена на создание условий для успешной социальной адаптации молодежи, особенно для тех, кто находится в трудной жизненной ситуации [16]. Поддержка молодых семей, обеспечение доступности образования и здравоохранения, оказание помощи в трудоустройстве, предоставление жилья — все это способствует снижению социальной напряженности и повышению уровня социальной интеграции молодежи.

В-четвертых, это развитие потенциала молодежи. Государственная молодежная политика играет важную роль в создании условий для раскрытия потенциала молодежи в различных сферах деятельности [2]. Поддержка молодежного предпринимательства, развитие творческих способностей, продвижение инновационных проектов, организация спортивных мероприятий — все

это способствует формированию активной, инициативной и конкурентоспособной молодежи.

И, наконец, в-пятых, это формирование ценностных ориентаций. Государственная молодежная политика оказывает влияние на формирование ценностных ориентаций молодежи [12], в частности, на пропаганду здорового образа жизни, семейных ценностей, уважения к истории и культуре своей страны, толерантности и социальной ответственности.

Совершенствование механизмов реализации государственной молодежной политики, направленных на повышение эффективности социальной адаптации молодого поколения, формирование гражданской позиции, повышение политической активности и развитие ценностных ориентаций, требует комплексного и системного подхода, основанного на глубоком анализе современных тенденций развития молодежной среды и учете лучших мировых практик. Проведенный анализ позволяет предложить следующие рекомендации по совершенствованию механизмов реализации молодежной политики для повышения эффективности социальной адаптации молодого поколения, направленные на создание условий для формирования активного, ответственного и патриотичного поколения граждан, способных внести вклад в социально-экономическое развитие страны:

1. Укрепление межведомственного взаимодействия и координации действий органов государственной власти и местного самоуправления в процессе разработки и реализации направлений молодежной политики. Для реализации данного направления необходимым представляется создание единого координационного центра на федеральном уровне, ответственного за разработку, реализацию и мониторинг молодежной политики. Данный центр должен объединять усилия различных министерств и ведомств, а также общественных организаций, работающих с молодежью. Кроме того, следует обеспечить разработку и реализацию межведомственных программ, направленных на решение комплексных проблем молодежи, таких как трудоустройство, обеспечение жильем, поддержка молодых семей и развитие молодежного предпринимательства. И, наконец, необходимо обеспечить повышение квалификации специалистов, работающих с молодежью, в области педагогики, психологии, социологии и управления, а также в сфере информационных технологий и коммуникаций.
2. Совершенствование системы образования и профессиональной ориентации молодежи. Для реализации данного направления необходимо активно внедрять современные образовательные технологии (такие как дистанционное обучение,

электронные учебники и интерактивные платформы), а также развивать систему непрерывного образования, предоставляя молодежи возможности для повышения квалификации, переподготовки и получения новых знаний и навыков в течение всей жизни [5]. Кроме того, следует развивать систему профессиональной ориентации, начиная со школьного возраста, с целью помочь молодежи в выборе будущей профессии и планировании своей карьеры. Также необходимо создать систему выявления и поддержки талантливой молодежи, предоставляя им возможности для участия в научных исследованиях, творческих проектах и международных конкурсах.

3. Активизация участия молодежи в общественно-политической жизни государства. Реализация данного направления возможна, если будет обеспечиваться финансовая и организационная поддержка молодежных проектов и инициатив, направленных на решение социальных проблем, развитие волонтерства, охрану окружающей среды и продвижение здорового образа жизни. Кроме того, важно обеспечить развитие молодежного самоуправления (молодежных парламентов, советов и других органов самоуправления, предоставляя молодежи возможность участвовать в принятии решений, касающихся их интересов), вовлекать молодежь в избирательный процесс (для этого можно проводить информационные кампании, направленные на повышение явки молодежи на выборах, организовывать дебаты и встречи с кандидатами, с целью повышения интереса молодежи к политике и вовлечению ее в избирательный процесс), а также поддерживать молодежные политические организации.
4. Формирование ценностных ориентаций и гражданской идентичности молодежи. Представляется, что данное направления является одним из самых важных, но и самых сложных. Для его успешного воплощения в жизнь необходимо активно пропагандировать традиционные ценности, такие как семья, любовь, верность, уважение к старшим и забота о младших, через средства массовой информации, образовательные программы и культурные мероприятия; проводить военно-патриотические мероприятия и поддер-

живать деятельность поисковых отрядов с целью формирования чувства патриотизма, гражданского долга и готовности к защите Отечества.

5. Использование современных информационных технологий в процессе реализации государственной молодежной политики. Поскольку цифровизация охватила все сферы нашей жизни, то и в процессе реализации молодежной политики необходимо использовать все ее преимущества. Например, можно создавать интерактивные платформы в интернете, предоставляющие молодежи информацию о возможностях для образования, трудоустройства, участия в общественной жизни и реализации своего потенциала; использовать социальные сети для продвижения молодежной политики, привлечения молодежи к участию в различных мероприятиях и обсуждению актуальных вопросов; разрабатывать мобильные приложения, предоставляющие молодежи доступ к информации о молодежных программах, проектах и мероприятиях, а также позволяющие участвовать в опросах и голосованиях.

Реализация предложенных рекомендаций потребует совместных усилий органов государственной власти и местного самоуправления, общественных организаций, образовательных учреждений, средств массовой информации и самой молодежи. Только в этом случае можно будет достичь поставленных целей и создать условия для успешной социализации молодого поколения, формирования гражданской позиции, повышения политической активности и развития ценностных ориентаций, что в конечном итоге будет способствовать процветанию и устойчивому развитию страны.

Заключение

Таким образом, государственная молодежная политика является многогранным и сложным явлением, оказывающим существенное влияние на процесс социализации молодежи. Эффективная реализация государственной молодежной политики требует комплексного подхода, учета специфики различных групп молодежи и постоянного мониторинга и анализа результатов, с целью своевременной корректировки и повышения ее эффективности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 13.08.2025).
2. Алексеев С.В. Молодежная политика как механизм развития потенциала молодежи в современном мире // PolitBook. — 2022. — № 4. — С. 43–56.
3. Гриднева С.А. Молодежная политика государства как определяющий фактор социализации личности // Сборник материалов курсантских (студенческих) научно-практических мероприятий: Материалы конференций и круглого стола, Новокузнецк, 15 декабря 2021 года — 30 мая 2022 года. — Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. — С. 141–143.

4. Громов В.В. Молодежная политика современного государства: условия политического участия молодежи // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2023. — Т. 13, № 2(95). — С. 625–632. — DOI 10.35775/PSI.2023.95.2.023.
5. Дмитриев А.Г., Султанов Р.С. О новом определении молодежной политики и молодежной политики в образовательных организациях // Вестник Академии. — 2024. — № 2. — С. 53–62. — DOI 10.51409/v.a.2024.06.01.00.
6. Дугнист А. Возраст молодежи в 2025 году: сколько длится современная молодость // В фокусе. URL: <https://vfokuse.mail.ru/article/vozrast-molodezhi-66160234/> (дата обращения: 13.08.2025).
7. Звездкин Н.М. Государственная молодежная политика как фактор гражданской социализации в современном мире // Социологическое прочтение настоящего и контуры будущего: Материалы международной научно-практической конференции, Минск, 19 ноября 2020 года. — Минск: Белорусский государственный университет, 2020. — С. 143–146.
8. Катунина А.И. Особенности и проблемы государственной молодежной политики как фактора социализации молодого поколения в современной России // Государственно-правовые исследования. — 2020. — № 3. — С. 525–528.
9. Лубский А.В., Вагина В.О., Мамина Д.А. Молодежная политика и гражданские практики в молодежной среде в современной России // Гуманитарий Юга России. — 2019. — Т. 8, № 6. — С. 171–187. — DOI 10.23683/2227-8656.2019.6.11.
10. Михайлова С.А. Государственная молодежная политика, как средство формирования социальной активности молодежи // Социальная активность молодежи как необходимое условие развития общества: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2019 года / Под редакцией Г. В. Ковалевой. — Санкт-Петербург: типография ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2019. — С. 279–281.
11. Мирзакаримова К. Возраст молодежи в России и других странах: до сколько лет человек считается молодым // Совкомблог, 25 марта 2024 г. URL: <https://journal.sovcombank.ru/zhizn/vozrast-molodezhi-v-rossii-i-drugih-stranah-do-skolki-let-chelovek-schitaetsya-molodim> (дата обращения: 13.08.2025).
12. Плугарь О.А., Кононова Т.М., Горева О.М., Ситева С.С. Содержание молодежной политики как фактор формирования ценностных ориентаций в процессе социализации личности // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 2-2. — С. 681.
13. Радченко А.Ф. Молодежь и ее возрастные границы // Социология власти. — 2012. — № 3. — С. 19–29.
14. Семенова И.Ю. Государственная молодежная политика как важнейшее направление политики народосбережения в современной России // Новая наука: Стратегии и векторы развития. — 2016. — № 9. — С. 214–217.
15. Труханова Д.А. Современная молодежная политика как фактор социализации молодежи // Вестник науки. — 2023. — Т. 3, № 11(68). — С. 770–774.
16. Щербак В.П. Государственная молодежная политика как фактор оптимизации социальной адаптации молодежи // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2013. — № 4. — С. 278–290.

© Гаркуша Виктория Михайловна (viktoriyagarkusha@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ СМИ КАК ИНСТРУМЕНТА УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

FEATURES OF THE FUNCTIONING OF CORPORATE MEDIA AS A TOOL OF MANAGEMENT COMMUNICATION

K. Safonov

Summary. The article is devoted to the analysis of some aspects of modern management communication. Its specificity is determined, in particular, by the possibilities of using certain tools to establish and maintain interaction in the internal environment of the organization and with its external social environment. At the present stage corporate media can be considered as one of the effective tools of management communication. The implementation of the reserves of practical application of corporate media in the organizational activities allows for the establishment of information exchange between all interested parties, significantly increasing the overall effectiveness of the implementation of social management practices.

Keywords: management communication, social management, organization, interaction, society, corporate media.

Сафонов Кирилл Борисович

доктор социологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»
k_b_s_k_b@list.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу некоторых аспектов современной управленческой коммуникации. Ее специфика определяется, в частности, возможностями применения определенных инструментов для установления и поддержания взаимодействия во внутренней среде организации и с ее внешним социальным окружением. Одним из эффективных инструментов управленческой коммуникации на современном этапе можно считать корпоративные СМИ. Реализация резервов практического применения корпоративных СМИ в деятельности организации позволяет наладить информационный обмен между всеми заинтересованными сторонами, существенно повысив общую результативность осуществления практик социального управления.

Ключевые слова: управленческая коммуникация, социальное управление, организация, взаимодействие, общество, корпоративные СМИ.

Актуальность применения широкого спектра технологий социального управления в практике деятельности современной организации обусловлена рядом факторов. Во-первых, реализация подобных подходов позволяет рассчитывать на то, что наиболее полно будет задействован потенциал, заложенный в каждом работнике. Следствием этого должно стать повышение эффективности осуществляемой деятельности и сопутствующий этому рост результативности коллектива в целом. Во-вторых, практика социального управления позволяет учесть не только императивы развития отдельной организации, но и запросы общества, представители которого являются ее сотрудниками, клиентами и контрагентами. В результате можно рассчитывать на укрепление имиджа организации как ответственного партнера, нацеленного на длительное сотрудничество и сопутствующее устойчивое развитие всех вовлеченных сторон. В-третьих, применение совокупности подходов, составляющих сущность социального управления, уместно рассматривать как один из путей оптимизации системы менеджмента организации, который органично дополнит практики, предполагающие преимущественную ориентацию на финансовый результат. При этом как руководитель, так и отдельные сотрудники организации могут не только оценить положительные стороны применение технологий социального управления, но и стол-

кнуться с рядом трудностей, обусловленных, в частности, самой сущностью реализации обновленных практик менеджмента. И заключается эта сущность, помимо прочего, в необходимости постоянной эффективной коммуникации как во внутренней среде организации, так и с ее внешним социальным окружением.

Определенную сложность при реализации обозначенных подходов может представлять выбор оптимальных инструментов осуществления управленческой коммуникации. Очевидно, что в данном случае необходимо ориентироваться на специфику современного менеджмента, а это предполагает, что «коммуникация органично входит в сферу управления, выполняя функции оптимизации деятельности компании и регулирования взаимодействия сотрудников организации и ее представителей как внутри структуры, так и при осуществлении взаимодействия с внешними партнерами и целевой аудиторией» [1, с. 198]. При этом не должно возникнуть особых сложностей в процессе установления и поддержания взаимодействия во внутренней среде организации. В данном случае может быть задействован широкий арсенал хорошо зарекомендовавших себя подходов, подразумевающих ориентацию на совокупность вертикальных и горизонтальных организационных связей. На практике это может предполагать формальное вза-

имодействие между подразделениями, находящимися как на одном, так и на разных уровнях управленческой иерархии, а также неформальные связи между сотрудниками, устанавливаемые, например, на основании общности интересов либо при распространении в коллективе отношений наставничества. Сложнее обстоит дело с поддержанием взаимодействия с внешним социальным окружением организации. Оно не является обязательным, именно поэтому представителей местных сообществ или потенциальных контрагентов следует стремиться заинтересовать в осуществлении коммуникативных практик. Достичь подобной цели можно, в частности, посредством создания условий для функционирования корпоративных СМИ.

Одним из преимуществ реализации подходов, предполагающих наличие эффективных корпоративных СМИ, можно считать оптимизацию практик управленческой коммуникации. Результатом этого должна стать трансформация информационного обмена с внешним социальным окружением организации. Однако весьма опрометчивым было бы считать, что корпоративные СМИ не должны распространяться в коллективе организации. Напротив, ее сотрудники должны в первую очередь входить в целевую аудиторию выпускаемых изданий. Современные исследователи отмечают, что подобные средства массовой информации, составляющие в настоящий момент совокупность социальных сетей, сайтов, журналов и газет, уместно рассматривать в качестве одного из элементов корпоративной культуры [2, с. 57]. Соответственно задачей их функционирования можно считать не только информирование всех заинтересованных сторон, но также трансляцию ценностей, усвоение которых позволяет рассчитывать на наиболее полную адаптацию каждого сотрудника в качестве члена коллектива, работающего над достижением общей цели. Также корпоративные СМИ могут выступать действенным инструментом осуществления обратной связи, посредством которого любой представитель персонала сможет сообщить руководству и коллегам о своих проблемах, поделиться соображениями о возможных путях оптимизации осуществляемой деятельности и получить обоснованный ответ. Задачей редакции в данном контексте можно считать обобщение сведений, получаемых из разных источников, а также ориентацию на максимизацию эффективности взаимодействия с каждой из сторон.

Рассмотрение корпоративных СМИ в качестве инструмента современной управленческой коммуникации предполагает соблюдение ряда условий их функционирования. Прежде всего, необходимо стремиться заслужить доверие целевой аудитории. Достичь этого можно посредством уменьшения степени формализации анализа тех вопросов, которые волнуют как сотрудников организации, так и представителей ее внешнего социального окружения. Иными словами, важно стараться

проникнуть в суть проблемы, а не просто сообщить совокупность связанных с ней сведений, не затрагивая ее сущность. При этом необходимо приводить доводы, подтверждающие правильность представляемых результатов. Это важно еще и потому, что отражает сущность управленческой коммуникации, поскольку «аргументация в деловом общении представляет собой речевое воздействие, включающее в себя систему утверждений, предназначенных для оправдания или опровержения какого-либо мнения» [3, с. 79]. Не менее значимым представляется выбор тематики публикуемых материалов. Она должна представлять интерес для широкого круга лиц, а не только для специалистов, непосредственно занимающихся какой-либо проблемой. То есть при подготовке каждого материала следует стремиться отразить общую специфику деятельности организации. Это позволит целевой аудитории составить полное представление об организации и понять, насколько перспективным может быть сотрудничество с ней посредством начала или продолжения трудовых отношений, либо в качестве клиента или поставщика.

Ориентация на необходимость заслужить доверие читателей может считаться отличительной чертой деятельности корпоративных СМИ. Особенно это важно при публикации материалов, ориентированных на информирование представителей местных сообществ об особенностях осуществляемой деятельности и о перспективах развития организации. Критерием успешности в данном случае можно считать вовлечение новых субъектов в систему управленческой коммуникации, которые в перспективе могут стать клиентами организации или пополнить ряды квалифицированных специалистов, входящих в ее коллектив. Для этого каждый публикуемый материал должен быть максимально информативным, содержать совокупность сведений, отражающих сущность рассматриваемой проблемы, а также включать в себя резюме, состоящее из экспертного мнения. При этом необходимо ориентироваться на современные тенденции, в соответствии с которыми «редакции корпоративных медиа важно сотрудничать с экспертами, которые глубоко погружены в сферу деятельности бизнеса. Довольно часто авторами экспертного материала могут выступать сами сотрудники компании» [4, с. 176]. В этом случае публикуемые материалы станут интересными для широкого круга лиц, а их содержание будет обоснованным и аргументированным, что можно рассматривать в качестве важного аспекта учета самой сущности управленческой коммуникации.

Функционирование корпоративных СМИ можно рассматривать в качестве важного инструмента информационного обмена в организации. При этом у всех заинтересованных лиц появляются широкие возможности для получения интересующих их сведений. Подобная информационная открытость, несомненно, должна ока-

зать существенное влияние на формирование положительного имиджа организации. В результате повысится эффективность ее деятельности. Обусловлено это будет тем, что постепенно расширятся рынки сбыта и появятся новые клиенты и поставщики, понимающие все перспективы сотрудничества. Также успешнее будут решаться проблемы отбора и найма наиболее квалифицированного персонала, поскольку многие специалисты захотят работать в организации, ориентированной на успех и содействие устойчивому развитию социума. Вместе с этим повысится мотивация уже действующих представителей коллектива, которые будут трудиться с большей отдачей, понимая, что их рассматривают в качестве рав-

ноправных партнеров по диалогу, которых необходимо своевременно информировать о перспективах развития организации и оптимальных путях достижения, стоящих перед ней целей. Как следствие, в выигрыше окажутся представители всех вовлеченных сторон. Организация в целом при этом получит мощнейший импульс для перехода на качественно новые уровни развития. А отправной точкой для достижения подобных целей можно считать функционирование эффективных корпоративных СМИ, которые в современных условиях уместно рассматривать в качестве действенного инструмента управленческой коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Писаревская Н.С., Задорожная Е.В., Лобза О.В. Современная деловая коммуникация: перспективы и вызовы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2024. № 5. — С. 197–201. — DOI 10.37882/2223-2974.2024.05.27
2. Филиппов Д.Е., Минибаева А.О. Подходы к изданию печатного СМИ как элемента корпоративной культуры архивов: сравнительный анализ // Медиасреда. 2022. № 2. — С. 57–61.
3. Пухир В.М. Нравственные аспекты аргументации в деловой коммуникации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2023. № 5. — С. 76–80. — DOI 10.37882/2500-3682.2023.05.11
4. Жданова А.В. Технологии подачи контента в современных корпоративных СМИ на примере медиакомпаний «СберПро Медиа» // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2023. № 10-2. — С. 172–180.

© Сафонов Кирилл Борисович (k_b_s_k_b@list.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ПРОЦЕСС СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

THE INFLUENCE OF MASS MEDIA ON THE PROCESS OF YOUTH SOCIALIZATION

V. Skopa

Summary. The article examines the trajectory of socialization of the young generation of Russian society in the era of rapid civilizational changes. The key focus of the analysis is on changes in the socio-cultural adaptation of young people in the context of transformations of the communicative space. Fundamentally new media platforms, digital technologies and global information flows radically reconstruct traditional mechanisms for mastering social norms and cultural patterns. The study reveals the complex dynamics of the influence of the information society on the processes of identity formation, value orientations and behavior patterns of modern young Russians. Particular attention is paid to ambivalent trends: on the one hand, expanding the horizons of individual freedom and communicative opportunities, on the other, the risks of social disorientation and erosion of cultural constants.

Keywords: socialization, youth, globalization, communications, information society.

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается траектория социализации молодого поколения российского общества в эпоху стремительных цивилизационных изменений. Ключевой фокус анализа сосредоточен на изменениях социокультурной адаптации молодежи в контексте трансформаций коммуникативного пространства. Принципиально новые медийные платформы, цифровые технологии и глобальные информационные потоки кардинально реконструируют традиционные механизмы освоения социальных норм и культурных паттернов. Исследование раскрывает комплексную динамику влияния информационного общества на процессы формирования идентичности, ценностных ориентаций и моделей поведения современных молодых россиян. Особое внимание уделяется амбивалентным тенденциям: с одной стороны — расширение горизонтов индивидуальной свободы и коммуникативных возможностей, с другой — риски социальной дезориентации и размывания культурных констант.

Ключевые слова: социализация, молодежь, глобализация, коммуникации, информационное общество.

В современном мире процессы глобализации кардинально трансформируют социальную среду, в которой происходит становление личности молодого поколения. Эти изменения создают как новые возможности, так и серьезные вызовы для социализации молодежи. Социальная адаптация молодого поколения в эпоху стремительных цивилизационных сдвигов представляет собой сложный и многогранный феномен, требующий глубокого научного осмысления. В условиях тотальной цифровизации, размывания традиционных ценностных ориентиров и непрерывной трансформации социальных институтов молодежь оказывается перед вызовом формирования собственной идентичности [3].

Феномен социализации молодого поколения сегодня выступает критически значимым индикатором глубинных социальных сдвигов, происходящих на фоне тотальной цифровизации и революционных коммуникативных изменений. Беспрецедентные темпы технологической трансформации буквально перекраивают устоявшиеся модели взаимодействия индивида и социальной среды. Информационный взрыв порождает принципиально новые механизмы формирования идентичности, где традиционные институты социализации: семья, образование,

непосредственное социальное окружение конкурируют с гиперактивным виртуальным пространством [7]. Глобальное информационное общество создает парадоксальную реальность: с одной стороны — колоссальные возможности для индивидуальной самореализации и доступа к знаниям, с другой — риски фрагментации личностного опыта, размывания культурных кодов и социальных нормативов.

Современные научные круги фиксируют глубокую трансформацию процессов социального становления молодого поколения, где традиционные механизмы адаптации и интеграции уступают место принципиально новым формам социокультурного развития личности под влиянием комплекса динамично меняющихся общественных детерминант. Ключевые изменения проявляются в кардинальной перестройке ценностных ориентиров, коммуникативных стратегий и моделей мировосприятия молодежи, что существенно деформирует устоявшиеся траектории социализации и создает принципиально иное поле межпоколенческих взаимодействий [9]. Этот процесс характеризуется нелинейностью, многовекторностью и высокой степенью неопределенности социальных траекторий становления индивида.

В современной российской социальной реальности институциональные механизмы семьи и образования претерпевают глубокую системную деградацию вследствие продолжающихся посттрансформационных процессов [1, 3]. Этот структурный кризис проявляется в существенном снижении потенциала традиционных агентов социализации, что создает серьезные барьеры для полноценного развития гражданской идентичности молодого поколения. Трансформационные изменения привели к дисфункциональной модели социальной коммуникации, где классические каналы передачи социокультурных норм и ценностей утратили свою эффективность. Особенно рельефно данная проблема высвечивается в контексте формирования гражданской ответственности — ключевого компонента социальной зрелости. Институциональная дезинтеграция блокирует полноценные механизмы трансляции патриотических установок, гражданской ответственности и социальной солидарности. Результатом становится фрагментарность и мозаичность молодежного мировоззрения, дефицит системных социальных ориентиров и нормативных моделей поведения [5].

Такие исследователи как М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги подчеркивают колоссальное влияние медиапространства на процессы формирования молодежного сознания, где информационные потоки выступают определяющим фактором конструирования картины мира и социальных установок [4].

В эпоху тотальной цифровизации массовая коммуникация трансформируется в мощный трансляционный механизм, который не просто информирует, но и активно программирует ментальные матрицы молодого поколения, видоизменяя традиционные модели мировосприятия и социальной перцепции. Медиасреда сегодня становится не просто каналом передачи информации, а самостоятельным социальным институтом, который генерирует смыслы, формирует ценностные координаты и определяет стратегии индивидуального и группового развития молодежи [2, 10].

В современных государственных системах массовые коммуникации выступают многовекторным инструментом социального конструирования, который может диаметрально противоположно влиять на молодежное сознание: либо консолидировать общественные настроения, либо провоцировать социальную дезинтеграцию. Медиапространство трансформируется в мощный управленческий механизм, способный целенаправленно формировать аксиологические матрицы молодого поколения, детерминируя его политические предпочтения, гражданские установки и ценностные ориентации [6]. При этом потенциал такого влияния может носить как созидательный, так и разрушительный характер в зависимости от стратегий информационной политики

конкретного социума. Коммуникативные каналы фактически становятся инструментом латентного конструирования общественного мировоззрения, где молодежь выступает наиболее чувствительной и восприимчивой социальной группой.

За минувшее десятилетие в российском информационном ландшафте, солидарно с глобальными тенденциями, произошла радикальная трансформация медиапространства, как влияющего фактора на социализацию молодого поколения. Цифровые технологии фундаментально переформатировали систему коммуникативных взаимодействий, существенно девальвируя влияние классических средств массовой информации на молодежную аудиторию. Электронные платформы, социальные сети и мультимедийные каналы практически полностью вытеснили традиционные информационные источники, создав принципиально новую систему потребления контента [8]. Молодое поколение дистанцировалось от стандартных медиаформатов, отдав предпочтение интерактивным, мобильным каналам коммуникации.

Цифровая среда сформировала принципиально иную модель информационного обмена — горизонтальную, многовекторную и максимально деперсонализированную, где аудитория одновременно выступает и получателем, и создателем контента. В данном контексте проявляется трансформация информационного пространства, где массовый подход к коммуникации уступает место персонализированному взаимодействию; информационное воздействие становится более целенаправленным и адаптированным под конкретного молодого человека; происходит индивидуализация контента с учетом личных интересов, предпочтений и психологических особенностей молодежной аудитории; формируется новый тип информационной коммуникации, основанный на принципах селективности и адресности; технологические возможности позволяют создавать максимально кастомизированный информационный продукт [2].

Прежде безраздельное влияние традиционных масс-медиа на информационное пространство молодежи постепенно эволюционирует. На смену директивному навязыванию контента приходит принципиально новая модель коммуникации, где ключевую роль играет сам получатель информации. Молодежная аудитория перестает быть пассивным реципиентом и трансформируется в активного селектора информационного потока. СМИ все больше превращаются из монологовых трансляторов в интерактивные площадки, способные гибко реагировать на индивидуальные информационные потребности и предпочтения аудитории. Теперь медиаресурсы функционируют не как единоличные диктаторы повестки, а как сервисные платформы, которые адаптируются под запросы молодого поколения, предоставляя

возможность самостоятельного конструирования информационной реальности. Ключевой акцент делается на переходе от унифицированного, стандартизированного воздействия к максимально гибкому, персональному информационному обмену, где каждый получатель рассматривается как уникальный субъект коммуникативного пространства [2].

В современных условиях государственные институты утрачивают монополию на формирование общественного сознания молодежи. Традиционные механизмы идеологического влияния становятся все менее эффективными перед лицом стремительно развивающихся коммуникативных технологий и альтернативных информационных каналов. Молодое поколение, обладающее высоким уровнем цифровой грамотности, активно использует множественные источники информации, критически анализирует контент и формирует собственную картину мира. Децентрализация информационных потоков существенно снижает возможности централизованного управления общественными настроениями [1]. Вертикальные модели коммуникации уступают горизонтальным сетевым взаимодействиям, где каждый участник может быть как потребителем, так и производителем информации. Это кардинально трансформирует механизмы социализации и мировоззренческого становления молодежи, делая их более автономными и независимыми от официальной риторики.

В современной российской социальной реальности наблюдается фрагментация традиционных институтов социализации. Различные агенты воспитания от семьи до общественных организаций утратили системную взаимосвязь и действуют разрозненно, часто противореча друг другу. Существующая модель социализации характеризуется дисбалансом влияния: одни институты значительно усиливают свое воздействие, другие практически утрачивают былое значение. Между ними отсутствует согласованность и преемственность в формировании ценностных ориентиров молодого поколения [9]. Каждый из социализирующих институтов — школа, СМИ, армия, общественные объединения транслирует собственную повестку, не выстраивая конструктивного диалога. Это приводит к мозаичности мировоззрения и затрудняет процесс полноценной социальной интеграции молодежи. Отсутствие системности в воспитательных стратегиях порождает разрывы в социокультурной преемственности и затрудняет формирование целостной общественной идентичности.

В эпоху тотальной цифровизации и медиатизации информационные каналы трансформируются в ключевой инструмент конструирования индивидуальной и коллективной реальности. Массмедиа перестают быть просто каналом передачи информации, превращаясь в мощный механизм формирования мировоззренческих

установок, ценностных ориентиров и социальных паттернов. Медиапространство сегодня выступает не просто источником знаний, а фактически альтернативной реальностью, которая активно моделирует восприятие индивида, навязывая определенные интерпретационные модели [3]. Человек дистанционно переживает социальный опыт, опосредованный медийными репрезентациями, что кардинально трансформирует механизмы формирования личностной картины мира. Информационные потоки настолько плотно интегрированы в повседневность, что способны формировать не только знания, но и эмоциональные реакции, модели поведения и даже идентичность современного субъекта.

В современной социальной динамике медиапространство выступает ключевым инструментом трансляции социальных норм, ценностей и поведенческих паттернов. Информационные каналы фактически превращаются в мощный механизм формирования индивидуального и коллективного сознания. Массмедиа больше не просто транслируют информацию — они активно конструируют социальную реальность, создают смысловые матрицы, определяют горизонт восприятия и интерпретации событий [8]. Через множественные коммуникативные каналы СМИ формируют мировоззренческие установки, системы оценок и моральных координат. Процесс социализации индивида сегодня невозможно представить без постоянного медийного впечатления, которое фактически заменяет традиционные институты социализации.

Рассматривая процесс взросления как сложный механизм интериоризации социальных норм, можно отметить, что ключевую роль играет способность индивида селективно воспринимать и адаптировать модели поведения. При этом критериями выбора становятся не только видимая эффективность и результативность демонстрируемых стратегий, но и их когнитивная доступность, легкость восприятия и потенциальная воспроизводимость в собственном жизненном контексте [7].

Молодой человек выступает активным агентом социализации, который критически оценивает предлагаемые культурные шаблоны, выбирая наиболее привлекательные и соответствующие его внутренним установкам и амбициям. Процесс усвоения ценностей превращается в динамичный диалог между личностью и социальным окружением.

Добрынина В.И. и Кухтевич Т.Н. анализируют медиапространство как мощный, но амбивалентный канал социализации современной личности. Исследователи подчеркивают критическую дисфункциональность массмедиа, где информационные потоки нередко становятся деструктивным инструментом трансляции социальных девиаций [5]. Медийный контент характеризуется из-

быточной демонстрацией агрессивных сценариев и насильственных моделей поведения, которые не только не получают должной морально-этической оценки, но и фактически нормализуют экстремальные и маргинальные формы социальной интеракции. Такая информационная стратегия создает риски искаженной аксиологической матрицы для молодежной аудитории, провоцируя деформацию традиционных ценностных ориентиров и моральных регуляторов.

Влияние медиа на молодежное восприятие принципиально отлично от прямого программирования поведения. Основная функция массмедиа заключается в конструировании символического пространства значимости, где опосредованные события и персонажи трансформируются в своеобразные когнитивные маркеры макросоциальной реальности. Медиа выступают сложным механизмом семантической селекции, который не столько диктует жизненные стратегии, сколько формирует контекстуальное понимание социальных процессов, недоступных непосредственному восприятию индивида. Они создают своеобразную рамку интерпретации удаленных от личного опыта явлений, презентуя фрагменты глобальной социальной картины через призму селективной репрезентативности. Таким образом, медийный дискурс выполняет функцию когнитивного посредника между индивидуальным жизненным миром и широким социальным контекстом, расширяя горизонты понимания через дистанционную символическую коммуникацию.

Научный дискурс демонстрирует альтернативные перспективы оценки медийного воздействия на молодежную социализацию. Позиция А.В. Сафаряна раскрывает скептический подход к тотальному влиянию массмедиа, подчеркивая поверхностность их трансформационного потенциала. Исследователь акцентирует внимание на принципиальном разграничении между внешней формой социальной адаптации и глубинными структурами индивидуального мировоззрения [8]. Медийные каналы, по его мнению, способны модифицировать лишь периферийные социальные маркеры, не проникая в сущностные механизмы внутреннего самоопределения личности. Такая интерпретация предполагает наличие устойчивого ядра индивидуальной идентичности, которое резистентно к масштабным информационным впечатлениям. Медиа, таким образом, рассматриваются как инструмент косметической, а не субстанциональной трансформации социокультурных установок молодежи.

В современном цифровом пространстве формируется принципиально новая информационная среда, которая характеризуется колоссальным разнообразием контента и практически полным отсутствием эффективных механизмов содержательного фильтрации.

Глобальная сеть превратилась в аморфное информационное поле, где уживаются диаметрально противоположные смыслы, идеи и нарративы. Особую тревогу вызывает массив деструктивного и противоправного контента, который не только свободно циркулирует, но и имеет высокую доступность для различных социальных групп, включая несовершеннолетних.

Цифровое пространство становится для молодого поколения не просто средством коммуникации, а целым универсумом со своими уникальными характеристиками и психологическими закономерностями [11]. Юношеский максимализм, естественное стремление к самоидентификации и эмоциональному самовыражению находят в интернет-среде благодатную почву. Здесь концентрируются молодежные субкультурные течения, реализуются протестные настроения и амбиции, формируются альтернативные модели социальной взаимодействия [2]. Психологический портрет молодого интернет-пользователя складывается из нескольких ключевых характеристик: повышенная эмоциональная восприимчивость, жажда нестандартных впечатлений, склонность к экспериментам и радикальным формам самопрезентации. Внутренняя потребность в признании, желание выделиться и заявить о себе провоцируют активное погружение в виртуальные коммуникативные практики. Незрелость эмоционально-волевой сферы и несформированность критического мышления делают молодежь особенно уязвимой перед манипулятивными информационными воздействиями, превращая цифровое пространство в зону повышенных психологических рисков.

Таким образом, социализация современного молодого поколения в России представляет собой сложный процесс, который разворачивается на фоне глубоких цивилизационных сдвигов и социокультурной реальности. Традиционные механизмы передачи социального опыта — семья, образовательные институты, профессиональные сообщества трансформируются под влиянием цифровых технологий и глобальных информационных потоков. Молодежь оказывается на перекрестке различных культурных кодов, идентичностей и ценностных парадигм. С одной стороны, расширяются горизонты индивидуальной свободы, доступность знаний и коммуникативных возможностей. С другой — усиливаются процессы социальной дезориентации, размываются устойчивые нормативные модели поведения и системы преемственности поколений. Этот диссонанс порождает внутренние конфликты и противоречия между глобальными трендами и локальными традициями, виртуальной мобильностью и реальной социальной инертностью, индивидуальными устремлениями и институциональными ограничениями. Результатом становится мозаичная, гибридная модель социализации, где классические и инновационные механизмы интеграции в социум существуют параллельно, постоянно конкурируя и трансформируясь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 304 с.
2. Ганченко И.О., Гривенная Е.Н. Влияние СМИ на формирование агрессивных моделей поведения в студенческой среде // Феноменология и профилактика девиантного поведения: материалы всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2007.
3. Гнутов А.Б. Социализация молодежи в пореформенном российском обществе: аспекты формирования гражданских качеств: дис. ... к.соц.н.— Краснодар, 2007.
4. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.
5. Добрынина В.И., Кухтевич Т.Н. Современный российский молодежный экстремизм и тенденции его институционализации // Тезисы докладов II Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения—2005» «Будущее России: стратегии развития». 2005.
6. Исаев Н.А., Паньков С.Л. Противодействие распространению наркотиков посредством глобальной сети Интернет // Девиантное поведение и Интернет (опыт социологического анализа) : сб. науч. статей / под ред. М.Е. Поздняковой, Л.В. Карнаушенко. М., 2008.
7. Луков В.А. Проблема обобщающих оценок положения молодежи // Социологические исследования. 1998. № 8.
8. Сафарян А.В. СМИ как «четвертая власть» и институт социализации // Власть. 2008. № 5.
9. Скопа В.А. Подходы к понятию и сущности социализации как социального феномена // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: «Экономика и право». 2024. № 11. — С. 195–198.
10. Ядов В.А. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся. М.: Academia, 2002. — С. 349–363.
11. Добрынина В.И., Кухтевич Т.Н., Туманов С. В. Культурные миры молодых россиян: три жизненные ситуации. М.: МГУ, 2000. — 223 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРУДОВАЯ ЭТИКА В РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ КОМПАНИЯХ: ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Хуан Хайпэн

Аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет

yellowsea98@gmail.com

WORK ETHIC IN RUSSIAN AND CHINESE COMPANIES: AN ECONOMIC-SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Huang Haipeng

Summary. In the context of deepening Russian-Chinese economic cooperation and the globalization of labor markets, a comparative analysis of work ethic is becoming particularly relevant. This study provides an economic-sociological analysis of the work ethic in companies in Russia and China. The objective of the paper is to identify and compare the key socio-economic and cultural factors that shape the work ethic models in the two countries. The research methodology is based on a systematic analysis and synthesis of scientific publications, a comparative-historical approach, and the application of the conceptual framework of economic sociology. The paper analyzes Russian and Chinese academic sources on social and labor relations, corporate culture, and business etiquette. The study finds that the Chinese model of work ethic is predominantly instrumental in nature, driven by the state with the aim of achieving «harmonious labor relations» and enhancing national competitiveness. However, it faces contradictions between the official discourse and the actual practices of intensive labor exploitation. The Russian model, in turn, is characterized by a dualism of formal norms and informal practices, as well as the unique phenomenon of «situational corporatism», where solidarity between employees and management is formed on the basis of a common opposition to external pressure. The conclusion is drawn that the work ethic in both countries is deeply «embedded» in the national socio-institutional context, which must be considered when developing cross-cultural management strategies.

Keywords: work ethic, economic sociology, labor relations, corporate culture, Russian companies, Chinese companies, comparative analysis, harmonious labor relations.

Аннотация. В условиях углубления российско-китайского экономического сотрудничества и глобализации рынков труда, сравнительный анализ трудовой этики приобретает особую актуальность. Настоящее исследование посвящено экономико-социологическому анализу трудовой этики в компаниях России и Китая. Цель работы — выявить и сопоставить ключевые социально-экономические и культурные факторы, формирующие модели трудовой этики в двух странах. Методология исследования основана на системном анализе и синтезе научных публикаций, сравнительно-историческом подходе и применении концептуального аппарата экономической социологии. В работе проанализированы российские и китайские научные источники, посвященные социально-трудовым отношениям, корпоративной культуре и деловому этикету. В результате исследования установлено, что китайская модель трудовой этики носит преимущественно инструментальный характер, направляемый государством с целью достижения «гармоничных трудовых отношений» и повышения национальной конкурентоспособности. Однако она сталкивается с противоречиями между официальным дискурсом и практиками интенсивной эксплуатации труда. Российская модель, в свою очередь, характеризуется дуализмом формальных норм и неформальных практик, а также уникальным феноменом «ситуативного корпоративизма», когда солидарность между работниками и менеджментом формируется на основе общего противостояния внешнему давлению. Сделан вывод, что трудовая этика в обеих странах глубоко «встроена» в национальный социально-институциональный контекст, что необходимо учитывать при разработке стратегий межкультурного управления.

Ключевые слова: трудовая этика, экономическая социология, трудовые отношения, корпоративная культура, российские компании, китайские компании, сравнительный анализ, гармоничные трудовые отношения.

Введение

Актуальность темы исследования. В XXI веке, на фоне тектонических сдвигов в мировой экономике, Россия и Китай формируют один из ключевых векторов глобального развития. Углубление экономических связей, рост взаимных инвестиций и создание совместных предприятий ставят на повестку дня вопрос о совместимости и эффективности взаимодействия на уровне базовых экономических акторов — компаний и их трудовых коллективов. В этом контексте трудовая этика перестает быть абстрактной категорией и становится критически важным фактором, определяющим

производительность труда, характер управленческих практик и, в конечном счете, успех делового партнерства. Как Россия, так и Китай, прошли через периоды глубоких социально-экономических трансформаций, что не могло не отразиться на системе ценностей и норм в сфере труда. Изучение этих процессов через призму экономической социологии позволяет понять, как экономическое поведение «встроено» в социальные, культурные и институциональные структуры.

Проблема исследования заключается в том, что существующие сравнительные анализы деловых культур России и Китая часто носят поверхностный, описательный характер, концентрируясь на внешних атрибутах

этикета и переговоров. При этом глубинные социально-экономические основания, формирующие трудовую этику — такие как роль государства, историческая память, структура рынка труда и характер социальных конфликтов — остаются недостаточно изученными. Существует явный разрыв между декларируемыми этическими нормами (например, концепция «гармоничных трудовых отношений» в Китае) и реальными практиками на рабочих местах. Экономико-социологический подход позволяет вскрыть эти противоречия и объяснить их природу.

Научная новизна исследования состоит в комплексном сравнительном анализе моделей трудовой этики в России и Китае с позиций экономической социологии. В отличие от узкоспециализированных управленческих или культурологических работ, данная статья синтезирует институциональный, культурный и социально-стратификационный подходы. Новизна проявляется в сопоставлении государственно-центричной, идеологически направляемой модели формирования трудовой этики в Китае и более стихийной, основанной на неформальных практиках и «ситуативной солидарности» модели в России. Это позволяет отойти от стереотипных представлений и предложить более сложную, многофакторную модель для понимания трудовых отношений в двух крупнейших экономиках Евразии.

Литературный обзор

Теоретической основой исследования выступают классические и современные работы в области экономической социологии и социологии труда. Фундаментальные идеи о связи этики и экономического развития были заложены М. Вебером, однако в современных условиях они требуют переосмысления с учетом специфики незападных обществ.

Анализ научной литературы, посвященной трудовым отношениям в Китае, выявляет несколько ключевых тем. Во-первых, доминирует дискурс о построении «гармоничных трудовых отношений», активно продвигаемый на государственном уровне. Китайские исследователи, такие как Ма Тэн и Ван Сяньсюн, подчеркивают, что трудовая этика рассматривается как важный неправовой регулятор, дополняющий законодательство и способствующий социальной стабильности и экономическому развитию [1, с. 56]. Во-вторых, трудовая этика тесно увязывается с повышением «ключевой конкурентоспособности предприятия». Ся Минъюэ и Ван Сяньсюн утверждают, что этические факторы, в отличие от технологий и систем управления, являются трудновоспроизводимым конкурентным преимуществом, лежащим в основе создания сильного бренда и инновационной культуры [5, с. 79]. В-третьих, несмотря на официальную риторику, многие работы фиксируют серьезные этические проблемы: рыночное мошенничество, низкий уровень дове-

рия, коррупцию, а также несовершенство систем найма и подготовки персонала, что особенно характерно для малых и микропредприятий [4, с. 198]. Хоу Ядань указывает на деструктивные процессы на рынке труда, включая высокий уровень интенсивности труда, значительный разрыв в оплате между городом и селом и слабую социальную защищенность мигрантов.

Исследования трудовой этики в России отражают сложности постсоветского транзита. Ю.Г. Тамбиянц и соавторы, анализируя социально-экономические аспекты трудовых отношений, указывают на сосуществование классового антагонизма (прежде всего, в вопросах оплаты труда) и тенденций корпоративизма [2, с. 138]. При этом российский корпоративизм часто носит специфический характер: он может быть основан не на общих целях развития, а на совместном противостоянии внешним акторам — государственным структурам или крупному бизнесу. Это формирует особый тип солидарности «свой-чужой». Я.Е. Беспалов и А.А. Маланин, применяя модель Р. Льюиса, характеризуют русскую деловую культуру как «полиактивную» — ориентированную на людей, эмоциональную, склонную к неформальному общению и многозадачности, что контрастирует с «реактивной» китайской культурой, где ценятся сдержанность, коллективизм и сохранение «лица» [1, с. 60]. Диссертационное исследование Ян Юнькэ прямо указывает на ключевые различия: в китайских компаниях профсоюзы играют менее значимую роль в разрешении конфликтов, большее внимание уделяется формальным иерархиям, но при этом существует скрытая гендерная дискриминация.

Выявление пробелов. Несмотря на наличие работ по отдельным аспектам трудовых отношений в каждой из стран, ощущается нехватка исследований, которые бы проводили прямое сопоставление глубинных оснований трудовой этики. Существующий пробел заключается в отсутствии синтетической модели, объясняющей, почему в Китае доминирует патерналистско-инструментальный подход к этике, а в России — дуалистическая модель, сочетающая формальное отчуждение с неформальной солидарностью.

Материалы и методы

Настоящее исследование носит теоретико-аналитический характер и базируется на качественных методах анализа. Основными материалами послужили научные публикации российских и китайских авторов, доступные в ведущих наукометрических базах (eLibrary, CyberLeninka), а также переводные академические тексты, отражающие современный научный дискурс в КНР по вопросам трудовой этики.

Методологическую основу исследования составляют:

1. Экономико-социологический подход: Рассмотрение трудовой этики не как набора абстрактных

моральных правил, а как социального института, «встроенного» (embedded) в систему экономических, политических и культурных отношений. Анализируется, как социальные структуры (государство, рынок, корпоративные иерархии) и культурные нормы формируют и ограничивают экономическое поведение работников и работодателей.

2. Сравнительно-исторический метод: Сопоставление моделей трудовой этики в России и Китае проводится с учетом уникальных траекторий их исторического развития и экономических реформ (постсоциалистический переход в РФ и построение «социалистической рыночной экономики» в КНР).
3. Метод анализа и синтеза: Данные из различных источников систематизируются и обобщаются для построения целостных моделей трудовой этики для каждой страны, с последующим выявлением их общих и специфических черт.

Исследование не предполагает проведения собственного эмпирического сбора данных, а является вторичным анализом и теоретическим обобщением уже имеющихся научных результатов, что позволяет сформулировать концептуальные выводы.

Результаты и обсуждение

Анализ показал, что трудовая этика в российских и китайских компаниях формируется под влиянием принципиально разных доминирующих факторов, что порождает две различные, хотя и имеющие некоторые точки соприкосновения, модели.

Китайская модель: Государственно-ориентированная этика «гармонии и конкурентоспособности»

Основой китайской модели является активная роль государства и правящей партии, которые рассматривают трудовую этику как инструмент для достижения макроэкономических и социальных целей: стабильности и глобальной конкурентоспособности. Труд здесь имеет не только экономическое, но и ярко выраженное моральное измерение, будучи обязанностью перед обществом [1, с. 56].

Ключевым понятием выступает «построение гармоничных трудовых отношений». Эта концепция, закреплённая в официальных документах, предполагает сглаживание классовых противоречий и достижение консенсуса между трудом и капиталом ради общей цели — процветания нации и предприятия [1, с. 56]. С точки зрения экономической социологии, это пример целенаправленного социального конструирования, где государство выступает главным модератором.

Эта модель имеет ярко выраженный инструментальный характер. Построение «правильной» трудовой этики, основанной на честности, добросовестности и коллективизме, напрямую связывается с повышением ключевой конкурентоспособности [5, с. 80]. Этические нормы становятся частью брендовой стратегии и элементом корпоративного управления, призванным снизить транзакционные издержки (например, на судебные споры или контроль за персоналом) и стимулировать инновации [5, с. 79].

Однако эта идеальная модель сталкивается с жесткими реалиями рыночной экономики. На практике погоня за сокращением издержек приводит к многочисленным нарушениям этических норм. Исследователи фиксируют широкое распространение рыночного мошенничества, производства контрафакта, коррупции, а также дискриминации при найме и несправедливого распределения ресурсов на обучение персонала [1, с. 58; 4, с. 198]. Особенно остро эти проблемы проявляются в трудоемких отраслях и на предприятиях с участием мигрантов из сельской местности, где наблюдается запредельный уровень эксплуатации при минимальных социальных гарантиях. Таким образом, в Китае наблюдается фундаментальное противоречие между макроуровнем (государственная идеология гармонии) и микроуровнем (жесткая логика максимизации прибыли на конкретных предприятиях).

Российская модель: Дуализм формальных правил и неформальной солидарности

Российская модель трудовой этики сформировалась в условиях слома советской системы и хаотичного становления рыночных отношений. Ее главная особенность — дуализм: сосуществование формальной, часто отчужденной системы трудовых отношений, регулируемой законодательством, и мощного пласта неформальных практик, основанных на личных связях и устных договоренностях.

Если в Китае этика направляется «сверху», то в России она в большей степени формируется «снизу» и «горизонтально». Как показывают исследования, для российской деловой культуры характерна «полиактивность» — ориентация на межличностные отношения, которые зачастую оказываются важнее формальных процедур [1, с. 60].

Экономико-социологический анализ выявляет уникальный феномен, который можно назвать «ситуативным или оппозиционным корпоративизмом». В отличие от классического корпоративизма, где единение достигается ради общих целей развития, в российских компаниях (особенно в малом и среднем бизнесе) солидарность между рядовыми работниками и менеджментом может возникать на почве совместного противостояния

внешнему давлению — со стороны проверяющих государственных органов, недружественных конкурентов или крупного бизнеса [2, с. 139]. В этой ситуации внутренние трудовые конфликты отходят на второй план, и формируется неформальный социальный контракт, основанный на взаимопомощи и лояльности в рамках «своего» коллектива.

Тем не менее, этот корпоративизм не отменяет базового классового антагонизма. Вопросы распределения прибыли и уровня заработной платы остаются основной точкой напряжения [2, с. 137]. Большинство наемных работников считают, что им недоплачивают, в то время как работодатели часто сетуют на низкую трудовую отдачу и отсутствие инициативы. Эта двойственность — сочетание недоверия в вопросах распределения ресурсов и солидарности перед лицом внешней угрозы — является ключевой чертой российской трудовой этики.

Сравнительный анализ

Для наглядного сопоставления двух моделей представим их ключевые характеристики в виде таблиц и схемы.

Таблица 1.

Сравнительная характеристика моделей
трудовой этики

Параметр	Модель в китайских компаниях	Модель в российских компаниях
Основной драйвер	Государственная политика и идеология (макроуровень)	Неформальные социальные практики и ситуационные факторы (микроуровень)
Ключевая цель	Достижение «социальной гармонии» и повышение конкурентоспособности нации	Обеспечение выживаемости и прибыльности компании в сложной внешней среде
Роль формального права	Основополагающая, но часто расходится с практикой	Важная, но часто дополняется или подменяется неформальными договоренностями
Основа солидарности	Идеологический коллективизм, лояльность компании как вклад в общее дело	Ситуативная солидарность против «внешних врагов», личные связи
Основное противоречие	Разрыв между декларируемой «гармонией» и реальной эксплуатацией	Конфликт интересов в распределении доходов при одновременной неформальной кооперации
Культурный тип	«Реактивная» культура (сдержанность, уважение иерархии, сохранение «лица»)	«Полиактивная» культура (эмоциональность, ориентация на людей, гибкость)

Данные, представленные в таблице 1, наглядно демонстрируют фундаментальные различия в генезисе и функционировании трудовой этики в двух странах. Китайская модель характеризуется как централизованная и идеологически нагруженная; государство выступает ключевым актором, формирующим этические нормы «сверху» с целью достижения макроэкономических показателей и социальной стабильности. Это вертикальная, нисходящая модель, где лояльность и коллективизм позиционируются как вклад в общее национальное дело.

Российская модель, напротив, выглядит более децентрализованной и адаптивной. Она формируется «снизу» под давлением внешних обстоятельств, где неформальные связи и ситуативная солидарность коллектива становятся основным механизмом выживания и обеспечения эффективности. Таким образом, если в Китае трудовая этика — это инструмент реализации государственной стратегии, то в России — это скорее инструмент социальной адаптации к институциональной среде, часто враждебной по отношению к экономическим субъектам.

Сравнительный анализ этических проблем, систематизированный в таблице 2, позволяет конкретизировать общие модели и увидеть их проявление в повседневных трудовых практиках. Несмотря на общие для обеих стран вызовы, такие как формальная роль профсоюзов и наличие коррупционных практик, акценты проблемных зон существенно различаются.

Таблица 2.

Сравнение этических проблем в сфере труда

Сфера	Проблемы в китайских компаниях	Проблемы в российских компаниях
Отношения «работник-работодатель»	Интенсивная эксплуатация, сверхурочная работа, низкая автономия работника, патернализм	Недоверие в вопросах оплаты труда, пассивность работников, волюнтаризм руководства, трудовые споры
HR-практики	Дискриминация (гендерная, по происхождению), кумовство, фокус на навыках в ущерб ценностям	Непрозрачность систем мотивации, диспропорции в условиях труда между богатыми и бедными компаниями
Деловая среда	Рыночное мошенничество, производство контрафактной продукции, недостаток честности	Использование административного ресурса, коррупция, враждебность к официальным институтам
Роль профсоюзов	Формальная, слабая роль в защите прав работников	Разнородная, часто формальная, но с потенциалом влияния в отдельных отраслях

Для китайской бизнес-среды более характерны проблемы, связанные с интенсивностью производственного процесса (сверхурочная работа) и нарушением прав в сфере найма (дискриминация), что является обратной стороной форсированного экономического роста. В российских компаниях, в свою очередь, этические дилеммы чаще концентрируются в сфере распределения и справедливости (недоверие к системе оплаты труда) и во взаимодействии с внешней средой, где преобладают неформальные правила игры и использование административного ресурса. Это подтверждает вывод о том, что китайские проблемы проистекают из логики «производство любой ценой», а российские — из логики «выживание в условиях недоверия».

Заключение

Проведенный экономико-социологический анализ показал, что трудовая этика в российских и китайских компаниях представляет собой сложные социальные конструкты, глубоко укорененные в национальных институциональных и культурных матрицах.

В Китае мы наблюдаем патерналистско-инструментальную модель, где этика целенаправленно формируется государством как инструмент обеспечения социального порядка и достижения глобальных экономических целей. Однако высокая степень централизации и идео-

логизации порождает значительный разрыв между официальным дискурсом «гармонии» и реальными практиками на предприятиях, где доминирует жесткая логика извлечения прибыли.

В России сложилась дуалистическая модель, характеризующаяся сосуществованием формальных, часто отчужденных трудовых отношений и развитой системы неформальных практик. Ключевой особенностью является феномен «оппозиционного корпоративизма», когда солидарность внутри коллектива выстраивается не столько на основе общих целей, сколько на основе совместного противодействия внешним вызовам.

С точки зрения экономической социологии, данное сравнение наглядно демонстрирует, что экономическое поведение не является универсальным, а всегда «встроено» в социальный контекст. Роль государства, характер правовой системы, культурные традиции и исторический опыт выступают не просто фоном, а активными факторами, формирующими нормы и ценности в сфере труда. Для практики международного бизнеса это означает, что прямое копирование управленческих моделей без учета этих глубинных различий обречено на провал. Эффективное управление в российско-китайских проектах требует не только знания языка и этикета, но и понимания скрытых социальных механизмов, определяющих мотивацию и поведение людей в трудовом процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспалов, Я.Е. Особенности китайского и русского делового этикета / Я.Е. Беспалов, А.А. Маланин // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 5-4. — С. 58–62.
2. Тамбиянц, Ю.Г. Социально-экономические аспекты трудовых отношений на современных российских предприятиях / Ю.Г. Тамбиянц, А.М. Кушу, М.М. Цыганкова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2021. — № 4-1. — С. 136–140.
3. Хоу, Ядань. Состояние и направления развития трудовых отношений в Китае // Экономика. Профессия. Бизнес. — 2018. — № 2. — С. 54–59.
4. 熊翔. 浅析劳动伦理与小微企业人力资源建设 [Краткий анализ трудовой этики и построения системы управления человеческими ресурсами в малых и микро-предприятиях] / 熊翔 // 财会学习 [Accounting Learning]. — 2016. — № 6. — С. 198–199.
5. 夏明月. 劳动伦理与企业核心竞争力关系之研究 [Исследование взаимосвязи трудовой этики и ключевой конкурентоспособности предприятия] / 夏明月, 王显雄 // 云梦学刊 [Journal of Yunmeng]. — 2015. — Т. 36, № 6. — С. 79–82.
6. Ян, Юнькэ. Особенности организации труда в китайских и российских транснациональных компаниях: экономико-социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Ян Юнькэ. — Санкт-Петербург, 2023. — 26 с.
7. 马腾. 构建企业和谐劳动关系的劳动伦理思考 [Этическое осмысление трудовых отношений в построении гармоничных трудовых отношений на предприятиях] / 马腾, 王显雄 // 湖北广播电视大学学报 [Journal of Hubei Radio & Television University]. — 2016. — Т. 36, № 4. — С. 56–61.

© Хуан Хайпэн (yellowsea98@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ

Abdullaev E. — candidate of legal sciences, Scientific advisor of «Educational systems» LTD, Moscow

Antoshchenko A. — PhD in Law, Vladivostok Branch of the Federal State Educational Institution of Higher Education «Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov»

Artemenko P. — Vladivostok State University

Baramidze S. — Candidate of Legal Sciences, FGBOU VO «Udmurt State University»

Bubnovskaya T. — Candidate of Economic Sciences, Vladivostok State University

Chaikovsky D. — Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy

Chernova L. — Senior Lecturer, Petrozavodsk State University

Ermakov A. — Project manager, Novyi Gorod Group

Garkusha V. — Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin», Krasnodar, Russia

Golikova S. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Sevastopol State University»; Senior Researcher at the Federal State Research Institute «Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation» (Sevastopol Branch)

Grunin A. — Candidate of Law, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Huang Haipeng — Postgraduate student, Saint Petersburg State University

Ivanov Yu. — Postgraduate student, Southwestern State University (Kursk, Russia)

Karmazin A. — Postgraduate student, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN)

Karpov O. — senior lecturer, Vladimir branch of RANEPA

Koryagina I. — PhD in History, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics

OUR AUTHORS

Kurilov S. — graduate student, Autonomous non-profit organization of higher education «Belgorod University of Cooperation, Economics and Law»

Kurovsky S. — Head of the Research Department LLC «Higher School of Education»

Kuznetsova M. — Moscow University of Finance and Law (MFUA)

Litvinenko I. — Researcher at the Center for the Study of Civil Initiatives SBEIHE RC «Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov» (Simferopol)

Markova A. — Moscow State Institute of International Relations (University)

Mishin D. — Head of the Editorial and Publishing Department LLC «Higher School of Education»

Nazarov M. — Doctoral student, Azerbaijan State University of Economics

Orekhova N. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, North-West Institute of Management — branch of RANEPA under the President of the Russian Federation (St. Petersburg)

Platonova E. — Doctor of Economics, Professor, Moscow State Pedagogical University

Prudnikova I. — Senior Lecturer, Moscow State University named after Admiral G.I. Nevelskoy

Ryzhkova E. — Postgraduate Student, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia

Safonov K. — Doctor of Science (Sociology), professor, Tula State University

Savonkina A. — Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skryabin

Semenukha T. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Sevastopol State University; Senior Researcher at the Federal State Research Institution Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Sevastopol Branch)

Shabalina E. — Candidate of Law, Associate Professor Autonomous non-profit organization of Higher Education «Belgorod University of Cooperation, Economics and Law»

Sherstyuk S. — graduate student Autonomous non-profit organization of higher education «Belgorod University of Cooperation, Economics and Law»

Sitkina M. — PhD in Law, Associate Professor, Vladivostok Customs Academy

Skopa V. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Sokolova Zh. — Doctor of Economics, Candidate of Philosophical Sciences, Chief Researcher of the FSBSI FRC AESDRA VNIIESH

Stepanenko D. — Candidate of Economic Science, Candidate of Law Science, Belarusian-Russian University (Mogilev)

Sundukova V. — Candidate of psychological sciences, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Tarasova O. — senior lecturer, Volga State Transport University

Tkachev V. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations (University)

Valyak S. — graduate student, Moscow University for Industry and Finance «Synergy»

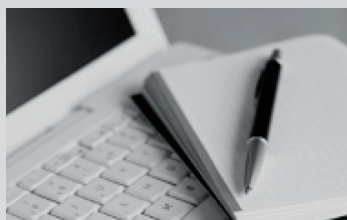
Verezubova N. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skryabin

Voronov A. — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Research Center 4, FGKU «All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia»

Voronova O. — Ph.D., Associate Professor, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

Yakovleva O. — Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skryabin

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ♦ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ♦ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ♦ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ♦ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ♦ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ♦ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ♦ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ♦ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ♦ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ♦ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ♦ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ♦ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ♦ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные — 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).